

КЪ ПОЛУВѢКОВОМУ ЮБИЛЕЮ
ЗАВОЕВАНІЯ РУССКИМИ ТУРКЕСТАНА
1865—1915 г.г.

Дивана-и-Машрабъ

Жизне-описаніе популярнѣйшаго
представителя мистицизма въ
Туркестанскомъ краѣ.

Съ тюркского перевелъ и снабдилъ примѣчаніями
Н. С. ЛЫКОШИНЪ.

Изданіе Самаркандскаго Областнаго Статисти-
ческаго Комитета.

Д б
453

К. Я. Машрабъ

Диваха-и-Машрабъ

Жизне-описание популярнѣйшаго представителя мистицизма въ Туркестанскомъ краѣ.

.....

Съ тюркскаго перевелъ и снабдилъ примѣчаніями
Н. С. ЛЫКОШИНЪ.

—»«—

Изданіе Самаркандскаго Областного Статистическаго Комитета.

К. С. Лыкошинъ

Диваха-и-Машрабъ.

Жизнеописание популярнѣйшаго представителя мистицизма въ
Туркестанскомъ краѣ.

Съ тюркскаго перевелъ и снабдилъ примѣчаніями

Н. С. ЛЫКОШИНЪ.

Нѣсколько словъ отъ переводчика.

Среди представителей мистицизма, наиболѣе популярныхъ у суфіевъ*) Туркестанскаго края, есть особенно близкіе нашему населенію суфійскіе авторы, по происхожденію своему родственные туземцамъ Средней Азіи.

Безспорно, Ходжа Хафизъ и другіе персидскіе поэты мистическаго настроенія оставили міру безсмертныя поэтическія произведенія, съ которыми трудно сравниться произведеніямъ уроженцевъ сравнительно мало-культурной страны, вовсе не подготовленныхъ къ передачѣ мистическаго ученія въ звучныхъ стихахъ. Тѣмъ не менѣе, Туркестанскій святой Хазретъ Султанъ, Наманганскій Дивана—и—Машрабъ, Суфи Аллаяръ и др. уроженцы Туркестанскаго края привлекають къ себѣ среднеазіатскихъ читателей родственностью

*) Суфизмъ—мистическое ученіе; послѣдователи ученія называются „суфл“.

своей, непритязательной удобопонятностью своихъ поэтическихъ образовъ, полной естественностью своего изложенія таинственныхъ, отвлеченныхъ истинъ тариката*).

Между этими, такъ сказать, національными суфійскими авторами рѣзко выдѣляется своею оригинальностью личность Наманганскаго суфія *Дивана—и—Машраба*, который извѣстенъ положительно каждому туркестанскому туземцу, независимо отъ общественнаго его положенія или научной подготовки: большинство туземцевъ частью или полностью читало его произведенія, а неграмотные слышали декламацию его стиховъ..

Однако, совершенно различно относятся къ этому оригинальному мистику различные слои туземнаго общества. Заговорите о Машрабѣ съ неграмотнымъ даже простолюдиномъ и онъ, улыбаясь во весь ротъ, продекламируетъ вамъ нѣсколько строкъ изъ самой скабрёзной, но въ то же время остроумной газали**) Машраба, которую онъ случайно слышалъ въ какомъ-нибудь собраніи отъ грамотныхъ людей и легко запомнилъ, благодаря простотѣ языка и реализму описываемыхъ происшествій изъ жизни чудака—юродиваго.—Стоитъ, напротивъ, заговорить о Машрабѣ съ ученымъ туземцемъ, чтобы услышать о немъ самый презрительный отзывъ, какъ о человѣкѣ, не заслуживающемъ никакого вниманія, самая принадлежность котораго къ числу послѣдователей ислама еще подлежитъ сомнѣнію. Часто даже хорошо знакомый съ произведеніями Машраба ученый туземецъ постарается скрыть это знакомство, отречется, что читалъ этого автора, какъ особенно скромныя барышни подчасъ стѣсняются сознаться, что читали новеллы Боккачіо, или сочиненія Гю и де Мопассана. Отнюдь не скромность въ этомъ случаѣ удерживаетъ муллу отъ чистосердечнаго признанія своего знакомства съ непризнаннымъ святымъ: гордость своею ученостью кладетъ печать молчанія на уста такого знатока мусульманскихъ наукъ и не позволяетъ ему обнаружить, что и онъ когда-то интересовался не одними строго научными сочиненіями, признанными всѣми образованными людьми за чистыя произведенія ума. Въѣдъ поддерживая разговоръ о Машрабѣ, да еще съ русскимъ человѣкомъ, такъ легко ученому туземцу уронить себя въ глазахъ собесѣдника, поставить себя на одну доску съ «аами»—неграмотными неучами, готовыми восхищаться такими грубыми произведеніями, какъ газали Машраба.

И муллы наши правы по своему въ своемъ пренебреженіи къ лич-

*) Тарикать—одна изъ степеней знанія (тарикъ—путь); извѣстны три степени знанія—шаріать, тарикать и хакикать.

**) Газаль она изъ формъ стихосложенія.

ности и произведеніямъ Машраба. Никому столько не досадила онъ при жизни, какъ именно аристократамъ мусульманской схоластики, своего рода фарисеямъ Ислама, всю силу закона полагающимъ въ его буквѣ, и считающимъ, что вѣра состоитъ въ исполненіи мелочныхъ религіозныхъ обрядностей. Не за что и любить мулламъ Машраба, когда онъ, при всякомъ удобномъ случаѣ, обличалъ ихъ формально-эгоистическое отношеніе къ религіи и безстыднѣйшимъ образомъ издѣвался надъ ихъ ханжествомъ и претензіями на непогрѣшимость среди исповѣдниковъ Ислама. Зато для простого народа, менѣе ученаго сословія, задумывающагося надъ мелочами религіозныхъ обрядностей и, въ свою очередь, немного иронически относящагося къ своимъ руководителямъ—носителямъ большихъ тюрбановъ, гордымъ своею ученостію, иногда весьма сомнительною,—личность Машраба кажется «своимъ братомъ», а его произведенія являются чтеніемъ совершенно понятнымъ и соотвѣтствующимъ вкусу простого народа.

Сами послѣдователи суфійскаго ученія, наши ишаны и ихъ муриды и тѣ не одинаково относятся къ Дивану—и—Машрабу. Казалосьбы среди мистиковъ, проповѣдывающихъ равенство всѣхъ передъ Богомъ, мечтающихъ о религіозномъ экстазѣ и самопоглощеніи въ Богѣ, не долженъ былъ бы встрѣтить критическаго къ себѣ отношенія восторженный, опьяненный поклонникъ Бога только за то, что мысли свои онъ не облакалъ въ красивую оболочку персидскихъ стиховъ, а говорилъ съ народомъ простымъ, понятнымъ каждому языкомъ, но въ дѣйствительности и въ рядахъ суфіевъ, по отношенію къ Машрабу, наблюдается расколъ: малочисленные аристократы—противъ него, а преобладающая чернь—за Машраба.

Высокопоставленный популярный ишанъ, своей пропагандой суфизма успѣвшій обезпечить свое благосостояніе и дорожащій своей важностью среди ученыхъ туземцевъ, охотно примкнетъ къ осужденію Машраба учеными и поклонниковъ этого учителя простоты и искренности можно встрѣтить лишь между обдѣленными на жизненномъ пиру дервишами изъ бѣднѣйшихъ членовъ ордена «джагріа-кадріа» и среди календарей (странствующихъ, нищенствующихъ монаховъ), охотно декламирующихъ его стихи на своихъ радніяхъ.

Несмотря на пренебрежительное отношеніе къ Машрабу ученаго сословія нашихъ туземцевъ, популярность его настолько велика, а жизнь и произведенія его настолько своеобразны, что неоднократно въ литературѣ встрѣчались пожеланія ближе ознакомиться съ этимъ оригинальнымъ средне-азіатскимъ мыслителемъ, чистымъ представителемъ идеи самоотреченія.

Такъ въ № 88 «Турк. Вѣд.» за 1896 годъ Г. Л. К. Ю. въ своихъ «Маргеланскихъ письмахъ» прямо указываетъ на необходимость ознакомленія русской читающей публики съ сочиненіями и личностью Машраба, и приводитъ слова проф. Н. И. Веселовскаго по тому же вопросу изъ книги «Восточныя замѣтки», изданной въ Петроградѣ въ 1895 году. Профессоръ Веселовскій въ вышеназванной книгѣ (см. примѣчаніе 3 на стр. 325) говоритъ слѣдующее: «Дивана Машрабъ, острякъ и циникъ, очень популяренъ въ Средней Азіи. Есть сборники его изрѣченій и поученій самаго скабрёзнаго содержания. Личность эта, по нашему мнѣнію, заслуживаетъ глубокаго вниманія и серьёзнаго изученія, какъ примѣръ былого свободомыслія въ рѣшеніи разныхъ религіозныхъ вопросовъ, и какъ продуктъ умственной жизни народа до узбекскаго завоеванія*). Дивана постоянно велъ споры съ туземными богословами и всегда одерживалъ надъ ними верхъ».

Вотъ причина, ближайшимъ образомъ повліявшая на рѣшеніе переводчика приняться за передачу на русскомъ языкѣ произведеній Дивана—и—Машраба.

Въ моемъ распоряженіи было 2 литографированныхъ ташкентскихъ изданія соч. Машраба 1896 и 1899 годовъ и любезно представленная въ мое распоряженіе Н. П. Остроумовымъ рукопись.

Кромѣ того, по совѣту В. П. Наливкина, я ознакомился и съ сочиненіемъ «Мабда-и-нуръ», принадлежащимъ перу Машраба и заключающимъ въ стихотворной формѣ рядъ нравоучительныхъ разсказовъ, а относительно собранія біографическихъ свѣдѣній о жизни Дивана—и—Машраба обратился къ моему знакомому народному судѣ гор. Чуста, Наманганскаго уѣзда, Дамулла Масъуду Магзумъ Дамулла Мухаммадъ Мурадъ Казыкалянову, который по моей просьбѣ собралъ совмѣстно съ сыномъ Шейхъ-уль-ислама Надымомъ нѣкоторыя біографическія свѣдѣнія объ интересующемъ меня Машрабѣ и прислалъ мнѣ ихъ.

На основаніи всѣхъ этихъ данныхъ постараюсь вкратцѣ изложить жизнеописаніе Дивана—и—Машраба, чтобы ознакомить читателя съ событіями въ жизни этого юродливаго, прежде чѣмъ приступить къ изложенію въ русскомъ переводѣ стихотворныхъ описаній восторженнаго состоянія «Дивана и Машраба» въ разныхъ случаяхъ его скитальческой, обильной приключеніями жизни.

*) Не можемъ не отмѣтить ошибки Н. И. Веселовскаго: отъ завоеванія Ферганы узбеками до періода дѣятельности Машраба протекло почти два вѣка и періодъ этого поэтому нельзя считать до—узбекскимъ.

Приступивъ затѣмъ къ переводу жизнеописанія Машраба и его стиховъ, я вскорѣ убѣдился, что наставникъ Машраба, кашгарскій святой Афакъ Ходжа имѣлъ такое большое вліяніе на Машраба, что невозможно изучать творенія Машраба, не ознакомившись хотя отчасти и съ личностью его «пира».

Кашгарскій генеральный консулъ и извѣстный оріенталистъ, нынѣ покойный, Н. Ѳ. Петровскій указалъ мнѣ на проживающаго въ Маргеланскомъ уѣздѣ потомка Афакъ Ходжи и войдя въ сношенія съ Саидъ Мухаммадомъ Хакимъ Ханъ Тура Катта-Тураевымъ, я получилъ и съ него справку о жизни и дѣятельности его знаменитаго предка Афакъ-Ходжи.

Приступая къ изложенію жизнеописанія Машраба, Наманганскіе его біографы, въ подлинной рукописи, предпосылаютъ своему труду слѣдующее величаніе: «Высокопочтенный, высокона-реченный, царь-птица неба милости, полный мѣсяцъ въ апогеѣ святости, съ момента своего рожденія сдѣлавшійся «каляндаромъ»*), *Машрабъ***), птица *Си Муригъ****), летающая высоко въ просторѣ любви, волна моря знанія, жемчужина изъ морян истины, глаза круга Наманганскихъ святыхъ, Туранскій святой, *Ша-Машрабъ*—извѣстенъ

*) КАЛЯНДАРАМИ называются странствующие и нищенствующие дервиши, отличающіеся отъ прочихъ своеобразнымъ нарядомъ, спшитымъ изъ лоскутовъ разноцвѣтныхъ матерій. На головѣ такого дервиша всегда можно видѣть остроконечную шапку („кулляхъ“), а на поясѣ дервишъ носитъ особенную, сдѣланную изъ кокосоваго орѣха чашку для сбора подаяній. Дервиши эти живутъ общинами, подъ начальствомъ одно „тури“, которому отдаютъ собранную милостыню, получая отъ него взаменъ все необходимое для существованія. Сборъ въ пользу „каляндарей“ вошелъ въ обычай и сборщики, по четвергамъ, обходятъ съ пѣснями базары, получая отъ торговцевъ пожертвованія въ пользу общины. Кромѣ того, тѣмъже дервишамъ предоставляется дѣлать въ пользу общины и сборъ „талабъ“ въ праздникъ Рамазана, въ соборной мечети. Такой сборъ въ мечети „Джамъ“, въ старомъ Ташкентѣ мнѣ удалось наблюдать въ 1894 году и я описалъ этотъ обычай въ газетѣ „Окраина“. Въ пользу нищенствующихъ дервишей тогда при мнѣ въ нѣсколько минутъ прихожане мечети сложили довольно большую горку мѣдныхъ монетъ.

**) Мѣсто вышивки, трактиръ.

***) Птица САМРАКЪ (книжк. Симургъ)—баспословная птица, вродѣ древняго феникса, живетъ обыкновенно на Кафъ-горѣ, т. е. на Кавказѣ, имѣетъ очень большое тѣло и обладаетъ разумомъ и даромъ слова. Симургъ извѣстна подъ этимъ названіемъ у персовъ, а отъ нихъ это названіе перешло и къ разнымъ тюркскимъ народамъ—татарамъ, бакирамъ, киргизамъ, которымъ, по требованію своей фонетики, нѣсколько измѣнили звуковой составъ слова: самрау, самракъ, самрукъ и замуракъ. У арабовъ птица эта извѣстна подъ названіемъ „анко“, что означаетъ птицу съ длинной шеей. Такъ объясняется это слово въ употребительномъ въ мусульманскихъ школахъ словарѣ „Гыясъ-уль-лугатъ“ и въ европейскомъ, арабско-французскомъ сло-

подъ этимъ прозвищемъ, а настоящее имя его *Баба-Рахимъ*; его восторженное поклоненіе Богу и чудеса уподобили его *Увайсу**).

Въ городѣ Наманганѣ, близъ большого базара, посреди города въ кварталѣ Маддаханѣ**) и въ каландарханѣ***) Машрабъ, въ 550 шагахъ отъ могилы Базаръ-Ахунда находятся и въ настоящее время слѣды дома, гдѣ родился Ша-Машрабъ.

Это мѣсто огорожено заборомъ, изъ глины возведена сводчатая постройка съ куполомъ, а передъ ней сдѣланъ тоже сводчатый входъ.

Такимъ образомъ обозначено мѣсто рожденія Ша-Машраба и каландаръ-хана его имени пользуется всеобщей извѣстностью. Ша-Машрабъ не былъ женатъ****) и потомства по себѣ не оставилъ, но

варѣ Казимірскаго. Подъ этимъ именемъ „анко“ упоминается и въ арабскомъ сборникѣ басенъ „Калиля и Димна“. Казимірскій относитъ эту птицу къ роду грифоновъ, что совершенно правдоподобно. Персидское названіе этой птицы „Симургъ“ означаетъ, по моему предположенію, СЕРЕБРИСТУЮ ПТИЦУ (симъ—серебро и мургъ—птица—симмургъ, симургъ), птицу, имѣющую красивое опереніе. Въ разныхъ мусульманскихъ книгахъ и словаряхъ объ этой птицѣ разсказывается, что она имѣетъ столь огромные размѣры, что когда распускаетъ свои крылья, то закрываетъ солнечный свѣтъ и производитъ тѣнь. На ея перьяхъ есть окраска всѣхъ цвѣтовъ всѣхъ птицъ міра, а на шеѣ ея бѣлая полоска въ видѣ ожерелья. Сила ея такова, что она можетъ унести верблюда или слона. Въ нѣкоторыхъ книгахъ говорится, что она имѣетъ человѣческое лицо и даже четыре ноги, но послѣдняя черта, по очевидной своей несообразности, отрицается въ другихъ книгахъ. За то общее вѣрованіе мусульманъ приписываетъ этой птицѣ способность говорить. Въ сочиненіи Мантаку-таиръ“ разсказывается, что когда въ древнія времена всѣ сотворенныя Богомъ птицы собрались выбрать себѣ царя, то, послѣ долгихъ разсужденій и споровъ, птица удавъ (Коранъ гл. 27, ст. 20—28) указала на птицу Симургъ, живущую на горѣ (Кавказскія горы). Остроумовъ „Сарты“ в. II стр. 70 и 171. Н. Маллицкій „Окраина“ 1897 года статья „Рай и Адъ по повѣрію мусульманъ“.

Въ книгѣ „Садъ хикоятъ“ (сто разсказовъ) про Симургъ или Анко говорится между прочимъ, что богатырь Самъ, заподозрѣвъ, что сынъ его Заль, имѣвшій совершенно бѣлые волосы—незаконнорожденный, отдалъ его на воспитаніе птицѣ Анко и помѣстилъ въ ея гнѣздо, находившееся въ тѣ времена на горѣ Баразъ.

*) Увайси-Карани извѣстный мистикъ первыхъ вѣковъ ислама.

**) Маддахъ—уличный игонувѣдникъ, названіе квартала, вѣроятно, происходитъ отъ первоначально засѣлявшихъ его маддаховъ, подобно тому, напримѣръ, какъ въ старомъ Ташкентѣ существуютъ кварталы: Игарчи (сѣдельникъ), Махсыдузликъ (сапожникъ) и т. д.

***). Каландархана—помѣщеніе общины дервѣшей—каландарей (см. примѣчаніе выше). Эти помѣщенія обслуживаютъ пришлое населеніе городовъ и какъ страннопріемные дома, гдѣ бѣдняки находятъ не только пріютъ, но и продовольствіе, пока не устроятся иначе.

****) Причина почему Машрабъ и не могъ быть женатъ приведена въ статьѣ Н. Пантусова, напечатанной въ протоколахъ Туркестанскаго кружка любителей археологій годъ V, 1899—1900 стр. 24, здѣсь, изъ скромности приходится опустить эти подробности, описанные также и въ жизнеописаніи Машраба.

отъ сестры его есть потомки, а именно Нуръ Мухаммадъ Хаджи, Ингамъ-Хаджи и у нихъ нѣсколько человѣкъ дѣтей.

Извѣстно, что Ша-Машрабъ родился въ 1050 г. хиджры (1640 по Р. Х.), но въ какомъ возрастѣ онъ перешелъ въ лучший міръ,—этого никто не знаетъ.

Когда мальчикъ окончилъ курсъ обученія въ первоначальной школѣ, отецъ отвелъ Ша-Машраба къ Дамулла—Базаръ Ахунду, жизнеописаніе котораго изложено ниже, и поручилъ его заботамъ съ цѣлью преподаванія мальчику суфійскихъ наукъ.

Черезъ нѣсколько лѣтъ Дамулла Базаръ Ахундъ объявилъ Ша-Машрабу, что окончательно завершить свое образованіе онъ долженъ подъ руководствомъ жившаго въ то время въ Кашгарѣ святого міра, изъ рода Магзумъ-и-Агзама, *Хазретъ Афакъ-Ходжи*.

— Много знаній ты пріобрѣтешь отъ святого, постигнешъ въ совершенствѣ тайны суфизма, но потомъ, задумавъ посѣтить Балхъ, ты покинешъ своего наставника. Побываешь ты въ Бухарѣ, затѣмъ придешь въ Балхъ и здѣсь отъ руки Махмуда погибнешъ мученической смертью—будешь повѣшенъ, какъ Мансуръ Халладжъ*), въ мѣстности Арпамушъ**). Испытывая восторженную любовь къ Богу, радостный, счастливый ты удостоишься славы мученика. Въ такихъ словахъ предсказалъ Дамулла Базаръ Ахундъ своему ученику всю его жизнь, когда отпускалъ его въ Кашгаръ къ Афакъ-Ходжѣ.

Исполняя повелѣніе своего наставника, Ша-Машрабъ, испросивъ разрѣшеніе матери и сестры своей (такъ какъ въ это время отецъ Машраба уже скончался), отправился въ Кашгаръ.

Нѣсколько лѣтъ Ша Машрабъ прожилъ у Афакъ Ходжи, учился у него и наконецъ получилъ разрѣшеніе наставника посѣтить Наманганъ. Здѣсь онъ повидался съ матерью своей и сестрой и, съ ихъ согласія, отправился въ Балхъ. По пути Машрабъ побывалъ въ Бухарѣ, гдѣ въ извѣстномъ мадраса Кукалдашъ***), подъ руководствомъ извѣстнаго ученаго Мавляна и Шарифа, изучилъ книгу «*Мушхадъ—и—Шарифъ*», содержащую собраніе «Хадисовъ», или преданій о жизни Мухаммада. Затѣмъ Ша-Машрабъ отправился

*) Мансуръ Халладжъ—восторженный мистикъ, казненный за то, что позволилъ себѣ публично провозгласить „ахъ-аль-хаккъ“ т. е. „я есмь истина“, что учеными богословами принято было за богохульство, а на самомъ дѣлѣ обозначало лишь убѣжденіе мистика въ томъ, что онъ достигъ вышей степени духовнаго совершенства и всѣмъ своимъ существомъ соединился съ Богомъ

**) Въ сочиненіяхъ Машраба мѣсто его погребенія, близъ Балха, называется Ипканмишъ.

***) Существуетъ и нынѣ подъ тѣмъ же названіемъ.

въ Балхъ, гдѣ и былъ казненъ, какъ ему предсказалъ учитель Мулла Базаръ-Ахундъ.

Могила Ша-Машраба находится въ Балхѣ въ мѣстности Арпамушъ.

Вышеприведенными краткими чертами набросанъ очеркъ жизнеописанія Ша-Машраба по свѣдѣніямъ, сохранившимся о немъ на его родинѣ, въ гор. Наманганъ. Въ предлагаемомъ сочиненіи жизнь Машраба описана значительно полнѣе и біографическія подробности чередуются тамъ со стихами мистическаго восторженнаго содержанія, произнесенными Ша-Машрабомъ въ различныхъ обстоятельствахъ его скитальческой жизни, отчасти на тему о просходившихъ съ нимъ приключеніяхъ. Однако я долженъ оговориться, что упоминаемыя въ этомъ сочиненіи историческія лица, какъ современники Машраба, жили задолго до него или послѣ него. Ограничиваясь на сей разъ тѣми свѣдѣніями о Машрабѣ, какія удалось добыть отъ его земляковъ, я перейду къ жизнеописанію перваго учителя его Дамулла Базаръ Ахунда.

Дамулла Масъудъ-Казы такъ излагаетъ эту біографію: «Солнце восторжественной любви, полная луна неба знанія, жемчужина моря хакиката*), соловей сада науки, источникъ мудрости, одинъ изъ позднѣйшихъ святыхъ Наманганскій святой, восторженный поклонникъ Бога, прославившійся своими чудесами Дамулла Базаръ-Ахундъ (милость Божія ему), какъ видно изъ его родословной, происходилъ отъ Мухаммада Хапафіи, сына Алія (милость Божія на лицѣ его) и такимъ образомъ, предокъ его Алій, Левъ Божій. Отецъ святого былъ Султанъ Мухаммадъ Ханъ, сынъ Бабуръ-Карахана, а предки его въ восходящей линіи слѣдующіе: отецъ Бабуръ-Карахана-Кабыль-Караханъ, Гадай-Караханъ, Султанъ-Караханъ, Санджаръ-Караханъ, Джихадъ-Караханъ, Джамаль-Караханъ, Чагыръ-Караханъ, Мансуръ-Караханъ, Ауліе-Караханъ, Бузаръ-Караханъ, Клычъ-Караханъ, Абду-Маннанъ-Ханъ, Абду Паттахъ-Ханъ.

Настоящее имя святого было Ходжа Убйадулла, но болѣе извѣстенъ онъ подъ именемъ Падша-Ходжа Дамулла Базаръ-Ахунда, неисчислимы его достоинства и чудеса. Любовь къ Богу этого святого была такъ сильна, что каждый разъ какъ онъ произносилъ зикръ**), изъ устъ его вылетало пламя и всѣ присутствующіе видѣли свѣтъ

*) Высшая ступень суфійскаго совершенства, когда человѣкъ раскрываетъ сущность и цѣль жизни, постигаетъ сущность всѣхъ вещей.

**) Зикръ, буквально—прознесеніе. Такъ называются общія радѣнія дервишей, заключающіяся въ выкрикиваніи различныхъ свойствъ Божіихъ съ цѣлью доведенія себя до экстатического самозабвенія.

огня.—Отецъ Базаръ Ахунда прежде находился при Хазретъ Султанъ Ахмадъ Яссави, Туркестанскомъ святомъ, но впослѣдствіи, удалившись отъ этого наставника*), онъ перешелъ въ окрестности города Коканда, гдѣ и жилъ нѣкоторое время. Далѣе онъ переселился въ Наманганъ, гдѣ женился и имѣлъ двухъ сыновей. Одинъ изъ нихъ, высокопочтенный Дамулла Базаръ Ахундъ (милость Божія ему), а другой Хазретъ Алимъ-ходжа. Когда отецъ Дамулла Базаръ Ахунда скончался въ Наманганѣ, его мѣсто занялъ его сынъ Дамулла Базаръ Ахундъ. Въ Бухарѣ въ это время жилъ Мирза Багадуръ Бухари (милость Божія ему) и Дамулла Базаръ Ахундъ получилъ отъ этого наставника посвященіе (иршадъ-намá). Въ настоящее время могилу Дамулла Базаръ Ахунда можно видѣть въ городѣ Наманганѣ, среди города, въ кварталѣ Чиль-гизоръ, а подлѣ находится могила его отца Султана Махмудъ-хана. Покойный Дамулла Базаръ Ахундъ умеръ холостымъ, но его братъ Алимъ-ходжа, по смерти Ахунда занявшій его мѣсто среди учениковъ, оставилъ послѣ себя потомковъ, которые и живутъ нынѣ въ домѣ, принадлежавшемъ нѣкогда Дамулла Базаръ Ахунду. Эти потомки слѣдующіе: Атаулла Ходжа, Катта Ходжа, Хамра Ходжа и Падша Ходжа. Домъ Дамулла Базаръ Ахунда находится въ шагахъ 200 отъ могилы его и его отца. Святой скончался 241 годъ тому назадъ. Тарихъ хронограмма года его смерти заключается въ стихахъ: Душа моя пожелала узнать годъ смерти Дамулла Базаръ Ахунда и послышался голосъ невидимаго: «соловей покинулъ садъ науки». Переводя буквы послѣдней фразы, заключенной въ кавычки, на цифры, получаемъ: «бульбуль бирафтъ азъ баги ильмъ».

$$\frac{б}{2} \quad \frac{а}{1} \quad \frac{г}{1000} \quad \frac{айнъ}{70} \quad \frac{л}{30} \quad \frac{м}{40} = 1143$$

Если изъ этого числа вычесть сумму цифръ, соответствующихъ слову «буль—буль» (—64), такъ какъ соловей покинулъ садъ науки, то выйдетъ 1079, что и обозначаетъ годъ смерти Дамулла Базаръ Ахунда—1668 г. по Р. Х., 241 годъ тому назадъ.

О жизни Хазретъ Афакъ-Ходжи у его потомковъ Маргеланскаго уѣзда имѣются слѣдующія свѣдѣнія: настоящее имя Кашгарскаго святого было Хазретъ Ходжа Хидаятулла Ходжамъ, а прозвище (лякабъ) Афакъ Ходжа упрочилось за нимъ вслѣдствіе того, что ученики стекались къ нему со всѣхъ сторонъ, а слово «Афакъ» обозначаетъ понятие—окружность, окрестность, на языкѣ Кашгар-

*) Тутъ явная неправда, такъ какъ Ахмадъ Яссави жилъ за пять столѣтій до Машраба.

скихъ сартовъ. Родословная Афакъ Ходжи восходитъ до временъ Мухаммада, именно: у дочери пророка Фитимы отъ Алія былъ сынъ Аби-Талибъ. Отъ него, послѣдовательно, родословіе называется: Имама Хусейна, Имама Зайнуль-Абиддина, Хазретъ Мухаммадъ Имамъ Бақыра, Имама Джагфаръ Садыка, Имама Мусы Казыма Хазретъ, Имама Али Мусы, Имамъ Мухаммадъ Таккы, Имама Мухаммада Наккы, Имама Хасачуль-Аскари, Саидъ Талиба, Саидъ Абдулла Араджъ, Саидъ Абдулла Афзаль, Саидъ Абдулла, Хазретъ Саидъ Ахмада, Хазретъ Саидъ Мухаммада, Хазретъ Ша-Хусайнъ, Хазретъ Ша-Хасанъ, Хазретъ Саидъ Джалалиддинъ, Хазретъ Саидъ Камалиддинъ, Хазретъ Саидъ Бурханиддини—Клычъ, Хазретъ Саидъ Миръ Мухаммадъ Дивана, Хазретъ Саидъ Джалалиддинъ Касани, Хазретъ Саидъ Миръ Ахмадъ Ходжаги (извѣстный болѣе подъ именемъ Махзумъ-Агзама), Хазретъ Ходжа Мухаммадъ Амнинъ Ходжамъ, Хазретъ Мухаммадъ Юсуфъ Ходжамъ и его сынъ *Хазретъ Ходжа Хидаятулла*, по прозванію Хазретъ Афакъ Ходжа. Отецъ Афакъ-Ходжи Мухаммадъ Юсуфъ Ходжа погребенъ въ Кашгарѣ, въ мѣстности Артушъ. У него было всего три сына и двѣ дочери. Старшій сынъ Ходжа Хидаятулла (по прозванію Афакъ-Ходжа), 2-й Ходжа Инаятулла, и 3-й Ходжа Кинаятулла (по прозванію Ходжа Караматулла). Самъ Афакъ-Ходжа родился въ селеніи Дагбитъ, Самаркандскаго уѣзда и, когда ему исполнилось 5 лѣтъ, онъ вмѣстѣ съ отцомъ своимъ отправился въ Кашгарію и долго путешествовалъ по городамъ Яркендъ, Кашгаръ, Алты-шааръ, гдѣ отецъ его Юсуфъ Ходжа наставлялъ народъ въ правилахъ вѣры. Наконецъ, Ходжа Мухаммадъ Юсуфъ-Ходжа, придя изъ Яркенда въ область Янги Гиссаръ, заболѣлъ тамъ и умеръ. Тѣло его перевезли въ Кашгаръ въ 1063 году хиджры (1652 по Р. Х.) и похоронили въ мѣстности Ягду. Родился Юсуфъ Ходжа въ 1000 году хиджры (1591 по Р. Х.). Еще при жизни Юсуфъ Ходжа научилъ своего сына богопочитанію и обрядностямъ религіи и далъ ему разрѣшеніе занять его мѣсто послѣ его смерти. Афакъ Ходжа предался уединенію и молитвѣ. Первой его заботой было стараться скрыть отъ окружающихъ свое достоинство и значеніе. Афакъ Ходжа изучилъ всѣ науки точныя и отвлеченныя, а изъ чудесъ его можно указать на слѣдующее: Яркендъ и Кашгаръ принадлежали въ то время Абдулла-Хану*) и царь этотъ имѣлъ обыкновеніе обращаться къ окружающимъ за разрѣшеніемъ интересовавшихъ его научныхъ во-

*) Абдулла-ханъ умеръ въ 1006 г., слѣдовательно задолго до рожденія Афакъ Ходжи.

просовъ. Однажды онъ затруднился объяснить смыслъ двухъ стиховъ Ходжа Хафиза и объявилъ, что онъ слѣдается «муридомъ»*) того, кто сумѣетъ разъяснить ему это двустигіе. Никто изъ находившихся при дворѣ ученыхъ не могъ объяснить хану смыслъ заинтересовавшихъ его стиховъ Ходжа Хафиза, но здѣсь же среди прислуги нашлись люди, посѣщавшіе собранія у Афакъ Ходжи и учившіеся у него ранѣ поступленія на службу къ Абдулла-хану. Эти люди рассказали Абдулла-хану о своемъ учителѣ и ханъ приказалъ доставить Афакъ-Ходжу къ своему двору въ надеждѣ, что можетъ-быть онъ въ состояніи будетъ разъяснить смыслъ двустигіи. Одинъ изъ слугъ отправился къ Афакъ-Ходжѣ и просилъ его пойти съ нимъ къ царю, что святой и исполнилъ, желая избавиться отъ затрудненія придворныхъ ученыхъ. Абдулла ханъ встрѣтилъ съ почетомъ Афакъ-Ходжу и просилъ его занять мѣсто выше всѣхъ ученыхъ и высокопоставленныхъ лицъ. Когда угощеніе было окончено, ханъ почтительно просилъ Афакъ-Ходжу дать толкованіе на два слѣдующіе стиха Ходжа Хафиза: «Та зимай-хана дами, нами нишанъ хогадъ-будъ», «Сари мо хаки раги пири муганъ хогадъ-будъ». Буквально эти стихи слѣдуетъ перевести съ персидскаго такъ: «до тѣхъ поръ, пока отъ трактира одинъ мигъ имя или знакъ будетъ существовать, голова моя пусть будетъ прахомъ на пути трактирщика», но слово «дами» затрудняетъ объясненіе смысла всего двустигіи, очевидно, имѣющаго мистически-аллегорическое значеніе. Афакъ-Ходжа, выслушавъ стихи, тотчасъ-же понялъ ихъ смыслъ и указалъ ошибку въ чтеніи двустигіи, а именно, замѣны буквы «вау» буквою «далъ», въ словѣ «дами» и установилъ правильное чтеніе «ва май», вмѣсто «дами». Это исправленіе измѣнило смыслъ перваго стиха, и въ этой редакціи его надлежало переводить: «до тѣхъ поръ пока останется какой-нибудь признакъ или слѣдъ отъ трактира, или вина (май), голова моя пусть будетъ прахомъ на пути трактирщика. Исправивъ редакцію и давъ вѣрный переводъ двустигіи, Афакъ-Ходжа объявилъ Абдулла-хану, что подъ словомъ трактиръ слѣдуетъ понимать настоящій тѣлнный міръ, трактирщикъ, это Мухаммадъ, а вино—это слово Божіе. Поэтому смыслъ двустигіи Ходжа Хафиза тотъ, что пока отъ слова Божія въ мірѣ останется хоть какой-нибудь признакъ, или слѣдъ въ мірѣ, голова вѣрующаго должна покоиться въ прахѣ у ногъ пророка и провозвѣстника слова Божія. Я самъ брожу въ мірѣ съ единственной цѣлью

*) Муридами называются послѣдователи ишана, его ученики, по отношенію къ нимъ онъ носитъ названіе муршидъ.

удостоиться лицезрѣнія пророка, но знаю, что это желаніе мое не можетъ исполниться, такъ заключилъ Афакъ-Ходжа свое поученіе. Абдулла ханъ пришелъ въ восторгъ, почтительно взялъ руку Афакъ-Ходжи и провелъ ею по своимъ глазамъ въ знакъ того, что онъ съ этого момента вступаетъ въ число муридовъ святого. Всѣ ученые, придворные и весь народъ въ тоже время сдѣлались муридами Афакъ-Ходжи, слѣдуя примѣру своего Государя. Когда чудеса и величіе Афакъ-Ходжи сдѣлались извѣстны міру, его значеніе стало увеличиваться съ каждымъ днемъ. Въ средѣ послѣдователей ученія ордена Накшбандіа Афакъ-Ходжа достигъ самыхъ высокихъ степеней и подавалъ наставленія всѣмъ восторженнымъ ученикамъ своимъ, приходившимъ къ нему со всѣхъ сторонъ и прозавшимъ его Афакомъ. Ежедневно, въ уединенномъ помѣщеніи для молитвы, въ домѣ Афакъ-Ходжи собиралось до 2000 человекъ, терявшихъ сознаніе отъ восторга. Они собирались въ кругъ на радѣнія, какъ бабочки стремятся къ свѣту. Они падали на то мѣсто, гдѣ ступилъ ногой ихъ руководитель, глаза свои прикладывали къ ногамъ наставника, въ опьяненіи проводили они такъ время. Нѣкоторые, утопая въ рѣкѣ отреченія, совершенно чуждались міра и его утѣхъ, а самъ Афакъ-Ходжа ежедневно довольствовался только тремя глотками пищи и всю жизнь свою соблюдалъ дневной постъ «руза», предписанный прочимъ мусульманамъ только на одинъ мѣсяцъ въ году. Послѣ радѣнія въ кругу дервишей Афакъ-Ходжа объяснялъ желающимъ содержаніе книги Маснави-Шарифъ, сопровождая объясненіе своими глубокомысленными наставленіями. Когда радѣвшіе въ кругу доходили до состоянія восторга, въ радѣніи принимали участіе звѣри и птицы, а посѣщавшіе такія собранія прокаженные, слѣпые, разбитые параличемъ и разные другіе больные исцѣлялись отъ дыханія наставника. Каждый день вечеромъ послѣ принятаго у суфіевъ дополнительнаго намаза «чаштъ» (около 9 ч. вечера) всѣ собравшіеся у Афакъ-Ходжи 2—3 тысячи человекъ получали пищу въ его столовой и хвалили Бога.

Самъ Афакъ-Ходжа былъ одинаково милостивъ ко всѣмъ бѣднымъ несчастнымъ, нищимъ и безумнымъ, всѣхъ онъ старался успокоить и утѣшить, никому не причиняя огорченія. Богъ послалъ Афакъ-Ходжѣ четырехъ сыновей: Ходжа Яхъя Ходжа, (по прозванію Ханъ-Ходжа падша), Ходжа Хасанъ-Ходжа, Ходжа Абдусаматъ-Ходжа и Ходжа Магди-Ходжа. Ходжа Яхъя былъ старшій сынъ и болѣе другихъ отличался склонностью къ уединенію и аскетизму. Все время проводилъ онъ подлѣ великаго отца своего и

поучался у него суфизму (тасауфъ). Вскорѣ Яхъя Ходжа достигъ степени шейха и Афакъ-Ходжа сдѣлалъ его своимъ преемникомъ. Въ 1105 году хиджры (1693 по Р. Х.). Хазретъ Афакъ Ходжа заболѣлъ и умеръ въ Яркендѣ, а Ходжа Яхъя занялъ его мѣсто среди учениковъ. Тѣло Афакъ Ходжи перенесли въ Кашгаръ и похоронили въ мѣстности Ягду, гдѣ погребенъ отецъ его Ходжа Мухаммадъ Юсуфъ Ходжа. Черезъ шесть мѣсяцевъ скончался и Яхъя Ходжа (по прозванію Ходжа падша). Хазретъ Афакъ Ходжа, при жизни, очень много времени и силъ отдалъ постройкѣ великолѣпныхъ мечетей и зданій для дервишескихъ радѣній. Онъ разбилъ великолѣпный садъ, пріобрѣлъ очень много земли и всѣ свои недвижимости завѣщалъ бѣднымъ, установивъ въ пользу неимущихъ вакфъ и назначивъ распорядителей этихъ имѣній изъ своихъ потомковъ. Гробница Афакъ Ходжи въ Кашгарѣ и до нашихъ дней служитъ мѣстомъ поклоненія благочестивыхъ паломниковъ.

Дивана-и-Машрабъ.

Дѣтство и отрочество Машраба.

Во имя Бога, милостиваго, милосердаго! Слава Богу, Господу міровъ, молитва и привѣтствіе да будутъ ниспосланы пророку Мухаммаду, его домочадцамъ и лицезрѣвшимъ его.

Разъясняющіе истину приводятъ, что Ша-Машрабъ, уже во время зачатія во чревѣ своей матери, будучи еще зародышемъ, былъ уже святымъ. Происходилъ онъ изъ Намангана*). Богъ Всевышній и дающій изобиліе, во время творенія духовъ**) создалъ духъ его влюбленнымъ***). Поэтому онъ сказалъ слѣдующій стихъ:

Найдите, что во время признанія духами господства Бога****) это утвержденіе опустилось на мою голову.

Кромѣ терпѣнія, никто изъ людей не былъ мнѣ другомъ.

Далѣе: Ша Машрабъ въ то время былъ во чревѣ матери семи-

*) Наманганъ—уѣздный городъ Ферганской области и теперь славящійся обиліемъ послѣдователей суфійскаго ученія.

**) Богъ, когда сотворилъ безплотныхъ духовъ, сказалъ имъ: „подлинно, я вашъ Господь“, а духи отвѣчали „бала“—утвержденіемъ, или признаніемъ. Этотъ моментъ мусульманскіе богословы называютъ „Калу-бала“, или „азаль“.

***) Во всѣхъ суфійскихъ сочиненіяхъ слова: любовь, влюбленность, опьяненіе, по объясненію мусульманскихъ толковниковъ, имѣютъ мистически-аллегарическій смыслъ и обозначаютъ восторженное, до самозабвенія, поклоненіе божеству.

****) Слово „бала“, какъ указано выше обозначаетъ утвержденіе, признаніе ангелами

мѣсячнымъ зародышемъ и еще не появившаяся на свѣтъ. Однажды, мать его, чтобы пріобрѣсти необходимое для пропитанія своихъ дѣтей, взяла два мотка нитокъ и вышла на базаръ. Она увидѣла одного лавочника, который, сидя на небольшомъ возвышеніи (супа), продавалъ виноградъ и замѣтила двѣ ягоды винограда, упавшія на землю. Она подняла ихъ съ земли и положила въ ротъ, но не успѣла отойти и двухъ шаговъ, какъ изъ ея чрева послышался голосъ: «о мать! не боясь Бога, не стыдясь его твореній, зачѣмъ ты съѣла принадлежащее другому человѣку? Если ты сейчасъ же не вознаградишь владѣльца этого винограда, я исчезну изъ твоего чрева (не родясь на свѣтъ)»).

Мать, услышавъ эти слова, упала безъ чувствъ. Черезъ нѣсколько времени она пришла въ себя, встала, возвратилась домой и въ испугѣ плакала. Видя такое ея состояніе, мужъ ея сказалъ: «о женщина, о чемъ ты плачешь съ такимъ отчаяніемъ?». Мать Машраба отвѣчала: «на дорогѣ мнѣ открылась одна тайна, вотъ почему, испугавшись этого, я плачу». Тогда мужъ сказалъ: «я съ тобой на одну подушку кладу свою голову, тѣло твое мнѣ дозволено, ты моя жена^{*)}». Тайна, которая тебѣ открылась, извѣстна Богу Всевышнему, скажи и мнѣ, что ты узнала». Мать Ша Машраба сказала: «о супругъ! знай и обрати вниманіе, что я пошла на базаръ, гдѣ увидѣла лавочника, торговавшего виноградомъ. Люди покупали у него виноградъ, а двѣ ягоды упали у него на землю. Эти двѣ ягоды винограда я подняла съ земли, положила въ ротъ и проглотила. Не успѣла я сдѣлать и двухъ шаговъ, какъ услышала голосъ находящагося въ утробѣ моей младенца. Онъ сказалъ мнѣ: «о мать! не боясь Бога, не стыдясь его тварей, ты съѣла чужсе. Если ты не вознаградишь хозяина этого винограда, я исчезну изъ твоего чрева». Я услышала эти слова и, въ отчаяніи, плачу. Послѣ этого, мужъ сказалъ: «о жена! Богъ, посылающій изобиліе и Всевышній, послалъ тебѣ дитя; если у насъ будетъ сынъ и Богъ позволить, онъ будетъ суфи и восторженный поклонникъ Бога; конечно, тебѣ слѣдуетъ непремѣнно соблюдать себя въ чистотѣ. Пойди и вознагради этого лавочника». Мать Ша Машраба взяла двѣ тенги^{**)}, завязала

господство Бога, но то же слово обозначаетъ и понятія: несчастіе, тяжесть, мученіе, горе, испытываемое вслѣдствіе борьбы съ плотью стремящимся къ Богу суфи.

*) Въ текстѣ мужъ называетъ жену словомъ *روزگار*, что въ буквальномъ смыслѣ означаетъ утварь, необходимая въ домашнемъ хозяйствѣ. Это выраженіе лучше всего характеризуетъ отнюдь не идеальный взглядъ мусульманина на женщину.

**) Тенга—серебряная монета стоимостью въ 15 коп., отсюда русское слово „деньга“.

ихъ въ уголъ платка, снесла ихъ къ торговцу виноградомъ и сказала: «о лавочникъ! я съѣла принадлежащія вамъ двѣ ягоды винограда, не имѣете ли вы ко мнѣ претензій за это?» Двѣ тенги она положила передъ торговцемъ. Лавочникъ отвѣчалъ: «о мать! проходящіе люди берутъ мой виноградъ и ѣдятъ, я ничего противъ этого не имѣю». При этихъ словахъ—онъ заплакалъ. Послѣ этого, возвратясь въ домъ свой, мать Ша Машраба посвятила себя добрымъ дѣламъ и молитвѣ.

Исполнилось девять мѣсяцевъ, девять дней и девять часовъ; это прекрасное дитя появилось на свѣтъ. Посмотрѣли,—это левъ—человѣкъ, какъ будто упоенный благодатью, опьяненный, безъ чувствъ лежитъ. Когда увидѣли его—обрадовались. Въ ту же минуту подняли ребенка съ земли, а мать плакала день и ночь. Это неудивительно, потому что удѣлъ влюбленныхъ восторженныхъ поклонниковъ Бога—всегда непрестанно плакать. Этого ребенка, когда ему исполнилось семь дней запеленали въ бишикъ*) и назвали его Рахимъ-баба. Когда ему исполнилось семь лѣтъ, надъ нимъ совершили обрядъ обрѣзанія. Послѣ этого его отдали въ школу**)

Учитель сказалъ: «о мой сынъ! во имя Бога милостиваго, милосерднаго скажи—«алифъ». Ша Машрабъ сказалъ: «алифъ». Учитель сказалъ; «скажи «би». Ша Машрабъ спросилъ у учителя: «что значить *алифъ* и что означаетъ *би*, учитель?» Тогда учитель разсердился и сказалъ: «о невѣжда мальчишка! кто ты, чтобы понять то, что ты спрашиваешь?» Ша-Машрабъ сказалъ: «если вы не можете объяснить мнѣ смыслъ *алифа*,—спросите сами у меня». Учитель сказалъ: «что же за смыслъ *алифа*?» Ша-Машрабъ сказалъ: «значеніе

„денгъ“. Счетъ на тенги до сихъ поръ ведется у туркестанскихъ туземцевъ, хотя самыя тенги, или коканы уже изъяты изъ обращенія официально.

*) Бишикъ—колыбель. У средне-азиатскихъ туземцевъ дома не отапливаются и потому новорожденного, какъ сказано въ текстѣ, укладываютъ и пеленаютъ въ особую, сдѣланную изъ дерева колыбельку и пеленаютъ такъ, чтобы мать могла кормить дитя грудью, не вынимая его изъ колыбели, а сама склоняясь къ ребенку. Хотя въ „бишикѣ“ и сдѣлано отверстіе для естественныхъ отпращиваній лежащаго въ пеленахъ неподвижно ребенка, но, разумѣется, такой способъ воспитанія ребенка въ первые дни его жизни далеко не гигиениченъ и можетъ быть оправданъ лишь необходимостью охранить ребенка отъ вліянія холода въ неотопливаемомъ помѣщеніи. Продолжительное лежаніе сартовскаго ребенка въ первые мѣсяцы жизни безъ всякаго движенія, на спинѣ, несетъ за собой сплющиваніе черепа въ затылочной части.

**) Совершенно аналогичный рассказъ существуетъ у туземцевъ про Багауддина—Дакшбанда, основателя дервишскаго ордена Накшбандіа.

алифа—«единый», поэтому я не произнесу *би*, проходить дальше *алифа*—грѣхъ». Учитель, услышавъ эти слова, былъ пораженъ¹⁾.

Ша-Машрабъ прочелъ слѣдующую газаль²⁾:

«Помѣщать въ душу *«алифъ»* научился изъ «Бисмилля»³⁾.

Проливать кровь мученика за вѣру я научился изъ Корана.

Продавать восемь воротъ рая за одно зерно пшеницы и узнавать путь тварей я научился у Адама и Евы⁴⁾.

Ежечасно помѣщать въ душу слова: «Боже! я причинилъ себѣ вредъ»

И грѣшить я научился отъ чистаго Адама⁵⁾.

Изъ глазъ течетъ кровь, кричать въ отчаяніи

И выслушивать отъ Бога повелѣнія я научился отъ Моисея.

Не сохранивъ въ мірѣ ни одной иголки, ушелъ (Исусъ).

Степени самопоглощенія въ Богѣ я научился у Исы⁶⁾.

(Богъ) уполномочилъ и сдѣлалъ способнымъ Ису достигъ «мимбара»⁷⁾ истины.

Пытливости я научился у духа Іереміи⁸⁾.

Какъ Сулейманъ огъ вѣка вступать на престолъ,

Я научился у Асафа, сына духа Бархія⁹⁾,

Который много лѣтъ сгоралъ боязнью Суда Божія.

1) Разговоръ Ша-Машраба съ учителемъ носитъ на себѣ характеръ того крайняго, чисто формальнаго отношенія мусульманъ къ идеѣ единобожія, которое они проявляютъ во всѣхъ случаяхъ жизни, болѣе всего опасаясь даже печально погрѣшить противъ этого основнаго догмата Ислама, чтобы не сдѣлаться невѣрнымъ, «кафиромъ». Въ религіозно-правственномъ сборникѣ *Зубдатъ-уль-Масалихъ* цѣлая глава (стр. 150) посвящена перечисленію тѣхъ дѣйствій, послѣ которыхъ мусульманинъ дѣлается невѣрнымъ.

2) Газаль—названіе одного изъ образцовъ стихосложенія, принятыхъ у восточныхъ поэтовъ; отличительный признакъ—одинаковыя окончанія въ каждой строкѣ.

3) «Бисмилля»—это цѣлая фраза: *بسم الله الرحمن الرحيم* означающая на арабскомъ языкѣ «Во имя Бога Милостиваго, Милосерднаго». Мусульманинъ произноситъ эти слова передъ началомъ каждая дѣла, пишетъ въ началѣ каждой книги.

4) Здѣсь, очевидно, идетъ рѣчь о грѣхопадѣніи прародителей человѣческаго рода, которые, послѣ сотворенія міра, жили въ раю, имѣвшемъ восемь воротъ, и, по повелѣнію Божію, могли вкушать всѣ плоды райскихъ деревьевъ, кромѣ пшеницы, но ослушались и за зерно пшеницы, съѣденное ими, утратили райское блаженство. Отсюда—продажа восьми воротъ рая за зерно пшеницы.

5) Адаму мусульмане присвоили прозваніе «Сафи-улла», что значитъ: чистый, угодный Богу.

6) Исусъ Христосъ.

7) «Мимбаръ»—возвышеніе въ мечети, съ котораго проповѣдникъ произноситъ проповѣдь.

8) Іеремія—пророкъ.

9) Асафъ—блнни-Бархія-дядя Соломона, братъ его матерн.

Боязнь страшнаго суда я усвоилъ отъ Яхъи ¹⁾.

Горю, опустившемуся на голову, по поводу умершаго ребенка.

Въ глубинѣ души я научился у Юсуфа Канъ-ана ²⁾.

Во чревѣ рыбы Юпусъ произносилъ имя Божіе ³⁾.

Чистотѣ души я научился у мудраго Юнуса.

Степень терпѣнія я перенималъ у опьяненнаго Богомъ Аюба ⁴⁾.

Тѣло его 73 червя ѣли, питаюсь имъ.

Склонности къ восторженному поклоненію свѣту Божію,

Произношенію имени Божія и въ то время, когда грудь пилятъ пилой, я научился у Зикріи ⁵⁾.

Въ день страшнаго суда онъ заступникъ грѣшникамъ и причиняющимъ себѣ ущербъ.

Тайны истины (хакикатъ) я постигъ отъ посланника Божія.

Абу-Бекръ, Умаръ и Усманъ ⁶⁾, какъ свидѣтели, подтверждають мое исповѣданіе.

Рѣшимости отъ вѣка я научился у Хайдара Али ⁷⁾.

Хасанъ съ Хусейномъ положили свои души на пути Божіемъ ⁸⁾.

Впечатлительности души я научился у Фатимы Захра ⁹⁾.

Я облекся въ нищету, какъ въ одежду царскаго достоинства; ни о чемъ, кромѣ поглощенія въ Богѣ, я не говорю.

Гордиться бѣдностью я научился отъ Мухамада, сына Абдуллы ¹⁰⁾.

Всѣ говорятъ: «у кого ты Машрабъ научился столькимъ наукамъ?»

Богъ просвѣтилъ и я всему научился у Бога.—

Прочитавъ эти стихи, Ша-Машрабъ ушелъ изъ школы и удалился въ пустыню, произнесъ слѣдующее стихотвореніе, состоящее изъ пятистишій (мухамасъ).

*
* *

1) Яхъи—сынъ пророка Захарія, въ книгѣ пророковъ (Коранъ 3, 34).

2) Иосифъ изъ Ханаана.—

3) Иона.

4) Иовъ.—

5) Захарія, отецъ Іоанна, пророкъ Кор. 6,85.

6) Три первые халифа, унаслѣдованіе отъ Мухаммада верховную власть въ образованномъ имъ теократическомъ государствѣ.—

7) 4-й Халифъ—Али.

8) Сыновья Али—близнецы.—

9) Дочь Мухаммада, супруга 4-го Халифа—Али.

10) Мухаммадъ часто говорилъ الفقر فخری (альфакру-фахри) „нищета—моя гордость“.—

Я началъ во имя Бога, Милостиваго, Милосердаго *).

Скажи «Богъ единъ», имя Твое возвеличится.

Запечатлѣнное сокровище въ душѣ каждой твари находящееся

Изъ 1001 названій свойствъ Божіихъ, Лодно-Славный.

Раньше сотворенія міровъ и человѣка Ты былъ отъ вѣка.

* *

7

Царь всѣхъ міровъ, Ты владыка величія,

Всѣмъ придетъ конецъ, только тебѣ нѣтъ заката.

Когда я подумаю о Твоемъ величіи, понятіе о немъ не помѣшается въ моей душѣ.

Я вѣрю, что Ты единый Богъ и тебѣ нѣтъ подобнаго.

Всѣ твари получили жизнь по твоему велѣнію, о Премудрый!

* *

Своей силой Ты сотворилъ всѣ существа, о Промыслитель!

*Аришъ, курси**)* и небо стоятъ непоколебимо по Твоей милости.

Одного Ты сотворилъ богатымъ, другого бѣднымъ

И черезъ это стало очевиднымъ Твое Божественное Существо Невѣрнымъ и правовѣрнымъ. Все подающій Ты, о славный!

* *

Сотворилъ Адама и въ этотъ день далъ ему душу.

Прославивъ Бога, онъ всталъ и тотчасъ же исповѣдалъ вѣру.

(Богъ) приказалъ Ангеламъ: поклонитесь ему безъ сомнѣній.

Аззазиль сказалъ: зачѣмъ я буду кланяться этому созданному изъ праха, когда я созданъ изъ огня, я свѣтъ.

Проклятіе, 100 проклятій, онъ сталъ діаволомъ, прогоняемымъ камнями ***).

О Боже! я тебя желаю видѣть, сказалъ Моисей, спросивъ у Бога.

Богъ отвѣтилъ: мое лицо ты не увидишь, о Моисей!

*) Текстъ каждой главы Корана, кромѣ девятой, начинается словами *بِسْمِ اللَّهِ الرَّحْمَنِ الرَّحِيمِ*. Во имя Бога Милостиваго, Милосердаго. Этими словами, по разсказу Корана, начиналось письмо Соломона къ Савской царицѣ (которую мухаммедане называютъ Балкисой) [Кор. 27, 31, 32]. Первую часть славословія *Тогу* (ذکر) *бисмилля* *бисмъ* Коранъ влагаетъ въ уста Ноя, который произнесъ ихъ при вступленіи въ ковчегъ (Кор. 11, 43.) „Свѣдѣнія о Коранѣ“ Г. Саблукова Каз. 1884 стр. 16.—

**) Престоль и сѣдалище Бога, находящееся по вѣрованію Мухаммеданъ на седьмомъ небѣ. Престоль невидимъ и только Мухаммедъ удостоился видѣть престоль во время своего восхожденія на небо (*мирадъжъ*).

***) Слово „раджимъ“, по мнѣнію мусульманъ, имѣетъ 3 смысла: 1) побитый камнями, 2) изгнанный отъ Бога и 3) проклятый (Сабл. стр. 76).

Послѣ этого Богъ сказалъ: трудно видѣть мое лицо.

Умъ Моисея былъ пораженъ этимъ отвѣтомъ.

Онъ задалъ Богу 1000 вопросовъ и потомъ возвратился въ домъ свой Моисей-Калимъ *)

* *

Въ эту ночь совершилъ путешествіе по небу пророкъ совершеннѣйшій,

Приблизился чистый къ Богу на разстояніе лука, можетъ быть ближе **).

Въ сокровенныя тайны посвятилъ Ахмада ***) Богъ.

Онъ научилъ его шаріату, тарикату и хакикату ****).

Когда онъ усвоилъ себѣ все, въ ность Мухаммада проникъ пріятный запахъ.

Гавріиль принесъ откровеніе отъ Вседержителя міровъ,

Людьми міра тебя сдѣлалъ посланникомъ пророковъ

И стали послѣдователями Мухаммада люди по всему міру земли.

И никто такъ не близокъ къ Богу, какъ Мухаммадъ.

8.

Такъ, что Мухаммадъ и въ этой и въ загробной жизни будетъ гордостью всѣхъ сиротъ.

* *

Гавріиль, придя, сказалъ: о драгоценный камень, высокостепенный,

Богъ тебѣ прислалъ привѣтствіе послѣ безчисленныхъ хорошихъ воспоминаній,

*) Калимъ-улла, говорившій съ Богомъ,—свойство (сифатъ) Моисея.

**) Ссылка на восхожденіе Мухаммада на небо, извѣстное у мусульманскихъ толковниковъ подъ названіемъ *معراج* „миграджъ“. Мухаммедане вѣрятъ, что откровенія Божіи ихъ пророку переданы были между прочимъ при восхожденіи Мухаммада на небо, гдѣ Богъ изрекъ ему нѣсколько уставовъ, познакомили его съ тайнами небеснаго міра. Это восхожденіе Мухаммада на небо было, вѣрятъ мухаммедане, однажды въ жизни его, именно въ одиннадцатый годъ послѣ того, какъ онъ принялъ первое откровеніе въ горѣ Хара.

***) Мусульмане придаютъ своему пророку три имени: птицы зовутъ его Хамидъ, ангелы называютъ Ахмадъ, а люди величаютъ Мухаммадъ, что значитъ „прославленный“.

****) *Шаріатъ*—кодексъ мусульманскаго права, изложенный во множествѣ книгъ юридическо-богословскаго характера. *Тарикатъ* и *Хакикатъ* мистическіе термны, обозначающіе различныя степени особаго ученія, познанія котораго мусульманскіе дервиши-суфи достигаютъ посредствомъ теоретическаго изученія трактатовъ суфійскихъ писателей и своеобразныхъ аскетическихъ упражненій.

Прислалъ тебѣ поларокъ, его названіе книга Фурканъ *).
Послѣдователи *шариата* пусть въ этой книгѣ найдутъ спасеніе,
Прежде всего въ Коранѣ есть Алифъ, Лямъ, Мимъ **).

Гавріилъ сталъ стражемъ пророка,

Потому что онъ слава посланниковъ, вѣнецъ пророковъ.

Въ день страшнаго суда онъ, свѣтъ ясный, будетъ заступникомъ
грѣшниковъ.

И, по его заступничеству, въ концѣ концовъ грѣшники войдутъ
въ рай.

И объясненіе всѣхъ міровъ будетъ восхищено пріятнымъ за-
пахомъ.

* * *

О его глазахъ сказано въ Коранѣ, что глаза его сурмленные.

Поэтому онъ показалъ знаменіе своего пророческаго достоин-
ства дѣленіемъ мѣсяца ***).

*) فرقانъ различіе, одно изъ названій законоположительной книги мухаммедан-
скаго вѣроученія, ее иначе называютъ еще „куръанъ“, или коранъ.

**) У двадцати девяти главъ корана, въ началѣ текста ихъ, поставлены буквы
арабской азбуки; у нѣкоторыхъ главъ поставлено по одной буквѣ, у другихъ по двѣ,
по три, у иныхъ по четыре, по пяти буквъ; чтеніе текста этихъ главъ обыкновенно
начинаютъ произношеніемъ этихъ буквъ, называя ихъ именами, какія имъ усвоены въ
азбукѣ, и декламируя ихъ сообразно поставленнымъ надъ ними знакамъ, опредѣ-
ляющимъ собою произношеніе по законамъ чтенія словъ. Мухаммеданскіе толкова-
тели Корана думаютъ, что буквы эти начальныя, или окончательныя буквы словъ,
но признаются, что не знаютъ прямого ихъ значенія. Потому называютъ ихъ „тем-
ныя“ или иносказательныя (Коранъ 3, 3). Нѣкоторые изъ мухаммеданскихъ ученыхъ
пытались открыть смыслъ ихъ, но объясненія ихъ очень различны и остаются одними
догадками, не открывающими вѣрнаго значенія. Можетъ быть эти буквы были от-
мѣтками, поставленными первыми редакторами Корана при Абу-бекрѣ и при Османѣ.
(Саблукъ. стр. 20).

***) Абу-джагль (настоящее имя Амръ-бенъ-Гешамъ), противникъ Мухаммада
требовалъ отъ него знаменіе его пророческаго достоинства, чтобы онъ раздѣлилъ
мѣсяцъ (луну) надвое и Мухаммадъ исполнилъ эго требованіе, такъ утверждаютъ
мусульманскіе богословы. По адресу Амра-бенъ-Гешама въ Коранѣ содержатся
угрозы Кор. гл. 96, 6—19.

Вашингтонъ-Ирвингъ въ своемъ сочиненіи „Жизнь Магомета“, стр. 77; отно-
ситъ дѣленіе луны къ испытанію Мухаммада предъ лицомъ Хабиба Ибнъ Малеса
по прозванію Мудраго, когда въ удостовѣреніе своего пророческаго дара Мухам-
мадъ вынужденъ былъ творить чудеса. Послѣ исцѣленія дочери Хабиба Сатихи,
Хабибъ пожелалъ, чтобы Мухаммадъ покрылъ небо въ полдень сверхъ естественную
тьмоу, и заставилъ бы луну спуститься и остановиться на вершинѣ Каабы. Пророкъ
совершилъ это чудо такъ же легко, какъ и первое. По его слову тьма омрачила
ясный свѣтъ дня. Затѣмъ увидѣли, какъ луна совратилась съ обычнаго своего пути

Они проклятые *) не увѣровали и сказали, что Мухамадъ—чародѣй.

Они не испугались гнѣва святаго Ахмада,

Но, изъ-за гнѣва Мухаммада, они стали предназначенными въ адъ.—

* *
*

Послѣ этого я буду говорить о качествахъ пророка и лице-зрѣвшихъ его, великихъ **).

Ты, о Боже, ниспосли на мой языкъ (слова), чтобы я могъ достойно восхвалить пророка.

Первый другъ пророка былъ Сыдыкъ, несравненный человекъ своего времени.

Второй другъ былъ Умаръ, сдѣлавшій вѣру Ислама открытою,—

Потому что онъ былъ драгоценнѣйшимъ камнемъ въ морѣ *Хакиката*.

* *
*

Теперь я дошелъ до прославленія третьяго друга пророка.

Онъ былъ собиратель корана, по имени Усманъ, онъ превѣтный.

и блуждала по тверди небесной. Неодолимою силою пророка она отдѣлилась отъ неба и, опустившись, стала на вершинѣ Каабы. Потомъ совершила, по обычаю шигримовъ, семь обходовъ вокругъ храма и, сдѣлавъ глубокой поклонъ Мухаммаду, стала передъ нимъ въ легкомъ неустойчивомъ колебаніи, подобно пламенному мечу, дающему ему привѣтствіе мира и прославляющему его какъ пророка.

Недовольный этимъ чудомъ, продолжаетъ легенда, Мухаммадъ заставилъ покорное свѣтило войти черезъ правый рукавъ своего плаща и выйти черезъ лѣвый, потомъ раздѣлиться на двѣ части: одна пошла по направленію къ востоку, другая къ западу и, встрѣтившись въ центрѣ тверди небесной, онѣ соединились въ одно круглое и прекрасное свѣтило. Нечего и говорить, что эти чудеса убѣдили и обратили Хабиба Мудраго, тогда же увѣровало 470 жителей Мекки. Но Абу-Джагль упорствовалъ въ своемъ невѣріи, крича, что все это обманъ, навожденіе, произведенное Мухаммадомъ при помощи чародѣйства.

Примѣчаніе. (Стр. 78) Разказа объ этихъ чудесахъ нѣтъ ни въ исторіи точнаго Абульфеда, ни у кого-либо изъ болѣе серьезныхъ мусульманскихъ писателей: они существуютъ въ преданіи и съ крайнею растянутостью рассказываются апокрифическими авторами, которые утверждаютъ, что о нихъ упоминается въ 54-й главѣ Корана. Очевидно, что чудесамъ этимъ настолько же можно вѣрить, насколько и многимъ другимъ, приписываемымъ Мухаммаду. Вспомнимъ, что самъ онъ признавалъ только одно чудо—Коранъ.—

*) Здѣсь очевидно подразумеваются всѣ противники Мухаммада въ первую пору его жизни и въ томъ числѣ единомышленники главнаго протестанта Абу-джагля.

**) Чааръ-эръ, четыре друга, четыре халифа послѣ Мухаммада: Абубекръ, Умаръ, Усманъ и Али.—

Четвертый другъ былъ Левъ Божій, владѣлецъ счастливаго созвѣздія *).

Онъ убивалъ невѣрныхъ, ѣздилъ на вездѣсущей лошади Дульдуйль.

Показывающій путь *Хакиката*, указывающій прямой путь къ спасенію.

* * *

О Боже! теперь обрати Свой взоръ на меня—Твое твореніе, Взявъ подъ мышку плащъ *дerviша* (джанда), я вышелъ на Твой путь.

9.

Я разыскивалъ степь, пустыню, не пропуская ни одного мѣста, Но никогда не могъ Машрабъ получить свѣдѣнія о самомъ себѣ.—

Если Ты обратишь на меня взоръ Твой, я буду счастливъ, найду успокоеніе души **).

Короче, мать его услышавъ, бросилась искать его по слѣдамъ, горько плача. Она увидѣла Машраба, который ходилъ босой, съ непокрытой головой и плакалъ. «Свѣтъ моихъ очей! сынъ мой», сказала мать и, схвативъ его за руки, слѣдила ему увѣщаніе и наставленіе. Тогда Ша-Машрабъ произнесъ слѣдующіе стихи:

«Мнѣ дано страданіе, чтобы я рыдалъ,

Представъ предъ Богомъ, я жаловался на небеса.

Если бы мои вопли были услышаны, я ударилъ бы кремнемъ объ огниво.

Поджегъ бы домъ неба и разрушилъ его.

Избавьте меня, о братья, отъ горя и тоски.

Чтобы воспоминаніемъ имени Божія я могъ слѣлать свою душу довольной и счастливой.—

Если бы влюбленный увидѣлъ мое положеніе, онъ горько заплакалъ бы,

Если бы я одну пылинку моего горя обнаружилъ.

Машрабъ утопленникъ въ морѣ любви.

Искренно, въ душѣ, я долженъ рыдать передъ Богомъ».

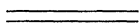
Сказавъ эти слова, Ша-Машрабъ пошелъ съ матерью домой. Когда они возвратились домой, мать Ша-Машраба выразила желаніе,

*) Сахыбъ-уль-Кыранъ—рожденный подъ счастливымъ сочетаніемъ планетъ. (Слов. Будагова II, 48).

**) Въ этомъ мѣстѣ текста введено примѣчаніе о псевдонимахъ автора: 1) Дивана-и-Машрабъ, 2) Магди, 3) Зинда.—

чтобы Ша-Машрабъ одѣлъ новое платье и носилъ его. Но Ша-Машрабъ, какъ только встрѣчалъ гдѣ-нибудь босого, или бѣднаго, отдавалъ имъ свое платье. Мать, со слезами на глазахъ, сказала ему: «свѣтъ монахъ очей! сынъ мой, желая тебѣ добра, я дѣлаю тебѣ одежду, почему же ты ее не одѣваешь?» Ша-Машрабъ отвѣчалъ: «о матушка! когда ты произвела меня на свѣтъ, была у меня одежда или нѣтъ?» Мать сказала: «не было». Ша-Машрабъ сказалъ: «потому-то я и хожу нагой». Мать, услышавъ эти слова, отъ души прославила Бога и сказала: «о сынъ мой! Не открывай никому эту тайну твою». Мать, посовѣтовавшись съ мужемъ, рѣшила: «этотъ сынъ нашъ не сумасшедшій, а восторженный поклонникъ Бога, юродивый».

Ша-Машрабу исполнилось 15 лѣтъ и онъ достигъ половой зрѣлости *). Онъ не закрывалъ однако свой «ауратъ» **) и ходилъ какъ опьяненный, безъ воли. Однажды отецъ его сказалъ, обращаясь къ матери: «о жена! ты говоришь, что этотъ сынъ мой юродивый Божій, но, изъ за него, я въ этомъ городѣ стыжусь ходить. Соберайся, мы вдвоемъ пойдемъ къ Хазрату—Базаръ-Ахунду ***) и попросимъ его помолиться за сына. Онъ великій человекъ. Можетъ быть онъ сдѣлаетъ ему увѣщаніе и наставленіе и сынъ нашъ, по его милости, избавится отъ своего юродства и, исполняя постановленія шаріата, будетъ ходить съ покрытымъ «ауратомъ».

*) Балагаты—половая зрѣлость опредѣляетъ время, когда для юноши становится обязательнымъ исполненіе всѣхъ предписанныхъ мусульманину религіозныхъ обязанностей (молитва, постъ, паломничество въ Мекку и пр.). Достиженіе половой зрѣлости опредѣляется первымъ непроизвольнымъ изверженіемъ сѣмени во снахъ (поллюція). Чаще всего приходится устанавливать достиженіе половой зрѣлости народнымъ судьямъ, такъ какъ отъ этого зависитъ рѣшеніе различныхъ гражданскихъ дѣлъ по шаріату. И, ни сколько не конфузясь постороннихъ людей, народный судья задаетъ пришедшему къ нему юношѣ, зрѣлость котораго надо установить, вопросъ: „акъ-качанъ-курдынгызъ?“ т. е. „когда вы впервые наблюдали изверженіе сѣмени во снахъ“ и, судья по отвѣту, постановляетъ свое рѣшеніе.—

**) „Ауратъ“—часть туловища отъ пупка до колѣна, которую мусульмане обязаны всегда закрывать.

***) Біографическія свѣдѣнія приведены выше въ предисловіи.—

У Базаръ - Ахунда.

Они пришли къ ишану Мулла Базаръ Ахунду и съ рыданіями сказали: «о нашъ святой, мы въ отчаяніи отъ непослушнаго сына, мы пришли къ вамъ съ жалобой на него». Святой Мулла Базаръ Ахундъ былъ такой великій человекъ, что, когда онъ произносилъ имя Божіе, изъ устъ его выходилъ огонь. Онъ говорилъ: «о суфін! будьте осторожны, изъ меня исходитъ огонь и я, въ концѣ концовъ, самъ когда-нибудь сгорю въ этомъ огнѣ и умру». Онъ спросилъ: «какъ имя вашего сына?» Родители Ша-Машраба отвѣчали: «Рахимъ-баба-юродивый, который достигъ 15 лѣтняго возраста, а одежды не надѣваетъ. Стыдясь его неприличія, мы не можемъ выходить на улицу. Если вы сдѣлаете ему увѣщаніе и наставленіе, можетъ быть онъ придетъ въ себя и будетъ ходить закрывши «ауратъ». Святой Ишанъ сказалъ: «гдѣ Рахимъ-баба, позовите его!» Родители отвѣтили: «онъ находится у памятника *) Хазрета Хызра **) и не идетъ оттуда». Хазретъ Ишанъ со своими учениками послѣдователями, произнося зикръ***) «само»****), съ танцами, отправился въ путь. Ша Машрабъ имѣлъ обыкновеніе вездѣ, гдѣ было кладбище, увидѣвъ кости умершихъ, говорить: «о потомки Адама! наконецъ вы сдѣлались достойнымъ праха». Ишанъ и его послѣдователи, произнося зикръ «само», пришли. Ша Машрабъ прознесъ слѣдующую газаль:

Эссенція сладости, больше того, успокоитель моей души пришелъ.

Чтобы увидѣть домъ души моей, блуждающій и пробуждающій меня духъ *****) пришелъ.

*) „Кадамъ-джай“ буквально значить: мѣсто шага, мѣсто, гдѣ ступала нога. Такъ называютъ туземцы Туркестанскаго края мѣста, съ которыми связаны воспоминанія о какомъ-нибудь мусульманскомъ святомъ, могила котораго находится гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ. Кадамъ-джанъ встрѣчаются на каждомъ шагу и свидѣтельствуютъ лишь о томъ, что: чтимый святой когда-нибудь при жизни былъ на этомъ мѣстѣ.

**) Подъ именемъ Хызра у мусульманъ извѣстно мнѣческое, невидимое лицо, которое нѣкоторые отождествляютъ съ личностью пророка Іліи, а другіе—обособляють Кадамъ-Джай Хызра есть въ сел. Сагьямъ Чимкентскаго уѣзда.

***) Зикръ вообще произнесеніе эпитетовъ Божіихъ у суфіевъ; зикръ представляетъ нѣчто вродѣ радѣнія сектантовъ и состоитъ въ произношеніи на разные лады именъ Аллаха, съ цѣлью довести себя до экстаза.

****) Зикръ „само“ одинъ изъ видовъ такого радѣнія, когда произнесеніе именъ Божіихъ сопровождается тѣлодвиженіями, напоминающими танецъ.

*****) روح روانъ *рухи-раванъ*. Мусульмане вѣрятъ, что духовная природа человека состоитъ изъ двухъ частей: руху мустакамъ روح مستقیمъ постоянно пребывающаго въ

Оставилъ меня духъ моего ума, онъ исполнить, зная мое при-
казаніе.

Мой пріятный языкъ пришель, никого для меня нѣтъ дороже его.

Сожигающій подаль мнѣ чашу, я жаждалъ его любви.

Въ городъ моей жизни пришель царь міра моей души.

Я иногда вспоминалъ, не придешь ли ты ко мнѣ, о царь!

Сталъ мой духъ, какъ янтарь *), когда мой блуждающій духъ
явился.

человѣкъ, составляющаго его душу, съ которой разлучаетъ человѣка смерть и
рухи-раванъ روح روان блуждающаго духа, который отлетаетъ отъ человѣка, какъ
только онъ заснетъ и возвращается въ моментъ пробужденія отъ сна. Во время сна
„рухи раванъ“, блуждая, посѣщаетъ разныя мѣста, видитъ различныхъ людей и
наблюдаетъ различныя явленія, человѣкъ же переживаетъ все, что видитъ его блуж-
дающій духъ, въ видѣ сновидѣній.—Отсюда, мусульмане опасаются внезапно будить
человѣка, чтобы его „блуждающему духу“ дать время возвратиться и занять въ
человѣкѣ свое мѣсто, такъ какъ, иначе, внезапно пробужденный человѣкъ можетъ
умереть. Существуетъ по этому поводу преданіе, что Шахъ Маликъ, стронтель ра-
бата (страннопримнаго дома) на ст. Малекъ, въ Джизакской Голодной стени, однажды
съ однимъ тѣлохранителемъ, ѣдучи верхомъ по стени, остановился и легъ отдохнуть.
Спутникъ Малика не спалъ и замѣтилъ, что муха вылетѣла изъ устъ его господина,
сѣла на былинку, потомъ спустилась по стеблю въ незамѣтное для глаза отверстіе
въ землѣ и, черезъ нѣкоторый промежутокъ времени, снова возвратилась въ ротъ
спавшаго Малика. Маликъ, проснувшись, разказалъ своему спутнику, что онъ ви-
дѣлъ во снѣ себя находящимся подъ громаднымъ развѣсистымъ деревомъ; „потомъ
я спустился въ подземелье и видѣлъ тамъ громадное количество золота“, заключилъ
свой разказъ Маликъ. Тѣлохранитель царя вспомнилъ о мухѣ, вылетѣвшей изъ рта
его господина, за которой онъ наблюдалъ, когда Маликъ спалъ и, отставъ, подъ
какимъ-то предлогомъ отъ Малика, принялся рыть землю на томъ мѣстѣ, гдѣ, какъ
онъ замѣтилъ, муха скрылась въ землѣ; вскорѣ онъ наткнулся на цѣнный кладъ
золота и тогда только понялъ, что въ видѣ мухи изъ рта Малика вылеталъ его
„блуждающій духъ“.

Мнѣ кажется, что существующее въ русскомъ языкѣ выраженіе „потерять
присутствіе духа“ указываетъ на общность у всѣхъ народовъ, имѣвшихъ непосред-
ственные отношенія съ востокомъ, представленія о „блуждающемъ духѣ“. Легко
допустить, что предки наши когда-нибудь тоже вѣрили въ двойственность духовной
природы человѣка и оставили намъ въ наслѣдіе неясный намекъ на это вѣрованіе
въ „блуждающаго духа“, въ приведенномъ выраженіи „потерять присутствіе духа“.
См. этнографическіе матеріалы А. А. Диваева въ вып. VII и IX сборника матеріа-
ловъ Сыръ-Дарьинскаго обл. статистич. комитета.

*) Здѣсь указаніе на тяготѣніе души Машраба къ Мулла Базаръ Ахунду.
Сравненіе означаетъ, что какъ янтарь, благодаря своимъ электрическимъ свойст-
вамъ, притягиваетъ соломинку, такъ и душа Машраба имѣетъ влеченіе сблизиться
съ душой Мулла Базаръ Ахунда, какъ духовнаго наставника, способнаго указать
прямой путь.

Я всегда, постоянно былъ въ нерѣшимости, что дѣлать, голова моя кружилась отъ любви.

Я былъ рыдающій Машрабъ, другъ моей души пришелъ.

Короче, когда Базаръ-Ахундъ приблизился, Ша Машрабъ, поднявшись съ мѣста съ уваженіемъ и почтительностью, прочелъ слѣдующую газаль:

Въ уединеніи и благополучіи сидя, ѣшьте хлѣбъ безъ труда.

Если бы вы были даже старцемъ Ханаана (Іаковъ), то всетаки вы не избавились бы отъ мукъ смерти.

Будь ты пропойцей (завсегдаемъ кабаковъ), или старцемъ, постоянно проводящимъ время въ мечети.

Будь ты царемъ-хаканомъ, все равно ты не избавишься отъ мукъ смерти.

Если вы будете пьяны до потери сознанія, или далеки отъ воздержанія и благочестія,

Если вы будете Мансуромъ Халладжемъ *) все равно не избавитесь отъ мукъ смерти.

Если бы ты былъ серебромъ и золотомъ, если бы на тебѣ былъ золотой поясъ.

Если бы ты обладалъ знаніемъ 100 ремеслъ, все равно не избавился бы отъ мукъ смерти.

12.

Если бы ты былъ китайскимъ императоромъ и у тебя было бы 100 домовъ золота,

Если бы ты былъ владыкой подлунной, то и въ такомъ случаѣ ты не избавился бы отъ мукъ смерти.

Я, Машрабъ, стремлюсь въ путь и желаю быть *девшиемъ*.

И куда бы не достигло твое пониманіе, ты всетаки не избавишься отъ мукъ смерти.

Короче, Ишанъ Базаръ Ахундъ, услышавъ эту газаль Машраба, сдѣлался опьяненнымъ, безъ воли, и сказалъ: «о мой сынъ, повинуйся желаніямъ отца и матери твоихъ» и прочелъ слѣдующіе стихи:

Выше повелѣній Божіихъ—приказанія отца.

Безъ благословенія отца человѣкъ ничего достичь не можетъ.

*) См. примѣчаніе выше. Мансуръ Халладжъ восторженный мистикъ, казненный за произнесеніе словъ „анъ-аль-хаккъ“, я есмь истина, принятыхъ за богохульство, тогда какъ фраза эта, произнесенная въ мистическомъ экстазѣ, обозначала только душевное состояніе мистика, совершенно отрѣшившагося отъ всего земного и испытывающаго самопоглощеніе въ Божествѣ—истинѣ и потому отождествляющаго себя съ Истиной.

Райское блаженство—это доставить удовольствіе матери.

Оно находится подъ ступнями матери, состоитъ въ подчиненіи ей.

О сынъ мой, для тебя и меня составляетъ *фарзъ* *)

Подчиненіе отцу и матери, пойми и старайся о ихъ спокойствіи.

Еще нѣсколько псученій и наставленій сдѣлалъ Мумлла Базаръ Ахундъ, а Ша Машрабъ произнесъ слѣдующую газаль:

Пока человѣкъ не сдѣлался юродивымъ, онъ не сгоритъ отъ любви.

Не будучи бабочкой, невозможно сгорѣть на свѣчѣ.

Никто не пожелаетъ перламутра, если на немъ не будетъ жемчуга.

До тѣхъ поръ пока, подобно Адгаму **), не отречется отъ мірскихъ благъ.

*) Фарзъ—религіозная обязанность, исполнить которую долженъ каждый мусульманинъ. Главныхъ изъ нихъ пять: очищеніе, молитва, постъ, милостыня и паломничество въ Мекку.

**) Адгамъ происходилъ изъ рода персидскихъ царей, но отречшись отъ міра и царскихъ почестей, ожидавшихъ его въ жизни, онъ пожелалъ посвятить свою жизнь трудовому подвигу. Для осуществленія этого желанія онъ явился въ гор. Багдадъ, гдѣ и принялся носить воду въ кожаномъ турсукѣ (мешъ) для питья людямъ и для поливки улицъ. Нѣсколько лѣтъ проработавъ такимъ образомъ въ Багдадѣ, Адгамъ перешелъ въ Балхъ и здѣсь однажды проходя по улицѣ съ турсукомъ воды на спинѣ, онъ встрѣтилъ красавицу, царскую дочь, въ которую и влюбился съ перваго взгляда... Адгамъ, не открывая своего царскаго происхожденія, явился къ царю и сталъ просить отдать за него замужъ видѣнную имъ на улицѣ царевну. Царь конечно не пожелалъ породниться съ бѣднымъ водоносомъ (мешхадъ) и одинъ изъ царедворцевъ посоветовалъ царю поручить Адгаму такую работу, которую онъ не въ силахъ исполнить и обусловить бракъ съ царевной исполненіемъ этого требованія. Царь выразилъ желаніе имѣть двѣ одинаковыя большія жемчужины, которыя Адгамъ долженъ былъ достать со дна морского. Адгамъ направился къ морю и принялся съ берега черпать воду морскую своимъ турсукомъ. Эта работа подвижника произвела перенолохъ среди живущихъ на днѣ моря водяныхъ людей и самъ царь водяной выплылъ на поверхность воды, чтобы узнать въ чемъ дѣло. На разспросы царя Адгамъ объяснилъ, что ему нужны двѣ рѣдкія жемчужины, хранящіяся на днѣ моря и для того чтобы ихъ достать, онъ рѣшилъ вычерпать всю воду изъ моря, чтобы затѣмъ взять жемчужины (гаугаръ). Водяной царь приказалъ своимъ подданнымъ водянымъ людямъ достать со дна моря восемьсотъ самыхъ крупныхъ жемчужинъ и передать ихъ Адгаму, чтобы онъ прекратилъ вычерпываніе изъ моря воды, которое грозило гибелью всему подводному царству. Водяные люди тотчасъ же исполнили повелѣніе своего царя и Адгаму вручили восемьсотъ самыхъ крупныхъ жемчужинъ, съ которыми онъ и явился къ царю, дочь котораго сваталъ за себя. Адгамъ показалъ одну изъ приписанныхъ жемчужинъ и заявилъ, что данное ему порученіе исполнилъ. Царедворецъ, задумавшій погубить Адгама, доложилъ царю, что показанная Адгамомъ жемчужина не добыта имъ со дна моря, а похищена изъ царской сокровищницы, гдѣ раньше хранилось двѣ такихъ жемчужины, а теперь

Пока, принявъ на голову страданіе, не сдѣлается «притчей во языцѣхъ».

* *
*

Безъ тебя, о возлюбленная, мнѣ не надо двухъ міровъ.

Мнѣ не нужно счастья трона и перстни Соломона;

Мнѣ не нужно жизни вѣчнаго Хызра и воды жизни мнѣ не нужно

Безъ тебя. Молись, чтобы я умеръ, мнѣ не нужно это дыханіе.

У меня не осталось ни души, ни тѣла, пока я не стану чуждымъ (міру).

* *
*

Твой тронъ сгоритъ отъ моихъ вздоховъ въ день страшнаго суда.

Люди и ангелы содрогнутся, не понимая, что это за знаменіе.

Гуріи и ангелы скажутъ: «что за звуки?»

И если вылетитъ изъ меня искра моего огня, никто не останется благополученъ.

13.

Не останется благополученъ и твой адъ, о Маликъ *) и онъ сгоритъ отъ огня.

осталась только одна, такъ какъ другую похитилъ Адгамъ. Подвижникъ, разсердившись, высыпалъ передъ царемъ всѣ восемьсотъ рѣдкихъ жемчужинъ, полученныхъ имъ отъ водяного царя и тѣмъ доказалъ, что не повиненъ въ кражѣ жемчужины изъ царскаго казнохранилища. Тогда царь, по совѣту своего царедворца, просто объявилъ Адгаму, что не отдастъ за него свою дочь ни при какихъ условіяхъ. Огорченный Адгамъ ушелъ отъ царя для того, чтобы провести остатокъ жизни въ пустынѣ, но на первомъ же ночлегѣ узналъ отъ проезжихъ людей, что царская дочь, его невѣста, скончалась скоростипжно въ день его ухода изъ Балха и погребена на одномъ изъ городскихъ кладбищъ. Это извѣстіе заставило Адгама возвратиться въ Балхъ. Онъ пришелъ къ могилѣ своей возлюбленной и разрылъ могилу, гдѣ увидѣлъ дѣвушку, какъ живую лежащую въ могилѣ въ драгоцѣнныхъ одеждахъ. Адгамъ сотворилъ молитву объ оживленіи дѣвушки и вскорѣ около могилы онъ увидѣлъ ангела, который ланцетомъ сдѣлалъ уколы въ обѣ руки дѣвушки выше локтя. Эти уколы привели въ движеніе кровь мнимо-умершей дѣвушки, лежавшей въ летаргическомъ снѣ (*саката*) и она встала. Адгамъ увелъ дѣвушку въ соседнее селеніе, гдѣ, по его просьбѣ, имамъ обвинялъ его съ царской дочерью. У супруговъ черезъ нѣсколько лѣтъ родился сынъ Ибрагимъ, какъ дѣйствительно похотѣлъ на своего дѣдушку со стороны матери, персидскаго царя. По этому разительному сходству люди дознались о происхожденіи Ибрагима и дали знать царю въ Балхъ. Адгамъ съ женой и сыномъ были доставлены ко дворцу Балхскаго царя и Ибрагимъ по смерти дѣда занялъ его мѣсто. Такова исторія Адгама, происходившаго изъ царскаго рода, достигшаго подвигомъ святости и сдѣлавшагося отцомъ одного изъ царей персидскихъ—Ибрагима.

*) 𐎧𐎠𐎢𐎡𐎴 («царствующій, царь»), ангелъ, надзирающій за гесинною и за мучающимися въ ней. Кор. 43,77.

* *

Буду, произнося «увы», плакать до тѣхъ поръ, пока изъ моихъ глазъ не потечетъ кровь.

Если Богъ Великій будетъ судьей, я разорву сердце и буду произносить возгласы отчаянія.

Находящуюся въ отчаяніи мою душу я предъ Нимъ сдѣлаю недовольной (?).

Во время страшнаго суда, произнося «увы», пораженную душу мою я сдѣлаю счастливою.—

Возлюбленная не пожелаетъ сердца, которое не изранено.

* *

Гла мою голову пала твоя любовь и я, дрожа, плакалъ.

Отъ вѣка было такъ предопредѣлено и я туго стянулъ свой поясъ.

Дѣло влюбленнаго трудно, я узналъ это отъ людей.

Моя болѣзнь усилилась до крайности и я сталъ взывать къ покровительству Бога.

Моя возлюбленная не смилуетъ, пока изъ глазъ моихъ не польются слезы.

* *

Если ты возлюбленный, будь готовъ пожертвовать свою душу.

Сдѣлай своими ежедневными гостями страданіе, трудъ и горе.

Если возлюбленная причинить тебѣ вредъ, или огорченіе, скрывай это отъ людей.

Невѣріе ея китайской косички сдѣлай предметомъ вѣры твоей души.

Соединить свою душу съ ея душой ты не можешь, пока она не станетъ твоей любовницей.

* *

Стыдись не оставлять никого прежде чѣмъ не вступишь на путь восторженной любви.

Пока онъ, какъ Адгамъ, не отнесется съ презрѣніемъ ко всему мірскому.

Не заслужить свиданія съ ней, пока не полюбитъ ее одну.—

Не будетъ доволенъ исполненіемъ предопредѣленія, если не будетъ сгорать въ разныхъ огняхъ.

Не получить извѣстія о возлюбленной, пока не изморится.

* *
*

Весной пей вино, это благоденствіе, всей жизни благополучіе. О, виночерпій, подай мнѣ кубокъ въ минуту спокойной бесѣды. Суфіи говорятъ, что блаженство заключается въ четкахъ и богопочитаніи.

Твоему каляндару Машрабу блаженство—каждый день испытывать несчастье.

Не увидитъ лица любовницы, пока не будетъ рыдать и плакать.

14

Мулла Базаръ Ахундъ, услышавъ эти слова, похвалилъ за нихъ Ша Машраба и совершилъ молитву объ исполненіи его желаній. Потомъ Мулла Базаръ Ахундъ приказалъ Машрабу находиться при родителяхъ и помогать имъ. «У влюбленнаго не бываетъ отца и матери», отвѣтилъ Ша Машрабъ и обратился къ ишану: «о Ахундъ! я долженъ предложить вамъ одинъ вопросъ; если вы отвѣтите мнѣ на него, то я согласенъ остаться при родителяхъ». Ишанъ Ахундъ сказалъ: «спрашивай». Машрабъ сказалъ: «въ тотъ день, когда Величайшій Богъ сотворилъ Адама, Адамъ обратился къ Богу и сказалъ: «о Боже! міръ пополнился потомками отъ моего сѣмени, покажи мнѣ ихъ души» *). Отъ Бога послышался голосъ: «о Адамъ! посмотри направо». Адамъ посмотрѣлъ и увидѣлъ много духовъ; всѣ они были одѣты въ бѣлыя одежды. «О Боже! кто это?» спросилъ Адамъ. Послышался голосъ Бога: «это души твоихъ благочестивыхъ потомковъ». Потомъ Богъ повелѣлъ: «о Адамъ! посмотри налево». Адамъ посмотрѣлъ и увидѣлъ духовъ, одѣтыхъ во все черное. Онъ сказалъ: «о Боже! кто это?» Послышался голосъ Бога: «о Адамъ! это души твоихъ

*) Существуетъ преданіе, что послѣ сотворенія перваго человѣка, Богъ провелъ рукой по его позвоночному хребту и тѣмъ самымъ далъ ему способность производить потомство до скончанія міра. Адамъ выразилъ желаніе видѣть души своего потомства и Богъ исполнилъ это желаніе праотца, собравъ души всѣхъ людей, которые и расположились—праведные направо, а грѣшные налево. Адамъ боясь, что потомки его впоследствии отрекутся отъ богопочитанія, просилъ Бога объявить всѣмъ присутствовавшимъ духамъ о своемъ господствѣ, и Богъ задалъ духамъ вопросъ о господствѣ (Аллаетъ би-раббинумъ), именно Богъ спросилъ духовъ: Не есмь ли я Господь вашъ?, они сказали: Да, исповѣдуемъ это! Это событіе по арабски называется „мисакъ“—завѣтъ, условіе. Преданіе это основано, очевидно, на упоминаніи объ этомъ въ Коранѣ гл. 7 (преграды) ст. 171 по переводу Сабдукова.

невѣрныхъ потомковъ». «О Ахундъ! скажите мнѣ, на которой сторонѣ находился въ то время мой духъ, на правой или на лѣвой? Если мой духъ находился на правой сторонѣ, то я, будучи спокоенъ, останусь служить своимъ родителямъ».—

Мулла Базаръ Ахундъ отвѣтилъ: «о сынъ мой! ты задалъ мнѣ вопросъ сверхъ моего пониманія, это знаніе тайное, доступное только Богу, этого не знаетъ никто кромѣ Бога».

15.

Машрабъ сказалъ: «о Ахундъ! разрѣшите мнѣ въ такомъ случаѣ быть при васъ». Ишанъ, заплакавъ, возвратился въ домъ свой, а Машрабъ произнесъ слѣдующее пятистишіе (мухаммасъ):

О Боже! будь милостивъ, я безсиленъ, несчастенъ,

Какъ въ бутонѣ розана лепестки расположены слоями, такъ мое сердце въ крови.

А объяснить кому-нибудь мое состояніе я не имѣю дара слова
Я одинокій, чуждый всѣмъ, безпріютный, бездомный.

Юродивый, носящій на спинѣ домъ свой*), противный людямъ.

* *

Въ пустынѣ горе, я—какъ безумный, мой духъ—притча во языцѣхъ.—

На торжищѣ безумія, какъ Мансуръ **) (Халладжъ) притча во языцѣхъ мой духъ.

Въ пустыню любви повернувшая лицо бабочка—сердце мое.—

Въ подземелье тюрьмы спустившійся юродивый—мое сердце.

* *

Плѣшникъ могилы, въ оковахъ лицо мое желто, какъ шафранъ.

Какъ сіяющій мѣсяцъ было мое счастье, его окружила тѣнь.

Поэтому мое несчастное сердце разорвалось на части.

На моихъ блестящихъ рѣсницахъ, какъ дождевая капля, повисла слеза.

Въ любовномъ влеченіи, я горюю, какъ горлинка,

Съ вечера до утра мои спутники—вздохи.

* *

*) Поразительно сходство съ латинскимъ выраженіемъ *omnia mea mecum porto* (все свое съ собой ношу).

**) См. выше, примѣчаніе 51.

Міръ считаютъ скоропреходящимъ. Если бы не было такъ, то гдѣ же теперъ Хысрау *) и Дарій.

Гдѣ Джамшидъ**), Искандеръ, Рустемъ и Зухрабъ ***).

Гдѣ всѣ пророки, гдѣ эти владыки михраба (имамы).

Гдѣ Абубекръ, Умаръ, Усманъ, рѣдкія жемчужины.

Гдѣ Хайдаръ****), который говорилъ что онъ «властитель созвѣздіи».

* *
*

*) Хысрау вообще значитъ царь, владыка. Здѣсь, очевидно, упоминается о персидскомъ царѣ Хысрау—Парвизѣ, сынѣ Хурмуза, внука Нунпиравана. Онъ 38 лѣтъ правилъ Ираномъ и прославился своими побѣдами и твердостью правленія, за что и получилъ прозвище Парвизъ. Этотъ царь извѣстенъ еще своей романтической исторіей съ Ширинъ-кызъ, въ которую онъ влюбился. Объ этомъ существуютъ легенды во многихъ мѣстностяхъ Туркестана и между прочимъ въ Ходжентскомъ уѣздѣ легенда эта приурочивается въ скалѣ Фархатъ близъ села Беговатъ и холму Ширинъ близъ с. Куркатъ. Впервые легенда эта напечатана Кушакевичемъ, а въ „Литературномъ сборникѣ въ пользу прокаженных“ помѣщено стихотворное изложеніе той же легенды, принадлежащее перу Артемія Волинскаго. Хысрау Парвизъ царствовалъ до 9 года гиджры, когда народъ возмущился противъ него. Низложеннаго царя заключили въ темницу, а затѣмъ и убили. На его мѣсто избрали царемъ его сына Ширую. (См. толковый словарь Гяяс-Уль лугатъ стр. 158, Рауззат-ус-сафо, стр. 240).

**) Джамшидъ одинъ изъ персидскихъ царей, сынъ Тагмураспъ-и-Дивбанда. Собственно имя его Джамъ, а приставка *шидъ*, это титулъ, равнозначущій понятію-солнце (хуршидъ по персидски солнце). Тагмураспъ еще при жизни отрекся отъ престола въ пользу сына Джамшида и вскорѣ умеръ. Джамшидъ овладѣлъ всѣмъ міромъ. Ему приписываютъ изобрѣтеніе многихъ предметовъ, до него неизвѣстныхъ. Такъ Джамшидъ изобрѣлъ щолчугу, броню, холодное оружіе, непроницаемую для меча одежду на подкладкѣ изъ стеганого шелка. Онъ построилъ много городовъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ была вода для орошенія, установилъ судоходство по рѣкамъ, положилъ начало земледѣлію. Себѣ онъ построилъ тронъ, который дивы по его приказу переносили куда было нужно. Ввелъ счисленіе по календарю и установилъ праздникъ новаго года (наурузъ). По преданію, Джамшидъ жилъ и царствовалъ 700 лѣтъ и за все время его царствованія никто не болѣлъ и не умиралъ въ его царствѣ.

Въ концѣ концовъ Джамшидъ возгордился и спросилъ своего визаря: „есть-ли еще подобный мнѣ царь?“. За это Богъ прогнѣвался и послалъ на Джамшида царя Захака, который побѣдилъ и убилъ Джамшида.

Въ нѣкоторыхъ книгахъ содержится указанія, что Джамшидъ, возгордившись, требовалъ, чтобы его боготворили и за это былъ наказанъ. Свѣдѣнія о Джамшидѣ содержатся въ книгахъ Рауззат-ус-сафо и Муглум-уль-афакъ.

***). Искандеръ—Александръ Македонскій, Рустемъ и Зухрабъ (Зорабъ)—герой поэмы Фирдауси „Шахъ-нама“.

****). Прозвище халифа Али Хайдаръ, что значитъ левъ, такъ-же называется созвѣздіе льва въ астрономіи. Четвертаго Халифа называютъ „Левъ Божій“ за его храбрость и къ этому прозвищу иногда присоединяютъ еще прозвище Хайдаръ, что зна-

Всѣ блага мірскія я считаю только напоминаніями, или признаками смерти.

Когда я обратилъ вниманіе на свои мысли, я призналъ себя невѣрнымъ.

Пошелъ я въ капище и себя счелъ послѣдователемъ Азара *).

Я обратилъ вниманіе на древній міръ и себя призналъ сходнымъ съ истрепаннымъ парусомъ.

Я нашелъ, что въ этомъ мірѣ я не болѣе, какъ двигающійся по дорогѣ иноземный караванъ

* *

*

16.

Этотъ Машрабъ пришелъ къ твоему порогу, почитая домъ твой, какъ Каабу **).

Придя, лежить у воротъ, говоря: дай что-нибудь ради Бога.

Я направляясь въ иной міръ, возьму себѣ въ спутники вѣру.

Ради заслугъ лицеизрѣвшихъ пророка, не считай меня бродягой и не прогоняй.

Куда пойду я, о Аллахъ! Я, лежащая у твоего порога, собака.

Короче, Ша Машрабъ имѣлъ обыкновеніе свои дѣла показывать въ непривлекательномъ видѣ, браня оказывавшихъ ему почетъ и уваженіе людей! Онъ сдѣлалъ себѣ изъ полусаженной палки лошадку и ѣздилъ на ней. Еще былъ у Машраба ученикъ, послѣдовавшій за нимъ еще въ молодости. Этотъ тоже сдѣлалъ себѣ деревянную лошадку и ѣздилъ съ Машрабомъ. Оба они, идя по дорогѣ въ городъ за мулла Базаръ Ахундомъ, произносили слѣдующую газаль:

Опустилось горе любви къ тебѣ на мою голову.

Люди приходятъ ко мнѣ, издѣваясь надо мной.

На пути этой любви я плакалъ кровью.

Семь поясовъ земли (весь міръ) были наводнены моими слезами.

Богомольцы въ мечети кланяются передъ михрабомъ,

А я кланяюсь передъ бровями (возлюбленной).

Старайся не огорчить красавицу.

чить побѣдитель, владыка змѣя. Это прозвище присвоено ему за то, что въ Берберѣ онъ на двое разсѣкъ дракона (кн. Баба-раушанъ).

*) Азаръ—отецъ Авраама, онъ основалъ религію поклоненія деревяннымъ идоламъ, которые его послѣдователи дѣлали сами.

**) Кааба—домъ, имѣющій кубическую форму. Мѣсто религіознаго поклоненія мусульманъ въ Меккѣ, храмъ, построенный Авраамомъ, сыномъ Азара (Гыясул-лугатъ, стр. 362). Кромѣ того, каабой называется также кубическая игральная кость для игры въ кости „нардъ“, изобрѣтенная Бузаръ-Джумаръ Хакимомъ (кн. Сурахъ).

Мухтасибъ *) заставилъ виночерпія вылить на землю вино.

Не хватило у него ума понять, что вино ведетъ къ откровенію тайнъ.

О, милая! Причиняй мнѣ 100 тысячъ неприятностей каждый день.

Положи на мою спину, соображаясь только съ моей силою, выюкъ горя.

Машраба—дивану оставляя въ ожиданіи,

Почему ты ни разу не пришла ко мнѣ..

Короче, Ша Машрабъ на деревянной лошаdkѣ въѣхалъ въ городъ. У Ша Машраба былъ ученикъ, котораго звали Пирмасть. Машрабъ позвалъ его и сказалъ:

17.

О, Пирмасть! Моя лошадь уже сколько дней голодна и истощена. О, Пирмасть! Если у тебя есть ячмень, вынеси и дай ей. Пирмасть отвѣтилъ: слушаю, вынесъ и далъ. Ша Машрабъ, положивъ ячмень передъ деревянной лошаdkой, сказалъ: О, животное! Поѣшь хорошенько, потому что путь намъ предстоитъ дальній, перевалы высоки, дорога опасная, спутникъ уже уѣхалъ, теперь пришла наша очередь. Утомившись въ пути, не пристыди меня, ѣшь! Положивъ ячмень передъ лошаdkю, Ша Машрабъ при мулла Базаръ Ахундѣ произнесъ слѣдующую газаль:

Торжище знанія, мулла Базаръ Дивана,

Предводитель влюбленныхъ, мулла Базаръ Дивана,

Онъ не помнитъ зла, его грудь—бездна премудрости.

*) Мухтасибъ—помощникъ раиса, наблюдавшаго за исполненіемъ религіозныхъ обязанностей, блюстителя нравственности. Въ случаѣ нарушенія кѣмъ-либо изъ жителей города религіозныхъ обязанностей, раисъ понуждалъ нерадивыхъ аккуратно совершать установленные намазы, соблюдать постъ, воздержаніе отъ спиртныхъ напитковъ и т. п. Виновныхъ въ нарушении установленныхъ правилъ раисъ вправѣ былъ подвергать и наказаніямъ, чаще всего битью особой плетью „дарра“, сшитой изъ нѣсколькихъ толстыхъ ремней съ короткой рукоятью. Назначенное раисомъ по шаріату число ударовъ плети немедленно отпускалось виновному и исполняли наказаніе мухтасибы. Послѣ завоеванія Туркестанскаго края русскими раисы были временно оставлены на службѣ, а затѣмъ должность эта была упразднена и наблюденіе за нравственностью мусульманъ перешло по традиціи къ выборнымъ народнымъ судьямъ, которые, конечно, не могли уже примѣнять тѣлеснаго наказанія, а сохранили право карать преступниковъ заключеніемъ въ тюрьму и взысканіемъ штрафовъ. Однако, оставшаяся отъ раисовъ „дарра“ еще долго висѣла въ камерахъ нѣкоторыхъ народныхъ судей города Ташкента, какъ эмблема власти и напоминаніе о необходимости точнаго соблюденія предписанныхъ мусульманскимъ вѣроученіемъ обрядностей.

Зеркало свѣта истины, мулла Базаръ-Дивана.

Скроившій себѣ одежду изъ одиночества, отрекшійся отъ благъ обоихъ міровъ.

Выпившій напитокъ уединенія, мулла Базаръ-Дивана.

На пути истины—мостъ, на пути любви онъ соловей.

Кого бы не увидѣлъ онъ, тому становится рабомъ, мулла Базаръ-Дивана.

Мѣсто его родины—Наманганъ, на пути къ истинѣ онъ положилъ душу.

Своихъ послѣдователей видитъ насквозь мулла Базаръ-Дивана.

Его внутренности полны свѣта, его пиръ *) Богадуръ.

Онъ извѣстенъ въ Бухарѣ, мулла Базаръ-Дивана.

Машрабъ самъ правдивый, онъ—бабочка на дорогѣ любви.

Блуждая, идетъ по дорогѣ мулла Базаръ-Дивана.

Ишанъ замѣтилъ, что Машрабъ находится въ какомъ-то необычномъ состояніи и сказалъ: О, Дивана! Добро пожаловать! А Машрабъ на это выраженіе благоволенія произнесъ слѣдующую газаль:

Я пришелъ, чтобы сгорѣть на огнѣ любви къ тебѣ.

Я пришелъ, чтобы увидѣть твое лицо, подобное лунѣ,

Восторгъ отъ твоей косички **) опустился на мою голову.

Я пришелъ для того, чтобы спросить у тебя отвѣта на нѣкоторые вопросы.

18.

Ставъ водолазомъ, я пришелъ къ морю.

*) Пиръ, буквально старецъ, какъ называютъ суфи своихъ духовныхъ наставниковъ.

**) Косичка—„какуль“, украшеніе женщины, но и у мальчиковъ, особенно у любимыхъ сыновей туземцевъ, можно часто видѣть оставленную на бритой головѣ прядь волосъ, залетенную въ косу. Прядь эта имѣетъ мистическое значеніе жертвы, посвящаемой, какъ „назръ“, тому ишану, который считается покровителемъ семьи. Длинная прядь волосъ остается на головѣ мальчика до совершенія надъ нимъ обряда обрѣзанія, а иногда и до совершеннолѣтія. Въ данномъ случаѣ Машрабъ, упоминая о косичкѣ, придаетъ ишану Базаръ-Ахунду признаки той красавицы или возлюбленной, къ обладанію которой стремится восторженный мистикъ для того, чтобы выразить свое восхищеніе душевными свойствами наставника. „Назръ“—жертва, приносимая ишаномъ оставленіемъ на головѣ мальчиковъ пряди волосъ, скорѣе всего относится къ древнему арабскому обычаю, можетъ быть, заимствованному отъ евреевъ (назарен), не стричь волосъ въ знакъ посвященія себя Богу. У нашихъ туземцевъ, лишенныхъ общества женщины, иногда косички на головѣ красивыхъ мальчиковъ (бача) усиливаютъ иллюзію при танцахъ бачи, въ этомъ случаѣ это уже не отрощенныя пряди волосъ, а привязныя косы съ погремушками и кистями, укрѣпленные однимъ концомъ подъ тубитейкой танцующаго, подражающаго женщинѣ.

Я пришелъ, чтобы достать желанный жемчугъ.
Если ты меня спросишь, о, подобный цвѣтку ликъ!
Я пришелъ восторгаться твоей красотой.
Грѣшникъ я, рабъ твой, я сгорѣлъ отъ грѣховъ.
Я пришелъ, чтобы покаяться.

Мои спутники по каравану уѣхали и достигли слѣдующей станціи.

И я пришелъ, направляясь туда же.

Я увидѣлъ твою красоту и лишился сознанія.

Я пришелъ, чтобы стать восторженнымъ, безумнымъ.

О, виночерпій міра! Приготовь напитокъ одиночества, я пришелъ его пить.

Отвори Машрабу дверь твоей милости.

Я пришелъ къ порогу твоей любви, чтобы умереть.

Ишанъ Базаръ-Ахундъ сказалъ:

«О, Машрабъ! Да ниспошлетъ тебѣ Богъ изобиліе, гдѣ ты былъ?»

Машрабъ намѣренно ложно отвѣтилъ: «у меня есть любовница; она мнѣ обѣщала, что мужа своего она отправитъ нарочно за дровами, а мнѣ велѣла приходить, сказавъ, что мы съ ней весело проведемъ время наединѣ. Я пришелъ спросить вашего разрѣшенія, слѣдуетъ ли мнѣ пойти или нѣтъ?» Ишанъ, улынувшись, отвѣтилъ: «иди, говорятъ, обѣщаніе—это долгъ. То, что ты обѣщаль, необходимо исполнить». Ша Машрабъ обрадовался и пошелъ. Одинъ изъ учениковъ ишана сказалъ: «Господинъ! Машрабъ издѣвается надъ міромъ, не будь къ нему расположенъ и выгони его отъ себя». Ишанъ отвѣтилъ: всякій, кто обидитъ Машраба, обидитъ въ то же время и меня. Не обращайтесь вниманія на Машраба. Говорятъ: «Исусъ своей дорогой, Моисей—своей дорогой», а наставникъ, имѣющій власть надъ Машрабомъ, находится въ Кашгарѣ, тамъ окончится его дѣло.

19.

Двое суфи тайно отправились вслѣдъ за Машрабомъ, намѣреваясь, если сказанныя имъ слова (о назначенномъ имъ свиданіи) окажутся справедливыми, поймать его, вымазать лицо сажей и выгнать его прочь отъ ишана. Они увидѣли, однако, что Машрабъ, громко вздыхая о Богѣ, ходилъ по улицамъ и произносилъ слѣдующую газаль:

Я сломалъ изображеніе всего существующаго въ этомъ мірѣ именемъ Великаго Бога.

Я закрылъ глаза именемъ Великаго Бога, чтобы не видѣть тайнаго.

Раньше я подчинялся своему уму,

Но я разорвалъ его сѣти и освободился великимъ именемъ Бога.

Подверженные сомнѣнiю никогда не достигнутъ истины.

Я же, великимъ именемъ Бога, нашелъ пламя ихъ горящей свѣчи.

Всѣ восторженные поклонники Истины произнесли «балла».

Въ день «Алаетъ» *) я былъ пѣнящимся моремъ.

Если я буду искать другого, кромѣ Истины, я не буду вѣрующимъ.

Я, Машрабъ, скорѣе идолопоклонникъ великимъ именемъ Бога.
Другая газаль:

Тому, кто любимъ Богомъ и семь ступеней ада покажутся цвѣтникомъ.

Ведущій меня за руку и указывающій путь—Знающій,

Если можешь владѣть собой, не огорчай даже муравья.

Богъ не признаетъ своимъ рабомъ того, кто способенъ огорчать.

Пока ты живъ, до смерти проливай изъ глазъ слезы.

Если душа твоя не будетъ познавать горя, тысячекратное исполненiе обрядностей не приведетъ ни къ чему.

Не будь двуличнымъ, о бѣдный человѣкъ!

Кто прожилъ жизнь въ такомъ скверномъ состоянiи, того и останки—поганы.

Не будь самонадѣяннымъ мудрецомъ, признающимъ только свои знанiя, а будь скромнѣе и признавай знанiе другихъ.

Въ день страшнаго суда твоимъ проводникомъ будетъ Ахмадъ-и-Мухтаръ **).

Тобою возвеличеннаго раба никто не унизитъ.

Если же Ты пожелаешь кого-либо унизить, то куда бы онъ не пошелъ, вездѣ онъ будетъ униженнымъ.—

Произнося эти слова, Ша Машрабъ бродилъ по улицамъ, а народъ, удивленный, ходилъ за нимъ.

Ша Машрабъ произнесъ еще слѣдующую газаль:

*) День признанiя Бога духами „Калу-бѣла“.

**) *Мухтаръ* одно изъ качествъ Мухаммада (сифатъ) означаетъ-получившій разрѣшенiе.

Въ этотъ день, о безжалостная кокетка, я сталъ твоимъ другомъ.

Я измучился отъ желанія видѣть твою красоту.

Я былъ драгоценной жемчужиной на базарѣ любви.

А по словамъ моихъ недруговъ, я сталъ дешевле перламутра.

Подобно каляндару *) я со стономъ вздыхалъ о твоей любви.

Отъ желанія тебя видѣть я измучился, о подобная пери!

Огонь любви ожегъ твое сердце, о Машрабъ!

Сгорѣвши, въ золу превратилось мое тѣло, меня стали попирать ногами.

Произнеся эти слова, Ша Машрабъ приблизился къ мѣсту праздничныхъ гуляній. Въ это время какъ разъ былъ годовой праздникъ. На мѣстѣ гулянья было озеро. Ша Машрабъ сбросилъ свою одежду и нырнулъ въ озеро. Долго ждали, но Машрабъ все не выходилъ изъ воды. Изъ этого присутствующіе заключили, что Машрабъ человѣкъ Божій и громко выражали свое удивленіе. Мать Ша Машраба скоро узнала, что сынъ ея бросился въ воду и исчезъ. Она, услышавъ объ этомъ, съ возгласами: «ахъ! дитя мое!» припла и стала на берегу озера. Она говорила: «о свѣтъ моихъ очей, сынъ мой, развѣ въ надеждѣ на такіе твои поступки кормила я тебя? Я недовольна тѣмъ, что ты сдѣлалъ». Въ припадкѣ горя отъ потери сына она произнесла слѣдующую газаль:

Я уничтожена горемъ бѣдности, мой сынъ.

Лицо мое стало желто, какъ янтарь.

Я расскажу вамъ мое горе по поводу разлуки съ сыномъ, послушайте, друзья!

Не сказавъ мнѣ того, что у него было на душѣ, ушелъ въ путь сынъ мой.

А Ша Машрабъ, оставаясь въ водѣ, прочелъ своей матери въ тоже время слѣдующіе стихи:

Я остался малолѣтнимъ отъ отца, ты согрѣла мою душу, о мать!

21.

Я принялъ на себя горе разлуки до страннаго суда,

Говоря: гдѣ ты, свѣтъ моихъ очей, мать моя!

Мать Ша Машраба, услышавъ эти слова, произнесла слѣдующую газаль:

*) Каляндари суфіи, одѣвающиеся въ лохотья и давшіе обѣтъ нищенства и странничества. Самое слово каляндаръ на арабскомъ языкѣ обозначаетъ ни къ чему негодный кусокъ дерева, который кладутъ на порогъ, подъ дверь, чтобы она не отпиралась сама. (Гыасу-ль-лугатъ).

Я терплю разлуку, говоря: гдѣ ты, душа мая, сынъ мой!

Вставъ на разсвѣтѣ, склонившись къ твоей холодной колыбели,

Я давала тебѣ молока изъ груди моей, гдѣ ты, душа моя, сынъ мой!

Сосредоточеннымъ сталъ Ша-Машрабъ на пути Божіемъ.

Отрекшись отъ всего мірскаго, сосредоточеннымъ сталъ мой сынъ.

Послѣ этого ишанъ Ша Машрабъ, выйдя изъ воды, сказалъ: «о нѣжная матушка! Прости непослушнаго твоего сына, Всевышній Богъ указалъ мнѣ «этотъ путь» и, взявъ подъ мышку свое исподнее платье, отправился къ ишану Мулла Базаръ Ахунду, а весь народъ, шумя, двинулся за нимъ вслѣдъ. Мулла Базаръ Ахундъ, видя, что изъ глазъ Машраба текутъ слезы, спросилъ его, гдѣ онъ былъ. Ша Машрабъ отвѣтилъ: «я сидѣлъ и игралъ съ своею возлюбленною вдругъ мужъ ея возвратился, неся дрова, онъ меня поймалъ и билъ палкою. Я чуть было не сдѣлался посмѣшищемъ толпы, но успѣлъ схватить шаровары подъ мышку и убѣжалъ».

Ишану Мулла Базаръ Ахунду очень понравился разсказъ Ша Машраба, но когда они разговаривали между собой, слышался голосъ изъ народа: «Машрабъ лжетъ, онъ ходилъ по улицамъ и плакалъ, потомъ пришелъ на мѣсто праздничныхъ гуляній и

22.

выкупался въ озерѣ, тамъ находящемся.» Услышавъ эти слова, Мулла Базаръ Ахундъ съ неудовольствіемъ ударилъ себя по колѣнамъ и сказалъ: «Вы невѣжды, Машрабъ хотѣлъ принять на себя грѣхи всѣхъ жителей этой области, а теперь онъ уйдетъ отсюда». Ша Машрабъ сказалъ: «о Ахундъ! предоставляю вамъ эту область, а себѣ избираю дорогу». Вслѣдъ за тѣмъ онъ произнесъ слѣдующій мухаммасъ:

До какихъ поръ меня, бѣдняка, будетъ томить горе?

Я ищу общенія съ тобою и изъ-за этого въ душѣ моей горе ложится на горе.

Всѣ непріятности для меня происходятъ оттого, что я тебя не вижу.

Что это? Отъ движенія ли небеснаго свода, или отъ предопредѣленія?

Если я умру отъ этихъ страданій, вздохи будутъ знаменемъ надъ моей могилой *).

* *

*) Вздохи влюбленнаго восточные поэты приравниваютъ посоху (въ $\frac{1}{2}$ сажени каждый), помогающему двигаться по пути истины, знамени на могилѣ, какъ обозначенію мѣста смерти благочестиваго и пикѣ, какъ оружію, защищающему возлюбленную отъ враговъ.

Ты, побѣдительница сердецъ, доставляешь наслажденіе душѣ,
я восторженный, влюбленный.

Я готовъ отдать свою душу за свиданіе съ тобою, а ты веселись.

Что мнѣ дѣлать, меня довела до этого любовь къ тебѣ.

Горе отъ этой любви запало въ душу безумнаго и заставило
его уйти въ пустыню.

Если этотъ влюбленный умереть, увидя тебя, это ему нипочемъ.

* *

Если я не увижусь съ тобой, душа моя будетъ болѣть

День и ночь я бѣгаю повсюду, разыскивая тебя, языкъ мой
пересохъ отъ жажды.

Много времени уже испытываетъ страданія моя душа.

Развѣ къ тебѣ не достигаютъ мои «ахи и вздохи»?

Для того, чтобы прошла эта болѣзнь, мнѣ необходимы твоя
милость и участіе.

* *

Пока душа не наболитъ, развѣ можно добиться свиданія съ
возлюбленной?

Развѣ безъ перламутровой раковины капля мартовскаго дождя
сдѣлается жемчугомъ? *)

Пока не зажжена свѣча, развѣ бабочка прилетитъ на ея огонь?

Развѣ будетъ сказка, если ты, открывъ ротъ, не заговоришь?

Свиданіе съ тобою сладко, какъ медъ, страданіе разлуки горько,
какъ ядъ.

23.

Я брожу въ горѣ, мой кумиръ, добиваясь свиданія съ тобой!

День и ночь я слѣжу за тобой своими мысленными очами.

Огорченный, встревоженный я твержу слова безъ смысла.

Боясь страшнаго суда, я рыдаю и плачу о тебѣ.

*) *Найсань* — дождь, выпадающій въ періодъ времени съ 22 по 30 марта. По объясненію мусульманскихъ ученыхъ, къ этому времени перламутровыя раковины выплываютъ на поверхность моря и, раскрывъ свои створки, выжидаютъ, чтобы внутрь попала капля дождя. Эту каплю раковина держитъ годъ внутри. Изъ капли образуется жемчужина, которую раковина и выбрасываетъ для того, чтобы въ мартѣ заключить въ себя новую каплю дождя, какъ сѣмя жемчуга. Совершенно та-же легенда распространена среди населенія Индіи. См. Семейные Вечера „Новаго міра“ Августъ 1900 года.

Въ концѣ концовъ, въ этотъ послѣдній день, все существующее исчезнетъ.

* * *

Если ты истинно влюбленный, не поддавайся страсти пріобрѣтенія.

Долго не спи, вставай на разсвѣтъ, чтобы произносить имя Божіе.

Не ходи безпечно, остерегайся опасности.

О Машрабъ! Не берись за трудныя, неисполнимыя дѣла.

Если ты будешь праведенъ, какое тебѣ дѣло до людской молвы.

Короче, Машрабъ весь народъ привелъ въ восторженное состояніе; всѣ толпой шли за нимъ, громко вздыхая, а самъ Машрабъ все больше и больше поддавался экстазу: онъ пришелъ на базаръ и, взявъ въ руки трехструнный музыкальный инструментъ *), произнесъ слѣдующій мухаммасъ:

Я вступилъ на путь любви, готовый пожертвовать своей головой.

Осужденію я подставилъ свою грудь, какъ кольчугу.

Оставивъ эту станцію, я пустился въ путь.

Пройдя видимый міръ, я двинулся дальше.

Я отъ всего отрекся и закрылъ глаза —

* * *

Въ ночь ожиданія я причиталъ, не находя собесѣдника.

Не находя лѣкарства, чтобы приложить къ ранѣ, причиненной мечемъ ожиданія.

Не находя человѣка, которому я могъ бы пересказать эту боль моей души.

Не находя заслуживающаго довѣрія человѣка, которому я могъ бы объяснить состояніе моей души.

Но въ такомъ положеніи я твою жестокость считаю своимъ родственникомъ, а испытываемое вслѣдствіе любви къ тебѣ мученіе — своимъ отцомъ.

* * *

О возлюбленная! твои рубиновые губки сладки, какъ медъ,

*) Си-гартъ—инструментъ, напоминающій мандолину съ длиннымъ грифомъ и тремя металлическими струнами, по числу которыхъ инструментъ и носитъ названіе. Есть еще такой же инструментъ о двухъ струнахъ, онъ называется ду-гартъ.

Стрѣлы каждой твоей рѣсницы причиняютъ моеѣ душѣ боль.

.

24.

Вѣтеръ отъ вращенія небеснаго свода разорвалъ мою грудь.

Объ этомъ узнали влюбленные и друзья мои стали моими врагами.

Въ году двѣнадцать мѣсяцевъ, между ними мартъ и лѣто и зима.

Невозможно и сравнивать положеніе царя и бѣдняка.

Я одѣлся въ плащъ дервиша и предался странствованію.

* *

Страданія отъ любви къ тебѣ сдѣлались моими спутниками и собесѣдниками всю ночь напролетъ.

У этой кокетки глаза сокола, они ищутъ опасности.

Горе и страданіе въ согласіи между собой, они дѣйствуютъ заодно.

Желаніе свидѣться съ тобой окрыляетъ мою душу.

Изъ стрѣлъ, увязшихъ въ моемъ сердцѣ, я приготовилъ себѣ хвостъ и крылья.

* * *

О милый другъ! Гдѣ Адамъ и Ева? Гдѣ шейхъ тариката Наджмиддинъ Кубаро? *)

Люди Божіи понимаютъ смыслъ этихъ словъ,

Потому что влюбленному не подобаетъ жить въ домѣ, на одномъ мѣстѣ.

Я сталъ проточной водой, или отправился въ путь.

* *

Я здѣсь впалъ въ убожество, а ты тамъ благоденствуешь.

Въ этомъ брэнномъ мірѣ нѣтъ для меня наслажденія.

*) Подъ именемъ Наджмиддина Кубаро извѣстенъ мистикъ Ахмадъ-бигти-Умаръ Хуюфи, получившій прозвище Наджмиддинъ для обозначенія его положенія среди святыхъ ему современныхъ, какъ большая звѣзда среди малыхъ свѣтилъ. Къ этому прозвищу добавлено еще слово Кубаро, свидѣтельствующее о томъ, что шейхъ этотъ всегда оставался побѣдителемъ въ религіозныхъ спорахъ. При нападеніи Хулагу на Багдадъ въ 618 году Хиджры Наджмиддинъ Кубаро былъ убитъ (Тарихъ Имамъ Яфѣи и Нафахатуль Унсъ стр. 270).

Какое счастье для меня, когда въ душу мою придетъ гость.
Для того, чтобы предложить ему угощеніе, о осуждающіе меня,
Я готовъ пожертвовать кровью своей печени.

* *

Я палъ къ ногамъ возлюбленной, желая языкомъ лизать ея
ступни.

Чтобы душой и сердцемъ зазвонить въ колоколь любви,
Я завернулся въ свой саванъ и радостный легъ у костра
Съ тѣмъ, чтобы, если встрѣчусь съ врагомъ, побраниться съ
нимъ,

Схвативъ друга за полу, считая ее за оборонительное оружіе.

* *

Чтобы быть съ другомъ собесѣдникомъ въ ночь опредѣлений *)
Я, пораженный горемъ, разрушилъ свою вѣру и толкъ **).

25.

Я скрылъ тайну, это причина величія.
Не хочетъ быть близорукимъ, это болѣзнь Машраба.
Я сосредоточилъ тысячу понятій въ одной точкѣ.

* *

Короче, Ша Машрабъ прочелъ до конца эту газаль, восторгъ
его достигъ высшаго предѣла; взойдя на гору, онъ понюхалъ на всѣ
четыре стороны и, сказавъ, что со стороны Кашгара слышенъ за-
пахъ одного Божьяго человѣка, онъ направился въ сторону Каш-
гара. Раньше ему было извѣстно, что внукъ Хазретъ-Махдуми-Агза-

*) Ляйля-туль-кадръ, такъ называютъ мусульмане ночь, въ которую былъ
ниспосланъ Мухаммаду Коранъ (Кор. гл. 97 (Опредѣленія) ст. 1—5). Она приходится
на 27, 28 или 29 число мѣсяца Рамазана и никому не извѣстно, которую изъ этихъ
трехъ ночей слѣдуетъ считать ночью опредѣлений. По повѣрью мусульманъ, отчасти
основанному на приведенныхъ выше стихахъ Корана, въ ночь опредѣлений на землю
сходить Архангелъ Гавріилъ и духъ Іисуса, или Мухаммада (достоверно неизвѣстно).
Поэтому молитва въ эту ночь имѣетъ особое значеніе и приноситъ человѣку такую
заслугу передъ Богомъ (савабъ), какъ если бы онъ молился въ продолженіе 1000 мѣ-
сяцевъ. Въ Коранѣ (гл. 97) говорится, что „ночь опредѣлений—лучше тысячи мѣся-
цевъ“ и что „во время ея ангелы и духъ, по изволеніи Господа ихъ, нисходятъ со
всѣми повелѣніями его“.

**) Подъ этимъ словомъ „мазгабъ“ мусульмане понимаютъ различныя подраз-
дѣленія вѣрованій въ зависимости отъ школы, которой слѣдуетъ извѣстная группа
вѣрующихъ. Въ Туркестанѣ живутъ исключительно сунниты, послѣдователи Имама
Агзама, или Ханифиты.

ма-Афакъ-ходжа находится въ Кашгарѣ *). Смыслъ слова Афакъ тотъ, что носящій это имя будетъ святымъ міра. Въ мірѣ извѣстны два Афака: первый—Ходжа Абдуль Халыкъ Гыдждувани **) и второй Афакъ-Ходжа. Машрабъ рѣшилъ, что вмѣсто того, чтобы бродить безъ цѣли, для него будетъ гораздо лучше пойти и посвятить свои силы на служеніе этому человѣку. Машрабъ произнесъ при этомъ слѣдующій мухаммась:

Мнѣ лучше видѣть свѣтъ зажженной свѣчи твоей красоты.

Мнѣ лучше, подобно бабочкѣ, кружиться около твоей головы,

Чѣмъ испытывать преслѣдованія враговъ, о другъ, мнѣ лучше умереть.

Мнѣ лучше добиваться свиданія съ тобой, чѣмъ проливать слезы отчаянія.

Мнѣ лучше, сдѣлавъ себѣ спутникомъ воспоминаніе о тебѣ, вздыхать постоянно.

* * *

Выпившій напитокъ *шаріата*, держашій въ рукѣ кольцо дверей *тариката*.

Возлюбившій царя истины, овладѣвшій очами справедливости.

Ходившій по пути осужденія, видѣвшій собраніе милости,

Въ саду міра гулявшій, въ огнѣ любви сгорѣвшій.

Утирать глаза прахомъ слѣдовъ любимаго человѣка для меня лучше.

* * *

Хожу я, рыдая, всегда въ состояніи безумія.

Проливаю всегда слезы горя, пристально смотря на возлюбленную.

У меня нѣтъ друга, которому я могъ бы рассказать состояніе своей души.

Какъ у восторженнаго, безумнаго, мое сердце течетъ слезами изъ глазъ.

*) См. жизнеописаніе этого святого въ предисловіи.

**) Абдуль-Халыкъ-Гыдждувани родился въ селѣ Гыдждуванъ близъ Бухары, жилъ и подвизался въ Бухарѣ. Въ молодости онъ удостоился лицезрѣнія невидимаго для прочихъ святого Хазретъ Хызра, который и далъ ему указанія, какъ жить, почему онъ и сдѣлался суфіемъ. Хызръ назвалъ при этомъ Абдуль-Халыка своимъ сыномъ (Нафахатиль-унсъ стр. 242).

26.

О, мой кумиръ! для меня лучше, вздыхая, находиться въ тво-
емъ капищѣ.

* *
*

Затмилось мое солнце, не слышитъ мой другъ моихъ рыданій.
Онъ не проявляетъ ко мнѣ милости, видя мое положеніе и по-
чернѣвшее отъ горя лицо мое.

Сводъ небесный омрачился отъ дыма моихъ вздоховъ.

Вмѣсто того, чтобы въ день страшнаго суда страдать отъ вос-
поминанія своихъ грѣховъ,

Мнѣ лучше теперь же разорвать воротникъ и рыдать.

* *
*

Въ день Аласть, Халыкъ-Джабаръ *) моему духу

Увѣренно обѣщалъ, что онъ увидитъ его красоту.

Вотъ почему искренно-влюбленные плачутъ кровью.

Если мнѣ суждено въ раю свидѣться съ тобой,

Мнѣ тогда лучше пожертвовать раемъ и горѣть въ адскомъ огнѣ.

* *
*

Владыка моей души сѣтью словилъ птицу моей души.

Онъ сохранилъ ее, заключивъ въ сердцѣ.

Чашу любви подалъ больному, сказавъ: «пей!»

О Машрабъ! чѣмъ дожидаться листопада въ твоемъ цвѣтницѣ,

Тебѣ лучше, подобно соловью, тихо плакать на разсвѣтѣ.

Короче, Ша Машрабъ, выйдя съ клабища *Лямаръ*, произнесъ
слѣдующую газаль, соотвѣтствующую состоянію его души:

Если я уйду изъ Намангана, то вспомнить ли кто-нибудь обо
мнѣ.

Если я умру въ городѣ бѣдности, подумаетъ ли кто обо мнѣ.

Я выпилъ вино любви, вскипѣлъ, какъ вода въ котлѣ, и вы-
лился.

Я отрекся отъ этого брэннаго міра, есть ли человѣкъ, который
бы обо мнѣ вспомнилъ.

На мою голову снизошло горе, шумъ любви.

Она подчинила себѣ мою волю, найдется ли человѣкъ, который
подумалъ бы обо мнѣ.

*) Халыкъ—Творецъ, Джаббаръ—Мститель, принадлежать къ числу наиболѣе
употребительныхъ именъ Аллаха, которыхъ считается 99.

У меня не хватаетъ терпѣнія остаться и нѣтъ силъ итти.

Въ моей груди пылаетъ огонь любви, есть ли человѣкъ, который бы подумалъ обо мнѣ.

Не хватаетъ у меня терпѣнія остаться здѣсь и бродить въ Наманганѣ,

А если я уйду съ цѣлью обойти кругомъ весь міръ, то найдется ли человѣкъ, который бы вспомнилъ обо мнѣ.

Люди не знаютъ состоянія души этого бѣдняка Машраба,

Если я унесу отсюда свою голову, найдется ли человѣкъ, который вспомнилъ бы обо мнѣ.

27.

Сказавъ эти слова, Машрабъ взошелъ на крѣпостной холмъ, распрощался и сказалъ слѣдующую газаль:

Счастливо оставаться, земляки, я ухожу сегодня.

Бросивъ игру хвастовства, я разрушилъ ее, не оставивъ камня на камнѣ.

До свиданья друзья, повѣренные моихъ тайнъ.

Я сдѣлаюсь странникомъ на пути любви.

Я отрекся отъ всего земного, оставаясь самъ свободнымъ.

Какъ Іисусъ, я сегодня отправился въ путь на небо.

На дорогѣ я крѣпче стянулъ поясъ безкорыстія.

Все, что у меня было, я положилъ къ подножію неоцѣненного Бога сегодня.

На моей головѣ, какъ на головѣ соловья *), помѣстилось впечатлѣніе любви.

Я сегодня расказалъ смыслъ цвѣтника любви.

*) По мнѣнію туземцевъ, въ головѣ соловья помѣщается постоянно „шумъ любви“, который заставляетъ его пѣть на разсвѣтѣ, помимо даже его воли. Собственно, соловей влюбленъ въ цвѣты, которые растутъ въ садахъ, гдѣ онъ живетъ. Высшее, но недосыгаемое наслажденіе соловью доставляетъ видѣть, какъ роза расцвѣтаетъ, развертывая свои лепестки. Чтобы добиться этого счастья, птица поетъ всю ночь свои нѣжные пѣсни, пристально слѣдя за одной изъ готовыхъ распусться розъ, но всю ночь соловью приходится пѣть, а лепестки не раскрываются. Наконецъ, передъ разсвѣтомъ, усталый за ночь пѣвецъ поневолѣ на мгновеніе смыкаетъ вѣки и какъ разъ въ это время цвѣтокъ раскрывается и самого момента расцвѣтанія соловью не удается видѣть. Огорченный неудачей онъ поетъ на разсвѣтѣ самыя грустныя пѣсни, а какъ только стемнѣетъ снова заливается любовными напѣвами, рассчитывая въ эту ночь дожидаться распусканія розы и опять повторяется то же, что и предыдущей ночью. Такъ влюбленный въ розу соловей живетъ съ неудовлетвореннымъ стремленіемъ и служитъ восточнымъ поэтамъ синонимомъ неуд^о

Сказавъ эти слова, Ша Машрабъ пошелъ, но скоро встрѣтился съ пастухомъ, пасшимъ стадо барановъ.

«Знаешь ли ты своего духовнаго начальника, о пастухъ», сказалъ Ша Машрабъ.

«Не знаю», отвѣчалъ пастухъ.

«Что же ты дашь мнѣ, если я тебѣ расскажу о твоёмъ наставникѣ», сказалъ Ша Машрабъ.

28.

«Эти бараны не мои, а принадлежатъ другому человѣку, поэтому мнѣ тебѣ нечего дать», отвѣчалъ пастухъ, и Ша Машрабъ сказалъ ему, что согласенъ рассказать про наставника, если пастухъ отдастъ ему свою собаку. Пастухъ, нечего дѣлать, согласился отдать собаку и послѣ этого Ша Машрабъ рассказалъ ему про каждаго изъ *Асхаби-кахфъ* *), а именно про *Ямлиха*, *Максалина*, *Кашпутата*, *Азарфатъ-Юнуса*, *Яванисъ Юнуса*, еще *Юнуса*, *Кашафатъ Юнуса* и собаку ихъ *Кытмырь*.

Окончивъ рассказъ, Ша Машрабъ повелъ собаку, данную ему пастухомъ и сказалъ ей: «о безсловесное животное, будь мнѣ теперь спутникомъ». Обративъ вниманіе на состояніе собаки, обращаясь къ ней, Ша Машрабъ сказалъ слѣдующую газаль:

О, безсловесный спутникъ, вездѣ мы съ тобой вдвоемъ.

И въ пустынѣ, и въ городѣ мы съ тобой вдвоемъ.

Горе, несчастіе, мученія, все это по предопредѣленію Творца.

Въ радости и въ горѣ, въ худѣ и въ добрѣ мы съ тобой

влетворенной страсти. Его положеніе служить для обозначенія душевнаго состоянія безнадежно влюбленныхъ, стремящихся къ обладанію красавицей. Суфи, въ свою очередь, пользуются соловьемъ для выраженія своего стремленія къ самопоглощенію въ Зогъ и постоянного исканія истины.

*) Подъ именемъ „Асхаби-кахфъ“, что въ переводѣ значитъ подвижники пещеры, или могилы, у туземцевъ извѣстны лица, удалившіяся отъ преслѣдованій римскаго императора Дакаянуса (Декия) 249—251 по Р. Х., и поселившіеся въ пещерѣ въ горахъ, съ своею собакою. По волѣ Божіей, такъ говоритъ преданіе, люди эти уснули и только черезъ 200 лѣтъ одинъ изъ нихъ проснулся. Человѣкъ этотъ отправился въ ближайшій городъ, чтобы купить провизіи, но когда снъ на базарѣ въ уплату за купленные продукты подаль монету съ изображеніемъ очень давно царствовавшаго императора, лавочникъ заподозрилъ его въ обманѣ и покушника задержали и отвели къ царю. Царь разспросилъ пришедшаго, узналъ отъ него исторію его товарищей и повелѣлъ привести ихъ всѣхъ къ себѣ. Посланный пошелъ, но когда онъ вошелъ въ пещеру, гдѣ спали остальные его спутники, ихъ могила закрылась навсегда, скрывъ тайну 7 человѣкъ и собачки Кытмырь, бывшей вмѣстѣ съ ними. Наши туземцы считаютъ „Асхаби-кахфъ“ покровителями домашняго благополучія и потому въ Ташкентѣ въ обычаяхъ писать

вдвоемъ. Если ты въ этомъ мірѣ будешь ходить безъ головы и безъ ногъ,

Мы другъ другу будемъ повѣрять то, что у насъ на душѣ, мы вдвоемъ.

Мы, подобно Адгаму отрелись отъ всего земного,
Въ Меккѣ, Балхѣ или Мединѣ мы вдвоемъ.

Прежде всего намъ надо найти шира—наставника.

День и ночь будемъ мы вдвоемъ служить ему душой.

О, Манрабъ! Стократъ восхваля Бога, тебѣ нашелся спутникъ!

Гдѣ бы мы ни были, куда бы ни пошли, мы съ тобой вдвоемъ,
искренній другъ.

Сказавъ эти слова, Ша Манрабъ двинулся въ путь. Они дошли до берега рѣки. Всѣ встрѣчавшіеся имъ люди были заняты своими дѣлами и никто на нихъ не обращалъ вниманія. Ша Манрабомъ овладѣлъ восторгъ, онъ взялъ въ руки трехструнную гитару и сказалъ слѣдующій мухаммась:

Мой стыдъ, одинъ, произвелъ шумъ въ мірѣ,

Осталась одна рыба девяти небесъ *), остерегайтесь!

Мы съ возлюбленной въ одной рубашкѣ, а люди думаютъ, что это одинъ человѣкъ.

Я, каляндаръ, обошелъ весь міръ будучи одинокимъ.

29.

Какъ Си-Мургъ **), я летѣлъ безъ крыльевъ и безъ хвоста.

* *

Я не желалъ райскаго блаженства, его гурій и сводовъ.

Имена этихъ „асхабовъ“ на раскрашенныхъ потолкахъ въ кругѣ посрединѣ потолка особой вязью, съ тѣмъ, чтобы помѣстить всѣ имена, не исключая и собаки, въ небольшомъ кружкѣ. Помню, есть такая надпись въ кабинетѣ бывшаго казья Мухаддина Ходжи въ Сибзарской части. Рассказъ о подвижникахъ могилы представляетъ изъ себя до крайности искаженное повѣствованіе очевидно, заимствованное цѣлкомъ изъ житія *святыхъ семи отроковъ, иже во Ефесѣ*, память которыхъ православная церковь празднуетъ 4 августа (см. Миней четьи м-ца августа въ 4 день, стр. К. Е.). Имена этихъ отроковъ: Максимиліанъ, Іамвлихъ, Марцініанъ, Іоаннъ, Діонисій, Ексакустодіонъ и Антонинъ. Скрылись въ пещеру въ горѣ Охлонъ, на востокъ отъ Ефеса, вслѣдствіе гоненія Декія (Римскаго). Ходилъ за пищей въ городъ Іамвлихъ, у него и былъ отобранъ древній серебряникъ, послужившій поводомъ къ его арестованію при Феодосіи Юнѣйшемъ. Вскорѣ послѣ свиданія съ этимъ царемъ, отроки скончались въ пещерѣ. Никакой собаки при нихъ не было.

*) Небеса въ космогоніи мусульманъ носятъ названія по именамъ планетъ, девятое (афлакъ), на которомъ расположенъ тронъ Бога (арыкъ).

**) Сказочная птица, см. объясненіе въ примѣчаніяхъ выше.

Я не желалъ приобрѣсти этотъ и тотъ міръ.
Я не пожелалъ всѣхъ богатствъ Византіи и Китая.
Я не пожелалъ трона и вѣнца всѣхъ земныхъ царей.
Я сталъ бѣднякомъ; по сушѣ и черезъ море я иду одинъ.

* * *

О искренно ищущій знанія, я рассказалъ тебѣ все, пойми,
Невидимыхъ святыхъ ты считалъ присутствующими,
Хотя ты самъ созданъ изъ чернаго праха, по душу твою считай солнцемъ, освѣщающимъ міръ.
Пока святой міра не взглянетъ на тебя, не надѣйся,
Что удастся тебѣ достать жемчугъ изъ моря.

* * *

Міръ созданъ для любви, а не изъ-за драгоценныхъ рудъ и камней.

Если ты потомокъ правовѣрнаго, о другъ! повѣрь этому.

До тѣхъ поръ, пока въ тебѣ будетъ живъ духъ, старайся найти указателя прямого пути.

Предразсвѣтный вѣтерокъ дуетъ, чтобы собрать ароматы цвѣтовъ.
Иначе какъ бы соловей пѣлъ одинъ на разсвѣтѣ?

* * *

Не кланяйся у воротъ земныхъ царей ни за что,
Войдя въ брѣнную могилу, лежи и не просыпайся ни за что.
Если претерпишь и непріятность отъ Божьяго человѣка, не покидай его ни за что.

Если тебѣ и страшно станетъ въ пустынѣ горя, не возвращайся ни за что.

Вступи въ эту «Ваді-Айманъ» *). какъ левъ-самецъ, одинъ.
Сегодня съ похмелья я пришелъ и поклонился виноторговцу,
Я не пошелъ къ шейху, я не повѣрилъ словамъ брамина.

30

По дорогѣ я то бѣжалъ, то падалъ, то сидѣлъ.

*) Подъ именемъ Ваді-Айманъ мусульмане знаютъ пустыню, въ которой впервые опредѣлилось пророческое достоинство Моисея. Моисей съ женой, по преданію, удалился въ пустыню и когда женѣ пришло время разрѣшиться отъ бремени и понадобился огонь, оба стали искать по степи направо (айманъ). Моисей увидѣлъ свѣтящееся дерево, изъ котораго послышался голосъ: „Иини-ан-Алла“—Я Богъ. Это и было призваніемъ Моисея къ пророчеству. (Гягсиль-дугатъ стр. 484).

Пока я тебя увижу, о красавица, я тебя поручилъ Богу.

Меня сдѣлалъ такимъ бѣднякомъ одинъ кругъ луны *).

Ты просишь, Машрабъ, у безпокойства души любовной бесѣды,
Уничтожь себя, пока не усилится чувство возлюбленной.

Обыкновеніе влюбленныхъ—совершенно уничтожать себя.

Если уединенный домъ твоей возлюбленной не будетъ при-
готовленъ,

То по этой дорогѣ нѣсколькимъ людямъ идти нельзя, развѣ
пойдешь одинъ.

Сказавъ эти слова, Ишанъ Ша Машрабъ направился по до-
рогѣ къ Андижану. Онъ шелъ по берегу рѣки, а въ рѣкѣ дѣвушки
изъ Балыкчи купались. Ша Машрабъ, увидѣвъ ихъ, сталъ съ ними
шутя разговаривать. «О юродивый?!» сказали дѣвушки: «поиграй и
скажи газаль, а мы послушаемъ». Ша Машрабъ сказалъ: «слушайте!»
и прочелъ слѣдующую газаль.

Посмотрѣла на меня краемъ глаза дѣвушка и вошла въ меня
новая душа.

Отвернулась она отъ меня и мое сердце облилось кровью.

Ежедневно 1000 ранъ наносятъ эти стрѣлы моей больной души.

И ни одно мѣсто, чтобы залѣчить рану, не поцѣловала дѣвушка.

Закрывъ свое лицо покрываломъ, какъ будто вставила свѣчу
въ фонарь.

100 тысячъ суфи свела съ ума дѣвушка.

Машрабъ былъ соловьемъ въ цвѣтникѣ.

А дѣвушки своими шутками превратили его въ индѣйскаго
попугая.

31.

Сказавъ эти слова, Ша Машрабъ, пройдя Балыкчи, направился
къ Андижану и по дорогѣ сказалъ слѣдующую газаль:

Я опьяненъ одиночествомъ и не могу дойти до тебя.

Я пилъ напитокъ Аласта, я влюбленъ въ твое лицо.

«Покажи мнѣ лицо» говорилъ Моисей, но не увидѣлъ Тебя,

Я провожу безсонныя ночи отъ мученій любви.

Друга Божія Авраама бросилъ въ огонь проклятый Нимвродъ**).

*) Даури-камарія, одинъ лунный годъ.

**) Нимвродъ, по туземному Нимрудъ, царь Вавилонскій (Бабыль-Вавилонъ). Онъ
сынъ Канъ-ана, сына Гуша, сына Прама, сына Сама (Симъ) сына Ноя. Онъ при жизни
овладѣлъ всѣмъ міромъ, 7-ю его поясами, такихъ государей извѣстно только три: Соло-
монъ, Нимрудъ и Искандеръ Зуль-Карнаинъ (Александръ Македонскій). Во времена Ним-

А онъ пѣлъ соловьемъ и этотъ соловей былъ я.

Иосифу въ то время, когда онъ былъ заключенъ въ темницу, былъ приготовленъ тронъ и вѣнецъ.

По этому случаю я, какъ Іаковъ, плакалъ кровью.

Пройдя семь слоевъ земли, пройдя 9 небесъ,

Ставший близко къ Богу Ахмадъ Мухтаръ *) это я самъ.

Кто Хасанъ-мученикъ, кто Хусайнъ-Карбалинскій? **)

Умершіе отъ жажды, отъ недостатка воды—это я самъ.

Я укрылся плащемъ твоего Единства, о Единый! отъ тѣбя помощь.

Маширабъ говорить, о Боже! я отъ всего отрекся самъ.

руда въ селеніи Куфа родился Авраамъ, сынъ Азара, выросъ и сталъ пророкомъ. Однажды Авраамъ вошелъ въ капище, гдѣ и разбилъ сдѣланныхъ изъ камня идоловъ. Объ этомъ дали знать Нимруду и царь повелѣлъ заключить Авраама въ темницу.

Для казни Авраама онъ приказалъ выстроить особую печь въ 60 арш. длиною, 40 арш. шириной и 20 арш. высотой. Печь наполнили дровами, налили туда нефть и набросали сѣры. Былъ изготовленъ особый поворотный кранъ (манджаныкъ), при помощи котораго Авраама опустили въ печь. Въ это время послышалось приказаніе Божіе: „О огонь, приказываю тебѣ стать холоднымъ и поклониться Аврааму!“ Огонь сталъ холоднымъ и не причинилъ ни малѣйшаго вреда Аврааму, внутренность печи обратилась въ благоухающій цвѣтникъ. Увидѣвъ такое чудо, Нимродъ понялъ, что это дѣло рукъ Божіихъ и пожелалъ увидѣть Бога, приблизиться къ нему, чтобы съ нимъ помѣряться силой. Онъ досталъ четырехъ орлятъ (карганъ) и сталъ ихъ усиленно откармливать. Когда орлята выросли и сдѣлались сильными орлами, Нимродъ приказалъ построить ящикъ, въ который могъ бы помѣститься онъ самъ и его приближенные; помѣстилъ надъ ящикомъ куски мяса и къ ящику привязалъ четырехъ орловъ, которые, видя выше себя мясо, старались до него добраться: летѣли все къ верху и поднимали вмѣстѣ съ тѣмъ ящикъ, гдѣ помѣстился нечестивый царь и его придворные. Много дней и ночей летѣли къ небу орлы, унося съ собою ящикъ съ Нимродомъ, но небо ему все казалось также далеко какъ и съ земли. Посмотритъ вверхъ—небо далеко, оглянется внизъ—все темно и ничего не видно, такъ и спустился на землю Нимродъ, не приблизившись къ небу. Богъ послалъ Ангела передать Нимроду, чтобы онъ смирился и утѣривалъ въ пророческій даръ Авраама, но на Нимрода не подѣйствовало и явленіе Ангела, онъ просилъ передать Богу, что онъ не смирился и будетъ все время бороться съ Богомъ. Тогда на Нимрода и его войско были ниспосланы мухи, которыя начали нестерпимо жалить его самого и воиновъ его. Все войско разбѣжалось. Одна муха забралась Нимроду въ носъ и такъ беспокоила его своимъ щекопаніемъ, вызывая зудъ въ носу, что царь, исчерпавъ всѣ мѣры избавиться отъ мухи, сталъ бить себя по носу колотушкой, примѣняемой при забиваніи кольевъ и то не могъ ничего сдѣлать. Въ такихъ мученіяхъ онъ пролежалъ 40 лѣтъ изъ своего четырехсотлѣтняго царствованія (Таарихи Табари. Рауззату Сафо—35).

*) Пророкъ Мухаммадъ.

**) Карбала, мѣсто, гдѣ убитъ изъ-за религіозныхъ рспрей сынъ 4-го халифа Алія Имамъ Хусейнъ. Находится въ области Иракъ-Арабъ, вблизи Персидскаго залива. Тамъ большая пустыня, которая тянется до Куфы, черезъ Иракъ проходитъ рѣка Евфратъ (Фирадъ). Тамъ по приказанію Язида, сына Моавій было убито 73 че-

Окончивъ эту газаль, Ша Манрабъ вошелъ въ Андижанъ, произнося слѣдующій талкынъ *).

Я съ Маджнуномъ нѣсколько лѣтъ бродилъ въ пустынь,
Безъ отдыха разыскивая Ляйли **).

Услышавъ про такія мученія моей души, посмотри на меня милостиво.

Кто такъ увлеченъ тобою, какъ я, кто какъ я добивается свиданія съ тобою.

Если бы у меня была не одна, а 100 душъ, я всѣми ими пожертвовалъ бы для тебя.

Эта бѣдность прекрасна, что въ сравненіи съ ней тронъ Соломона?

Чтобы опьянить меня, несчастнаго бѣдняка,

Кокетливо улыбаясь, прошла около меня моя возлюбленная.

Виноторговцы, услышавъ о красотѣ твоего лица,

Обезумѣли, согнулись и обнажились.

Ахъ! На огнѣ любви къ тебѣ сгорить мое сердце.

Въ концѣ концовъ сердце мое спечется на огнѣ твоей любви.

Отъ разлуки съ тобой я испытываю мученія, я страдаю,

Я плачу, влюбленный, желая тебя увидѣть.

32.

Будь милостивъ, сдѣлай меня повѣреннымъ своихъ тайнъ.

Чтобы ты ни пожелалъ, я все исполню, какъ приказъ.

Бѣднякъ твой рабъ приноситъ тебѣ мольбы своей души.

Дай твоему рабу то, что онъ проситъ у тебя, Творецъ!

Я выпилъ одну каплю напитка Аласта.

Поэтому мнѣ теперь необходимо опьянять себя гашишемъ ***)
земой жизни.

ловѣка, всѣ потомки Мухаммада и во главѣ ихъ Хусейнъ, сынъ Алія. Это было въ 63 году гиджры. Другой сынъ Алія—Хасанъ былъ отравленъ въ Меккѣ. Самое названіе города Карбала составлено изъ двухъ словъ—*карибъ*—горе, *бала*—несчастье, ударъ, причиненныя страданія. (Раузату-Сафо).

*) Талкынъ значитъ учить, вразумлять (Мунтахаб-ут-таварихъ) по книгѣ Багари-Аджатъ—говорить языкомъ. Въ музыкѣ это одно изъ развѣтвленій мотимакамъ. Талкынъ распѣваютъ дервиши при обходѣ базаровъ для сбора милостыни, это обычай нищенствующихъ суфиевъ ордена Накибандіа-джагрия.

**) „Ляйли-ва-Маджнунъ“ названіе поэтического произведенія персидскаго поэта Абдулахъ-Джамн. На тюркскомъ языкѣ тотъ же романъ въ стихахъ изложенъ Ам. Наван. Содержаніе романа—любовь Маджнуна (въ букв. см. сумасшедшій) къ Ляйли.

***) Гашишъ—остъ-индская разновидность обыкновенной конопли *Cannabis Sativa* L. var. *indica* Lam., особенно женское растеніе, отличается обильнымъ выдѣленіемъ

О владыка души моей изъ-за тебя страдаетъ Машрабъ,
На главу его сегодня пали мученія мірской жизни.

Произнеся эти слова, Машрабъ совершилъ поклоненіе андижанскимъ святымъ *) и направился въ сторону Оша, произнося по дорогѣ этотъ мустаазать **).

О, луноликая, что мнѣ дѣлать, твоя любовь меня уничтожила,
Я сталъ безумнымъ.

Огонь любви къ тебѣ горитъ въ моей груди, а ты равнодушна,
Я обратился въ бабочку.

Когда я однажды увидѣлъ лицо этой луноликой,

Это была мечта, подобная грезѣ,

Что это, рука врага, или предопредѣленіе Божіе,

Я сталъ чужимъ.

Кто способенъ интересоваться состояніемъ души Машраба

И дать то, что онъ проситъ?

зеленоватой смолы на верхушкѣ стеблей, вѣтвей и цвѣтовъ. Эта смола, заключающаяся и внутри тканей растенія соскабливается и, подъ именемъ гашиша, употребляется на Востокѣ для куренія, производя одуряющее дѣйствіе, подобное дѣйствію опиума. Продолжительное куреніе гашиша имѣетъ слѣдствіемъ сильное нервное расстройство, однимъ изъ признаковъ котораго является неудержимый спазматическій хохотъ, затѣмъ и смерть. Конопляная смола, не содержащаяся ни въ американской, ни въ европейской коноплѣ, заключаетъ въ себѣ *кантабисъ* или *гашишишъ* и эфирное масло. Изъ гашиша готовятъ на Востокѣ сиропы и конфеты, дѣйствующие, повидному, такъ-же или подобно тому, какъ дѣйствуетъ куреніе вещества. Въ Европу привозится не смола, а верхнія части осмоленныхъ стеблей съ ихъ листьями и соцветіями.

*) Зіарать—поклоненіе святымъ и чтимымъ священнымъ предметамъ. Совершается по особому ритуалу. Желающій совершить поклоненіе предварительно совершаетъ омовеніе (таарать), какъ передъ молитвой, входитъ на кладбище, приближается къ могилѣ, сложивъ руки, какъ для припѣтствія и проноситъ: „Ассаламу алейкумъ я ахлюль-кубуръ“ т. е. миръ вамъ обитатели могилъ. Далѣе, совершающій зіарать произноситъ: „сообщаю вамъ, что судный день приблизится“ и, сѣвъ въ молитвенную позу, читаетъ сколько можетъ главъ Корана для спасенія души погребенныхъ на кладбищѣ умершихъ. Потомъ, обратившись лицомъ къ Каабѣ исполняетъ 2 ракаата обыкновенной молитвы и удаляется. Таковъ ритуалъ зіарата при посѣщеніи могилъ святыхъ и поклоненіи могиламъ умершихъ родственниковъ. Чтеніе Корана на могилахъ умершихъ считается особенно спасительнымъ для душъ умершихъ. Мало-мальски состоятельные мусульмане приглашаютъ для этого чтецовъ—кари, въ большинствѣ слѣпыхъ, произносящихъ главы Корана наизусть и завѣщаютъ вакуфныя имущества для пополненія расходовъ на чтеніе Корана на могилѣ умершаго въ извѣстные опредѣленные дни, обуславливая какая часть Корана должна прочитываться на поминъ души. Это даетъ заработокъ бѣднымъ мулламъ и слѣпымъ.

**) Мустаазать—особый видъ стихосложенія, въ которомъ за каждой длинной строчкой слѣдуетъ короткая.

Нѣтъ знающаго повѣреннаго тайнѣ, способнаго разспросить, что дѣлается въ моей разстроенной душѣ.

Я уничтоженъ.

Сказавъ эти слова, Ша-Машрабъ пришелъ въ Ошъ, совершилъ поклоненіе трону Соломона, подошелъ къ могилѣ Асафа бинни Бархія *) и сказалъ слѣдующій мунаджатъ **).

Къ твоему порогу, я, безсильный бѣднякъ, пришелъ.

Надѣясь получить отъ тебя помощь, я пришелъ, плача кровью.

Я пришелъ въ надеждѣ насладиться твоимъ присутствіемъ, увидѣть твое лицо.

Восторженный, какъ соловей, я пришелъ съ сотней аховъ и вздоховъ.

Ходить Машрабъ отъ двери къ двери съ запекшимися губами,

Ища напитка знанія, какъ тюльпанъ съ окровавленными внутренностями.

33.

Сказавъ эти слова, Ша Машрабъ вышелъ изъ Оша и пошелъ по дорогѣ въ Кашгаръ. Черезъ нѣсколько дней, страдая отъ голода и жажды, онъ достигъ перевала и усталый, обезсилѣвшій произнесъ въ честь своего наставника слѣдующій мунаджатъ:

Оставивъ Самада ***), но поклониться ли мнѣ идолу,

Позабывъ о блаженствѣ и наслажденіи, не сказать ли мнѣ о своемъ горѣ?

Какъ сирота, съ поникшей головою изолью я передъ Нимъ всѣ мои мученія.

Проливая слезы изъ глазъ я расскажу Ему о состояніи моей души.

Хорошъ ли я, или дуренъ, всетаки я рабъ Бога,

Что я стану говорить о предопредѣленіи, или о томъ, что мнѣ предстоитъ.

Къ тебѣ приближается твой Машрабъ, протяни руки, Асфакъ-Ходжа!

Гдѣ я, гдѣ достиженіе истины, о мой наставникъ, скажу я.

*) Асафъ, бинни Бархія—дядя Соломона со стороны матери. (По кн. Музиль-люль-аглатъ и Бурханъ) въ другихъ книгахъ сказано, что Асафъ бинни Бархія былъ израильскій ученый изъ потомковъ Израиля, какъ мусульмане называютъ Исаака, сына Авраама. (Гыксу-уль-лугатъ 8).

**) Мунаджаты называютъ стихотворныя обращенія къ Богу, или святымъ нѣчто вроде гимна, или молитвы...

***) Самадъ—одно изъ свойствъ Бога—*нетлѣнный*.

Сказавъ эти слова, Ша Машрабъ перешелъ черезъ переваль и переходъ за переходомъ двигался далѣе. Наконецъ, приблизившись, онъ радостно произнесъ эту газаль:

О, моя возлюбленная красавица, покой моей души, гдѣ ты?

Гдѣ ты, отверстіе бутона въ цвѣтникѣ моей души?

Ужасно тяжело состояніе моей души, а ты не придешь утѣшить меня.

О, мой милостивый, любимый блажующій духъ мой, гдѣ ты?

Сколько дней уже сердце мое нетерпѣливо ожидало встрѣчи съ тобой.

О, милый, чарующій рѣчью, владыко моей души, гдѣ ты?

Мои глаза въ слезахъ, я остался въ этой пустынь горы

Въ разлукѣ съ тобой, мои вздохи поднялись къ небу, гдѣ ты?

Самъ Машрабъ жаждетъ, сердце его сгорѣло.

Я въ разлукѣ съ тобой, мой охъ и вздохъ, гдѣ ты?

Въ Кашгарѣ у Афакъ-Ходжи.

Говоря эти слова, Ша Машрабъ достигъ Камгара. Увидѣвъ кашгарцевъ, онъ пришелъ въ экстазъ и непроизвольно произнесъ слѣдующую газаль:

Къ твоему покровительству прибѣгаю я, одинокій бѣднякъ.

Я пришелъ повѣдать тебѣ состояние моей души.

34.

Въ моихъ рукахъ нѣтъ достойнаго тебя подарка.

Одинокій, усталый я прихожу къ тебѣ.

Не гони меня, а прими мое раскаяніе.

Я прихожу къ тебѣ съ базарной площади, растерзанный,

Изъ несуществующаго города, съ базара житейской суеты.

Я прихожу къ тебѣ, какъ покупатель, имѣя въ наличности одну лишь душу.

Будь милостивъ, сотвори чудо, уврачуй мою душу,

Я боленъ и пришелъ къ тебѣ за лѣкарствомъ.

Усиленно просить объ этомъ бѣдный Машрабъ.

Открой твоё покрывало, потому что я пришелъ, желая видѣть твоё лицо

Говоря эти слова, Ша Машрабъ подошелъ къ дому Афакъ-Ходжи и произнесъ слѣдующій мунаджатъ:

Силою имени Божія я дожилъ, знайте, друзья, отъ сотворенія міра до настоящаго времени.

На моемъ языкѣ всевышній Богъ и твое лицо, я пришелъ.

Ты принадлежишь къ числу потомковъ пророка, имя твое Афакъ.

Разсчитывая, что ты не оставишь меня въ безвыходномъ положеніи, я пришелъ, великій покровитель!

На меня съ самаго сотворенія міра палъ этотъ огонь, о мусульмане!

Поэтому я горю день и ночь, 100 разъ вздыхая, я пришелъ.

Раскинуть въ тотъ день ангелы шатеръ для страшнаго суда.

Я пришелъ, произнося: «прости мои прегрѣшенія, о Кахаръ» *).

Указывающій прямой путь, мой наставникъ, Хазретъ Афакъ-Ходжа,

О милые, видѣвшіе его мюриды, сто разъ вздыхая, я пришелъ.

Приди Машрабъ съ надеждой, что простятся твои грѣхи.

Ради Хасана и Хусейна я пришелъ къ твоему порогу.

Короче, Афакъ-Ходжѣ слѣлались извѣстны эти произнесенные Машрабомъ мунаджаты и онъ сказалъ: «О суфій! Знаете ли вы что-нибудь? Изъ области Ислама пришелъ безумный юродивый и плачетъ у двери. Приведите сюда этого бѣдняка». Мулла Баки и Мулла Саки Ахундъ вышли и увидѣли передъ собой молодого человека съ едва пробивающимися усами, полнаго, красиваго лицомъ, съ большими глазами, сросшимися бровями, съ блещущимъ огнемъ во взглядѣ.

35.

Удивительнаго дервиша съ огненными рѣчами, такого юродиваго, какого до того времени не случалось видѣть людямъ. Они привели дивану къ Хазрету. Ша Машрабъ, увидѣвъ Афакъ-Ходжу, произнесъ слѣдующій мунаджатъ:

Съ каждымъ вздохомъ я прошу у тебя помощи, принося 100 моленій.

Ради моихъ страстей, прости мнѣ мои грѣхи.

Хотя я посѣдѣлъ на пути грѣховъ,

Но, по твоей милости, господинъ, не оставь твоего раба.

Опасна дорога передъ нами, враги гонятся за нами

*.) Кахаръ (гнѣвный) одинъ въ эпитетовъ Божіихъ.

О Боже! Веди въ путь твоего раба, будучи милостивъ.
Или милостиво призови, или, разсердившись, сожги.
Не идя по пути истины, я шелъ по пути діавола,
У меня не хватаетъ словъ, чтобы выпросить прошеніе, что же
мнѣ дѣлать, о Боже!

Въ глазахъ людей міра—я суфи, а на самомъ дѣлѣ
Я Хаманъ *) въ одеждѣ Моисея.

Кромѣ тебя, о Господи, на кого мнѣ надѣяться.

Ты сотворилъ міръ своею силою и установилъ порядокъ.

Я приношу свое раскаяніе, какъ безсильный Мансуръ.

О Господи, исполни мою просьбу ради силы Сары Тагіа **).

Услышавъ этотъ мунаджатъ, Хазретъ Афакъ Ходжа приказалъ
подвести Машраба ближе къ себѣ. Двое суфи, схвативъ Машраба
подъ руки, опустили его къ ногамъ Хазрета Афакъ-Ходжа взялъ
Машраба за руку и сказалъ: «О юродивый, откуда ты пришелъ?»
«Таксыръ ***), изъ Бухары», отвѣчалъ Машрабъ. «Ну, говорятъ, *и
ослы изъ Бухары не безъ юлоса*», сказалъ Афакъ-Ходжа: знаешь ли
ты какіе-нибудь стихи Ходжа Хафиза, прочти-ка одну газаль мнѣ
вмѣсто приношенія» «Слушаю», отвѣтилъ Ша Машрабъ и произ-
несъ слѣдующую газаль Ходжа Хафиза:

36.

О если бы тѣ, которые однимъ взглядомъ превращали пыль
въ золото,

И на насъ бросили бы взгядъ,

Чѣмъ говсрить этому врачу о моей болѣзни, лучше скрыть отъ
него мои страданія.

Вѣроятно, онъ дастъ мнѣ лѣкарство изъ своего хранилища
тайнъ.

«Довольно, довольно», сказалъ Хазретъ, поднявъ руки: «если
ты будешь продолжать, то я сгорю отъ восторга, теперь прочти что-
нибудь изъ твоихъ собственныхъ газалей». Ша Машрабъ прочелъ
слѣдующую газаль:

*) Главный изъ вельможъ Фараона, вмѣстѣ съ царемъ противился проповѣди
Моисея. Фараонъ велѣлъ ему изъ кирпичей построить башню, чтобы съ нея узнать
Бога, Хаманъ погибъ вмѣстѣ съ Фараономъ. (Коранъ гл. 28, 29 и 40).

**) такъ называется 20-я глава Корана по переводу Саблукова. Т. г.
твердо, глаголь. Та—га, по произношенію двухъ арабскихъ буквъ, стоящихъ въ
началѣ этой главы. (См. примѣч. выше).

***) Таксыръ—господинъ, титулъ, употребляемый туземцами при обращеніи къ
высшему лицу.

Сегодня я пришелъ, чтобы увидѣть великаго повелителя-царя,
Я пришелъ, чтобы, подобно твоей собакѣ, тереться лицомъ
своимъ о твой порогъ,

Въ тотъ день ангелы разобьютъ шатеръ для страшнаго суда.

Ты—алхимикъ, обладающій чудодѣйственнымъ взглядомъ, я—
мѣдъ и пришелъ, чтобы, подѣ влияніемъ твоего взгляда, обратиться
въ золото.

Всему міру стало извѣстно о твоемъ величіи.

Твой рабъ Машрабъ пришелъ напомнить о себѣ, съ самыми
лучшими пожеланіями.

Короче, произнесенные Ша Машрабомъ стихи понравились
Афакъ-Ходжѣ, онъ сдѣлалъ знакъ, чтобы Машрабъ читалъ еще и
тотъ произнесъ слѣдующую газаль:

Великій Божій человекъ, я пришелъ просить твоихъ молитвъ,

Подобный льву святой, я пришелъ просить твоего покровъ.

Взявъ въ руки кинжалъ, мой кумиръ сказалъ мнѣ: «давай го-
лову».

Я одинокій рабъ пришелъ, чтобы заслужить твое одобреніе.

Твой дервишъ Машрабъ, положившій голову на пути къ тебѣ,

Пришелъ къ этому порогу просить твоего покровъ.

Хазрету понравилось прочитанное. Онъ милостиво взглянулъ
на него, простеръ руки, произнесъ молитву объ исполненіи желаній
Машраба и ласково потрепалъ его по плечамъ. Какъ раненая птица,
лишившись чувствъ, упалъ Машрабъ, а Афакъ-Ходжа взялъ его
голову и положилъ къ себѣ на колѣни. Проницательнымъ взоромъ
вглядѣвшись въ душу Машраба, ишанъ увидѣлъ, что онъ въ свѣ-
тильникъ своей души уже налилъ масла, уже приготовилъ и фи-
тиль, но принужденъ бродить, не находя достаточно сильнаго
наставника, чтобы зажечь фитиль.

37.

Обращаясь къ окружающимъ, Афакъ-Ходжа сказалъ: «будьте
вы свидѣтелями, что этому юродивому я нарекъ имя Машрабъ».
Слышавшіе отвѣтили на эти слова восклицаніемъ «Богъ великъ!».

Съ этого времени сдѣлалось извѣстно имя Машрабъ. Онъ, от-
крывъ глаза, произнесъ слѣдующую газаль:

Прими мою руку, о наставникъ, истощилось мое терпѣніе.

Укажи мнѣ путь, о наставникъ, истощилось мое терпѣніе.

А пришелъ къ тебѣ, святой, сегодня просить твоихъ молитвъ.

Я сирота съ поникшею головою, для меня не существуютъ
наслажденія.

Я тотъ, кого Афакъ-Ходжа полюбилъ и назвалъ Машрабомъ.
Я умру у твоего порога, нисколько не сожалѣя о разлукѣ съ жизнью.

Сказавъ эти слова, Ша Машрабъ, обративъ вниманіе на состояніе своей души, замѣтилъ, что оно совсѣмъ не похоже на прежнее и понялъ, что въ сравненіи съ тайными науками, извѣстныя людямъ явныя науки не больше, какъ ремесло, въ сравненіи съ искусствомъ. Соотвѣтственно этой мысли онъ произнесъ слѣдующую газаль:

Для того, чтобыискать любви, надо сдѣлаться безумнымъ, нѣмымъ.

Уподобивъ себя праху, необходимо стать нищимъ, бродящимъ, отъ двери къ двери.

И день и ночь надо добиваться свиданія съ другомъ.

Просыпаясь ночью, день и ночь надо молиться.

Торопись! Нельзя оставлять до вечера то, что слѣдуетъ сдѣлать утромъ.

Чтобы сдѣлаться святымъ, надо уподобиться убогому Адгаму.

Поднялся пророкъ къ небу, не поспѣвалъ Гавріилъ за нимъ слѣдовать.

Чтобы понять эту тайну, надо найти достигшаго высокихъ степеней святого.

Короче Афакъ-Ходжа, услышавъ эти слова, милостиво сказалъ: «о Машрабъ! останься служить при мнѣ». Машрабъ всталъ и поклонился Хазрету. Вслѣдъ за тѣмъ, въ теченіе трехъ лѣтъ, Ша Машрабъ носилъ дрова, три года онъ носилъ бурдюкомъ воду, а одинъ годъ лежалъ у порога ишана. Въ продолженіе этихъ 7 лѣтъ Ша Машрабъ сносилъ всего одну нубу—лѣтомъ онъ одѣвалъ ее кверху мѣхомъ, а зимой мѣхомъ къ тѣлу. По этому поводу имѣлъ обыкновеніе произносить слѣдующіе стихи:

О братья, я ношу семь лѣтъ одну и ту же одежду.

Кто достаточно не потрудится, тому не заслужить свиданія.

Однако, вторично онъ не замѣчалъ со стороны Афакъ-Ходжи по отношенію къ себѣ милостиваго вниманія. Испытывая душевныя страданія, онъ сказалъ самъ себѣ: «о Машрабъ! семь лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ какъ ты пришелъ къ этому порогу. За все это время твой наставникъ только однажды назвалъ тебя Машрабомъ и, еслибы онъ еще разъ такъ тебя называлъ, то дѣло твое было бы кончено. Ну-ка, соверши теперь какой-нибудь грѣхъ! Всевышній Богъ не

обращаетъ вниманія на безгрѣшныхъ, а если я согрѣшу, можетъ быть Онъ призоветъ меня къ себѣ для допроса... Совершу я поганое прелюбодѣянiе, можетъ быть вслѣдствiе моего преступленiя, мой наставникъ скажетъ: «Тащите, повѣсьте Машраба!» и я умру, нисколько не сожалѣя о жизни». Говоря эти слова, Ша Машрабъ произнесъ слѣдующiй мунаджатъ:

Она обѣщала притти, а сонъ бѣжалъ отъ моихъ очей.

Я стоялъ на дорогѣ, пристально всматривался въ даль, а она, жестокая кокетка, не пришла.

Сколько злыхъ соперниковъ моихъ собралось, а она лицомъ подобная пери—не пришла.

Я умираю отъ этихъ мученiй, а облегченiе моимъ страданiямъ не появлялось.

Я сталъ мученикомъ любви, но не получилъ и капли воды...

* * *

Я съ нетерпѣнiемъ ожидалъ дня страшнаго суда, если въ этой жизни ей не суждено притти ко мнѣ.

Какъ же мнѣ не плакать, если она на меня не обращаетъ вниманiя.

Исполняя желанiя всѣхъ, она не исполняетъ моего желанiя.

У нея нѣтъ жалости, жестокосердая, она даже не справляется о моемъ положенiи.

Ко всѣмъ она ласкова, а ко мнѣ, злая, не пришла.

* * *

Вздыхая, лежу я, больной, въ городѣ бѣдности.

Если надо, возьми мою душу, я боленъ.

Подыми покрывало съ твоего лица, я желаю видѣть твое лицо, подобное мѣсяцу.

О виночерпiй! дай мнѣ вволю напиться вина, я уже нѣсколько дней съ похмелья.

Цвѣтъ всѣхъ собранiй, лилейный локонъ не пришелъ.

* * *

Я жажду тебя видѣть, гдѣ ты, будь милостива.

Вздыхая и плача хожу я, гдѣ ты, моя душа?

39.

Я ищу и не нахожу мѣста твоего пребыванiя, гдѣ ты, вездѣ-сущая!

О повѣренная тайнъ моей души, о мое прибѣжище, гдѣ ты?

На меня пало 100 тысячъ затрудненій, а совѣтникъ не идетъ.

* *
*

Мое сердце наполнилось страданіями, приди избавительница отъ мученій.

Что бы ты ни сдѣлала, сама сдѣлай, владыка моей души, приди. Властительница всѣхъ царей, о славная, приди.

Приди, милостивый вѣнценосный царь!

Не пришла снимающая ржавчину съ души, лицомъ подобная зеркалу.

* *
*

Я сталъ узникомъ любви, я совершилъ много грѣховъ и не зналъ объ этомъ.

Принесли мечъ, чтобы меня казнить, а я не зналъ, о Боже!

Отвернулось отъ меня мое счастье, а я не постигъ глубины моего горя.

Я не зналъ, что мой защитникъ Хазретъ Афакъ-Ходжа.

Поэтому не пришла владычица души моей, чтобы сѣсть противъ меня.

* *
*

О благочестивый! Ты сказалъ: Машрабъ, войди внутрь мечети, А я, стѣсняясь повязанной на головѣ его чалмы, безмолствовалъ передъ благочестивымъ.

Благочестивый сказалъ: «садись у михраба, будь спокоенъ».

Удивительно, что муки и страданія послѣдовали за мною и въ мечеть.

Сколько дней я не предавался молитвѣ, въ мое сердце не снизошло ни одного «ху» *),

Произнеся этотъ мунаджатъ, Ша Машрабъ плача кружился въ экстазѣ. У Афакъ-Ходжи была служанка, на обязанности которой лежало приносить воду для омовеній; она, выглянувъ изъ окна, лукаво сказала: «о Машрабъ! семь лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ стрѣла любви къ тебѣ вонзилась въ мое сердце и если ты сегодня гдѣ-нибудь не побудеешь со мною наединѣ, то въ день страшнаго суда

*) „Ху“—буквально: Онъ, это одно изъ прекрасныхъ именъ Божіихъ. Дервиши при своихъ радѣніяхъ, путемъ упражненія, стараются развить въ себѣ способность произносить это слово въ сердцахъ. Конечно, очень трудно убѣдить себя въ томъ, что достигъ этого умѣнья; про эту-то трудность и упоминаетъ Машрабъ.

рука моя будетъ на твоей полѣ *). Машрабъ замѣтилъ, что она стоитъ чисто одѣтая, лицо ея подобно мѣсяцу, стройна она, какъ пальма, станъ какъ цвѣтокъ, а сама прекрасна, какъ пери. Увидѣвъ ее, онъ потерялъ сознание.

40.

Придя въ себя, онъ сказалъ: «о сущій Боже! и есть же такія женщины на свѣтѣ, это несчастіе для души». Вслѣдъ за этимъ Машрабъ снова впалъ въ безсознательное состояніе. Это происшествіе сдѣлалось извѣстно Афакъ-Ходжѣ. Онъ одѣлъ красную одежду и вышелъ съ обнаженнымъ мечемъ Ша Машрабъ, увидѣвъ Афакъ-Ходжу, прочелъ слѣдующую газаль:

Я обезумѣлъ, увидѣвъ дочь султана Аджама, **)

До тѣхъ поръ, пока я не стану узникомъ локоновъ моего идола.

Если бы это существо опьянѣло,

Мы вдвоемъ пошли бы въ Мекку.

Если бы вдругъ возлюбленная взяла въ руки мечъ,

Я рыдалъ бы передъ ишаномъ—моимъ наставникомъ.

Одними вздохами я заставилъ Ляйли обезумѣть.

Люди, не имѣющіе наставника, погибнуть въ огнѣ геенны.

Тѣло Машраба Богъ запретилъ сжигать адскому огню,

Потому что велика искренность Машраба.

Другая газаль.

Я обезумѣлъ отъ свѣта свѣчи ея красоты.

Я готовъ сдѣлаться жертвой свѣта несуществующаго огня,

Красавица, отъ выпитаго тобой вина раскраснѣлось твое личико.

Ты загля садъ Ирамъ***), гдѣ были всѣ пери.

*) Это выраженіе означаетъ угрозу принести жалобу на Машраба во время страшнаго суда. За полу хватаетъ заимодавецъ своего должника въ томъ случаѣ, когда онъ добровольно не уплачиваетъ долгъ и для взысканія его приходится вести къ казню.

**) Мусульмане называютъ „Аджамомъ“ всѣ страны къ западу отъ Аму-дарьи.

***), Древній мнѣическій царь Шаддадъ, обуреваемый гордостью, задумалъ осуществить на землѣ то, что ему было извѣстно о раѣ. Онъ приказалъ изъ золотыхъ и серебряныхъ плитъ сложить основаніе сада, а въ немъ посадить деревья, листья которыхъ были сдѣланы изъ изумрудовъ, а плоды изъ жемчуга. Когда садъ былъ вполне готовъ, царь приказалъ подать себѣ коня, чтобы поѣхать осмотрѣть свое произведеніе. По волѣ Божіей, ему не суждено было видѣть сдѣланное по его приказанію подобіе рая. Онъ успѣлъ только одну ногу вдѣть въ стремя, а, занося другую на лошадь, внезапно скончался, не видѣвъ сада Ирамъ. По повелѣнію "ожію, садъ Ирамъ сдѣлался невидимъ для глазъ человѣческихъ и населенъ былъ такими же невидимыми пери.

Моя душа страдала подъ твоимъ мечемъ,
Но я готовъ отдать свою душу за твою бровь, подобную перу *).

Что это за несчастіе, Машрабъ, замѣтны слѣды расплетенной косы,

Всѣхъ уничтожаетъ, разрушаетъ городъ вѣры это величіе.

Ишанъ Афакъ сказалъ: «о суфіи, схватите Машраба, отъ него пахнетъ Мансуромъ». Суфіи, схвативъ Машраба, связали его. Ша Машрабъ, рыдая передъ Богомъ, сказалъ:

41.

«О Творецъ! до конца своей жизни я не буду совершать такихъ преступленій, потому что я только однажды согрѣшилъ, а рабы твоихъ рабовъ такъ судятъ меня, что для меня лучше наслаждаться твоимъ лицемеріемъ, пока Ты самъ, будучи судьей, осудишь меня на страшномъ судѣ.

Сверхъ одного грѣха надо совершить 100 тысячъ грѣховъ,

За мной 100 тысячъ грѣховъ, о Боже, но нѣтъ за мной ни одной вины».

Машраба привели къ Афакъ-Ходжѣ. Онъ, вознося молитвы Богу, сказалъ: «О Творецъ, Чистый, Единый, Вѣчный! безъ твоего повелѣнія и шипъ колючаго растенія не вонзится въ ногу твоего раба, поэтому происшедшій со мною случай я отношу къ твоему предопредѣленію», и Ша Машрабъ произнесъ затѣмъ слѣдующую газаль:

Если я рассказалъ бы о томъ, какъ я влюбленъ—міръ сгорѣлъ бы.

Если я расскажу кому-нибудь тайну моей любви—домъ слушателя сгоритъ.

Если хоть искра отъ огня моей страсти попадетъ на кого-нибудь, онъ много будетъ плакать.

У меня не хватаетъ твердости и терпѣнія, горитъ мое сердце.

Я, бездомный бѣднякъ, сгораю отъ любви къ тебѣ.

Возлюбленная, если я вздумаю произнести твое имя, языкъ сгоритъ отъ сладости.

На какомъ нарѣчій могу я, о возлюбленная, достойно воспѣть всѣ твои совершенства.

Языкъ мой нѣмѣетъ, глаза мои въ слезахъ, кости мои незаметно страдаютъ.

Какъ тяжелы дни разлуки съ тобой, дорогая!

*) Восточные поэты сравниваютъ бровь съ камышевымъ перомъ (калямъ).

Отъ дыма монахъ вздохомъ загорится земля и небо.

Я уничтоженъ этимъ страданіемъ, а ты даже не придешь справиться о моемъ положеніи.

Страсть къ тебѣ и твоя жестокость тайно сожгутъ мое сердце.

О дорогая, не причиняй кому-либо другому страданій, испытываемыхъ Машрабомъ.

Если я вздохну во время страшнаго суда, самъ вѣчный рай сгорить.

Окончивъ эту рѣчь, Ша Машрабъ по поводу своей мученической кончины сказалъ слѣдующую газаль:

42

Намѣренъ ли ты убить меня, или сжечь?

Или хочешь возложить на мою голову горе?

Показавъ одинъ за другимъ сады этого міра.

Хочешь послать на поклоненіе Каабѣ твоего порога?

Сбросивъ съ неба на землю, сдѣлавъ униженнымъ среди людей.

Намѣренъ ли ты, какъ у птицы, ощипать у меня крылья и хвостъ?

Я мученикъ любви, неси саванъ и заверни меня.

Ахъ! или ты хочешь наполнить мою внутренность алою кровью?

Когда я сдѣлаюсь достойнымъ рая, дай мнѣ чистаго наиптка.

Или ты хочешь сдѣлать мнѣ честь—повѣсить меня?

Если я подумаю о комъ-либо кромѣ тебя, о Боже!

Хочешь ли ты на ремни разрѣзать мою кожу?

Всѣ эти страданія опустили на мою голову.

Или ты хочешь сжечь Машраба на огнѣ любви?

«О Машрабъ!» сказалъ Афакъ-Ходжа: «никто еще до сихъ поръ не позволялъ себѣ подобнаго безобразія», а Ша Машрабъ въ отвѣтъ на эти слова ишана произнесъ слѣдующіе стихи:

Я узналъ, что имя твое святой, указывающій прямой путь.

Чтобы удостоиться права идти по прямому пути, я совершилъ грѣхъ.

Ишанъ приказалъ преклонить дивану къ землѣ, суфіи положили Машраба на землю, а самъ Афакъ-Ходжа досталъ изъ кармана печать, бросилъ ее въ огонь, накалилъ и приложилъ къ затылку Машраба. Святой человѣкъ чудеснымъ образомъ понялъ, что мѣсто происхожденія сѣмени человѣческаго находится въ жилѣ на шеѣ и, найдя эту жилу, ишанъ приложилъ къ ней печать. По поводу этой милости ишана Ша Машрабъ произнесъ слѣдующую газаль:

Возьми меня за руку, укажи мнѣ путь, я пришелъ заблудившись.

Я опоздалъ сегодня поклониться твоему порогу.

Подобно собакѣ съ ошейникомъ, я лежу у твоего порога.

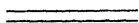
43.

Кружокъ твоей печати на моей шеѣ, я пришелъ просить прощенья.

Я. Машрабъ, пьяница и невѣрный, я ниже твоихъ учениковъ.

Но, на этотъ разъ, возьми мою руку, потому что я пришелъ заблудившись.

Сказавъ эти слова, Ша Машрабъ огорченный, страдая душой, ушелъ отъ ишана и направился въ Яркендъ.

Въ Яркендѣ и Хотанѣ.

Ша Машрабъ вдругъ очутился въ Яркендѣ. Жители этого города желали видѣть Машраба. Они вышли къ нему навстрѣчу и увидѣли передъ собою каляндара съ огненнымъ дыханіемъ, восторженнаго. Длинныя локоны ниспадали до пояса, черты лица обнаруживали присутствіе въ Машрабѣ огня страсти. Вышелъ навстрѣчу и самъ начальникъ Яркенда. Весь народъ Машрабъ привелъ въ восторженное состояніе. Только усумнившіеся ученики яркендскаго ахунда, обратившись къ своему учителю, сказали: «о господинъ ахундъ! неужели и вы пойдете навстрѣчу къ такому одурманившему себя опіемъ каляндару? онъ приближается совершенно нагой». Ахундъ сказалъ: «друзья! вы ошибаетесь! Идите поклонитесь ему, изгоните изъ вашей головы непочтительныя мысли по поводу его наружности, такой его видъ—это одинъ изъ признаковъ святости». Ученики ахунда пошли и привѣтствовали Машраба. Ша Машрабъ однимъ взглядомъ изгналъ всю гордость изъ ихъ сердецъ. Всѣ они почувствовали къ нему влеченіе и босые, съ обнаженными головами пошли за нимъ. Онъ, идя по дорогѣ, произносилъ слѣдующій мухаммасъ:

Покажи свое лицо, или я умру, во всемъ существѣ моемъ нѣтъ больше терпѣнія.

Милостивая, гдѣ ты, душа моя лишилась спокойствія.

На мою голову дождемъ полились несчастія, всѣ бѣды народа пали на мою голову.

Я испытываю мученія, моя душа лишилась покоя.

Я шелъ черезъ города и пустыни, въ моей душѣ не осталось желаній.

* *

44.

Я влюбился въ твое лицо, умру, если не увижу тебя, что мнѣ дѣлать?

Какъ Баязидъ.*) я 1000 разъ въ день готовъ пожертвовать собой.

Я буду лежать въ могилѣ, когда придутъ Менкирь и Некирь**).

Дѣлай все, что ты хочешь, благочестивый, я попробую изъ чаши напитка.

Я все отдамъ за напитокъ, у меня не хватаетъ терпѣнія.

* *

Если ты влюбленный, будь такимъ, пусть міръ знаетъ о тво-
емъ невѣріи.

Будь униженнымъ среди людей, пусть они поносятъ твое имя.

Сравнийся съ землей, пусть они отъ тебя получаютъ пользу.

Будь пылью на дорогѣ, пусть они, проходя, попираютъ тебя ногами.

Кромѣ невѣрія мнѣ ничего не осталось

* *

Если хочешь быть язычникомъ, будь идолопоклонникомъ любви
и не заботься о чемъ-либо мірскомъ.

Не будь поганымъ, не принимай на себя личины благочестія
съ цѣлью пріобрѣсти богатства.

Подобно Адгаму не обращай никакого вниманія на все земное.

Оставайся всегда безумнымъ, никогда не приходи въ себя.

*) Султанъ Баязидъ Бостами.

**) Менкирь и Некирь مکیر و نکیر это имена ангеловъ, которые, по словамъ ко-
рана, будутъ бить грѣшниковъ по лицу и хребту (47,29). Коранъ не называлъ ангеловъ
по имени, не указалъ число ихъ и времени, въ которое они будутъ дѣлать это.
Мухаммедане говорятъ, что ихъ два и зовутся указанными именами, что они дѣлаютъ
умершему мухаммеданину, когда положить его въ могилу, допросъ въ вѣрѣ и, если
отвѣты его не удовлетворительны, бьютъ его палицами (Саблукъовъ, приложение I къ
его переводу корана стр. 136).

Возьми мою руку, мой наставникъ; въ моей душѣ нѣтъ больше силы.

* * *

Въ день Азалия*) Богъ приказалъ мнѣ сторѣть, я загорѣлся, сторѣлъ и обратился въ золу.

Я былъ лежащимъ на дорогѣ виномъ колючки, подвѣяніемъ его взгляда я обратился въ цвѣтокъ.

Я искалъ чаши съ напиткомъ, слава Богу, я самъ сталъ виномъ.

Я былъ бездомной собакой, а, отыскавъ хозяина, сталъ его рабомъ.

Я прошелъ степень твердости, у меня не осталось силъ.

* * *

Я схватилъ полу наставника и онъ въ концѣ концовъ повелъ меня по дорогѣ.

Сбившагося съ пути обласкалъ Афакъ-Ходжа.

Всякій, кто ступитъ на этотъ путь, долженъ оставить тщеславіе.

Непрестанно вспоминая о Богѣ, онъ плачетъ обоими глазами.

И долженъ непрестанно славить Бога, во мнѣ не осталось наклонности ко сну.

* * *

Если ты не пойдешь по дорогѣ любви, ей Богу, ты не встрѣтишь возлюбленной.

Если не будешь униженъ въ этой жизни, ты не найдешь наслажденія за гробомъ.

Если не сторитъ твоя грудь, не польются изъ глазъ твоихъ слезы.

Если ты самъ не обратишься въ дорогу на пути, ты не избавишься отъ дьявольскаго навожденія.

45.

Виноторговецъ подалъ вина и въ душѣ не осталось ни пылинки,

* * *

Лицемѣрно благочестивые шейхи идутъ по направленію къ мечети.

Въ рукахъ у нихъ четки, они дѣлають видъ, что заняты исполненіемъ обрядностей религіи.

*) Рузи-азали, это тоже что „калубала“, день признанія ангелами господства Бога.

Устами произнося имя Божіе, они желаютъ, чтобы для нихъ вернулись времена Ахмада*).

Идутъ медленно, шагъ за шагомъ, съ гордостью разставивъ руки.

Вотъ почему, друзья, не съ кого стало брать примѣръ!

* * *

Я подчиняюсь предопредѣленію, меня назвали Маширабомъ.

Въ этомъ огнѣ расплавилась находившаяся во мнѣ мѣдь и хорошіе люди поздравили меня съ этимъ.

Остановившагося на дорогѣ, заблудившагося, обласкалъ наставникъ.

Я былъ грѣшный рабъ, но учитель взялъ меня за руку и позвалъ.

Я отрекся отъ тщеславія и во мнѣ не осталось страданій.

Произнося эти слова, Ша Маширабъ вошелъ въ городъ. Начальникъ Яркенда усадилъ Машираба на приготовленное для него парчевое одѣяло.

Маширабъ, сидя на одѣялѣ, помочился **).

*) При жизни мухаммеданскаго пророка самыя большія почести выпадали на долю ревностныхъ его послѣдователей, потому „времена Ахмада“ были бы счастьемъ для лицемѣровъ.

**) Такое отношеніе Ша Машираба къ оказываемымъ ему почестямъ одинъ изъ видовъ его юродства, приемъ неоднократно встрѣчающійся въ его жизнеописаніи. Мусульмане педантично охраняютъ чистоту своей одежды, такъ какъ только въ безусловно чистой одеждѣ можно молиться, а молиться нужно 5 разъ въ день. Человѣческія изверженія, попадая на одежду или оставаясь на ней, дѣлаютъ одежду нечистой и потому мусульманинъ болѣе всего остерегается такого загрязненія и совершаетъ омовенія водою (таарать), или очищенія землю (таянимъ) послѣ каждаго исполненія естественныхъ потребностей. Эти потребности принято отправлять такъ, чтобы не было видно окружающимъ наготы человѣка (аурать) и въ особо отведенныхъ для того мѣстахъ, дѣлать же это, сидя въ обществѣ и не стѣсняясь присутствіемъ людей, очевидно, верхъ неприличія и поступающій такъ выражаетъ явное презрѣніе къ окружающимъ.

Въ Чимкентѣ былъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ народный судья С. А—ъ и, по болѣзни, вынужденъ былъ отправлять свои естественныя потребности въ той же комнатѣ, гдѣ онъ жилъ и разбиралъ судебныя дѣла. Привыкъ онъ къ ночной посудѣ, живя среди русскихъ и, боясь простудиться, не выходилъ изъ комнаты за нуждой. Такое поведеніе казія возбудило противъ него общее негодованіе подсудныхъ ему мусульманъ, его перестали считать правовѣрнымъ и съ нескрываемымъ презрѣніемъ говорили объ этомъ.

Совершенно невинное въ глазахъ европейцевъ обстоятельство это крайне повредило С. А—ву во время выборовъ.

Ша Маширабъ выбралъ для выраженія презрѣнія къ ханженству и фарисейству самый наглядный и сильно дѣйствующій приемъ.

«Мы подослали вамъ одѣяло, желая выразить вамъ этимъ наше уваженіе, зачѣмъ же вы испортили одѣяло», сказалъ начальникъ города.

«Къ такимъ знакамъ уваженія слѣдуетъ относиться такъ, какъ я отнесся», отвѣчалъ Машрабъ. «Самъ-то ты изъ чего произошелъ», спросилъ онъ начальника города. Тотъ отвѣчалъ: «изъ праха». «Если такъ, то хорошо ли ты дѣлаешь, что отправляешь свои естественныя потребности на то, изъ чего самъ произошелъ», сказалъ Машрабъ. Далѣе, Машрабъ спросилъ начальника города, разрѣшитъ ли онъ въ своемъ саду развести костеръ. «Вы сами царь, какъ сдѣлаете, такъ пусть и будетъ», отвѣчалъ начальникъ города и приказалъ принести дровъ.

Ша Машрабъ сказалъ: «Абдулла ханъ*) любилъ янтагъ**), принесите янтага». Принесли это топливо, Ша Машрабъ зажегъ костеръ и вскричалъ: «о Пирмасть, принеси мнѣ мой чилимъ***)». Пирмасть, наливъ въ чилимъ чистой воды, подаль его. Присутствующіе увидѣли передъ собою чилимъ величиною въ корчагу для воды, а помѣщеніе для вкладыванія табаку—величиной съ большую чашку. Ша Машрабъ досталъ изъ своей кожаной сумки горсть гашиша и передалъ его слугѣ. Пирмасть размялъ въ рукахъ гашишъ и вложилъ его въ трубку. Ша Машрабъ взялъ въ руки чилимъ и по поводу его сказалъ слѣдующую газаль:

Первый шагъ виноторговца—любовь.

Второе—удѣлъ босоногихъ съ непокрытыми головами—тоже любовь.

Въ Бухарѣ много не обращающихъ вниманія на запрещенія, а въ Кашмирѣ много курильщиковъ гашиша.

А Машрабъ, туркъ, родомъ изъ области Андижана, самъ есть любовь.

Сказавъ эти слова, Машрабъ трижды затянулся и выпустилъ дымъ. Померкъ свѣтъ, точно облако, набравшись воды въ рѣкъ, поднялось, все подернулось дымомъ. По поводу этого Ша Машрабъ произнесъ слѣдующіе стихи:

*) Абдулла ханъ весьма популярный между туземцами государь, извѣстный своей благотворительностью и мудрымъ правленіемъ (1006 г. хиджры).

**) Янтагъ особый видъ колючаго степного растенія (Alhaqi camelorim), отличающійся способностью быстро разгораться. Употребляется туземцами какъ топливо и какъ кормъ для верблюдовъ.

***) Чилимъ—кальянъ, трубка съ водой, черезъ которую дымъ проходитъ раньше чѣмъ быть втянутымъ курильщикомъ чилима.

Дымъ моего гашиша окрасилъ внутренность мечети въ изумрудный цвѣтъ.

Кто остерегается гашиша—обреченъ на огонь геенны.

Сказавъ эти слова, Ша Машрабъ взялъ съ чилима глиняную чашку, въ которую вкладываютъ табакъ и выколотилъ ее о землю. Ни одно зерно гашиша не тлѣло, онъ взялъ все и положилъ обратно въ свою суму. Народъ понялъ, что это чудо, всѣ пришли въ восхищеніе и говорили: «если бы соотвѣтственно такимъ чудесамъ этотъ человѣкъ молился и постился, то въ мірѣ не нашлось бы святого выше его». Ша Машрабъ выпрямился, взялъ въ руки музыкальный инструментъ сит-таръ и сказалъ слѣдующую газаль:

Придя въ міръ, я по незнанію утонулъ въ озерѣ.

Безсильный я произнесъ нѣсколько словъ.

Я замѣтилъ, что плоть находится въ постоянной враждѣ съ духомъ.

Я въ оба ея глаза выстрѣлилъ стрѣлами «нѣтъ»*).

Войдя въ кабакъ, я замѣтилъ, что я горю.

Войдя въ мечеть, я застылъ, какъ подобный льду благочестивый.

О благочестивый, бутылка вина мнѣ, а молитва—тебѣ.

Исполненіе тысячи обрядностей я промѣнялъ на одну бутылку

вина

47.

Вино одиночества я выпилъ изъ рукъ самого виноторговца.

Подобно Мансуру, я повѣсилъ свою голову на висѣлицу.

Весь міръ облетѣло извѣстіе о моемъ юродствѣ.

Замѣтивъ одинъ призывный жестъ, я прошелъ два міра.

Не осуждайте же безумнаго Машраба, друзья!

Что мнѣ дѣлать, если я избралъ эту дорогу странствованій:

Газаль 2-я.

Вдругъ пораженъ я былъ твоей красотой.

Увидѣвъ твое подобное мѣсяцу лицо, я остался въ изумленіи.

Задымившись какъ огонь, загорѣлись мои сердце и душа.

А я какъ бабочка бросился въ огонь.

Нарядившись, украсившись вышелъ изъ дому мой кумиръ.

*) Мусульмане придаютъ особое мистическое значеніе и силу каждому слову символа своей вѣры: „Нѣтъ Бога, кромѣ Аллаха и Мухаммадъ его посланникъ“. Такъ въ данномъ случаѣ Машрабъ для умерщвленія плоти пользуется силою перваго слова символа „нѣтъ“.

Я пожертвовалъ для нея всѣмъ міромъ и своей вѣрой.

Я увидѣлъ, что это удивительная волшебница прекрасное созданіе.

Обезумѣвъ отъ любви къ ней, я загорѣлся какъ огонь.

Красоту моей возлюбленной я увидѣлъ на базарѣ любви.

Раскраснѣвшись какъ цвѣтокъ, я остался въ изумленіи отъ видѣннаго.

Не возлагай на главу Машраба страсти къ тебѣ въ тотъ день, о возлюбленная.

Я лишился чувствъ, совершенно потерялъ сознание.

Короче, послѣ того какъ Машрабъ произнесъ эти стихи, окружающіе повторили пословицу «у святыхъ не бываетъ роговъ» *). «Это онъ хитритъ, чтобы скрыть отъ насъ свое достоинство», говорили всѣ про Машраба и, поднимая съ земли пыль изъ-подъ его слѣдовъ, благоговѣнно терли этой пылью свои глаза. Ша Машрабъ увидѣлъ тайными очами, что души всѣхъ присутствующихъ проявились какъ зеркало и сердца всѣхъ обратились къ нему. «О жители Яркенда», сказалъ онъ: «моя моча лучше сотни вашихъ искреннихъ ко мнѣ обращеній». Онъ поднялъ полы и помочился, приговаривая «чущъ», «чущъ». Окружающіе были поражены «Можно ли оказывать уваженіе такому шуту, курильщику гашиша», говорили люди. Все уваженіе ихъ къ Машрабу разомъ исчезло, а Машрабъ, сказавъ «Богъ великъ!».

48.

вышелъ изъ города. Не зная, куда направиться, онъ вспомнилъ, что внукъ Хазрета Али—Имамъ Джагфаръ-и-Садыкъ**) (да будетъ имъ доволенъ Богъ) погребенъ въ Хотанѣ и направился туда. Въ одну минуту онъ очутился въ Хотанѣ и замѣтилъ, что ахундъ и муллы вышли къ нему навстрѣчу. Замѣтивъ, что по одному арыку течетъ вода, Машрабъ поднялъ полы и помочился въ воду арыка.

*) Чтобы по нимъ сразу возможно было угадать, кто обладаетъ святостью и не впасть въ ошибку, судя по наружности о внутреннемъ достоинствѣ святого. Какъ видно изъ жизнеописанія, Ша Машрабъ, подобно всѣмъ юродивымъ, постоянно старался скрыть свое восторженное поклоненіе Богу, свой мистическій экстазъ подъ маской шутовства и такихъ выходокъ, которыя внушали сомнѣніе даже въ принадлежности его къ послѣдователямъ Ислама. Какъ только Ша Машрабъ замѣчалъ, что ему не удалось скрыть свое достоинство подъ личиной юродства, онъ быстро оставлялъ ту мѣстность, гдѣ его поняли и уходилъ оттуда дальше.

**) Хазретъ Имамъ Джагфаръ Садыкъ сынъ Имама Мухаммада Бакыра сына Имама Зайнуль-абиддина, сына Имама Хусайна, сына Хазрета Али (4-й халифъ), сына

Увидѣвъ это, муллы сказали: «то, что мы вышли на встрѣчу такому сумасшедшему календару, противно постановленіямъ шариата, его необходимо убить». Ахундъ сказалъ: «вѣрно вы говорите, поймите этого курильщика гашиша». Ша Машрабъ сказалъ: «о ахундъ! себя и свою науку вы очищаете водой. Помочившись въ воду, я только соединилъ дитя съ матерью, чтожъ тутъ дурного?» «О календаръ!» отвѣчалъ ахундъ: «не лучше ли тебѣ было помочиться на землю?» Ша Машрабъ сказалъ: «въ день страннаго суда съ пространства, равнаго слѣду лошадиного копыта, на землѣхъ ояжны будутъ встать: 71 рабъ, исповѣдывающій исламъ, произнося: «нѣтъ Бога, кромѣ Аллаха и Мухаммадъ его посланникъ», между ними есть и рано встающіе молеельщики и отшельники и сжигающие свою грудь на служеніе Богу, всѣ они теперь лежатъ въ землѣ, обращенные въ прахъ». «Да, напримѣръ, сами вы изъ чего произошли?» спросилъ онъ въ заключеніе мулла. «Изъ праха», отвѣчали муллы. «Вели такъ», возразилъ Машрабъ: «то хорошо ли вы поступаете, мочась на то, изъ чего сами произошли? вотъ почему я помочился не на землю, а въ воду». Услышавъ эти слова, муллы сказали: «добро пожаловать, вотъ передъ вами область Хотанъ».

49.

Громко произнося свои стихи, Ша Машрабъ вошелъ въ Хотанъ. Ахунды, выйдя, сѣли у сводчатаго входа и говорили между собою о томъ, что всякій, желающій быть календаромъ, долженъ быть такимъ, какъ Машрабъ, потому что никогда еще не появлялось такого подвижника съ пылающимъ дыханіемъ. Между тѣмъ, Ша Машрабъ съ высоты свода портика помочился.

50

Моча попала на шею ахунда, который встряхнулъ опущенный конецъ своей чалмы, сбросилъ ее съ головы и сказалъ, обращаясь къ своимъ ученикамъ: «что это, откуда теплая вода?» Ученики Абуталиба, зятя Мухаммада, онъ шестой имамъ изъ двѣнадцати имамовъ Ислама, надъ всѣми послѣдователями Мухаммада, которыхъ мусульмане на всемъ земномъ шарѣ насчитываютъ до 365 милліоновъ душъ обоего пола. Со стороны матери, которая называлась Фаруръ, Имамъ Джагфаръ Садыкъ принадлежитъ къ потомству Абубакыра Саддыка (2 халифа). Род. въ 83 году хиджры въ Мединѣ, онъ былъ въ семьѣ старшій сынъ. Учился у своего знаменитаго ученостью отца и приобрѣлъ обширныя познанія во всѣхъ наукахъ, сдѣлавшись самымъ извѣстнымъ ученымъ своего времени. Отъ него, какъ ученикъ, заимствовалъ свои познанія основатель секты ханефитовъ Абу Ханифа, извѣстный также подъ именемъ Имамъ Агзама. Имамъ Джагфаръ Садыкъ былъ между прочими персами свѣдушъ и въ астрологіи и въ алхиміи. Умеръ въ 148 году хиджры, 65 лѣтъ отъ роду, въ Мединѣ и погребенъ въ наслѣдственной усыпальницѣ своихъ предковъ.

посмотрѣли и отвѣтили: «о ахундъ! Это только что видѣнный нами каляндаръ мочится, приговаривая «чушь, чушь». Ахундъ сказалъ: «поймайте его, этого курильщика опія надо убить». Ученики поймали Машраба и ахундъ, обращаясь къ нему, сказалъ: «о курильщикъ опія, ты меня оскорбилъ, а что сказалъ пророкъ Божій?» «Пророкъ, миръ ему, сказалъ: ученые мои послѣдователи равны посланникамъ изъ дома Израиля», отвѣчалъ Машрабъ. «Ты знаешь это», сказалъ ахундъ: «зачѣмъ же ты меня оскорбляешь?» «Вы же сами утверждаете, что вода, обернувшись *семь разъ* *), становится чистой, а моя моча, падая съ вершины свода, успѣла обернуться семнадцать разъ, почему же вы считаете ее поганой». возразилъ Машрабъ. «Правду онъ говоритъ», замѣтилъ ахундъ и, похваливъ слово Машраба, сказалъ: «ты, видно, знакомъ съ явными науками». Тогда Машрабъ предложилъ на разрѣшеніе присутствующихъ нѣсколько вопросовъ изъ книги Мушкатъ-и-Шарифъ**) и спросилъ ахунда о смыслѣ сказанныхъ тамъ словъ. Ахундъ отвѣтилъ на первый вопросъ, на второй вопросъ отвѣтитъ онъ затруднился, на третій вопросъ отвѣтъ для него показался еще труднѣе, а всѣ ученики ахунда тоже стали втупикъ, кромѣ одного знающаго тайны ученика. Этотъ закрылъ глаза, сосредоточился и увидѣлъ передъ собою видѣніе: верблюдъ лежалъ, опустившись на колѣна. Ученикъ сказалъ: «о ахундъ! плохо дѣло, этотъ каляндаръ обладаетъ знаніемъ тайныхъ наукъ, встань скорѣе и извинись». Ахундъ принесъ извиненіе. Машрабъ его принялъ и самъ извинился, онъ выполнѣ

*) Это крайне характерное указаніе Ша-Машраба на отношеніе мусульманъ къ чистотѣ воды. По оросительнымъ каналамъ (арыкамъ) всегда и вездѣ протекаетъ грязная съ массою взвѣшенныхъ органическихъ частицъ вода, между тѣмъ наши туземцы для питья предпочитаютъ арычную воду колодезной и даже ключевой. Они считаютъ колодезную и ключевую воду „*халъ*“—сырою, а арычную воду „*мишкъ*, „*мишканъ*“—вареною, кипяченою и потому болѣе полезною для здоровья. Движеніе воды въ арыкѣ при теченіи считается средствомъ очищенія воды, такъ какъ частицы ея постоянно обертываются, движутся. По мнѣнію туземцевъ, достаточно, чтобы частицы воды обернулись 7 разъ для того, чтобы воду можно было считать вполне чистой, если она была выше чѣмъ-нибудь загрязнена. Конечно, это заблужденіе и очень пагубное для охраненія народнаго здравія, а основано оно только на формализмѣ мусульманскихъ законовѣдовъ, заботящихся только о соблюденіи формы и строго опредѣляющихъ, напр., число ведеръ, которые надо вычерпать изъ колодца, куда попала дохлая кошка, для безпрепятственнаго затѣмъ пользованія колодцемъ.

**) Книга Мушкатъ-и-Шарифъ принадлежитъ перу Абу Мухаммада сына Хусейна, внука Масъуда Богови, (его прозвище „Фарро“) содержитъ въ себѣ достовѣрныя преданія о сказанныхъ пророкомъ при жизни словахъ (хадисъ), юридическія толкованія (масъ аля) и толкованія на тексты Корана (тафсиръ).

открылся передъ присутствующими и сказалъ слѣдующую газаль:

51.

Есть ли другой, способный умереть у порога дома друга?

Найдется ли способный умереть однажды, а дважды воскреснуть?

Искавши лицезрѣнія возлюбленной, обошедши весь міръ,

Озадаченный, оставшійся на пути есть ли?

Вознамѣрившійся покончить съ собою

И покорно съ мольбой склоняющій шею передъ убійцей найдется ли?

Царь-птица знанія, султанъ любви,

Садящійся на насѣсть по звуку бубна есть ли?

Машрабъ обращается къ Богу съ своими мольбами,

Найдется ли теперь внимающій этимъ его мольбамъ.

2-я газаль.

Слава Богу, пришла освобождающая меня отъ горя,

Оставленная мною въ горѣ, съ лицомъ подобнымъ цвѣтку, пришла,

Обнаруживъ прекрасныя качества своего сердца.

Обойдя степь моего существа, пришла радость души моей.

У многихъ я спрашивалъ о ней въ степяхъ Хотана.

Она явилась подобно Джафару-Садыку*), святому вѣры.

Твой Машрабъ будетъ произносить возгласы отчаянія на страшномъ судѣ.

Съ такими же возгласами «додъ»**) она пришла.

Ахундъ, услышавъ эти слова, сказалъ: «таксыръ, слѣпому больше всего хочется имѣть два глаза, и мы всѣми силами души желаемъ васъ видѣть». «Ну такъ я помолюсь за васъ», сказалъ Машрабъ: «чтобы Богъ помогъ всѣмъ вашимъ потомкамъ быть служителями науки, чтобы до конца міра ваше потомство не прекращалось». Машрабъ совершилъ молитву и закончилъ ее возгласомъ: «Богъ Великъ».

Ша Машрабъ имѣлъ обыкновеніе записывать на дощечкахъ

*) См. выше примѣчаніе на 72 стр.

**) Возгласъ „додъ!“ у нашихъ средне-азіатскихъ туземцевъ выражаетъ просьбу о помощи. „Додъ“ кричатъ, когда на кого-нибудь совершенно нападеніе, какъ у насъ кричатъ въ такихъ случаяхъ „караулъ“. Слово это фигурируетъ во всѣхъ полицейскихъ дознаніяхъ и слышащіе такой возгласъ, по обычаю, должны бѣжать на помощь. Конечно, не всегда придерживаются этого обычая... изъ чувства самосохраненія.

произнесенныя имъ слова. По этому поводу ученики ахунда высказали, что хорошо было бы, если бы Ша Машрабъ оставилъ по себѣ книгу и ахундъ, обратившись къ Машгабу, передалъ ему объ общемъ желаніи, а онъ отвѣтилъ:

52.

«Я думаю, ахундъ, что лучше не оставлять послѣ себя книги, такъ какъ, читая ее, влюбленные потеряютъ разсудокъ. Машрабъ тутъ же бросилъ въ огонь дощечки, на которыхъ были записаны его стихи и сказалъ слѣдующую газаль:

Чтобы получить удовольствіе, я пришелъ въ ваше собраніе.

Какъ пѣніе опьяненнаго соловья, я очутился въ вашемъ саду.

Если, какъ Іаковъ, я буду плакать кровью, не рѣшайтесь меня осуждать.

Почувствовавъ его страданія по поводу разлуки съ Іосифомъ, я вошелъ въ мѣсто плача*).

Мученикамъ за вѣру, покоющимся въ Хотанѣ, я поклонюсь, о мусульмане!

Подобно тюльпану степи, пройдя ее, я пришелъ въ Хотанъ.

Открывъ такъ свою душу, Машрабъ расчувствовался и произнесъ еще слѣдующую газаль:

Я былъ говорящимъ соловьемъ и пришелъ въ вашъ садъ.

Въ моей душѣ раны и боль, я пришелъ въ вашъ жасминный цвѣтникъ.

Моя чувствительная душа никогда не раскрывалась, какъ бутонъ,

Думая, что горе оставитъ мою душу, я пришелъ въ Хотанъ.

Мы послѣдователи Пророка, мы друзья четырехъ халифовъ.

Для спасенія своей души я пришелъ къ Вайсъ-уль-Қырану**).

Въ Кульдѣжѣ въ пастухахъ у Хунъ-Тайчжи и обращеніе этого хана въ Исламъ.

Слова Машраба цѣнятся, какъ драгоценныя жемчужины,

Среди всѣхъ говорящихъ народовъ, я пришелъ, хозяинъ слова.

Произнося эту газаль, Ша Машрабъ вышелъ изъ Хотана въ

*) По мусульманскимъ преданіямъ Іаковъ, разлучившись съ Іосифомъ, вмѣсто слезъ проливалъ изъ глазъ кровь и для оплакиванія сына уединился въ особое помѣщеніе, откуда не выходилъ вовсе. Это мѣсто носитъ названіе „байтуль-хазанъ“, мѣсто плача.

степь и замѣтилъ невдалекѣ папущаго землю селянина. Работая, земледѣлецъ очень неправильно декламировалъ одну изъ газалей Машраба, а самого его, когда тотъ подходилъ, не замѣтить. Машрабъ пошелъ позади пахаря, шелъ и зарывалъ проводимую земледѣльцемъ борозду. Пахарь замѣтилъ Машраба и, обращаясь къ нему, вскричалъ: «что ты сумасшедшій шутъ портишь мою работу!»

«Есть ли еще такой сумасшедшій шутъ, какъ ты самъ», возразилъ Машрабъ: «ты портишь воздвигнутое мной зданіе».

53.

Земледѣлецъ спросилъ: «которое же твое зданіе?»

«Та газаль, которую ты только что читалъ—моя», отвѣчалъ Машрабъ: «эта газаль—мое зданіе и невѣрно читая, ты портишь мое зданіе. Лучше сжечь мои слова, чѣмъ если они въ устахъ такихъ, какъ ты, пропадутъ даромъ» (вотъ какая была причина того, что Машрабъ сжегъ свои газали). Повторяя слово «Онъ!», Машрабъ пошелъ далѣе. Идя такъ, онъ пришелъ въ городъ Иля*); тамъ въ это время былъ начальникомъ города *Хунъ-Тайчжи***), а у него была дочь по имени *Афакъ*. У нея было до ста служанокъ. Однажды Афакъ, со своими служанками выѣхала верхомъ на прогулку въ степь. Какъ разъ въ это время имъ встрѣтился Ша Машрабъ. Онъ сразу замѣтилъ, что среди всѣхъ этихъ дѣвушекъ ѣдетъ одна, свѣтъ лица которой освѣщаетъ весь міръ. «О Боже», сказалъ Машрабъ:

*) *Иля*—китайское названіе Кульджи. Какъ переведено въ статьѣ Н. Н. Пантуса, напечатанной въ протоколахъ Туркестанскаго кружка любителей археологій годъ V стр. 24 подъ заглавіемъ „Алтынъ Эмельская волость Копальскаго уѣзда“. *Хунъ-Тайчжи* былъ сильный и храбрый ханъ кочевыхъ черныхъ калмыковъ. Тамъ же приведено преданіе, что Машрабъ въ качествѣ работника пасъ верблюдовъ Хунъ-Тайчжи, и ханъ, узнавъ, что его работникъ тайный святой, выдалъ за него свою дочь по имени Сатеръ Джабъ (а не Афакъ, какъ говорится въ нашемъ текстѣ) и призналъ Машраба своимъ „пиромъ“, наставникомъ. Юродивый Машрабъ не зналъ сношеній съ женой, но она всетаки забеременѣла и родила сына, котораго назвали Темиръ-Ханомъ. Достигнувъ совершеннолѣтія, Темиръ-Ханъ сдѣлался богатыремъ и святымъ. Со знаменемъ въ рукахъ, онъ побѣдилъ своихъ враговъ, сдѣлался ханомъ и переселился въ міръ вѣчный. Тѣло его схоронено на восточномъ (дѣвомъ) берегу р. Хоргоса. Жена Машраба, послѣ того какъ родила Темиръ-Хана, утратила половую склонность и умерла святою. Машрабъ вовсе не имѣлъ означенной склонности и умеръ, не имѣвъ сношенія ни съ одной женщиной. Рассказываютъ, что когда Машрабъ еще въ юности былъ ученикомъ Афакъ-Ходжи, служанка этого послѣдняго пожаловалась ему на Машраба за то, что тотъ, взглянувъ на нее, улыбуился. Тогда Афакъ-Ходжа накалилъ на огнѣ свою печать и приложилъ ее къ затылку Машраба, чѣмъ и уничтожилъ въ юности навсегда низменные побужденія.

**) *Хунъ-Тайчжи*—собственно слово нарицательное—князь у западныхъ монголовъ или калмыковъ.

«это Ты, Сушій, своею силою создалъ такую дочь пэри!» Онъ приблизился къ дѣвушкѣ и заградилъ ей путь, говоря: «о дѣвушка, я влюбился въ тебя!» Дѣвушка задержала лошадь и сказала сопровождавшему ее визирю Утагану: «о Утаганъ, я еще никогда не видѣла такого каляндара» «Да, государыня, это замѣчательный каляндаръ», отвѣчалъ визирь. Обращаясь къ Машрабу, дѣвушка сказала: «о каляндаръ! если ты дѣйствительно влюбился въ меня, то скажи стихи по поводу моей *утага**)».

Ша Машрабъ сказалъ слѣдующіе стихи:

Когда я увидѣлъ твой утага, затрепетало мое сердце,

Птица моей души слѣлалась твоею приманкой**), на головѣ твоей серебряныя украшенія

Произнося эти слова, Ша Машрабъ обратился къ самой Афакъ и сказалъ слѣдующую газаль:

Юродивый пришелъ, чтобы увидѣть твое прекрасное лицо.

Кокетничая, подходитъ возлюбленная недоτροга.

54.

О юродивый, пожертвуй для нея свою душу.

Вмѣстѣ съ твоей возлюбленной идетъ твой палачъ,

Пожертвуй своей душой, о больной Машрабъ.

Ея губы—сахаръ, ея зубы—жемчугъ, она приближается.

Дѣвушка сказала: «о каляндаръ! въ прежнее время жилъ святой шейхъ *Сакъ-анъ****), у него было до 400 муридовъ. Влюбившись въ

*) Утага—шапка изъ какого-нибудь дорогого мѣха, украшенная перьями филина. Шапки носятъ только дѣвушки, этотъ обычай еще существуетъ у нашихъ киргизъ, филиновы перья—средство предохраненія отъ глаза.

**) Приманка въ рукѣ соколиного охотника служить средствомъ заставить ловчую птицу садиться на руку.

***) О шейхѣ Сакъ-анѣ существуетъ преданіе, что онъ пользовался большою популярностью за свою святость и имѣлъ до 400 муридовъ—послѣдователей. Этотъ святой влюбился въ дочь христіанина и она потребовала, чтобы онъ прослужилъ ей 4 года, обѣщая послѣ этого срока полюбить его. Сакъ-анъ прослужилъ 9 лѣтъ и все это время пастъ свиней своей хозяйки, сжегъ по ея приказанію Коранъ, пилъ вино, носилъ на груди крестъ. Онъ закрывалъ отъ холода подъ своей одеждой новорожденныхъ поросятъ и носилъ на спинѣ свинью—мать этихъ поросятъ. Муриды Сакъ-ана, видя отступничество своего наставника, бросили его. Нѣкто спросилъ бывшихъ муридовъ Сакъ-ана, кто ихъ ширъ и они рассказали ему исторію своего наставника. Справивавшій укорилъ муридовъ и сказалъ, что, по его мнѣнію, имъ не слѣдовало покидать своего наставника, который всѣхъ ихъ сдѣлалъ святыми. „Если вы истинные муриды“, сказалъ онъ: „то видя, что дѣлаетъ вашъ наставникъ, вамъ слѣдовало не удалаться отъ него, а послѣдовать его примѣру и также, какъ онъ, пасти свиней“. Сакъ-ану удалось въ концѣ концовъ побѣдить свою возлюблен-

дочь тарса (христіанина), онъ отречея отъ своей вѣры и сдѣлался идолопоклонникомъ.

Въ наше время, если ты хочешь добиться моей любви, поступи также. Я дочь калмыка, перейди въ мою вѣру и я полюблю тебя. Машрабъ сказалъ слѣдующую газаль:

Въ несуществующемъ городѣ любовь свела съ ума влюбленного.
Та же любовь сдѣлала извѣстными пророковъ и святыхъ,
Свѣтомъ Чистѣйшаго (пророка) засвѣтились солнце и луна.
Поклонившись свѣту, разъяснила смыслъ любовь.

Достигнувъ 70-лѣтняго возраста, пожертвовалъ собою Баязидъ*).

Посмотри, на базарѣ знанія сколько торговли произошло отъ любви.

Собраніе Шейха Шибли**), Шейха Аттара***) и Акъ-аль-Хакка****),

Всѣхъ ихъ любовь опьянила и довела до висѣлицы.

Насими*****) произнесъ богохульство, кожу его разрѣзали.

А мясо и кости его заговорили, благодаря любви.

пую. Онъ обратилъ ее въ исламъ, женился на ней и всѣ муриды къ нему возвратились. Сакъ-ану пришлось всѣхъ ихъ снова обратить въ людей, такъ какъ за недобѣріе къ нему они обратились въ звѣрей.

*) См. выше примѣчаніе.

**) Шейхъ Шибли, по имени Абубекръ, съ Мухаммадъ-Халифа замѣчательнѣе своей святостью и аскетическими подвигами, считается даже святымъ среди великихъ подвижниковъ суфизма. Происходилъ изъ селенія Шабилія, въ области Истраушанъ (теперь Ура-Тюбе Ходжентскаго уѣзда) родился въ сел. Самра въ 247 г. хиджры, ум. въ 334 г. хиджры въ Багдадѣ.

***) Шейхъ Аттаръ, его имя Абу-Талиби Фиррид-уд-динъ Мухаммадъ Ибрагимъ, былъ персидскій поэтъ и суфн. Родился въ 513 году хиджры въ Каткакѣ, въ области Нишануръ. Его перу принадлежать книги Афара нама, Мантыкъ-ут-Таиръ, Бульбуль нама, Илагн нама, Хандаръ нама и много др., всего до 40 книгъ. Монголы во время похода Чингизъ хана взяли Шейха Аттара въ плѣнъ. Ученики предлагали за своего учителя выкупъ въ 1000 зол. тиллей. Шейхъ сказалъ монголамъ, чтобы они его дешево не продавали, что дадутъ дороже. Муриды ушли. Тогда пришелъ еще одинъ бѣднякъ и предложилъ въ выкупъ за Шейха охапку соломъ. „Вотъ теперь за меня даютъ настоящую цѣну, отдайте меня“, сказалъ Шейхъ монголамъ. Всѣ разсердились, что пропустили случай взять богатый выкупъ и убили Шейха. Умеръ онъ 116 лѣтъ, въ 622 году хиджры.

*****) Акъ-аль-Хаккъ или Мансуръ Халладжъ приговоренъ былъ Багдадскими учеными къ повѣшанію за то, что произнесъ слова, обозначающія „я есмь Истина“. Такъ какъ хаккъ (истина) есть также одинъ изъ эпитетовъ Божіихъ, то ученые заподозрили Мансура Халладжа въ томъ, что онъ считаетъ себя Богомъ. Предложили ему покаяться, но онъ все повторялъ „Акъ-аль-хаккъ“ — я есмь истина и погибъ на висѣлицѣ въ 306 году хиджры. При жизни славился какъ выдающійся подвижникъ.

*****) Насими, его имя Имадиддинъ, знаменитый поэтъ, родился въ Семшасиѣ.

У шейха Сакъана было 400 муридовъ; достигшихъ апогея.

Онъ увидѣлъ дочь тарса и любовь сдѣлала его свинопасомъ ухристианина.

Услышавъ, ты поняла, что у Машраба нѣтъ больше терпѣнія.

Любовь меня сдѣлала снаружи говорящимъ, а внутри видящимъ.

Прочитавъ эти стихи, Машрабъ сказалъ: «о дочь идолопоклонника, тебя заставляетъ говорить Богъ и меня сюда привелъ Богъ. какая у меня воля», и онъ прочелъ слѣдующую газаль:

Я былъ всѣмъ, но не могъ сдѣлаться Шейхомъ Санъаномъ среди христіанъ.

Сжечь эту жизнь и рай, я не могъ сдѣлаться идолопоклонникомъ.

55.

Прелести этого міра удивительно бесполезны, о Машрабъ!

Возсѣвъ на тронъ счастья, я не могъ быть Сулейманомъ.

Окончивъ эту газаль, Машрабъ, обратившись къ дочери Хунтайчжи, сказалъ: «ну, дочь пэри, я тебя такъ полюбилъ, что всей душой готовъ исполнить все, что ты прикажешь». Афакъ сказала визирю: «о визирь! проводи каляндара ко мнѣ домой, я по возвращеніи переговорю съ нимъ». Сказавъ эти слова, дѣвушка поѣхала дальше, на прогулку. Вечеромъ съ 2—3 служанками Афакъ пришла къ Машрабу и сказала: «въ этотъ вечеръ мнѣ хотѣлось бы оказать тебѣ гостепріимство, о дервишъ!» «Государыня, я не ѣлъ ничего, не изволишь ли дать мнѣ чашку воды?» Дѣвушка вскочила, побѣжала и принесла юродивому чашку воды. По поводу этой чашки Машрабъ произнесъ слѣдующую газаль:

Держащая эту чашу любви—моя душенька.

На незажившей ранѣ причиняетъ новое пораженіе ходящая пальма.

Дѣвушка, услышавъ эти стихи, пришла въ восторгъ. «О визирь!» приказала она: «отведи юродиваго въ *Кокъ-ширъ байляъ*, пусть онъ около Багдада Во времена Султана Мурадхана жилъ въ Константинополѣ и влюбившись въ одну армянскую дѣвушку, произнесъ въ похвалу ей слѣдующіе стихи:

„Если невѣрный увидитъ твои черныя кудри и бѣлое лицо,

„Онъ сразу станетъ мусульманиномъ, подумавъ, что увидѣлъ Бога, создавшаго день и ночь“.

Эти стихи учеными признаны были богохульствомъ, за что поэтъ и казнили—убили и содрали съ него кожу. На самомъ дѣлѣ, вѣроятно, была какая-нибудь другая причина къ преслѣдованію, потому что стихи содержатъ въ себѣ лишь вполне дозволенное въ поэтическомъ творчествѣ сравненіе. Таково мнѣніе нашихъ ходящихъ знатоковъ поэзіи Насими.

тамъ пасеть принадлежащихъ мнѣ 300 верблюдовъ и лошадей». Визирь сказалъ: «слушаю» и повелъ Машраба, который по пути сказалъ слѣдующій мустаазатъ:

Прекрасное созданіе! Ты сила Бога, создавшаго міръ.

О, ты, опасность міра.

Коса твоя—это кокетство, твои брови—нѣга.

Ты царь на тронѣ души.

Не знаю, что ты за несчастіе, иногда взлянешь краемъ твоего глаза.

Что прикажешь твоему рабу!

На улицѣ ты иногда кокетничаешь, иногда сердисься.

О, опасны твои глаза!

56.

То и дѣло ты, взглядывая искоса, поводишь бровями.

О, ходящая пальма!

Машрабъ для тебя пожертвовалъ двумъ мірами.

Будь милостива, богиня!

Въ одно мгновеніе ты овладѣваешь сердцами 100 человѣкъ.

О милостивая, милосердная!

Короче, Машрабъ, прочтя этотъ мунаджатъ, прошелъ нѣсколько станцій и достигъ Кокъ-Ширъ-Байляга. Увидѣвъ эту пустыню, онъ произнесъ слѣдующій мухаммасъ:

Я хотѣлъ итти на улицу, гдѣ живетъ моя подруга.

Много горя и страданій намѣренъ я былъ испытать.

Мнѣ хотѣлось еще больше изранить обливающееся кровью сердце.

Подобная мѣсяцу красавица, кумиръ мой, я рассчитывалъ у тебя остаться.

Съ восторгомъ прикладываю свои глаза къ твоимъ коспичкамъ*)

* *

Струны моего сердца—это твои косоплетки.

Я самъ чулокъ, который ты одѣваешь на свою ножку,

Въ твоемъ кисетѣ—я кремень,

Я—гребень, причесывающій твои 5 косичекъ.

Я хотѣлъ бы овладѣть Индіей, Китаемъ, Константинополемъ и Сиріей.

* *

*) Мусульмане выражаютъ свое благоговѣніе къ священнымъ предметамъ, проводя по нимъ пальцами рукъ и затѣмъ прикладывая пальцы къ глазамъ, какъ бы протирая рѣсницы.

Каждый может достигъ царскаго трона,
Всякій можетъ бить въ барабанъ счастья и играть въ его трубу,
Другъ жжетъ душу огнемъ разлуки,
Огненные вздохи мои падаютъ на мою голову въ видѣ дождя.
Принимая большой мѣшокъ за торбѹ, я готовъ повѣсить его
на себя.

* *
*

Соотвѣтствуетъ Кокъ-Ширу макъ,
Все мое сердце обливается кровью, гдѣ ножъ?
Лицо моего друга похоже на мѣсяцъ, оно бѣло и румяно.
О кумиръ, если ты сойдешь съ Акъ-тене пѣшкомъ,
Я пыль твоихъ ногъ отряхну своими рѣсницами.

* *
*

57.

Уничтожить вѣру язычниковъ придетъ левъ.
Чтобы прославить вѣру Ислама и толкъ—придетъ пиръ.
Другъ Магди придетъ, царь-птица Магди придетъ*).
Взглядывая краемъ глаза, теперь придетъ владыка моей души.
Я хотѣлъ бы послужить Магди до конца міра.

* *
*

Если я жажду, нѣтъ пользы, что есть вода въ лошинѣ.
Теперь я понялъ, какъ трудно, когда не находишь воды,
Будетъ играть верблюженокъ моего друга, обладающаго глазами, похожими на глаза молодого верблюда.

Если ты отпустишь на пастбище лошадь, на которой ты ѣдешь,
Взявъ въ руки укрюкъ**), я хотѣлъ бы вернуть твою лошадь.

* *
*

Мое существо осталось у подножія горы горя,
Гдѣ теперь странствуетъ моя милостивая.
Тайны моей души сдѣлались блуждающими отъ двери къ двери.
Если ты возьмешь свою саблю, душенька,
Я хотѣлъ бы трепетать и истекать кровью.

* *
*

Развѣ можно сравнить яблочко съ гранатой?

*) Магди, ожидаемый мусульманами мессія, придетъ въ день страшнаго суда.

**) Укрюкъ—палка съ веревкой, служащая для ловли лошадей въ табунѣ.

Развѣ можно отдать душу другу, не заслуживъ гнѣва Божія?
Брось хоть одинъ только взглядъ на бѣдняка—Машраба.
Съ мольбой выскажу я другу свои желанія.
Я хотѣлъ бы день и ночь лежать у твоего порога.

* *
*

Короче, Ша Машрабъ поймалъ одного изъ 300 верблюдовъ и сѣлъ на него верхомъ. Три года пасъ онъ верблюдовъ, довольствуясь дождевой водой и питаясь кореньями степныхъ растений. Въ душѣ Машраба не было на самомъ дѣлѣ желанія добиться любви этой дѣвушки, скорѣе онъ руководился желаніемъ, чтобы такая прекрасная подруга не подверглась мученіямъ ада: сожалея ее, онъ предполагалъ, что можетъ быть она обратится въ исламъ и благодаря этому удостоится райскаго блаженства, потому-то онъ въ постѣ и уединеніи три года пасъ верблюдовъ.

58.

Наконецъ, Хунъ-Тайчжи узналъ, что поклонникъ Единаго Бога, одинъ каландаръ, влюбившись въ его дочь, уже три года какъ пасетъ его верблюдовъ. Хунъ-Тайчжи приказалъ привести къ себѣ Машраба. Двое посланныхъ отправились къ Машрабу, но сколько ни звали его, онъ не пошелъ съ ними. Хунъ-Тайчжи спросилъ посланныхъ: «что говоритъ каландаръ?» «Онъ только повторяетъ имя Божіе и плачетъ, а больше ничего понять нельзя», отвѣчали посланные. Визирь сказалъ Хунъ-Тайчжи: «для того, чтобы привести влюбленнаго, необходимо послать влюбленную. Пошли ты дочь свою, пусть она пойдетъ за Машрабомъ и приведетъ его». Хунъ-Тайчжи сказалъ своей дочери: «пойди и приведи твоего влюбленнаго, я посмотрю на него». Дѣвушка, нарядившись, надѣла красныя одежды и съ соотвѣтствующими ея званію прислужницами отправилась за Машрабомъ. Ша Машрабъ, увидѣвъ, что приближается его возлюбленная, произнесъ слѣдующіе стихи:

Будь щедръ передъ Богомъ и людьми.

Только щедрые достигнутъ цѣли.

Сказавъ эти слова, Машрабъ обратился къ дѣвушкѣ и произнесъ слѣдующую газаль:

За одинъ твой взглядъ я готовъ отдать всѣхъ красавицъ,

За твои большіе глаза можно отдать всѣхъ умныхъ и безумныхъ.

Если владыка моей души, открывъ покрывало, взглянетъ на меня,

Я готовъ отдать за этотъ взглядъ, за ея любовь и душу, и домъ.
Если виночерпій подаетъ мнѣ въ руку стаканъ вина,
За ея кокетство я готовъ отдать и бутылку и стаканъ,
У рубиновыхъ губокъ я выпросилъ одну каплю вина.
За похожіе на жемчугъ зубки можно отдать рѣдкія жемчужины.
Если она красотой подобная Іосифу выйдетъ ко мнѣ,
Я готовъ пожертвовать за это мѣстомъ поклоненія мусульманъ
и идольскимъ капищемъ.

Если эта, подобная полевой розѣ, владычица моей души скажетъ: «отдай мнѣ душу»,

Я готовъ за ея любовь отдать и душу и свое мужество.

Если ты будешь стрѣлять своими рѣсницами, я готовъ подставить свою грудь вмѣсто мишеней.

За твою любовь я готовъ пожертвовать и имуществомъ и душою.

59.

Ты обѣщала, что я увижу твое лицо.

Я готовъ отдать за это нашкотъ уединенія.

Когда, одѣвши красныя одежды, подходитъ эта владычица моей души, похожая на полевую розу,

Я готовъ сойти съ ума, кружиться въ экстазѣ, всѣмъ готовъ пожертвовать.

Если ты причешишь мои волосы, я загорюсь.

Пусть предразсвѣтный вѣтерокъ кружится около твоихъ волосъ.

Произнося эти слова, Машрабъ посмотрѣлъ на красныя одежды, бывшія на дѣвушкѣ и сказалъ слѣдующую газаль:

Она одѣлась въ красное, чтобы себя украсить,

Она зажгла огонь, чтобы произвести переполохъ во всемъ мірѣ.

Нарядившись, она показываетъ свой станъ во всей красотѣ,

Чтобы многихъ такихъ, какъ я, юродивыхъ свести съ ума.

Красавица, кумиръ подняла покрывало съ лица подобнаго цвѣтку.

Весь міръ устремилъ на нее глаза, желая наглядѣться.

Она научила свои волосы, лицо, брови и глаза прельщать.

Я вступаю въ бой, принесу несчастье, совершу преступленіе,

До тѣхъ поръ пока, придя къ ней, не расскажу ей свои мольбы.

Она сдѣлала строгое лицо, чтобы меня помучить,

Она пришла съ кинжаломъ въ рукѣ, чтобы убить Машраба,

Чтобы олицетворить ужасъ страшнаго суда.

2 - я газаль.

Красавица, кумиръ мой показываетъ себя во всей красотѣ:

Чтобы пролить кровь, она одѣла красную одежду.

Не знаю, куда идетъ, гдѣ будетъ гостить опасность для моей души?

Съ кѣмъ пила она вино, что такъ разрумянила свое лицо.

Ошибочно было бы считать эти глаза за чары,

Потому что Всевышній Богъ, по своему произволенію, создалъ ее язычницей.

На ея волосахъ замѣчательны косоплетки изъ струнъ моей печени.

Ея косы обвилися кругомъ ея талин.

О Машрабъ, когда на твоей могилѣ зацвѣтутъ тюльпаны, выросшіе изъ твоего праха,

Она разведетъ на твоёмъ сердцѣ огонь, чтобы сжечь ихъ.

Дѣвушка сказала: «о юродивый! Твой Богъ истинный, твоя вѣра правильна, но всетаки

60.

Ты сначала перейди въ мою вѣру, а потомъ уже хвались своей любовью ко мнѣ».

«Лучше ты, христіанка, сдѣлайся мусульманкой», отвѣчалъ Машрабъ и сказалъ слѣдующую газаль:

Вдругъ въ мои глаза бросила свой взглядъ моя возлюбленная.

Поднявъ покрывало, она сверкнула очами,

Она узнала, подобная полевой розѣ, что я въ нее влюбленъ,

Отняла она у меня умъ, положила огонь на мою душу.

Я увидѣлъ дочь христіанина и вѣра ушла изъ моихъ рукъ.

Сказавъ: «поклонись мнѣ», она надѣла крестъ на мою шею.

Мой духъ былъ тайно созданъ въ день Алаета,

Она выскла изъ мсей души любовь.

Взявъ прахъ, Онъ сотворилъ тѣло человѣка.

Что я буду дѣлать? Она стала стрѣлять своими рѣсницами въ мое сердце.

Машрабъ обошелъ весь міръ и не нашелъ достойнаго человѣка (въ наставники).

Сто разъ хвала городу Иля, онъ здѣсь нашелъ себѣ наставника.

Машрабъ сказалъ: «о дочь невѣрнаго, скажи: «Нѣтъ Бога, кромѣ Аллаха и Мухаммадъ его посланникъ». «Потерпи, о юродивый», отвѣчала дѣвушка: «ты сдѣлалъ недѣйствительнымъ мое поклоненіе Богу въ теченіе цѣлаго года, ты сначала наружно прими мою вѣру, это необходимо по нѣкоторымъ соображеніямъ». Машрабъ понялъ, что не спроста говоритъ дѣвушка и сказалъ слѣдующіе стихи:

Пей вино, сожги книги, подожги Каабу,

Все время проводи въ кумирнѣ, но людямъ не причиняй страданій.

Для чего ты идешь въ Каабу, лучше сдѣлай счастливымъ другого,

Лучше тысячекратнаго поклоненія Каабѣ овладѣть одной душою*).

Сказавъ эти слова, Машрабъ бросился съ верблюда, на которомъ онъ сидѣлъ верхомъ, палъ къ ногамъ дѣвушки и сталъ ихъ цѣловать. Дѣвушка сказала прибывшему съ нею визирю: «видишь ли, Утаганъ, онъ перешелъ въ мою вѣру». Въ это время Машрабъ поднялъ голову и сказалъ: «о дочь христіанина, все, что ты скажешь, я принимаю за вѣрное», и онъ произнесъ слѣдующую газаль:

61.

Опасность моей души, взгляни на черныя брови этого кумира!

Взгляни на черный цвѣтъ локоновъ ея, разсыпавшихся по обѣимъ щекамъ.

Она прекраснѣе гурій и пѣри, солнце и луна завидуютъ ея красотѣ.

Кто взглянетъ на нее, сейчасъ же становится ея рабомъ, обрати вниманіе на свѣтъ, исходящій отъ ея лица.

Иногда, одѣвъ красную одежду, украсивши себя зелеными лентами, она исполняетъ обѣщанія, взгляни на нее.

Иногда, согнувъ брови свои въ лукъ, она мечетъ изъ него стрѣлы своихъ рѣсницъ,

Играя чарующими очами, обрати вниманіе на ея кокетство.

Я, бѣднякъ—Машрабъ, какъ нищій, выпрашиваю свиданіе,

Въ огнѣ разлуки горю я, обрати вниманіе на мученіе друга!

2-я газаль.

Я буду играть у порога моей подруги,

*) Эти четыре стиха Саади.

Присоединившись къ ея собакѣ, я плачемъ стану выражать свою любовь.

Мнѣ не повредить зло, причиненное другомъ, о врачъ!

Оставь мою голову, я самъ перенесу страданія.

Отрѣжь мнѣ голову кинжаломъ твоего кокетства,

Кому, кромѣ тебя, пожертвую я свою голову?

Когда я принимаюсь мечтать о твоёмъ душистомъ локонѣ,

Все мѣсто, гдѣ я нахожусь, кажется мнѣ благоухающимъ.

Если любовь сжигаетъ сердце влюбленнаго,

Какъ я скрою огонь, находящійся въ моей дунѣ.

Ты убила меня, показавъ свое лицо, подобное цвѣтку.

Я готовъ свою подругу сдѣлать душою моего тѣла.

О Машрабъ! Ты выпить только одну каплю изъ чаши,

А уже черезъ то ты сдѣлался царемъ любви.

Сказавъ эти слова, Ша Машрабъ поднялъ голову и произнесъ: «о дочь христіанина (тарса), будь спокойна. Клянусь Богомъ, я поклонился тебѣ, какъ собака, ласкающаяся къ своему хозяину». Дѣвушка сошла съ коня и пригласила Машраба слѣдовать за собой. Машрабъ сѣлъ на верблюда и двинулся въ путь. Дорогою онъ сказалъ слѣдующую газаль:

62

О кумиръ мой! у твоего порога я готовъ сдѣлать все, что ты пожелаешь.

Я готовъ, подобно 5 твоимъ косичкамъ, несчетное число разъ обрывать твою головку.

Много лѣтъ и мѣсяцевъ я брожу въ этой пустынѣ любви,

Мнѣ хотѣлось возвратить твою лошадь укрюкомъ твоего кокетства.

Сколько лѣтъ уже я непрерывно прославляю тебя.

Мнѣ хотѣлось бы сказать, сѣвъ на твою пѣгую лошадь, напоминающую день и ночь*),

Для того, чтобы по всему морю любви оповѣстить о твоей красотѣ.

Я желалъ бы взять палки Искандера**), бить ими въ барабанъ,

*) Темный и бѣлый цвѣта шерсти пѣгой масти уподобляются смѣнѣ дня ночью.

**) Мили-Искандеръ—палки Александра Македонскаго. Существуетъ преданіе, что Александръ Македонскій выстроилъ гдѣ-то, близъ Александріи, высокую башню въ морѣ и на вершинѣ помѣстилъ громадный барабанъ. Во время бури, очутившіеся по близости башни мореходы, высаживали на построенный Александромъ маякъ одного человека, ко-

О Машрабъ! жизнь твоя проходитъ въ Хотанѣ, ты глотаешь черную кровь.

Когда этотъ вѣтеръ входилъ во чрево рыбы, я въ то время былъ удочкой.

Короче. Ша Машрабъ увидѣлъ Хунъ-Тайчжи, вставшаго съ трона къ нему навстрѣчу. Хунъ-Тайчжи опирался на двухъ калмыковъ, онъ приказалъ своему казначею принести золото и тотъ принесъ цѣлое блюдо золота. Хунъ-Тайчжи, обращаясь къ Машрабу, сказалъ: «о юродивый, твой Богъ истинный и твоя вѣра правильна, всю свою жизнь я прожилъ, не зная ничего о Богѣ, я прошу тебя взять это золото и помолиться за меня, можетъ быть мнѣ удастся слѣжаться мусульманиномъ». Ша Машрабъ не взялъ предложеннаго ему золота, а произнесъ слѣдующую газаль:

Однажды ночью я шелъ, мечтая, по пустынь любви.

Я прошелъ страну благочестивыхъ, ограбивъ ее всю.

Черезъ юродство я добился чалмы и мисвака*).

Какъ бабочка, душа моя бросилась въ огонь.

Въ одно мгновеніе я обошелъ кругомъ весь міръ, это ли не удивительно!

Черезъ гору Минна**) я проскакалъ, подобно сороку.

Земное блаженство однажды пришло ко мнѣ, одѣвшись въ лучшую одежду,

«Проваливай», сказалъ я и пнулъ его ногою въ задъ.

Я понялъ хитрость этого врага.

Исцарапавъ лицо небывалыми ногтями, я ушелъ.

Божій человекъ сказалъ мнѣ, что мірское вино горько.

Чтобы убѣдиться въ этомъ, я однажды лизнулъ.

63.

День и ночь я боролся съ невѣрными страстями своими,

торый, поднявшись на вершину башни, бралъ находившіяся тамъ налки и изъ всей мочи билъ въ барабаны. Рыбы, испуганныя шумомъ, отходили отъ корабля, который онъ ранѣе того удерживалъ и корабль продолжалъ путь, а человекъ, оставленный на башнѣ для умиловленія бурной стихіи,—погибалъ. По другой версiи башня была выстроена съ цѣлью заблаговременно узнавать о наступленіи враговъ. Полчища ихъ были видны въ зеркалѣ, помѣщенномъ на вершинѣ башни и внезапное нападеніе на Александрію становилось невозможно.

*) Мисвакъ—особая сточенная съ одной стороны круглая палочка, которой мусульманамъ слѣдуетъ, по преданію отъ Мухаммада, (суннать) чистить зубы во время омовенія (тааратъ). Въ большинствѣ случаевъ придерживаются этого только благочестивые люди и суфiи.

**) Гора близъ Мекки.

Я бѣжалъ, взявъ въ руки мечъ одиночества,
Я возложилъ на шею всего земного ножъ молчанія,
Проколовъ ему глаза пикой поста.
О дивана Машрабъ! эти слова—лѣкарство отъ твоей болѣзни.
Я зажегъ огонь въ сердцахъ влюбленныхъ.

Окончивъ газаль, Ша Машрабъ сказалъ, обращаясь къ Хунъ-Тайчжи: «я не молюсь за людей, которые просятъ меня объ этомъ, давая мнѣ золото. Сначала ты исповѣдай вѣру Ислама, а потомъ я помолюсь за тебя, чтобы ты былъ счастливъ и въ этой и въ загробной жизни». Хунъ-Тайчжи, взявъ за руку Машраба, вошелъ съ нимъ въ уединенное помѣщеніе и сказалъ: «о господинъ мой, календаръ, я съ удовольствіемъ исповѣдалъ бы открыто вѣру Ислама, но я опасаюсь народнаго негодованія противъ меня, мой поступокъ можетъ вызвать возмущеніе. Что если тайно, въ нашемъ присутствіи, я сдѣлаюсь мусульманиномъ, тайно буду молиться, поститься, и помогать бѣднымъ, засвидѣтельствуете ли вы о моемъ обращеніи въ Исламъ въ день страшнаго суда, когда Богъ станетъ судьей, а Мухаммадъ Мустафа (милость Божія и миръ ему) возсядетъ на тронъ заступничества?» Ша Машрабъ согласился. Тогда Хунъ-Тайчжи исповѣдалъ Исламъ, сказавъ: «нѣтъ Бога, кромѣ Аллаха и Мухаммадъ его посланникъ, еще вѣрую въ Сыдыка, Фарука, Зиннурайна и Муртаза*) (да будетъ ими доволенъ Богъ)». Хунъ-Тайчжи, произнеся символъ ислама, сталъ мусульманиномъ и, обращаясь къ Машрабу, сказалъ: «будь свидѣтелемъ, что я избираю себѣ пиромъ Хазретъ Афакъ-Ходжу и свой городъ посвящаю ему». Ша Машрабъ научилъ пріемамъ намаза самого Хунъ-Тайчжи и его жену и преподавалъ имъ также, какъ слѣдуетъ произносить «ніать-и-гусуль»**). Бесѣда съ Машрабомъ произвела на Хунъ-Тайчжи такое сильное впечатлѣніе, что онъ объявилъ дѣвушкамъ, составлявшимъ свиту его дочери, что онъ отдаетъ дочь свою Афакъ Машрабу. Свита исполнила приказъ Хунъ-Тайчжи и дѣвушка была отдана Машрабу. На Кокъ-ширѣ разбили бѣлую кибитку и дѣвушка расположилась тамъ, одѣвъ свою шапку на бекрень.

Ша Машрабъ сказалъ слѣдующую газаль:

Твои косички—шафранъ для моей души, о душенька дѣвица!***)

*) Личныя прозвища четырехъ халифовъ: Абубекра, Умара, Усмана и Али.

**) Исполненіе каждой религіозной обязанности у мусульманъ должно предшествовать принятію намѣренія выполнить извѣстное дѣйствіе. *Ніать-и-гусуль*—намѣреніе совершить омовеніе послѣ супружескихъ сношеній. Для изложенія намѣренія существуетъ форма опредѣленная.

***) Шафранъ принято посыпать на саванъ умершихъ передъ погребеніемъ мусульманъ.

Твое лицо подобно звѣздамъ, о луноликая дѣвица!

Увидя тебя только разъ жестокой, я лишуся чувствъ.

Мнѣ тяжело, а ты этого не знаешь, жестокая дѣвушка!

Твои губки, какъ монеты, а лицо твое подобно цвѣтку.

Всѣ люди—твои рабы, они тебѣ служатъ, повелительница дѣвушка!

Когда я вижу твое лицо, когда цѣлую твои губки,

Счастливъ твой Машрабъ, лѣкарство противъ моей болѣзни, дѣвушка!

Пронзена эту газаль, Ша Машрабъ подсѣлъ ближе къ дѣвицѣ, сказалъ ей: «ты опасность моей души» и сталъ ее ласкать, пронзена въ честь ея слѣдующій мухаммась:

Увидя дочь калмыка, я сказалъ: «джиганай-бе (я радуюсь)».

Она сказала: «яганачи, шураначи, яманай-бе (что съ тобой?)».

Я узналъ, что она наджи ба джанай джи.

Другіе народы испремѣнно суранай-бе.

Улыбаясь сказала: «не дѣлай не тунанай-бе».

* * *

Я спросилъ: «какъ твое имя». Она отвѣчала: «Афакъ.

Мать моя—киргизка, а отецъ калмыкъ.

Богъ меня далъ тебѣ, не отворачивайся отъ меня».

«Таджи (тайчжи—князь) буду я», сказалъ я: «домъ мой далеко».

Она, лизнувъ свой носъ, сказала: «мангаръ иранай-бе (завтра утромъ приду)».

* * *

Въ эту ночь я все время смотрѣлъ на эту подобную мѣсяцу Афакъ.

Я просилъ Бога, чтобы онъ приблизилъ ко мнѣ далекаго друга.

Утромъ тайно принесъ мнѣ пьяница вино.

Я поставилъ передъ нимъ блюдо мяса.

Онъ сказалъ: «хай, хай, я поѣмъ»

* * *

Я сказалъ: «поцѣлуй меня». Она отвѣтила: «можно».

Я сказалъ: «о милая!», а она отвѣтила: «ты громко плачешь».

65.

Если къ ней подойдутъ соперники—воры.

Я спросилъ, что она дѣлаетъ, этотъ цвѣтникъ здѣсь.

Плача она сказала: «плачь мой я громко издаю».

* * *

Я вошелъ разодѣтый, а ея красота меня прельстила.

Обнявъ ее за шею, я сказалъ: «что съ тобой?»

«Хоть зарѣжь, но поцѣлуй», скалалъ я. «Можно», отвѣчала она.

Если влюбленная возьметъ въ руку чистый таранджи,

Я сказалъ, тулагай (голова), чтобы опохмелиться, потянетъ ялунай-бе.

* * *

Обѣ щеки ея красны, какъ самаркандское яблоко.

Сказала я: «дамъ, если больной Машрабъ пожелаетъ».

Я сказалъ: «до какихъ поръ ты будешь мучить меня недоступностью и кокетствомъ?»

Она отвѣтила: «отправляйся въ сторону Кашгара и Яркенда».

Я дивана, несчастный, твое лицо куранайбе (застыло).

* * *

Услышавъ эту газаль, дѣвушка подала Машрабу находившееся у нея въ рукѣ вино и онъ, взявъ въ руки вино, произнесъ слѣдующую газаль:

Что если выпить вина съ этой подобной пэри шалуньей?

Опьянѣвъ, не оставляя бутылки и рюмки.

Моя душа смущена, не было еще такой дѣвушки, какъ ты.

Взгляни на меня, я готовъ пожертвовать для тебя жизнью.

Я весь оскверненъ грѣхами.

Будь милостива, я дрожу, боясь твоего гнѣва.

Мое существо теперь похоже на зеленую травку, пробивающуюся подъ ногами.

Я сталъ такимъ распростертымъ подъ твоими ногами въ надеждѣ, что ты придеши ко мнѣ.

Машрабъ подобенъ предразсвѣтному вѣтерку въ этомъ цвѣтннкѣ,

Только что появившись, пробывъ недолго, я ухожу.

Машрабъ окончилъ газаль, они сидѣли вмѣстѣ, бесѣдуя; наконецъ пришли дѣвушки, составлявшія свиту, Афакъ и сказали: «о царица! твой отецъ исповѣдалъ вѣру ислама и сталъ мусульманиномъ, будь и ты мусульманкой».

Дѣвушка отвѣчала: «о слуги мои! увидѣвъ Машраба, я въ ту же

минуту стала мусульманкой, но я это скрывала отъ моихъ родителей». Обратившись къ Машрабу, дѣвушка просила его научить ее произносить символъ ислама. Ша Машрабъ сказалъ: «говори: нѣтъ Бога, кромѣ Аллаха и Мухаммадъ его посланникъ». Дѣвушка произнесла исповѣданіе вѣры, стала мусульманкой и сказала: «о Машрабъ! сколько лѣтъ изъ-за меня ты ходилъ нагимъ и голоднымъ, ты много перенесъ лишеній!» На эти слова дѣвушки Машрабъ сказалъ слѣдующую газаль:

Я буду и день и ночь стонать у порога моей возлюбленной.

Я готовъ отдать свою душу для бездушной кокетки,

Она тюльпаны, пахучую мяту, жасминъ и розанъ,

Похожія на нее прямо растущія деревья, созвала къ своему порогу—пальма.

Гуріи міра, Іосифъ Ханаанскій,

Царь и повелитель, рабъ и свободный,—всѣ у ея двери.

Весь міръ призналъ прелесть твоей красоты.

Вздохи, рыданія и стоны раздаются у твоей двери.

Твой локонъ, въ день Азала, въ ста мѣстахъ ранилъ мою душу.

Птицу моей души ты поймала у твоей двери.

Подверженный очарованію любви, я искалъ тебя.

Меня убило горе, нѣтъ радости для моей души у твоего порога.

Разведя костеръ, я проводилъ дни и ночи въ мечтахъ о тебѣ.

Я, какъ бабочка, сгорѣлъ у двери дочери пэри.

Произнеся эти слова, Машрабъ продолжалъ: «о красавица! я сгорѣлъ отъ любви къ Всевышнему Богу, поэтому я перенесу испытанія» и онъ прочелъ слѣдующую газаль:

Въ моей бѣдной душѣ много жалобъ, ихъ пересказать нельзя.

Нельзя рассказы о любви ясно изложить въ книгѣ.

Не бываетъ цвѣтка безъ шиповъ, не бываетъ жемчуга безъ перламутровой раковины, безъ труда нельзя достичь искусства.

Не испытавъ воздержанія, невозможно добиться свиданія съ возлюбленной.

67.

Полубивъ солнце, я остался въ смущеніи.

И простирая руки къ небесному своду, нельзя достать ясное солнышко.

Стрѣлы твоихъ рѣсницъ впилнсь въ мою грудь,

Раны моей души нечего показывать людямъ, которые сами этого не испытали,

Если ужъ великій пророкъ оказался въ мірѣ не вѣчнымъ,
Какъ же можемъ мы спорить съ Богомъ, братья!

Домъ твоей возлюбленной—далеко, о Машрабъ!

Если и 100 лѣтъ будешь стараться достигъ его—не достигнешь.

Послѣ этого Машрабъ увидѣлъ подвѣшенный на крючкѣ курдюкъ бараньяго сала и вздумалъ саломъ помазать свои ноги, израненныя въ теченіе трехъ лѣтъ.

Онъ отрѣзалъ немного сала, сѣлъ къ очагу и сталъ разогрѣвать кусокъ. Въ это время дѣвушки свиты пришли и стали спрашивать Афакъ, что говорилъ ей Машрабъ. «Онъ говорилъ, что онъ восторженный поклонникъ Всевышняго Бога и что ему нечего со мной дѣлать», отвѣчала Афакъ: «а теперь онъ сидитъ у огня и мажетъ свои израненныя ноги растопленнымъ саломъ». Дѣвушки сказали Афакъ: «отецъ твой говоритъ, что Машрабъ восторженный поклонникъ Бога и если бы отъ него произошелъ потомокъ, то онъ могъ бы стать заступникомъ передъ Богомъ за подобныхъ Хунь-Тайчжи грѣшниковъ, поди ты, сядь противъ Машраба, можетъ быть онъ, увидѣвъ тебя, почувствуетъ къ тебѣ влеченіе». Сказавъ это, дѣвушки удалились*).

Когда Хунь-Тайчжи услышалъ о томъ, что сдѣлалъ Ша Машрабъ, онъ еще больше увѣровалъ въ его святость. Ша Машрабъ послѣ вечерняго намаза мысленно произнесъ прекрасныя имена Божіи для очищенія своей души.

68.

и затанцъ въ себѣ дыханіе до самаго разсвѣта. Когда разсвѣло, онъ сталъ дышать, произнося «Сущій», и изъ его рта послышался запахъ горѣлаго мяса. Обратившись къ Афакъ, онъ сказалъ: «милая, вы еще спите?» Та отвѣтила: «да, сплю господинъ». Машрабъ приложилъ свое ухо къ ея дѣтороднымъ частямъ и изъ чрева ея послышался голосъ: «отецъ! хлѣба! мать! хлѣба!». Тогда Машрабъ

*) Далѣе, между Машрабомъ и дѣвушкой Афакъ произошло объясненіе, но сцена эта не можетъ быть переведена на русскій языкъ вѣлѣдствіе своего грубо и наивно-порнографическаго характера. Восточные народы совершенно не такъ, какъ мы, смотрятъ на сексуальную область своей жизни и привыкли совершенно спокойно говорить о неприличныхъ на нашъ взглядъ вещахъ, называя и все тайное своими именами. Въ данномъ случаѣ можно только пояснить, что Афакъ сама сдѣлала предложеніе Машрабу совершить съ нею coitus, а Машрабъ, еще прежде освобожденный своимъ наставникомъ отъ влеченія къ женщинамъ, отказавъ дѣвушкѣ въ ея просьбѣ вступить съ ней въ сожителство. Описано это въ книгѣ такъ, что переводу не поддается слишкомъ реальное описаніе.

сказалъ: «я самъ бѣднякъ, не находящій себѣ пропитанія, чѣмъ же я буду ихъ, дѣтей, кормить», и онъ безповоротно рѣшилъ уйти. Хунъ-Тайчжи заперъ свою дочь съ Машрабомъ на три дня, но онъ все таки не обратилъ на нее никакого вниманія.

Разсказываютъ, что тѣмъ временемъ въ Кашгарѣ у Афакъ-Ходжи жена его по имени Ханымъ Падша однажды, выбравъ подходящую минуту, обратилась къ мужу съ такими словами: «этотъ Машрабъ вашъ рабъ, онъ пришелъ изъ области, гдѣ распространень исламъ и въ то время, когда, такъ сказать, ротъ его приблизился къ ѣдѣ, вы его прогнали отъ себя. Я прошу простить этого бѣдняка». Хазретъ ничего не отвѣтилъ. Ханымъ Падша продолжала: «мы съ вами кладемъ головы на одну подушку, вы мой мужъ, во имя священнаго корана я прошу васъ простить вину Машраба». Хазретъ сказалъ: «я готовъ пожертвовать своей душой для пророка, давшего намъ коранъ, вы просите за одного Машраба, но если бы нужно было простить тысячу Машрабовъ, то я простилъ бы ихъ всѣхъ во имя корана». «Въ пятницу мы увидимъ здѣсь Машраба», закончилъ свою рѣчь Хазретъ Афакъ Ходжа.

Между тѣмъ Машрабъ, сидѣвшій въ домѣ съ дѣвушкой, почувствовалъ душой, что Ханымъ Падша проситъ за него прощенія у Хазрета Афакъ Ходжи. «О пиръ мой», вскричалъ Машрабъ, вскочилъ съ мѣста и, произнося «Онъ», быстро отправился въ путь. Торопливо двигаясь, Машрабъ скоро достигъ Яркенда. Когда Хунъ-Тайчжи узналъ, что Машрабъ исчезъ,

69.

онъ вскричалъ: «о горе мнѣ! я не оцѣнилъ по достоинству святости этого человѣка!» Онъ разорвалъ на себѣ одежды, сталъ плакать и горевать.

Изгнанный Афакъ Ходжею Машрабъ, подходя къ дому своего пира, взялъ веревку, одинъ конецъ ея обвязалъ себѣ кругомъ шеи, а другимъ концомъ привязалъ за шею собаку. Въ такомъ видѣ онъ подошелъ къ двери Афакъ-Ходжи и прочелъ слѣдующій мухаммась:

Мои провинности неисчислимы, я съ рыданіемъ пришелъ просить у тебя прощенія.

Рыдая, вздыхая и охая, я пришелъ просить у тебя пощады.

Я пришелъ, чтобы ты своей милостью исцѣлилъ мою больную душу.

Чтобы мою шею ты освободилъ отъ грѣховныхъ цѣпей.

Я пришелъ, чтобы помѣстить свою душу въ твоёмъ свѣтломъ мѣстѣ.

Я пришелъ, чтобы благоговѣнно приложить къ землѣ свое черное лицо*) при лицезрѣніи тебя.

Твоя могила для меня Кыбла, я поклоняюсь твоему богопочитанію.

Если мои глаза будутъ видѣть твое лицо, то мнѣ самому нѣтъ нужды въ богопочитаніи.

Пыль отъ твоихъ ногъ для счастливыхъ людей все равно, что сурьма для глазъ.

Хотя у меня и много грѣховъ, но я пришелъ съ цѣлью ихъ искупить.

Твои брови—это михрабъ. Для влюбленныхъ—это опредѣленная Кыбла.

Прокляты тѣ, кто не вѣрять въ ангеловъ.

Твоей милостью всѣ заблудшіе найдутъ прямой путь,

Раздѣленію луны вѣрять и увѣровавшие и усумнившіеся.

Я пришелъ исполнить все, что было предопредѣлено мнѣ при началѣ міра.

* * *

Всякій, сдѣлавшійся твоимъ рабомъ, уже достигъ спасенія.

Всякій, кто исполняетъ твои повелѣнія, все равно что правитъ міромъ.

Мѣсто твоего жительства всѣмъ признано самымъ лучшимъ мѣстомъ.

Счастливые люди считаютъ за счастье бесѣду съ твоей собакой.

Чтобы преподать это восторженнымъ влюбленнымъ, я пришелъ.

* * *

Кто не почитаетъ тебя, будетъ осужденъ Богомъ.

Его лицо почернѣетъ отъ дыма огня грѣховъ.

70

Если даже міръ наполнить исполненіемъ обрядностей, въ томъ нѣтъ пользы.

Какое для нихъ въ этомъ счастье, если для нихъ загражденъ путь милости.

*) Выраженіе „черное лицо“ употребляется для показанія грѣховности. Мусульмаме вѣрять, что лица грѣшниковъ почернѣютъ предъ страшнымъ судомъ и только праведники предстанутъ съ бѣлыми лицами.

Я пришелъ, чтобы возвратить на путь истины заблуждающихся.

* *
*

Ты способенъ мою больную душу сдѣлать счастливою, ты мускусъ для моего носа.

Ты свѣча на могилѣ праведника, освѣщающая ночь моей разлуки.

Ты масло въ моемъ свѣтильникѣ, ты зрачекъ моего глаза.

Въ день страшнаго суда я не пожелаю рая, ты-пріятный запахъ для моего обонянія.

Я пришелъ, чтобы невозмутимыхъ сдѣлать восторженными и безумными.

* *
*

Мое сердце воодушевилось отъ пріятнаго вѣтерка, исходящаго изъ твоей двери.

Ты изъ своихъ рукъ наполнилъ меня виномъ и я нашелъ вѣчную жизнь.

Достигнувъ предмета своихъ желаній, я нашелъ спасеніе среди отрекшихся отъ міра.

Въ твоей красотѣ я нашелъ свѣтъ свѣчи Вездѣсущаго.

Я, Манрабъ, пришелъ, чтобы устроить здѣсь это царство одиночества.

* *
*

Сказавъ эти слова, Манрабъ, рыдая, произнесъ слѣдующую газаль:

Если я буду плакать, будутъ ли услышаны мои мольбы?

Слезы моихъ глазъ исцѣлять ли мои раны?

Выпивъ напитокъ любви,

Можно ли избавиться отъ прелестей земнаго?

Съ поклонами подхожу я къ твоей двери.

Поможетъ ли мнѣ Богъ?

Я могу только плакать,

Услышу ли я голосъ моего друга?

О какомъ изъ моихъ страданій рассказать вамъ, друзья?

Успѣю ли я окончить рассказъ о моихъ страданіяхъ до смерти?

Другъ мой сжегъ и разрушилъ мое спокойствіе

Можно ли послѣ этого излагать свои просьбы?

Помѣшанный Манрабъ произноситъ: «о Господи!»

Можно ли сказать «Великъ Богъ!»

Окончивъ эти слова, Машрабъ, рыдая, произнесъ еще слѣдующую газаль:

71.

Покажи твое лицо опьянѣвшимъ отъ восторга,
Сгорѣвшимъ отъ любви къ тебѣ бабочкамъ.
Я произношу мольбы, а ты ихъ услышь.
Я готовъ пожертвовать свою душу тому, кто ее приметъ.
О жестокосердый, ты не смилостивись,
Взгляни на несчастныхъ,
Машрабъ для тебя отрекся отъ міра,
Голову свою положилъ у твоего порога.

Газаль 2-я.

Клянусь Богомъ, я твой рабъ.
День и ночь я восторгаюсь тобой,
Я подошелъ къ твоей двери, говоря: «дай что-нибудь, ради Бога».

Я увидѣлъ твое лицо, слава Богу.
Посмотри на такого, какъ я, безумнаго,
Лишившагося ума и чувствъ,
Бродящаго въ пустынь грѣховъ.
Я увидѣлъ твое лицо, слава Богу.
Опьянили меня твои большіе глаза.
Сладкія рѣчи твои довели меня до безумія.
Твое лицо, подобное мѣсяцу, слѣлало меня притчей во языцѣхъ.
Я увидѣлъ твое лицо, слава Богу.
Я хожу и ищу брилліантъ.
Я не нашелъ мѣста, гдѣ находится мой другъ.
Меня сожгла, о друзья, разлука съ другомъ.
Я увидѣлъ твое лицо, слава Богу.
Машрабу достались вздохи и рыданія.
Гдѣ бы ты ни былъ, я желаю тебѣ благополучія.
До дня страшнаго суда я буду говорить всегда:
Я увидѣлъ твое лицо, слава Богу!

Сколько ни плакать и ни рыдалъ Машрабъ, Афакъ Ходжа не обращалъ на него никакого вниманія. Наконецъ Машрабъ прочелъ слѣдующую газаль:

Эту владычицу души, стенную розу, я хочу сдѣлать своей подругой.

Если она дастъ мнѣ вина, я хочу выпить одну каплю.

О гурін рая, ваши своды, крыши и террасы,
Если бы нашелся покупатель, я готовъ продать за 1 пуль*).

72.

На дорогѣ любви благочестивые осуждаютъ восторженныхъ.
Мнѣ хотѣлось бы одной стрѣлой убить такого благочестиваго.
Если я скажу: «Сущій, я есмь истина», то весь міръ мнѣ покажется истиннымъ.

Удивляясь Ляйли, мнѣ хотѣлось бы произносить слова Маджнуна.

Головни адскаго костра отсырѣли отъ слезъ твоихъ глазъ,
Машрабъ!

Мнѣ хочется высушить ихъ, положивъ на огонь твоей любви.

Произнеся эти слова, Машрабъ подошелъ къ дому Хазрета Афакъ-Ходжи и остановился у его порога. Хазрету Афакъ Ходжѣ доложили, что его рабъ Машрабъ пришелъ и, рыдая, стоитъ у дверей. Хазретъ Афакъ-Ходжа, выйдя, увидѣлъ Машраба, стоящаго со связанными назадъ руками, однимъ концомъ веревка была обвязана вокругъ его шеи, а другимъ привязана за шею собаки. Увидѣвъ Машраба въ такомъ видѣ, Хазретъ улыбнулся. Машрабъ, увидѣвъ Хазретъ Афакъ-Ходжу, сказалъ слѣдующую газаль:

Въ огнѣ любви мое сердце загорѣлось и изжарилось. я плачу.

Прося твоего свиданія, о душенька изъ кокетокъ, я плачу.

Въ надеждѣ, что изъ чаши твоихъ губокъ, похожихъ на тюльпанъ, ты дашь мнѣ вина и я выпью.

Охая и вздыхая, я плачу у дверей виноторговли.

Я идолопоклонникъ твоей любви, твой черный локонъ—крестъ на моей душѣ.

Сдѣлавшись притчей во языцѣхъ, я плачу у дверей капища.

То я заливаюсь соловьемъ, то плачу, какъ горлица.

Иногда я рыдаю, какъ филинъ на развалинахъ своего жилища.

О Ляйли! убей меня однимъ ударомъ твоего кокетства.

Въ пустынѣ разлуки съ тобой мы будемъ плакать вмѣстѣ съ Маджнуномъ.

Я не нуждаюсь въ горахъ, степи и пустынѣ, чтобы тамъ остаться на жительство.

Если и здѣсь я найду конвульсіи одержимыхъ, я и здѣсь готовъ плакать.

О Боже! ороси дождемъ, родящимъ жемчугъ, море моей души.

*) Пуль—мелкая мѣдная монета=1/4 коп.

Моя душа, какъ перламутровая раковина, я прошу только одно зерно жемчуга.

Пламя твоей красоты упало въ міръ и все загорѣлось,
И, Машрабъ, горю и плачу, какъ горящая бабочка

73.

Газаль 2-я.

Вспоминая о твоей красотѣ, я плачу день и ночь.

Въ пустынь безумія я плачу подобно Маджнуну.

Я не въ состояніи разсказать тебѣ печаль моей души.

Мысли мои разбѣяны, голова идетъ кругомъ, сердце страдаетъ и я плачу.

Лицо твое—восходящее солнце, какъ мѣсяцъ ясный, ты подобна пѣри.

Твои губки похожи на тюльпанъ, твой языкъ, какъ сахаръ, я плачу.

Усики на твоей губѣ, какъ садъ весной: тамъ тюльпаны, пальмы и жасминъ.

Я, какъ опьяненный соловей, прошу твое подобное цвѣтку лицо и плачу.

О красавица, у меня только одно желаніе,—это видѣть твое лицо.

Сдѣлай милость, дай лѣкарство для моей больной души, я плачу.

Изъ моихъ глазъ, волнуясь, льется въ видѣ крови горный потокъ слезъ.

Если ты, подобная пѣри, придешь мнѣ на память, я плачу.

О Боже напои, Машраба изъ моря твоего всепрощенія.

Я, какъ каляндаръ, плачу, произнося: «чтонибудь, ради Бога!»

Еще газаль.

Михрабъ твоихъ бровей, о владычица моей души, для меня Кыбла.

Освѣщающая мою душу улыбка твоего лица—для меня мѣсяцъ.

Призовой столбъ, скачка богопочитанія есть Кааба.

Я—твоя собака, у твоего великаго порога моя постель.

Я боюсь обоихъ міровъ; мнѣ кажется, что меня погубятъ.

Если твое войско и вооружится, для меня послужить защитой память о тебѣ.

Если моя душа вздумаетъ вспомнить о другомъ

И огонь твоего гнѣва поразить меня, я буду считать, что это произошло по моей винѣ.

Но сердце мое не признаетъ другой, кромѣ тебя, владычица души.

Доконны твоихъ волосъ для меня прибѣжище отъ несчастій

На темномъ небосклонѣ это не облака. это дождь идетъ.

Это дымъ вздоховъ, сожалеющихъ о моемъ положеніи.

Это не кость, которую гложетъ твоя собака,

Это беспильное тѣло мое подѣ влияніемъ твоего гнѣва и не-
удовольствія

Мои прегрѣшенія происходятъ только отъ моего зрѣнія и отъ
моей воли.

Мое зрѣніе и воля моя—это враги, поклявшіеся погубить меня,
вотъ причина моихъ рыданій.

74

Пусть онъ убьетъ меня, пусть оживитъ, но пусть онъ будетъ
ко мнѣ милостивъ.

Я положился на него, чтобы онъ ни сдѣлалъ, онъ мой царь.

День и ночь Машрабъ думаетъ о твоемъ порогѣ,

У меня, какъ у твоей собаки, только одно желаніе, это видѣть
тебя.

Такимъ образомъ Афакъ Ходжа познакомился съ состояніемъ
души Машраба и сказалъ: «о Машрабъ! ты совершилъ подвигъ,
достойный Рустема, но развѣ можно свидѣться съ возлюбленной,
пока душа не выйдетъ изъ тѣла отъ страданій? Я простилъ тебѣ
твои прегрѣшенія», сказалъ Афакъ Ходжа и совершилъ молитву о
благополучіи Машраба. Машрабъ, славя Бога за то, что получилъ
прощеніе, произнесъ слѣдующую газаль:

Ну теперь, приходи сегодня владычица моей души, дай мнѣ
насладиться свиданіемъ съ тобой.

Я не могу жить безъ тебя, дозвожь на тебя любоваться.

О люди, будьте свидѣтелями, что я отрекся отъ своего дома и
всего земного.

О Боже, я прошу, допусти меня къ лицеизрѣнію Тебя.

У меня нѣтъ ни минуты покоя, у меня не хватаетъ силъ.

Кромѣ тебя, у меня нѣтъ друга, допусти меня увидѣть твое
лицо.

Ты царь, сотворившій меня, ты выслушиваешь мои мольбы.

Ты судья послѣдняго дня, допусти меня свидѣться съ Тобой.

Начиная съ дня Азада и до сихъ поръ, я, друзья, стораю на
огнѣ любви.

Если я буду вздыхать въ день страшнаго суда, допусти меня до свиданія съ Тобой.

Этотъ огонь любви, друзья, если хотите знать, есть огонь земной любви.

Я расскажу истину, допусти только до свиданія съ Тобой.

Иди Машрабъ, надѣйся, Твой Богъ вѣченъ.

Раби Мухаммада—Мустафы допусти меня до свиданія съ Тобой.

Когда Машрабъ окончилъ этотъ мунаджать, Афакъ Ходжа сказалъ: «о Машрабъ, душа твоя оказалась тѣсна, ты стать открывать тайны». Онъ приказалъ Машрабу открыть ротъ и плюнулъ ему туда. Машрабъ, проглотивъ плевокъ Афакъ Ходжи, открылъ глаза и произнесъ слѣдующій стихъ Корана: «Вѣрующіе! не приступайте къ молитвѣ, когда вы пьяны, такъ что не понимаете того, что говорите и т. д. (Коранъ 4,46)». Когда онъ оглянулся, земля и небо содрогнулись, все въ мірѣ стало произносить зикръ съ тѣлодвиженіями. Хазретъ Афакъ Ходжа сказалъ: «всякій, кто присоединился къ Машрабу, уже достигъ спасенія». Машрабъ въ честь Хазрета прочелъ слѣдующій мухаммась.

75.

Надъ сводами, крышей и кругами неба я—свѣтлый Іисусъ.

Среди восьми поясовъ рая я прежде всѣхъ пришедшій Енохъ.

Въ морѣ одиночества я—безцѣнная жемчужина.

Я бѣднякъ—Адгамъ, отрясшій прахъ всего земного.

Я свѣтлое солнце, ходящее выше облаковъ.

* * *

Мои чистые стихи приносятъ міру свѣтъ.

Услышавъ ихъ, выйдутъ изъ могилъ, охая, Мавляви и Мушфики*).

*) Мавляви-Джамн. Его имя Нурридінъ Абдрахманъ, извѣстный персидскій ученый и поэтъ. Род. въ 817 г. хиджры въ Хорасанѣ, близъ гор. Джамъ въ с. Харджуртѣ. Отца его звали Мавляна-Мухаммадъ, онъ происходилъ изъ гор. Исфгани. Мавляви учился всѣмъ наукамъ въ Гератѣ. Онъ былъ ученикомъ памѣтника Багауддина Накшбанда—Саадидина Каппарскаго. По ученію суфизма былъ его муридомъ. Мавляви написалъ много прозаическихъ и поэтическихъ произведеній и тѣмъ прославился на весь міръ. Ученые и поэты собирались, чтобы насладиться его обществомъ. Ему очень покровительствовалъ правившій тогда на тронѣ Тимура Султанъ Абусандъ Ханъ, также къ нему относился и Султанъ Хусанъ Бакра, который прислалъ въ ученики и муриды Мавляви Джамн начальника гор. Герата Алишира Наваи. Турецкій султанъ Абдулъ Фатхъ султанъ Мухаммадъ Ханъ почитался съ Мавляви и посылалъ ему подарки, наконецъ этотъ султанъ въ стихахъ пригласилъ

Мнѣ не нужно врача, я самъ лѣкарство противъ моей болѣзни.

* *
*

Если бы это перо одну минуту было въ моихъ рукахъ, въ моей власти было бы,

Въ одно мгновеніе я описалъ бы внутренность и наружность души.

Въ то время, когда выяснится чернота жестокости и бѣлизна свѣта.

Я прошу лицеизрѣнія на горѣ Туръ немедленно*).

Подобно Моисею, взявъ посохъ, я самъ Богъ, смѣняющій день и ночь.

* *
*

Я отрекся отъ міра, я хочу уподобиться Адгаму.

Подобно благочестивымъ и отшельникамъ, я прижался къ углу щедрости.

Я ступилъ на путь Божій, отрекшись отъ всего.

Я прошелъ шариатъ, тарикатъ и хакикатъ, какъ султанъ—Арифинъ**).

Мое счастье больше, чѣмъ счастье Римскаго Кесаря.

Моя власть больше власти Нупшпавана и Кейкубада***).

Моя сила больше, чѣмъ сила Рустама Дастіана****).

Въ вѣрѣ и невѣріи я никому не подражаю.

Я Хасаниъ и Хусанъ****), я царь и бѣднякъ.

Мавляви-Джами къ своему двору. Поэтъ поѣхалъ въ Константинополь, но по дорогѣ въ гор. Коніи узналъ о смерти султана и возвратился. Совершивъ паломничество въ Мекку, Мавляви умеръ 81 году отъ роду въ г. Гератѣ въ 898 году гиджры. Главнѣйшія его сочиненія: Ляйли Маджнунъ, Сальсали-туль захабъ, Сальмали Висаль, Сабихатулъ абраръ, Юсуфъ Зулейха, Хиратъ Нама-и-Искандеръ, Вагаристаль и мн. друг. Мушфики былъ поэтъ временъ Абдуллахана и написалъ много стихотвореній, которыя собраны въ особомъ „диванѣ“ его имени.

*) Кухъ-и-Туръ.—гора Синай, на которой Моисею даны законы (таураты).

**) Ходжа Ахмадъ Ясави, Хазретъ Султанъ Арифинъ—Туркестанскій святой мистикъ.

***) Древніе персидскіе цари.

****) Герой поэмы Шахнаме Фирдауси.

*****) Хасанъ и Хусанъ сыновья Халифа Али, умерщвленные изъ-за религиозныхъ распрей, первый въ Мединѣ, второй въ Кербала.

* *
*

Сгорѣлъ этотъ бѣднякъ въ огнѣ испытаній и странствій.

У него не осталось значенія ни на пылинку, видимую въ лучѣ солнца.

Не переставая плакалъ я отъ брани и оскорбленій.

Рабъ Машрабъ говоритъ въ этомъ брennomъ мѣрѣ.

76.

Для одного безподобнаго кумира я самъ сталъ влюбленнымъ, ходящимъ отъ двери къ двери.

Ша Машрабъ въ этотъ день присутствовалъ въ числѣ молившихся на намазѣ «джума», когда самъ Афакъ Ходжа былъ имамомъ. Имамъ провозгласилъ такбиръ «Великъ Богъ». Ша Машрабъ сталъ на молитву и такъ простоялъ, молясь, цѣлые сутки. Хазретъ Афакъ Ходжа, замѣтивъ отсутствіе Машраба, спросилъ, гдѣ онъ, и окружающіе объяснили, что Машрабъ, какъ всталъ наканунѣ на молитву, такъ и стоитъ до сихъ поръ. Хазретъ прослезился и сказалъ: «о сүфіи! обратите вниманіе на Машраба, отъ него исходитъ ароматъ Мансура, онъ достигъ той же степени святости, какъ и Мансуръ». Афакъ-Ходжа помолился за Машраба и приказалъ его привести къ себѣ. Машрабъ, придя къ Афакъ-Ходжѣ, прочелъ слѣдующую газаль:

Я положу свою голову передъ тобой, произнося слова, полныя значенія.

Поклянусь я, читая стихи корана, соответствующіе объятіямъ твоей любви.

Не увидятъ опьяненія сухіе соперники.

Разсвѣтъ твоего лица и черный цвѣтъ твоихъ волосъ—образъ утренняго и вечерняго намазовъ.

Твой красивый станъ я обвилъ главою корана Ванпаджъ*).

Въ честь тебя и твоего достоинства я прочелъ молитву о достиженіи тобой твоихъ желаній.

О соловей, испытавшій жестокость, плачь, какъ человѣкъ, пораженный горемъ.

Твоя жизнь кончилась, когда ты читалъ разсказъ о веснѣ и лѣтѣ.

Если ты захочешь читать стихъ Корана о Красотѣ, другъ тебя научить.

*) Коранъ гл. 53. „Звѣзды“.

Я плакалъ о томъ, что сказалъ Машрабъ, произнося въ отчаяніи *заръ, заръ**).

Сказавъ эти слова, Ша Машрабъ стоялъ, плача передъ Хазретомъ. Всѣ *Муриды* и *Мухлисы***)) находились тутъ же. Теперь слѣдуетъ разсказъ о шейхѣ Нуриддинѣ.—

77.

Въ области Ташкента былъ одинъ великій Ходжа Нуриддинъ. Онъ былъ ученикомъ того же шира, отъ котораго получилъ посвященіе Хазретъ Афакъ-Ходжа и былъ очень ученъ. Семь разъ онъ совершилъ паломничество въ Мекку, имущество свое все роздалъ бѣднымъ, его постоянное времяпрепровожденіе состояло въ томъ, что онъ днемъ постился, а ночью молился. Нѣсколько разъ диаволъ принимался его искушать, но онъ былъ непоколебимъ въ вѣрѣ и дожилъ такъ до 70-ти лѣтъ. Однажды Ходжа Нуриддинъ заболѣлъ, и душа его готовилась покинуть тѣло. Ангелъ смерти готовъ былъ уже взять его душу, но въ это время проклятый диаволъ вздумалъ поколебать святого въ вѣрѣ. Въ моментъ отхода души между Нуриддиномъ-Ходжей и диаволомъ завязалась борьба. Наконецъ, диаволъ сталъ одолевать, готовясь совратить святого въ невѣріе, какъ вдругъ Хазретъ Афакъ Ходжа почувствовалъ, въ какой опасности находится его товарищъ. Съ возгласомъ ужаса онъ обратился ко всѣмъ мурিদамъ своимъ и сказалъ: «есть ли среди васъ человѣкъ, способный избавить Ходжу Нуриддина отъ руки діавола?» Трижды спрашивалъ Афакъ Ходжа, но всѣ присутствующіе оставались безмолвны. Черезъ часъ Машрабъ всталъ и сказалъ: «о Хазретъ! Я готовъ съ радостью исполнить эту службу». «Отчего же ты сразу

*) Такіе возгласы выражаютъ отчаяніе, сильное горе, безпомощность, соотвѣтствуютъ нашему „увы“, „горе мнѣ“ и т. п.

**) Названіями „муридъ и мухлисъ“ обозначаютъ различныя степенни близости суфіевъ къ ихъ наставнику-ширу, Муршиду. Муридъ—это человѣкъ, окончательно посвятившій себя наставнику, прошедшій извѣстное послушаніе въ видѣ постоянного пребыванія при особѣ наставника и исполненія съ нимъ суфійскихъ радѣній. Убѣдившись въ искренности намѣреній и подготовленности новаго члена суфійской общины, наставникъ беретъ его руку въ свои и тѣмъ присоединяетъ его къ общинѣ навсегда. Это походитъ на посвященіе въ монахи и налагаетъ на посвященнаго обязанность отречься отъ собственной воли, всецѣло посвятивъ ее наставнику. Въ книгѣ „Адабъ-у-ссалихъ“, переведенной мною на русскій языкъ подъ названіемъ „Кодексъ приличій на Востокѣ“, цѣлая глава посвящена изложенію правилъ взаимныхъ отношеній между широмъ и муридомъ. Мухлисъ—это сочувствующій суфійскому ученію, искренно уважающій извѣстнаго наставника, готовящійся со временемъ сдѣлаться его муридомъ, но не связанный еще какими-либо обѣщаніями.

не откликнулся, юродивый, когда я спрашивалъ?» спросилъ Афакъ Ходжа. «Да, я сначала думалъ, что за это дѣло возьмется кто-нибудь изъ бѣлобородыхъ старцевъ, потомъ рассчитывалъ на чернобородыхъ молодыхъ и только когда не нашлось ни одного желающаго, я поневолѣ предлагаю свои услуги», отвѣтилъ Машрабъ.

Хазретъ помолился за Машраба и онъ, прочтя слѣдующую газаль, отправился.

О, указывающій истинный путь, я съ избранной душой иду на эту службу.

Подобно Аврааму, я иду впередъ, не думая о предстоящихъ страданіяхъ.

Лицо мое пожелтѣло отъ испытаній, я положился на предопредѣленіе Божіе.

Я, какъ Хусайнъ, сынъ Алія, въ Кербелу пойду*).

Недолго я побылъ въ твоёмъ обществѣ, потому что здѣсь были другіе твои ученики.

Они опасаются, а я пойду, чтобы отвратить несчастье.

78.

Я счастливъ исполнить твои приказанія, ты мой защитникъ и сила.

Ты вспоминай меня при каждой молитвѣ, а я пойду туда исполнить дѣло.

Всякій, кто начнетъ это дѣло, съ головы до ногъ сгоритъ.

Я самъ знаю волю Бога, я пойду, чтобы отвратить несчастье.

Въ день сотворенія духовъ мой прахъ былъ перемѣшанъ съ горемъ.

Какъ бы трудно ни было дѣло, я пойду навстрѣчу стрѣлѣ провидѣнія —

Когда у пророка были враги, онъ противъ нихъ посылалъ Алія.

Подражая льву Божію, я пойду на всякое испытаніе.

Я, стоя у подножія трона Божія, расскажу о своей душѣ.

Если послышится голосъ всепрощенія, я пойду за этимъ лѣкарствомъ.

Мои крылья, какъ крылья Гавріила, покрываютъ весь міръ.

Я обойду кругомъ міра и достигну самой высшей точки неба.

*) Сынъ Алія Хусейнъ былъ убитъ въ гор. Кербела, сравненіе выражаетъ рѣшимость въ случаѣ надобности пожертвовать своей жизнью для исполненія порученнаго дѣла.

Всѣ народы желаютъ узнать что либо о Творцѣ.

По безлюдной дорогѣ я пойду къ Творцу.

Если не послышится голосъ милости, и мнѣ суждено очутиться въ аду,

Я пойду на мѣсто страшнаго суда, собравъ съ собою всѣхъ больныхъ.

Если грѣхи Ходжа и Нуриддина не перейдутъ на Машраба,

Тогда пусть всѣ грѣшники избавятся отъ адскаго огня, я одинъ пойду въ адъ.

Говоря эти слова, Машрабъ двигался впередъ переходъ за переходомъ, безостановочно и, проходя горами, онъ произнесъ слѣдующую газаль:

О всесильный Боже! Ты единъ, Ты нашъ Творецъ.

Ты сотворилъ весь міръ, Ты Творецъ дня и ночи.—

Въ одно мгновеніе ока Ты можешь обратить христіанина въ мусульманство.

Мгновенно Ты можешь превратить пустыню въ цвѣтникъ, населенный пѣвчими птицами.—

Исполненіе обрядностей въ теченіе 100 лѣтъ ни къ чему, если Ты не обратишь вниманія.

Невѣрные лишены надежды, а Твои вѣрные рабы надѣются.

О Царь! Кромѣ Тебя, у меня нѣтъ никого, кто услышалъ бы мои мольбы.

Силою этого свойства Твоего осуществи мои желанія.

Силою Арша, Курси, Кааба*) и близости пророка къ Тебѣ.

Не оттолкни безъ надежды отъ дверей твоей милости, о Творецъ!

Въ честь Забура, Таурата, Инджиля**) и Корана

Освободи Ходжа-и-Нуриддина отъ власти діавола

Въ честь 360,000 пророковъ, о, Творецъ!

Укрѣпи въ вѣрѣ Ходжа-и-Нуриддина, о, Всемогушій.

Ради Мухаммада исполни желанія Машраба

*) Мѣстопребываніе Бога на небѣ мусульмане представляютъ себѣ въ видѣ трона—аршъ, на которомъ самъ Богъ возсѣдаетъ вѣчно, подножіе трона носитъ названіе—курси. Кааба—древній храмъ въ Меккѣ, предметъ поклоненія мусульманъ во время религіознаго паломничества (хаджъ).

**) Забуръ—Псалмы Давида, Тауратъ—Пятикнижіе Моисея, Инджиль—Евангеліе.

Услышь мою молитву ради четырехъ друзей пророка.

Произнося эти слова, онъ шелъ дальше и встрѣтился съ Хазретъ-Хызромъ*) (миръ ему), который спросилъ Машраба: «о бутамтъ!**) о чемъ ты плачешь?» Машрабъ объяснилъ, что его наставникъ поручилъ ему исполнить одно дѣло и онъ сомнѣвается, удастся ли ему исполнить приказаніе пира, или нѣтъ. Машрабъ при этомъ сказалъ слѣдующую газаль: я въ затрудненіи, я не избавился еще отъ него и потому я плачу.

На меня напала неизлѣчимая болѣзнь, если я не буду плакать, кто же будетъ?

Въ темнотѣ, въ горѣ я остался на этомъ опасномъ пути.

Безъ спутника, безъ указателя пути, какъ же мнѣ не плакать?

Вотъ почему я взываю къ защитѣ Творца.

Если мой Владыка мнѣ не поможетъ, кого же я буду просить?

Когда я приду въ Ташкентъ, мнѣ предстоитъ битва съ Азизлемъ***).

Если Богъ мнѣ не поможетъ, я буду плакать.

Проклятый искушаетъ друга Афакъ-Ходжи.

Если мнѣ не удастся избавиться отъ него Ходжа-и-Нуриддина, я буду плакать.

«Ты хорошенько молись за него», приказалъ мнѣ мой наставникъ.

Если Богъ не услышитъ мою молитву, я буду плакать.

Выпей вино подвижничества изъ рукъ Указывающаго истинный путь.

Если мнѣ не удастся совершить подвигъ—я буду плакать.

Съ 70-лѣтнимъ богопочитаніемъ, съ благочестіемъ и добрыми дѣлами.

*) Хызръ собственно зеленый. Подъ этимъ именемъ извѣстенъ невидимый въ обыкновенное время, но являющійся въ нужную минуту пророкъ-покровитель. Его настоящее имя Балабанъ, сынъ Малакана, предки его въ восходящей линіи Фабихъ, Гобыръ, Шаиха, Арфахшадъ, Самъ, Ной. Родился онъ во времена Авраама, достигъ зрѣлости къ эпохѣ Моисея, который и сдѣлался его учителемъ. Во времена Искандера-Зуль-Карнайна (Александръ Македонскій) Хызръ вывелъ его изъ темной пещеры и указалъ ему источникъ живой воды (аби-хаютъ). Хызромъ (зеленымъ) называютъ пророка потому, что одного появленія его въ мертвой до того пустынѣ достаточно для того, чтобы все кругомъ покрылось свѣжей зеленой растительностью, (Тарихи Табари).

**) Букв. верблюженокъ, въ смыслѣ „дитяtko“! такія же обращенія: чирагымъ, нури-дидамъ, нури-чашмъ.

***) Азизль—одно изъ именъ діавола.—

Если онъ уйдетъ въ другой міръ съ чернымъ лицомъ, я буду плакать.

Если Машрабъ, теперь надѣющійся, вернется безъ надежды,

Если мнѣ не удастся совершить трудный подвигъ, я буду плакать!

Сказалъ эти слова Ша-Машрабъ и просилъ Хазретъ-Хызра (міръ ему) помолиться за него, а самъ пошелъ дальше, произнося слѣдующую газаль:

Исполненія всѣхъ своихъ желаній ты проси у Всевышняго Бога.

Ты-бѣднякъ, все нужное тебѣ проси у Царя сейчасъ же.

Онъ обѣщалъ, что вѣрующихъ не оставитъ безъ помощи.

Поэтому все тебѣ необходимое ты проси у Бога.

80.

Говоря: «мой Господь великъ» — склони свою голову къ землѣ.

Опираясь на Каабу, проси у Бога все, что тебѣ нужно.

Авраамъ вошелъ въ огонь, а идоламъ не поклонился.

Богатство своей душѣ проси у Ангела, раздѣляющаго доли смертныхъ.

Навѣрно Его имя Всевидящій, а другое Вездѣсущій.

Ты проси ради силы молитвы «во славу Бога».

Если ты, о Машрабъ, протянешь руку, стараясь схватить за полу Мухаммада,

Не протягивай руку къ небольшой рѣчкѣ, а проси у моря.

Говоря эти слова, плача, Машрабъ день и ночь шелъ безостановочно горами, находя что это ему предопредѣлено еще въ день сотворенія духовъ. Онъ призывалъ на помощь прежде жившихъ пророковъ, произнося слѣдующій мунаджатъ:

О Боже, ради твоей силы, ради твоего лица,

Ты своей силой сотворилъ Адама и Еву, пусть мнѣ помогутъ Аршъ, Курси, Лаухъ и Калямъ*).

Будь ко мнѣ милостивъ, о Боже, ради близости къ тебѣ пророка**).

За какой изъ твоихъ даровъ могу я достойно поблагодарить Тебя!

*) Лаухъ подставка вродѣ юпитра, на которой лежитъ на небѣ оригиналъ Корана, а Калямъ камышевое перо, которымъ Предвѣчнымъ былъ написанъ Коранъ.

**) Пророкъ Мухаммадъ самый близкій къ Богу человекъ, и потому онъ является самымъ надежнымъ заступникомъ за каждого изъ своихъ послѣдователей. На страшномъ судѣ Мухаммадъ будетъ свидѣтелемъ въ пользу вѣрующихъ.

Помоги мнѣ ради Тобою же преподаннаго Корана.

Онъ продалъ семь раевъ за 1 зерно пшеницы*).

Я готовъ пожертвовать всѣмъ для духа Адама и Евы.

Войдя въ огонь Нимврода, нисколько не опасавшійся,

Посвятилъ имущество и душу Богу Авраамъ.

Посмотри на Исмаила, который по волѣ Божіей и съ Его помощью подставилъ свою шею подъ ножъ Бога.

На Еноха, покорнаго предопредѣленію, назначеннаго въ жертву Богу.

Безъ отца, отъ Маріи рожденный, Владыка духа Иисусъ, Воскрешавшій мертвыхъ, святой Иисусъ; на горѣ Синаѣ, прошившій лицезрѣнія Бога,

18.000 просьбъ произнесшій Моисей; 73 года ѣли тѣло Аюба**), внезапно на него напавшіе черви.

Этотъ, перенесшій съ терпѣніемъ страданія мудрый Аюбъ.

Не уменьшившій произнесенія зикра и въ то время, когда пила приблизилась къ его головѣ.

Усвоившій крѣпко душою произнесеніе имени Божія Захарія***).

81.

Еще 900 лѣтъ жилъ Джирджисъ, который каждый день

Тысячу разъ умиралъ и 1000 разъ воскресалъ, онъ владыка подвижничества****).

Ты знай, богомолецъ за всѣхъ пророковъ, это Шуайб*****).

*) Адаму во время пребыванія его въ раю запрещено было есть плоды райскаго дерева „бугдай“—(пшеница). Преступивъ повелѣніе Божіе, онъ съѣлъ одно зерно пшеницы и тѣмъ совершилъ грѣхъ, лишившій его вѣчнаго блаженства въ раю. По вѣрованію мусульманъ, рай имѣетъ 7 рядовъ, или помѣщений, вотъ почему и здѣсь говорится, что Адамъ за зерно пшеницы продалъ, или вѣрнѣе потерялъ 7 раевъ.

**) Аюбъ—Іовъ многострадальный, мусульманскія преданія о немъ значительно разнятся отъ библейскихъ. Напр., по мусульманскимъ преданіямъ, Іовъ былъ пораженъ не проказой (махау), а луисомъ (маразъ) и черви ѣли его тѣло.

***). Захарія, отецъ Іоанна, дядя Маріи, былъ по приказанію Ирода распиленъ пилой за то, что осудилъ намѣреніе Ирода вступить въ бракъ съ своей племянницей, что запрещалось библіей.

*****) Джирджисъ (по книжному джуруджъ) сынъ одного царя въ Кааринъ, въ Палестинѣ. Будучи воинномъ, спасъ дочь царя отъ дракона. Замученъ за исповѣданіе христіанства при Діоклетіанѣ 303 г. по Р. Х.

*****) Шуайбъ—пророкъ, вышедшій изъ Медины, потомокъ Салиха. Женатъ былъ на дочери Моисея, по имени Суфра, отличался ученостію и краснорѣчіемъ, за что получилъ прозвище „хатибъ уль-анбіа“, что значитъ чтець пророковъ. Одинъ народъ не послушалъ наставленій Шуайба и за это былъ сожженъ огненнымъ облакомъ. Умеръ въ Тирѣ.

Моисея возвысившій до высокой степени этотъ мудрый.
Посмотри на Иакова, разорвавшаго одежды, произнося «о мое дитя».

Въ колодцѣ спасшійся прекрасный Иосифъ,
Силою одного перстня ставшій царемъ всего міра.
Онъ такой царь царей, какъ Соломонъ.
Послѣдователей пророка Лота Богъ уничтожилъ.
Всегда *плакавшій кровью* этотъ Иоаннъ
За грѣшныхъ послѣдователей *всегда* день и ночь *плакалъ кровью*.
Двухъ міровъ украшеніе — этотъ посланникъ Божій.
Ради всѣхъ этихъ лицъ спаси, Бсже, Ходжа-и-Нуриддина,
Ради «бисмилля» приблизившаго Машраба къ Каабѣ.

Хазретъ Хызръ недолго переговорилъ съ Машрабомъ и сказалъ ему: «ты побѣдишь діавола и достигнешь исполненія своихъ желаній. Великъ Богъ!» Хызръ преподалъ еще Машрабу кое что изъ тариката и знаній, и наставленія Хызра произвели на Машраба такое сильное впечатлѣніе, что онъ произнесъ слѣдующую газаль:

Кто захочетъ прославить Бога, пусть не говоритъ ни о чемъ, кромѣ самопоглощенія въ Богѣ.

Если спросишь, скажи: «нѣтъ кромѣ».

Пусть они не добиваются райскаго блаженства

Оставивъ «Лямъ и Мимъ»,—говори о «Я»*).

Убейте меня, и я послѣ этого буду произносить стихи.

Если ты мудръ, обнаруживай свою ученость.

Посмотри на все, что есть въ мірѣ и говори о днѣ морскомъ.

Вмѣсто 1000 книгъ тайныхъ наукъ изучи хотя одну пылинку изъ наукъ явныхъ.

Лучше произноси стихъ Корана и возведи взоръ въ другой разъ; отпустится взоръ твой, утомившись и померкнувъ (Кор. 67,4).

82.

О Машрабъ! не открывай глупцу, что ты шейхъ.

О тайно оказывающему милость говори: «я полагаюсь на Бога».

Хазретъ Хызръ (миръ ему) понялъ тайный смыслъ рѣчей Машраба. «Теперь ты расскажи о своей восторженной любви», сказалъ онъ Машрабу, и тотъ произнесъ слѣдующую газаль:

Чтобы понять жемчугъ души, надо послушать человѣка хорошаго, изучившаго свою душу,

*) Смыслъ тотъ, что необходимо все свое вниманіе сосредоточить на прославленіи единого Бога, постепенно произнося: „Я, Алла!“

Человѣка, который бесѣдовалъ съ Богомъ, владыку подвижничества.

Не испытывшіе страданій какъ могутъ понять значенія самопоглощенія въ Богѣ?

Для того, чтобы присутствовать въ собраніи невѣждъ, нужны украшенія и праздничныя одежды.

Въ этомъ мірѣ нельзя отличить добро отъ зла.

Намъ необходимо лицезрѣніе Бога, другимъ людямъ нужно только наслажденіе земными благами.

Ты своими явными очами замѣтилъ на мнѣ плащъ бѣдности.

Ищущему истины необходимо отречься отъ всего земного.

Только что открывшему глаза ребенку не повѣрай своихъ страданій.

Чтобы понять твои страданія и состояніе твоей души, нуженъ мудрый.

Кто одержимъ гордостью, діаволъ тому помощникъ.

Для того, чтобы поразить діавола, нуженъ человѣкъ знающій.

Когда дерево обременено плодами, верхушка его гнется къ землѣ,

А тополь, съ гордостью простирающій свою голову къ небу— рубить топоръ.

Ты ошибочно считаешь себя рабомъ, если не признаешь былинку выше себя.

Посланникъ Божій считаетъ другомъ того, кто себя считаетъ низкимъ.

Не увлекайся земными прелестями, посмотри на Нуриддина.

Вѣдь въ концѣ концовъ и на твою голову придетъ такое же затрудненіе.

Передъ Машрабомъ ты покайся въ своихъ грѣхахъ.

Я помолюсь о тебѣ, тебѣ тоже нужна помощь Божія.

Заслуживъ одобреніе Хазретъ Хызра (миръ ему) за произнесенную газаль, Ша Машрабъ пошелъ дальше, по дорогѣ говоря слѣдующую газаль:

Еще я вступилъ въ споръ о вѣрѣ съ Гебрами.

Я пристыдилъ невѣрныхъ и прославилъ вѣру.

Явный врагъ подлежитъ адскому огню.

Я воспользовался силой любви каляндара.

Вмѣстѣ съ своимъ кумиромъ я опьянѣлъ: мы оба сидимъ въ виноторговлѣ.

Мы считали за четки капли падающихъ изъ глазъ слезъ.

Я самъ правовѣрный, но по наружности кажусь идолопоклонникомъ.

Я призналъ постановленія звонящихъ въ колокола, а священные области ислама я обратилъ въ области невѣрныхъ.

Я послѣдователь опьяненныхъ шейховъ, я поклонникъ пьяницъ.

И келью отшельника и капище я уничтожилъ, не оставивъ камня на камнѣ.

Сказавъ эти слова, Машрабъ вскорѣ очутился у воротъ Ходжа-и-Нуриддина и громкимъ голосомъ, какъ пьяный, произнесъ слѣдующую газаль:

Съ своими родными—я врагъ, а съ врагами—другъ.

Въ томъ мірѣ, гдѣ я брожу, не будетъ откровенія Гавріила.

Оставивъ знакомыхъ, я приблизился къ другу.

Вмѣстѣ со мной сидитъ другъ мой, но я далеко отъ него.

Я условился быть съ шейхами, а провожу время съ цыганами.

Гдѣ бы ты меня не увидѣлъ, я говорю только о Богѣ.

Я меньше, чѣмъ ничто возлѣ порога и присутствія Божія.

Во время «Лима Алла»*) я буду собесѣдникомъ Бога.

До 2-го звука трубы изъ праха будетъ произрастать зелень.

Я самъ близокъ себѣ, хотя и бѣднякъ.

Оба міра, какъ двѣ подковы, я покинулъ и ушелъ.

Я—царь юродивыхъ, я босой пьяница.

Я видѣлъ этотъ міръ, о Машрабъ, это негодное мѣсто.

Я скорѣй ушелъ изъ этого міра и перешелъ въ вѣчность.

Ша Машрабъ, произнося «Онъ!», вошелъ въ комнату, гдѣ лежалъ Ходжа-и-Нуриддинъ и, замѣтивъ, что состояніе его опасно, сталъ передъ нимъ и привѣтствовалъ его. Ходжа-и-Нуриддинъ не могъ ему отвѣтить, даже знакомъ не былъ въ состояніи выразить ему отвѣтъ на привѣтствіе. Тогда Машрабъ, увидѣвъ такое положеніе больного, сказалъ слѣдующую газаль:

Я привѣтствую тебя, гдѣ же твой отвѣтный знакъ на мое привѣтствіе?

Гдѣ твои чудеса, по которымъ я могъ бы узнать въ тебѣ Божьяго человѣка?

*) Упомянутое о преданіи отъ Мухаммада, который сказалъ: „Между мною и Богомъ бываетъ время, когда самые ближніе ангелы и пророки не приближаются“. Лима-Алла приведено въ смыслѣ „фанафиля“—самопоглощенія въ Богѣ, сліянія съ Божествомъ.

Твоя возлюбленная попала теперь въ руки врага.

Гдѣ же результаты отъ 72 споровъ твоихъ?*)

Понадѣявшись на явныя науки, ты очутился на распутіи.

Гдѣ же результаты непрестаннаго чтенія корана днемъ и ночью?

Семь разъ ты роздалъ бѣднымъ все твое имущество.

Гдѣ же добрыя дѣла, которыя ты приготовилъ ко дню страшнаго суда?

Ты возгордился и сталъ плѣнникомъ проклятаго

Гдѣ же тѣ молитвы, при помощи которыхъ ты надѣешься освободиться изъ этого плѣна?

Ты съ этимъ, посланнымъ діавола, отправилъ всѣ добрыя дѣла твои, приготовленныя ко дню страшнаго суда.

Гдѣ же запись твоей любви и твоихъ мечтаній?

О Машрабъ—юродивый, не спорь противъ предопредѣленія Божія!

Гдѣ у тебя сила, чтобы исполнить приказанія твоего наставника?

Сказавъ эти слова, Машрабъ задумался, сосредоточился въ молчаніи и мысленно, тайно вступилъ въ борьбу съ діаволомъ. Проклятый діаволъ изнемогъ въ этой борьбѣ и бѣжалъ. Съ помощью святаго Машраба Богъ избавилъ Нуриддина-Ходжу отъ прельщенія діавола. Ходжа благополучно, оставшись твердъ въ вѣрѣ, скончался. Ша Машрабъ прославилъ Бога и произнесъ слѣдующую газаль:

Если Богъ не смиростивится, что пользы отъ четокъ и исполненія обрядности?

Если не будетъ вѣры, что пользы отъ милостыни и добрыхъ дѣлъ?

Всѣхъ сдѣлавшихся мучениками пусть Богъ сочтетъ своими рабами.

Если тебѣ предопредѣлено отступничество, что пользы отъ мученичества?

Если хозяинъ недоволенъ, что пользы отъ службы раба?

*) Намекъ на раздѣленіе въ вѣрѣ на 72 толка. Мухаммадъ самъ въ 6 году хиджры сказалъ: (хаджъ) въ скоромъ времени мои послѣдователи раздѣлятся на 73 толка и только одинъ толкъ сохранить истинную вѣру, всѣ же остальные отъ нея отступятъ. Машрабъ такъ спрашиваетъ умирающаго Нуриддина-Ходжу, признавая его правовѣрнымъ и удивляясь, что выдержавъ релігіозный споръ съ 72 неправовѣрными сектами, оставшись вѣрнымъ, онъ не можетъ противостоять діаволу.

Если Богъ не приметъ, какая польза отъ чудесъ?

До тѣхъ поръ, пока ты не посѣдешь сѣмена свѣта въ землю твоего сердца,

Какая польза съ того, что ты будешь знающимъ всѣ пути, усерднымъ рабомъ Божиимъ?

Во время твоего благополучія, вспоминая о смерти, плачь кровью.

Когда человѣкъ разстается съ душой, какая польза отъ искренняго раскаянія?

Освободи свою душу отъ силы діавола, а потомъ взгляни на свою могилу.

Если и 1000 діаволовъ даны въ руки, какую пользу можетъ это принести при достиженіи высшей степени суфійской?

Міръ весь загорится отъ пыли вздоховъ Машраба.

Если я не въ силахъ дать мертвому душу, что пользы отъ этого состоянія восторга?

85.

Окончивъ эти слова, Ша Машрабъ для назиданія народа сказалъ слѣдующую газаль:

Ты идешь по опасной дорогѣ, безъ проводника,—плачь!

На каждомъ шагу ты подвергаешься опасности—плачь!

Когда рабъ одинъ разъ заплачетъ, Богъ 1000 разъ спросить его «что угодно?»

Пусть изъ глазъ твоихъ текутъ кровавыя слезы, плачь, какъ будто ты въ траурѣ.

Мухаммадъ всегда плакалъ о своихъ послѣдователяхъ.

Ты ближній послѣдователь пророка—плачь!

Машрабъ только плачемъ достигъ познанія истины.

Открывъ руки, скажи «Аминь», плачь, ты, владѣлецъ молитвы.

Далѣе, Машрабъ произнесъ слѣдующіе стихи, которые характеризовали состояніе его души:

Твой чистый духъ я готовъ вознести на небо.

Сдѣлать близкимъ этому гнѣвному Царю,

Если я, какъ омыватель покойниковъ, вымою твое тѣло,

То могилу я освѣщу свѣтомъ твоей вѣры.

Передъ огнемъ любви не сожалѣй о томъ, что тебѣ придется отдать душу.

Я сдѣлаю такъ, что тебѣ не трудно будетъ разставаться съ твоей душой.

Если въ могилѣ два ангела*) зададутъ вопросы относительно Богочитанія,

Я заставлю твой языкъ произнести слова «меня создалъ Господь».

Не бойся ничуть жестокости страшнаго суда,

Я доставлю въ твои руки желательную тебѣ записку**).

Если Богъ въ день страшнаго суда положитъ на вѣсы твои дѣла,

Я своими вздохами уничтожу тяжесть твоихъ грѣховъ.

Не думай объ адѣ, находящемся подъ твоими ногами.

Я въ состояніи семь вратъ ада помѣстить въ скорлупу одной фисташки.

Если нѣтъ проводника для духа по трудно-проходимой дорогѣ,

Я, согнувъ его, сокращу длину 10 000 лѣтняго моста***).

Знай, Машрабъ, что 8 вратъ рай откроются при твоёмъ приближеніи.

Я могу посадить тебя вмѣстѣ съ пророкомъ и его четырьмя друзьями.

*) По вѣрованію суннитовъ (шіиты это отрицаютъ) къ умершему въ могилу по повелѣнію Божію являются два ангела Мункиръ и Накиръ, которые задаютъ ему вопросы объ исповѣданіи вѣры: кто Богъ твой, какой ты вѣры, кто твой пророкъ и, смотря по отвѣтамъ, рѣшаютъ, кто долженъ войти въ рай, кто въ адъ. Шіиты спорятъ, что сомнительно воздѣйствіе ангеловъ на трупъ бездушный, а сунниты, ссылаясь на преданія отъ Мухаммада, утверждаютъ, что при положеніи въ могилу душа находится еще около тѣла и можетъ вмѣстѣ съ нимъ переносить такъ называемыя „муки могилы“, т. е. допросъ ангеловъ.

**) Подъ именемъ „нама-и-амаль“ у мусульманскихъ толковниковъ извѣстна записка съ перечисленіемъ добрыхъ и злыхъ дѣлъ каждаго человѣка, которую, при жизни ведутъ два ангела—записывателя (Катабу-уль Катибинъ), безотлучно находящіеся при каждомъ изъ мусульманъ. Расположившись, записываютъ добрыя дѣла—на правомъ и записывающій дурныя дѣла на лѣвомъ его плечѣ. Въ день страшнаго суда праведникамъ дадутъ ихъ записки о дѣлахъ въ правую руку, а грѣшникамъ списокъ ихъ прегрѣшеній—въ лѣвую. Начнется повѣрка записокъ о дѣлахъ, праведники предъявятъ свои и войдутъ въ рай, грѣшники же будутъ скрывать свои записки и ссылаться на то, что записки о дѣлахъ ими вовсе не были получены. Эта отговорка не будетъ имѣть силы, и грѣшники будутъ помѣщены въ адъ.

***). Ведущій въ рай „пуль-и-сыратъ“ называется еще 10000-лѣтнимъ мостомъ потому, что, по мнѣнію мусульманъ, идущіе въ рай должны будутъ 10 т. лѣтъ идти по мосту. Машрабъ предлагаетъ, взявъ длину моста, согнуть ее на подобіе лука и такимъ образомъ значительно сократить разстояніе между концами моста. Мостъ „пуль-и-сыратъ“, по толкованію мусульманъ, тонокъ, какъ конскій волосъ, остеръ, какъ лезвіе ножа, длина его 3000 шаговъ, а идти по нему надо 10000 лѣтъ. Праведники свободно пройдутъ по мосту въ рай, а грѣшники упадутъ въ адъ.

Сказавъ эти слова, Машрабъ произнесъ слѣдующую газаль по поводу непостыдной кончины Ходжи-и-Нуриддина:

Слава Богу, уничтожившему всѣ грѣхи Нуриддина-Ходжи.
Слава Богу, облегчившему тяжесть и моихъ грѣховъ.

86.

Мое сердце не успокоится, пока не заслужить прощенья.

Слава Богу, открывшему покровъ милости.

Ангелы славили Бога и самъ Господь остался доволенъ.

Слава посланникамъ, утопающимъ въ свѣтѣ.

Гуріи и гульманы*) съ нетерпѣніемъ ожидаютъ моего прихода.

Собесѣдники Бога ждутъ меня, о радость!

Ходжа въ могилѣ зажегъ свѣтильникъ.

Слава ему, подвижнику, знающему пути обонхъ міровъ,

Онъ надѣлъ на главу вѣнецъ «ляамрукъ»**), нашъ защитникъ,

Слава ему, пророку, нашему заступнику въ день страшнаго суда.

Абубекру, Умару, Усману, надѣющимся на друга,

Напоющему водой райскаго источника Каусара***) Алію слава!

Богъ услышалъ молитвы юродиваго Машраба,

Слава Царю, услышавшему мои молитвы.

Говоря эти слова, Ша Машрабъ вспомнилъ о своемъ наставникѣ Афакъ-Ходжѣ и, мысленно обращаясь къ нему, произнесъ слѣдующую газаль:

О, наставникъ, я спасъ его отъ искушенія проклятаго,

Я слѣлалъ его человѣкомъ Божиимъ, знающимъ тайны сердца.

Своими грубыми руками я омылъ его и завернулъ въ саванъ.

Исполнивъ надъ нимъ погребальные обряды, я обратилъ его тѣло въ искусственное алхимическое золото.

*) Гуріи—существа женскаго пола, обѣщанныя Кораномъ мухаммеданамъ для полноты ихъ блаженства. По описанію корана, онѣ—дѣвы, созданныя особеннымъ ссзданіемъ, черноокія, велеокія, со скромными взглядами, добротныя, красивыя, полногрудыя, подобныя жемчужинамъ, подобныя хонтамъ, коралламъ, бережно хранимымъ страусовымъ яйцамъ, непознанныя прежде ни людьми, ни геніями, милыя мужьямъ, равныя имъ по лѣтамъ. Саблуковъ, 1 приложеніе къ переводу корана стр. 265. Гильманы—18 лѣтніе юноши, которые въ раю будутъ прислуживать вѣрнымъ.

**) Подъ именемъ „Лаамрукъ“ понимаютъ всѣ тѣ милости, какія Богъ излилъ на своего избранника Мухаммада; всѣ знаки благоволенія къ нему сравниваются съ вѣнцомъ, одѣтымъ на голову.

***) Каусаръ одна изъ трехъ рѣкъ, протекающихъ въ раю.

Еще не положили его въ могилу, какъ Ангелы задали ему уже 71 вопросъ.

Я помогъ ему освободиться отъ всѣхъ грѣховъ и удовлетворительно отвѣтить на всѣ вопросы.

Положивъ къ нему въ могилу Божью награду, самъ я любовался.

Посадивъ его на тронъ, возложивъ вѣнецъ на его голову, я сдѣлалъ его царемъ.

Ему принадлежатъ уваженіе, почести, восторгъ и благополучіе.

Я провелъ рѣку всепрощенія черезъ его могилу.

Укрѣпи всѣхъ правовѣрныхъ въ вѣрѣ, какъ Нуриддина,

Я взывалъ къ Богу: «потопи всѣхъ въ Твоемъ милосердіи!»

Я не принималъ протягиваемыхъ мнѣ рукъ*), чтобы сдѣлаться извѣстнымъ всему міру.

Я всѣхъ ихъ сдѣлалъ послѣдователями пророка

Сказавъ эти слова, Ша Машрабъ произнесъ слѣдующій «марсіа»**) въ честь умершаго Нуриддина-Ходжи:

Въ этомъ брѣнномъ мірѣ смерть причиняетъ много бѣдъ.

Посмотри,—и Адама смерть заставила лечь въ землю.

87.

Никто не избѣгаетъ жестокихъ рукъ смерти.

Всякому предстоитъ испытать горе и мученія смерти.

Этотъ, обошедшій цвѣтникъ огня, другъ Божій (Авраамъ) гдѣ?

Смерть—это птицеловъ, разсыпавшій предопредѣленіе, какъ приманку у поставленнаго имъ силка.

Гдѣ Моисей, выслушавшій отъ Бога 18000 повелѣній?

Смерть покрыла его тѣло на четверть земель?

Богъ послалъ червей страданія на тѣло Іова для его испытанія.

Наконѣцъ, смерть погасила его свѣтильникъ.

Гдѣ этотъ посланникъ, украшеніе двухъ міровъ?

*) Здѣсь Машрабъ говоритъ, что изъ скромности онъ не принималъ лицъ, желавшихъ сдѣлаться его учениками (муридами) и протягивавшихъ къ нему для благословенія руки. Протягиваніе руки есть знакъ того, что человѣкъ желаетъ стать муридомъ извѣстнаго ишана, а Машрабъ, не принявъ обращающихся къ нему, сдѣлалъ ихъ, какъ онъ говоритъ далѣе, послѣдователями пророка, т. е. не далъ имъ возможности, вступивъ на путь изученія мистицизма, уклониться отъ строго ортодоксальныхъ догмъ Ислама, такъ рѣзко разнящихся отъ отвлеченныхъ и терпимыхъ къ исполненію обрядностей умствованій Суфіевъ.

**) Подъ именемъ „марсіа“ извѣстны вообще стихи, слагаемые во время похоронъ друзьями покойнаго для прославленія его памяти.

Смерть сдѣлала его ходатаемъ передъ Богомъ за грѣхи его послѣдователей.

Четыре друга пророка: Абубекръ, Умаръ, Усманъ, гдѣ они?

Разорвавшій дракона Карраръ*) посмотри, и его смерть уложила въ землю.

Хасанъ и Хусайнъ были два глаза пророка.

Проклятіе Езидамъ! и ихъ смерть сдѣлала мучениками Кербалы**).

И Машрабъ тоже выпьетъ изъ чаши мученичества

И его смерть отдала въ руки Махмуда въ Балхѣ***).

Сказалъ Ша Машрабъ и произнесъ еще слѣдующую газаль:

Попли мнѣ много страданій, но сдѣлай такъ, чтобы я и не думалъ о лѣкарствахъ.

Не слѣдуетъ дѣлать себѣ собесѣдникомъ человека, или кого другого

Грѣшники, придя, падутъ ницъ у своего порога.

Не отказывай въ избыткѣ милости твоимъ рабамъ.

Если въ день страшнаго суда соберутся всѣ раньше и позже отшедшіе,

Не унижай ихъ, не разрушай міра.

Если въ день страшнаго суда солнце ударитъ въ головы рабовъ,

Не нагибай моего стана подъ тяжестью грѣховъ.

Весь народъ будетъ въ смятеніи, какъ во время потопа, знай Машрабъ!

Не осуждай ни одного изъ твоихъ рабовъ при переходѣ въ другой міръ.

2-я газаль.

Рабу не достигнуть цѣли, если у него не хватитъ силы,

До тѣхъ поръ, пока оттуда на него не прольется дождь милости.

*) Али по приказанію Мухаммада разорвалъ надвое дракона и пророкъ сказалъ: „Али Хаядаръ“, *повторивъ* эти слова нѣсколько разъ... Вслѣдствіе этого за 4-мъ халифомъ утвердилось прозвище „Хаядаръ“ (побѣдитель змѣи) и „Карраръ“, что значитъ „повторенный“. Другіе объясняютъ происхожденіе этого прозвища тѣмъ, что Али во время войнъ за вѣру все время бросался на враговъ, *повторя* свои атаки.

**) Сыновья Али Хасанъ-Хусайнъ погибли жертвою религиозныхъ распрей.

***) Дивана и Машрабъ былъ повѣшенъ въ Балхѣ.

Людямъ съ открытыми глазами дай воды: ихъ томить жажда.
Никто не найдетъ дороги, не имѣя наставника.

88.

Я и одну страдающую душу свою не промѣняю на 1000 раевъ.
Знаніе не производитъ впечатлѣнія на душу, пока она не изранена.

Плачь теперь, пока прахъ могилы не наполнилъ твои глаза.

Душу нельзя считать душой, пока она не наполнилась страхомъ послѣдняго дня.

Этотъ міръ—поле посѣва для страшнаго суда, сѣй непремѣнно!
Тамъ не будетъ урожая, если здѣсь не будетъ посѣва.

И такой человѣкъ, какъ Ной, и тотъ не спасъ своего сына*).

Что сдѣлаетъ Ной въ послѣдній день, если ему не будетъ сопутствовать счастье?

Кто повѣритъ въ существованіе товарищей (Богу), тотъ окажется далеко отъ единобожія.

Надо имѣть такую душу, чтобы въ нее не проникало помышленіе о многобожіи.

О Машрабъ! всякому, кто гонится за славой,—грозитъ опасность.

Святымъ своего времени будетъ тотъ, кто обладаетъ твердой вѣрой.

Окончивъ эту газаль, Ша Машрабъ прочиталъ молитвы за духовъ предковъ Нуриддина-Ходжи и направился по дорогѣ къ Афакъ-Ходжѣ. По пути онъ прочелъ слѣдующую газаль:

Я золотоносная руда, я желалъ бы сдѣлаться ищущимъ ювелира.

Я хочу сдѣлаться *пламенемъ огня*, какъ *Саламандра*.

Я хотѣлъ бы, чтобы ты велъ меня по пути къ истинѣ.

Я хочу быть пророкомъ всѣхъ незнающихъ ничего отвлеченнаго.

Мнѣ хотѣлось бы, чтобы голова моя очутилась на седьмомъ небѣ и чтобы я уподобился Иисусу.

Я хотѣлъ бы быть къ Богу еще ближе, чѣмъ онъ.

О Ходжа! сдѣлай меня такимъ же свѣтлымъ, какъ солнце.

*) Въ Таорихи Табари т. I стр. 97 (турецкое изданіе) говорится о четвертомъ сынѣ Ноя, который погибъ во время потопа, въ невѣрціи, это Канчанъ. Въ книгѣ Камусъ Канчаномъ называется сынъ Хамъ, внукъ Ноя, который также, какъ и Хамъ, не подчинился Ною и за это былъ имъ проклятъ.

Если ты прикажешь, я буду раздавать воду Каусара жаждущимъ.

2-я газаль.

Если любовь проникла въ твое сердце, ее уже нельзя изгнать отсюда.

Такъ, нельзя вернуть слезу, упавшую въ море.

По 360 жиламъ, по 444 костямъ

Прошла твоя любовь, ее нельзя уже найти

Я, твой юродивый Машрабъ, я сгорю на огнѣ любви къ тебѣ.

Меня, какъ бабочку, нельзя избавить отъ этого.

89.

На пути твоей любви Богъ создалъ меня смущеннымъ и затрудненнымъ.

Богъ создалъ дѣтей христіанъ воюющими противъ вѣры Ислама

Я умру въ этой пустынѣ, что мнѣ дѣлать?

О податель милости, тебя создала рѣка Уммонъ*).

Если ты хочешь взять мою душу, бери скорѣй, о владыка души, горный розанъ!

Насъ опечаленныхъ Богъ создалъ въ жертву тебѣ.

Ахъ! перо предопредѣленія коснулось моей головы, что же мнѣ дѣлать?

Отъ любви къ тебѣ горе лишило меня головы и ногъ.

Я расскажу тебѣ свои мольбы, о царь міра;

Мы созданы бѣдняками, а ты—Царемъ.

Огонь твоей любви одинокаго бѣдняка

Сдѣлалъ день и ночь бодрствующимъ, плачущимъ у твоего порога.

Войско горя осилило меня-бѣдняка.—

Мои губы горятъ отъ жажды, душа болитъ, я въ отчаяніи.

Считать ее глаза за чары—очевидная ошибка.

Богъ по своей волѣ создалъ ее невѣрной.

Что можетъ сдѣлать юродивый, безумный, гдѣ исходъ?

Отъ самаго дня сотворенія духовъ тѣло мое создано сгорающимъ.

Что бы ни сдѣлалъ этотъ юродивый Машрабъ, о друзья!

*) Рѣка Уммонъ въ Индіи, въ которой ловится самый рѣдкій по качеству жемчугъ.

Не осуждайте его, потому что Богъ создалъ его такимъ глупымъ.

Произнося эти слова, Машрабъ подошелъ къ мѣсту жительства Афакъ-Ходжи, поклонился у его порога и вошелъ въ домъ. Хазретъ-Афакъ-Ходжа обратилъ на него свое милостивое вниманіе и сказалъ, обращаясь къ нему: «о Машрабъ, поди и поклонись могилѣ твоего отца, потому что тебя убьетъ царь Махмудъ въ Балхѣ». Хазретъ помолился за Машраба и разрѣшилъ ему уйти. Машрабъ отправился и по дорогѣ произнесъ слѣдующій мухаммасъ:

О, мой кумиръ, открой рай твоего лица и ты, заставивъ распуститься цвѣты, вызовешь къ жизни весну.

Давая другимъ терпѣніе, меня ты сдѣлала нетерпѣливымъ —

90.

Пустивъ стрѣлу страданія по тебѣ, ты ранила мое сердце.

О прищуривающая глаза, почему ты такъ приблизила меня къ себѣ!

Страстно желая видѣть твое лицо, я брожу по улицамъ.

* *
*

Не имѣя возможности выносить причиняемые тобой страданія, я готовъ удалиться, унести свою голову.

Проливая слезы изъ глазъ, я сдѣлаю изъ степи цвѣтникъ.

Мое тѣло горитъ, когда ты волнуешь меня муками и страданіями.

Я теряю всякое терпѣніе, не могу выносить причиняемыхъ мнѣ страданій.

Всему міру ты причинила горе и не разъ, а 1000 разъ.

* *
*

Достоинства твои, о душенька, день и ночь не сходятъ съ моего языка и не покидаютъ моей души.

Удивительно, что о твоихъ достоинствахъ говоритъ весь міръ, какъ о медѣ, или сахарѣ.

Убивъ себя, душенька, я молилъ, чтобы ты была жива.

Я радъ своей смерти, отчего же тебѣ не стыдно?

У своего порога ты поставила 10000 висѣлицъ, чтобы вѣшать.

* *
*

Жемчугъ твоей перламутровой раковины блеститъ, а ты его скрываешь.

О, кумиръ мой, ты не принадлежишь къ числу людей, отъ кого же ты производишь?

Далеко ты ушла отъ меня и покинула здѣсь меня одного.

Не взглянувъ на меня, ты обращаешь вниманіе на другого поклонника.

Кого ты полюбила, покинувъ меня въ раздраженіи?

* * *

Если ты и уйдешь къ другимъ людямъ, на сердцѣ моемъ отъ тебя останется рубецъ.

Если цвѣтокъ твоего лица станетъ рядомъ съ только что распустившимся цвѣткомъ, то обоняніе наполнится ароматомъ.

Сколько бы разъ я не умеръ, даже если бы я совсѣмъ исчезъ, ты ни разу не спросишь обо мнѣ.

И спотыкаюсь и падаю, а отъ тебя не вижу поддержки.

Ты меня убила своей жестокостью, а свою душу отдала другимъ.

* * *

Иногда, выходя на прогулку, ты мечешь стрѣлы своими бровями.

И если встрѣчаешь меня безумнаго, то, бросая камни, гонишь меня, какъ собаку.

Ко мнѣ ты, какъ темная ночь, а къ другимъ, какъ яркій свѣтильникъ.

Когда на меня сыплется дождь стрѣлъ, ты отдаешь мена на разграбленіе людямъ.

1000 разъ кокетничая съ другимъ, почему ты такъ мучаешь меня?

* * *

91.

Ты играешь въ саду и въ цвѣтникѣ, ты окрасила виномъ въ красный цвѣтъ кувшинъ

Ты не смилостивилась надо мной, потому что я несчастенъ.

Лучше было бы мнѣ исчезнуть, провалившись сквозь землю, чѣмъ такъ существовать.

Раздѣли меня на 1000 кусковъ, но не оставляй меня безнадежнаго среди людей.

Меня ты считаешь несуществующимъ, а на врага моего обращаешь вниманіе.

* * *

День и ночь я просилъ тебя, о возлюбленная, цѣлью моихъ стремленій были 2 твоихъ локона.

Ты не обратила вниманія на всѣ мои старанія.

Всѣ любовались твоимъ лицомъ и только я одинъ остался уничтоженнымъ.

У меня осталось только одно сокровище, это именно то, что не осталось въ памяти и имени Мапраба.

Зачѣмъ же ты раньше сдѣлала меня своимъ другомъ?

* * *

2-я газаль.

Не будучи въ состоянii терпѣть, раскаиваясь, зачѣмъ ты стыдилась меня.

Изгнавъ меня отъ моей земли и воды, ты сдѣлала меня бездомнымъ.

Зачѣмъ ты меня мучаешь разлукой съ тобой?

Положивъ огонь любви на мою душу, ты лишила меня терпѣнія.

Разлучившись со мною, ты лишила меня возможности тебя видѣть, а меня оставила въ ожиданii.

* * *

Я сталъ безпокоенъ, я сдѣлался человѣкомъ совершенно безстыднымъ.

Изъ-за тебя я пропасть, унизился и сталъ противенъ людямъ.

Моими собесѣдниками сдѣлались бубень и свирѣль; я все время провожу за бутылкой и стаканомъ.

Я не сомкну глазъ, пока тебя не увижу, о подающая терпѣнiе моей душѣ.

Ты мечешь стрѣлы бровями въ моихъ соперниковъ, а меня ты обижаешь невниманiемъ.

* * *

Какъ я могу позабыть твое вниманiе, о возлюбленная!

Люди не перестанутъ говорить о твоихъ достоинствахъ.

Моя душа пылаетъ огнемъ, когда я произношу твое имя.

Отчего ты не дала мнѣ попробовать твоего сахара и леденца?

Въ бѣдности зачѣмъ ты такъ унизила меня передъ людьми?

* * *

Въ этомъ мірѣ было много луноликихъ кокетокъ
Съ губами, подобными бутону, съ лицомъ, похожимъ на цвѣ-
токъ, съ игривыми глазами, непостоянныхъ.

Всѣ онѣ ушли изъ міра, причинивъ несчастіе посредствомъ
любви.

Безъ счета остались нескончаемыя страданія.

92.

Собравъ ихъ всѣ, ты сдѣлала мнѣ изъ нихъ цвѣтникъ.

* *
*

Мнѣ хотѣлось бы, чтобы мы съ тобой были друзьями и
всегда вмѣстѣ пили вино.

Сломаемъ уединенную келью подвижника, возьмемъ дочь Лозы
и обнимемся.

У каждаго человѣка свои мысли, а пренія идутъ въ высшихъ
учебныхъ заведеніяхъ.

Разстанемся съ земными дѣвушками, а обнимемъ гурій.

О Машрабъ! придя въ селеніе, ты обнаружилъ свое безуміе!

* *
*

Ша Машрабъ, произнося эти стихи, шелъ дальше переходъ за
переходомъ. По поводу разлуки со своимъ наставникомъ онъ ска-
залъ слѣдующій мухаммась:

О правовѣрные! что мнѣ дѣлать? я въ разлукѣ съ другомъ.

Глаза его съ глубокимъ выраженіемъ, онъ строенъ. я съ нимъ
въ разлукѣ.

Я, какъ опьяненный соловей, покинувшій цвѣтникъ.

Я разстался съ нимъ, у котораго брови подобны луку, а глаза
способны заставить плакать кровью.

Я разстался съ сладкорѣчивымъ лицомъ, похожимъ на пери.

* *
*

Что мнѣ дѣлать? я разстался съ нимъ, украшеніемъ весны.

Я сталъ плѣнникомъ горя и страданія

Я лишился лицезрѣнія царя, я сталъ бѣднякомъ, что мнѣ
дѣлать?

Я подвергся разлукѣ, горю и страданію, что мнѣ дѣлать?

Я разстался съ сладкорѣчивымъ лицомъ, похожимъ на пери

* *
*

Цвѣты отцвѣли, гдѣ же цвѣтникъ для соловья?
Гдѣ царь, который могъ бы сѣсть на тронъ этого сердца?
Исчезъ и я не вижу подобнаго мѣсяцу лицомъ, гдѣ же свѣтъ
вѣры?

Знающій слова для раздѣленія истины отъ лжи, гдѣ онъ?
Я разстался съ сладкорѣчивымъ лицомъ, похожимъ на пери.

* * *

Есть разныя пери, но такой, какъ онъ, сладкорѣчивой - нѣтъ.
Улыбающагося, подобно цвѣтку, стройнаго, какъ пальма, дру-
гого такого нѣтъ,

Губы котораго влагали бы въ человѣка душу, а глаза были бы
полны кровавыхъ слезъ.

День и ночь провожу я съ горемъ вмѣсто друга.

93.

Я разстался съ сладкорѣчивымъ лицомъ, похожимъ на пери.

* * *

Всѣ цвѣты въ мірѣ влюбилися въ его красоту.

Онъ, какъ рѣдкій брилліантъ, озарялъ ночь и дѣлалъ ее свѣт-
лой, какъ день.

Онъ былъ украшеніемъ міра, это былъ удивительный краса-
вецъ.

Мои глаза въ разлукѣ съ нимъ проливали рѣки слезъ,

Я разстался съ сладкорѣчивымъ лицомъ, похожимъ на пери.

* * *

Для чего ты разставилъ свой силокъ, о царь птицъ!

Если я буду ходить и искать, гдѣ я найду такого красавца,
какъ ты?

Твой станъ подобенъ пальмѣ, ты ободрялъ души бѣдняковъ.

Мало того, что я разорву свою грудь, обнажу свое сердце, я
стану притчей во языцѣхъ, для меня и этого мало.

Я разстался съ сладкорѣчивымъ лицомъ, похожимъ на пери.

* * *

3-я газаль:

Какъ мнѣ не плакать, когда небо заставило почернѣть мое
лицо,

Небо друзей моихъ сдѣлало врагами,
Небо погасило звѣзду моего счастья.
Подъ конецъ моей жизни небо сдѣлало меня несчастнымъ.
Я былъ царемъ своей эпохи, а небо обратило меня въ пося-
шаго трауръ.

* * *

Мой домъ разрушенъ, въ моемъ тѣлѣ нѣтъ души.
Я сдѣлался бродящимъ отъ двора къ двору, у меня нѣтъ
опредѣленнаго мѣста жительства.
Какъ сова, я не имѣю своего гнѣзда.
До тѣхъ поръ, пока я не увижусь со своимъ наставникомъ, у
меня нѣтъ никакого покрова.
Небо повергло въ прахъ храбрыхъ.

* * *

Какъ безумный, разорвавъ свои одежды, я готовъ плакать
кровью.
Разорвавъ свою грудь, я готовъ рыдать на весь міръ.
Друзья и враги меня осуждаютъ, а я еще больше плачу.
Я плачу о гибели луны Ханаана*).
Такъ небо сдѣлало слѣпыми отъ слезъ глаза Іакова.

* * *

Я заблудился, я убитъ горемъ, я разлученъ со своими спутни-
ками.
Я, какъ соловей, лишившійся хвоста и крыльевъ.

94.

Я лишился матери, друзей, отца.
Пусть никто не испытаетъ, какъ я, горя разлуки съ провод-
никомъ.
Небо назначило мнѣ траурнымъ мѣстопребываніемъ этотъ
дряхлый міръ.

* * *

Какія испытанія видѣли «свѣтъ очей пророка**»).
Они умерли, эти царевичи; одѣлся въ трауръ городъ Кербала.
Плачь о своемъ положеніи, не снимай траура!

*) Іосифъ.

**) Хасанъ и Хусейнъ—сыновья Алія и Фатьмы.

Пусть никто изъ правовѣрныхъ не будетъ, какъ я, лишень присутствія великаго.

Ихъ тоже небо разлучило одного съ другимъ.

* * *

Я Машрабъ никогда не зналъ великихъ тайнъ.

Изъ свѣта Ахмада Богъ создалъ видимый мѣръ.

Считай своимъ благополучіемъ—зависѣть отъ Ахмада-Мухтара, Отъ Абубекра, Умара, Усмана и Али-Каррара.

Небо разлучило и Фатьму съ «свѣтомъ ея очей».

Короче, Ша Машрабъ, сказавъ эти слова, къ вечеру пришелъ въ Мушанъ*) и тамъ ночевалъ. Когда онъ поднялся на другое утро, оказалось, что за ночь снѣгъ выпалъ по колѣно. Имамъ еще не пришелъ, а прихожане собрались уже на утреннюю молитву и всѣ знаками приглашали Машраба пройти впередъ. Онъ прошелъ впередъ къ михрабу мечети и, сказавъ «Аллахъ Акбаръ!», сталъ на мѣсто имама. Онъ прочелъ главу Фатиха**) и вмѣсто того, чтобы вслѣдъ за тѣмъ продолжать чтеніе слѣдующихъ главъ корана, требующихся ритуаломъ молитвы, онъ продекламировалъ два стиха изъ Ходжа Хафиза:

Во время весны пусть цвѣты не разлучаются съ садомъ,

Никто, о Господи, да не испытаетъ разлуки съ другомъ***);

И закончивъ возгласомъ «Аллахъ Акбаръ!», Машрабъ палъ ницъ и такъ лежалъ распростершись столько времени, что въ это время можно было сварить пловъ. Онъ не поднималъ головы съ земли и молодые люди, незамѣтно для другихъ поднявшіе головы, услышали храпъ, раздавшійся со стороны михраба. Одинъ изъ молодыхъ людей сказалъ: «нѣтъ никакихъ основаній считать его святымъ, онъ просто помѣшанный», и нѣкоторые изъ прихожанъ

95.

стали читать намазъ сначала, а нѣкоторые, сообразуясь съ имамомъ, лежали ницъ. Вскорѣ Машрабъ, а за нимъ и тѣ изъ прихожанъ, которые не прерывали земного поклона, подняли головы и сдѣлали привѣтствіе направо и налево****). Всѣ молившіеся вмѣстѣ съ

*) Сел. Шанъ въ окрестностяхъ Намангана. Правильное названіе селенія Мушъ-анъ.

**) Первая глава корана, которой, по уставу, начинается молитва.

***) Изъ „Дивана“ Ходжа-Хафиза.

****) Каждая изъ пятикратныхъ ежедневныхъ молитвъ мусульманина заканчивается привѣтствіемъ „ассаламу-алейкумъ“ (миръ вамъ), произносимымъ съ поворото-

Машрабомъ, какъ святые, впади въ экстазъ, а всѣ тѣ, кто началъ намазъ снова, по осужденію Машраба подверглись въ видѣ наказанія потерѣ разсудка*).

Начальникъ Мушана, обратившись къ Машрабу, сказалъ: «о господинъ, мы сдѣлали три вашихъ поступка: предстоя на молитвѣ за имама, вы прочли главы «фатиха», вмѣсто того, чтобы продолжать чтеніе слѣдующихъ, положенныхъ для намаза главъ корана, прочли два стиха изъ Ходжа Хафиза, потомъ, вмѣсто двухъ земныхъ поклоновъ вы положили только одинъ». «А что ангелы разъ или два кланялись Богу», спросилъ Машрабъ. Люди отвѣтили: «о господинъ! Ангелы поклонились Богу только одинъ разъ». Ша Машрабъ сказалъ: «на самомъ дѣлѣ поклонъ долженъ быть одинъ, какъ и Богъ одинъ. Послѣ этого я прочелъ два стиха Хафиза потому, что къ концу міра люди забудутъ преданія изъ жизни пророка (хадисъ) и стихи корана (аятъ) и вмѣсто намаза вы будете читать Хафиза».

Потомъ Ша Машрабъ прочелъ слѣдующую газаль:

Я, безумный, въ такомъ состояніи, что для меня не составляетъ разницы стоять или ходить.

Я не приду въ себя сегодня, пожалуй, не очнусь и въ день страшнаго суда.

Увидѣвъ мое состояніе, влюбленные скажутъ:

Онъ раскаивается въ томъ, что влюбился, и самъ себя осуждаетъ.

Ты меня убила горемъ твоей любви, сегодня ты достигла исполненія своихъ желаній.

Что изъ того, что я умру, была бы только ты жива и здорова!

Я слышалъ, что ты разрѣшила моимъ соперникамъ, когда угодно, входить въ твой гаремъ.

Смилостивись надъ моимъ положеніемъ, сдѣлай чудо.

О Машрабъ! о тебѣ никто не спроситъ, удивительно ли,

томъ головы сначала направо, потомъ налево. Это двойное привѣтствіе относится къ ангеламъ—записывателямъ „катибъ-уль-катибинъ“, невидимо присутствующимъ на обоихъ плечахъ вѣрующихъ и слѣдящимъ за его поступками добрыми и злыми, чтобы своевременно, записавъ всѣ дѣла человека, составить потомъ для него записку о дѣлахъ „кама-и-амаль“, по которой его будутъ судить въ день страшнаго суда. Не всѣ мусульмане знаютъ объясненіе этихъ привѣтствій и мнѣ случалось слышать объясненіе, что молящійся привѣтствуетъ въ данномъ случаѣ остальныхъ молящихся.

*) Здѣсь видна разница между состояніемъ восторженнаго экстаза и простой потерей разсудка.

Что лицо мое покрыла пыль страданія и грязь осужденія.

Говоря такъ, Ша Машрабъ все двигался впередъ во время зимней стужи. По пути одинъ разбойникъ

96.

Слѣдовалъ за нимъ, думая, что, такъ какъ дорога до Анди-жана далека и, идя въ такое холодное время, Машрабъ непременно замерзнетъ, и что тогда ему можно будетъ завладѣть кораномъ, который Машрабъ несъ при себѣ. Разбойникъ пошелъ за Машрабомъ. У Машраба былъ коранъ, который далъ ему Хазретъ Афакъ Ходжа, и онъ носилъ его на перевязи черезъ плечо. Машрабъ разгадалъ намѣреніе разбойника и, когда пришелъ въ мѣстность «Укъ-салуръ»*), онъ остановился, развелъ огонь и сѣлъ на него, произнося слѣдующую газаль:

О благочестивый, не осуждай меня, меня жжетъ разлукой подобная цвѣтку лицомъ.

Видѣлъ ли ты бабочку, она каждый вечеръ сгораетъ на свѣтильникѣ.

Своими подобными цвѣтку наргису**) очами она умертвила весь міръ въ одно мгновеніе.

Подобными рубину губками, вкушавшими напитокъ, она вновь изранила тѣ мѣста, гдѣ еще не зажили раны —

Подобныхъ благочестивыхъ и идущихъ по дорогѣ любви

И находящихся у огня она сжигаетъ, какъ свѣтильникъ.

Сказавъ эти слова, Ша Машрабъ замѣтилъ слѣдившаго за нимъ вора и сказалъ ему: «поди сюда, куда держишь путь?» «О господинъ», отвѣчалъ воръ: «я слышалъ, что вы направляетесь теперь въ область распространенія ислама и желалъ бы сопутствовать вамъ». «Ну, тогда садись сюда на огонь», сказалъ Машрабъ. «Господинъ, я не могу сѣсть, я сгорю», отвѣтилъ разбойникъ. «О несправедливый», сказалъ тогда Машрабъ: «тебѣ хотѣлось овладѣть моимъ кораномъ, поди сюда, ты пришелъ въ надеждѣ добыть коранъ и я не хочу, чтобы ты ушелъ съ пустыми руками». Сойдя съ костра, Машрабъ подаль вору свой коранъ и сказалъ: «если тебя спросятъ,

*) Названія „укъ-салуръ“ (стрѣлу положить) „укъ йтмаъ“ (стрѣла не достанетъ) обыкновенно даютъ такимъ оврагамъ на проѣзжихъ дорогахъ, которые по своей формѣ лишаютъ путника возможности видѣть, что находится впереди, потому что дорога извивается по оврагу. Такія мѣста были излюбленными пунктами для засадъ и нападеній разбойниковъ на проѣзжающихъ.—Около Намангана есть мѣстность „Укъ-Салуръ“

**) Нарцисъ.

видѣлъ ли ты верблюда, скажи, что не видѣлъ»*), а самъ онъ, про-
цѣпоса «Онъ!», двинулся далѣе, читая слѣдующій мухаммасъ:

О владычица души! Есть ли человѣкъ, видѣвшій твое лицо?

Есть ли еще человѣкъ, какъ я, умершій отъ горя, что ему не
удалось тебя увидѣть?

97.

Есть ли еще человѣкъ, какъ я, увядшій отъ причиненнаго
тобою горя?

Есть ли, какъ я, умершій потому, что не добился свиданія съ
тобой?

Есть ли человѣкъ, который, какъ я, наполнился горемъ и стра-
даніями.

* *

Я не нашелъ наставника, хотя ходилъ повсюду.

Сердце мое растрескалось, проливая кровь.

Мое лицо пожелтѣло, какъ увядшій цвѣтокъ.

Я жажду и вздыхаю отъ причиненнаго тобой горя.

Есть ли еще человѣкъ, какъ я, оставшійся на дорогѣ, уставив-
шись на тебя пристальнымъ взоромъ?

* *

Отдай душу твою искреннему твоему поклоннику

Что душу, отдай домъ и имущество.

Приложись своимъ лицомъ къ его порогу.

Посмотри на моего ходжу красоты царя**).

Есть ли еще такіе, какъ я, которые здѣсь уничтожались, а тамъ
будутъ существовать.

* *

Горы и равнины плакали о моемъ несчастіи.

*) Эта фраза представляет поговорку, принятую у туземцевъ для такого
случая, когда двое сообща сдѣлали что-нибудь, что желаютъ скрыть. Одинъ друго-
му говоритъ тогда: „ты видѣлъ верблюда?“, а другой отвѣчаетъ: „нѣтъ“. Это зна-
читъ: „не говори никому, не скажу.“

У Ампра Наваи есть стихи:

Узыны билъ, кишныкъ сырды биля на ишикъ.

Ктай расми-да баръ дуръ ки: „Лутаджали—маю“!

(Знай свое дѣло, что тебѣ до чужихъ тайнъ).

У китайцевъ есть обычай: „видѣлъ ли ты верблюда—нѣтъ!“).

На какомъ языкѣ слова „лу таджали маю“, говорятъ туземцы, что по ки-
тайски.—

**) Хуснъ—красота въ другихъ изданіяхъ книги передана Хасанъ.

Нѣтъ никого, кто бы могъ понять мои слова.
Помолись, можетъ быть другъ мой услышитъ.
Твои косы заплети мной вмѣсто косоплетки, я утону въ волосахъ!

Есть ли другой, какъ я, огорченный?

* * *

Я не нашелъ себѣ кумира, который вѣчно былъ бы со мной.
У меня нѣтъ близкихъ, что мнѣ дѣлать, на меня обрушилась
гора горя.

Есть ли въ мірѣ другой, какъ я, овладѣвшій міромъ?
О владычица души, не причиняй мнѣ страданій и мученій.
Есть ли, какъ я, умершій отъ страданій измѣны.

* * *

Рана на ранѣ, печень моя въ крови.
Безъ тебя мнѣ не нуженъ этотъ міръ.
Если я тебя буду искать, найду ли я тебя, не имѣющую опре-
дѣленнаго мѣстопробыванія.

Нѣтъ другой, какъ ты, ко мнѣ милостивой.
Есть ли другой, какъ я, вѣчно ищущій свою милостивицу?

* * *

98.

Твой Машрабъ въ день страшнаго суда будетъ плакать, го-
воря: «увы!»

Если онъ не свидится съ тобой, онъ будетъ печаленъ.

Онъ объявитъ о горѣ и страданіяхъ міра.

Разорвавъ на себѣ одежды, онъ будетъ рыдать.

Есть ли другой, какъ я, который не находитъ возлюбленной
и все-таки ходитъ довольный?

* * *

Короче, Ша Машрабъ, прочитавъ этотъ мунаджатъ, оглянулся
и замѣтилъ, что шедшіе за нимъ несутъ съ собой пищевые про-
дукты. «Что вы несете?» спросилъ Машрабъ. «Талканъ»*), отвѣчали
они: «дорога дальняя и безъ запасовъ невозможно ее пройти». Ша

*) Въ сущности тоже, что русское *толокно*. Поджареное въ котлѣ просо (кунакъ, или тарыкъ) даетъ *сукъ*, толченый же въ ступѣ сукъ—есть *талканъ*, упот-
ребительный у бѣдныхъ туземцевъ продуктъ, тоже дѣлають изъ сушеныхъ ягодъ
шелковицы (тутъ—талканъ).

Машрабъ сказалъ имъ: «о ненадѣющіеся на Бога, Богъ, дающій въ городѣ, развѣ не даетъ въ пустынь? бросьте свой талканъ» Путники послушались Машраба, бросили свои запасы и три дня шли безъ пищи. Въ концѣ-концовъ, они, ослабѣвъ отъ голода, попадали. Ша Машрабъ, улыбувшись, сказалъ: «о братья! пророкъ, миръ ему, сказалъ: сначала спутникъ, потомъ дорога»). Я вамъ приготавлию «халва-и-таръ»**). Услышавъ эти слова, путешественники приподнялись и сѣли, они стали говорить между собой о томъ, что въ такой горной мѣстности нѣтъ ни котла, ни патоки, ни жира, ни дровъ, такъ что приготовить «халва-и-таръ» можно только при помощи чуда и поѣвшій этого блюда непременно станетъ наставникомъ, достигшимъ высшей степени святости, какъ Хазретъ Афакъ Ходжа, знавшій объ этомъ и приказавшій имъ всѣмъ слѣдсвать за Машрабомъ.

Между тѣмъ Машрабъ отошелъ въ сторону, испражнился въ чашку, принесъ ее къ своимъ спутникамъ и, поставивъ передъ ними, предложилъ имъ ѣсть. Спутники, увидѣвъ это, сказали: «если для того, чтобы сдѣлаться святымъ, необходимо ѣсть твое испражненіе, то мы отказываемся отъ такой святости. Отпусти насъ, мы пойдемъ назадъ къ Хазрету». Между спутниками нашелся однако одинъ молодой человѣкъ, который, обращаясь къ Машрабу, сказалъ: «о господинъ! если вы позволите, я готовъ поѣсть».

99.

«Да пошлетъ тебѣ Богъ изобиліе, сынъ мой», сказалъ Машрабъ: «закмурь глаза и возьми одинъ глотокъ». Молодой человѣкъ, зажавшись, взялъ одинъ глотокъ, но Машрабъ приказалъ ему открыть глаза и когда онъ открылъ глаза, то увидѣлъ въ своихъ рукахъ кусокъ сахара, который и положилъ въ ротъ. Когда онъ проглотилъ его, сахаръ оказался слаще меда и въ ту же минуту молодой человѣкъ сдѣлался божьимъ человѣкомъ и достигъ высшей степени святости, а восемь человѣкъ, которые не послушались Машраба, въ отчаяніи возвратились назадъ. Послѣ этого Ша Машрабъ двинулся далѣе, произнося слѣдующую газаль: Отъ заботы, причиняемой твоимъ локономъ, смущена моя душа сегодня.

Моя душа, не видя тебя, сегодня сравнялась съ землей.

Въ народѣ раньше этого было много счастливыхъ.

*) Хадисъ „Аррафикъ, сумматъ тарикъ“—

**) Лакомое блюдо туземцевъ изъ муки, масла и винограднаго меда, вродѣ киселя.

Но теперь люди изъ за 100 огорченій схватили другъ друга за воротники.

Если ты на меня взглянешь, я назову тебя солнцемъ.

Если и мелькомъ взгляну, я вижу полную луну.

Отъ косоплетки (Кызъ-ширинъ) бѣжалъ Фархадъ*) и спрятался въ горахъ.

Бѣднякъ Маджнунъ тоже, бродя въ пустынь, горюетъ; любовь сдѣлала бѣднаго Машраба спутникомъ собаки.

«Боже! Боже! какъ удивительна твоя милость сегодня». Говоря эти слова, Ша Машрабъ пришелъ въ Маду**), гдѣ киргизы приняли его за «ядачи»***) и схватили. Каждый изъ нихъ принесъ по

*) Про богатыря Фархада и предмета его любви Кызъ-ширинъ существуетъ легенда, приуроченная къ одному изъ Беговатскихъ пороговъ Сыръ-Дарьи въ 45 верстахъ ниже Ходжента, записанная Кушакевичемъ („Турк. Вѣд.“ 1872 года). По той версії богатырь Фархадъ влюбился въ красавицу Кызъ-Ширинъ, она потребовала отъ него подвига—именно запрудить Дарью, чтобы вода разлилась у ея дома. Пока Фархадъ, обладавшій чудовищной силой, бросалъ въ рѣку цѣлые утесы, слѣды которыхъ и замѣтны теперь въ Беговатскихъ порогахъ, другой претендентъ на руку дѣвушки успѣлъ ее обмануть, разостлавъ передъ ея окнами плетенки изъ камыша (буйра), блескъ которыхъ при восходящемъ солнцѣ былъ принятъ красавицей за разливъ воды. Кызъ-ширинъ вышла за обманщика, а Фархадъ съ горя бросилъ вверхъ кетмень, которымъ онъ работалъ и, подставивъ свою грудь подъ острие падающаго кетменя, покончилъ съ собой.

Въ книгѣ „Хамса“ Низами, переведенной на турецкій яз. Наван, тотъ же эпизодъ рассказанъ иначе: дѣло происходитъ въ Арменіи въ царствованіе Хысрау. Царь Хысрау добивался руки царевны Кызъ-ширинъ, но за ней въ тоже время ухаживалъ и богатырь Фархадъ. Отдавая въ душѣ предпочтеніе Хысрау, дѣвушка нашла однако нужнымъ не прямо отказать Фархаду, а потребовала отъ него исполненія трудно выполнимаго ея желанія, именно вырыть въ горѣ Бисутунъ каналъ и провести воду на принадлежащія царевнѣ поля. Фархадъ принялся за трудную работу и уже кончалъ арыкъ, когда Хысрау, по совѣту одной старухи, разостлавъ передъ дворцомъ Кызъ-ширинъ камышевые плетенки (буйра) и старуха показала ихъ издали Фархаду, объяснивъ, что всѣ труды его пропали даромъ, такъ какъ другой женихъ предупредилъ его и провелъ уже воду ко дворцу невѣсты. Фархадъ съ горя покончилъ съ собой, а Ширинъ Кызъ потребовала, чтобы Хысрау устроилъ Фархаду пышные похороны. Хысрау прежде погребенія приказалъ воздвигнуть для Фархада величественный мавзолей и Кызъ-ширинъ пошла однажды посмотреть постройку. Войдя въ зданіе, она съ горя скоростижно скончалась и потому царю не досталась невѣста, ее похоронили вмѣстѣ съ погибшимъ изъ-за нея богатыремъ. На горѣ Бисутунъ, говорятъ, высѣчено въ камнѣ изображеніе Кызъ-ширинъ.—Легенда въ стихотворной формѣ, подъ заглавіемъ „Сладкая Царевна“, передана въ „Литературномъ сборникѣ въ пользу прокаженныхъ“ Артеміемъ Волинскимъ.

**) Мады—селеніе.

***) „Ядачи“, по суевѣрію киргизъ, можетъ своими заклинаніями вызвать дождь или засуху.

снопу камыша, сложили камышъ въ кучу, а на верхъ втащили Машраба. Сколько они ни поджигали со всѣхъ сторонъ, камышъ не загорался и киргизы, увидѣвъ это чудо, устыдились и стали плакать. Упавъ къ ногамъ Машраба, они стали просить прощенія, а Машрабъ произнесъ слѣдующую газаль:

Когда я, сѣвъ на лошадь изъ камыша, понукаю ее, она не идетъ.

Низкіе по происхожденію, безчеловѣчные, не распознаютъ людей.

100.

Говоря: «гори! гори!», раздувая, они положили адскій огонь.

Всѣ они, ставъ рядомъ, стали раздувать, а камышъ не горить.

Наконецъ, вышли муллы этого города, вздыхая.

Они говорятъ: «простите», киргизы васъ не узнали.

Огню пришло повелѣніе не сжигать влюбленного.

Влюбленный и такъ много горѣлъ, люди этого не знаютъ.

Въ это время всѣ киргизы говорятъ: «мы ошиблись»

Всѣ они, обнимая другъ друга, рылаютъ.

На самомъ дѣлѣ душа Машраба сгорѣла, осталось одно его изображеніе.

Но сколько ни старается ночью, не можетъ добиться свиданія.

Короче, Ша Машрабъ сказалъ: «о, киргизы, не думайте, что вамъ удастся сжечь этого безумнаго. Я самъ уже сгорѣлъ, я только выгляжу человѣкомъ». Въ гнѣвѣ, обратившись къ небу, Машрабъ произнесъ такую молитву: «О, Боже, когда этотъ киргизскій родъ подумаетъ, что онъ соединился и приобрѣлъ силу—разсѣй его». И теперь это проклятiе Машраба тяготѣетъ надъ однимъ киргизскимъ родомъ «Ирдана»*). Двигаясь далѣе, Ша Машрабъ подошелъ къ «Тахтъ и Сулейманъ»**) и, остановившись здѣсь на одну ночь, совершилъ поклоненіе и прочелъ слѣдующій мунаджатъ:

Я пришелъ поклониться тебѣ, о тронъ Соломона!

Я, какъ Асафъ бинни-Бархiа***), нашелъ своего царевича.

Сказавъ эти слова, Ша Машрабъ пошелъ далѣе по дорогѣ въ Андижанъ и скоро очутился въ этомъ городѣ. Босой, съ непокры-

*) Одинъ изъ родовъ киргизъ на Алаѣ, туземцы вѣрятъ, что родъ этотъ бѣденъ и малосиленъ, вслѣдствіе проклятiя Машраба.

**) Гора около гор. Оша въ Ферганской области носитъ названіе Соломонова тропа по приуроченной въ ней легендѣ о царѣ Соломонѣ.

***), Дядя Соломона.

той головой, онъ ходилъ по улицамъ, произнося слѣдующій «тал-кынъ»*):

Вчера вдали отъ тебя влюбленный все время плакалъ.

Сгорѣла бабочка, о ней плакали и свѣча и ночь.

Горюя объ Іосифѣ, не одинъ будетъ плакать Іаковъ.

Весь народъ Ханаанскій плакалъ послѣ того, какъ Іосифъ сдѣ-
лся чужестранцемъ.

О виночерпій, безъ тебя бутылка все время рыдаетъ.

Передъ членами собранія она вмѣсто слезъ плачетъ кровью.

101.

Съ тѣхъ поръ, какъ я сгорѣлъ отъ свѣчи разлуки, сгорѣло и
разставанье съ другомъ.

Видя боль моей души, небесный сводъ тоже заплакалъ.

Въ пустынѣ горя каждый шипъ колючки окровавилъ мои
ноги.

Мой другъ не смилостивился надо мной, самъ «харъ и-мош-
лянъ»**) плакалъ о моемъ несчастіи

Пусть народъ не знаетъ моего состоянія.

Мои уста улыбаются, а сердце и душа моя плачутъ.

О Машрабъ! если ты разорвешь воротникъ своей души, что
будетъ удивительнаго?

Потому что отъ жестокости небеснаго свода плачетъ и улы-
бающаяся пальма.

Сказавъ эти слова, Машрабъ двинулся далѣе, чтобы повидаться
съ своей матерью. Сѣвъ отдохнуть, Машрабъ сказалъ самъ себѣ:
«о Машрабъ! уже 18 лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ ты ушелъ
изъ дома твоихъ родителей; узнай сначала, жива ли твоя мать,
или нѣтъ?» Машрабъ подошелъ къ воротамъ дома своей матери,
взглянулъ въ ворота и увидѣлъ при свѣтѣ горящаго свѣтильника
мать свою, которая посѣдѣла и ослѣпла отъ слезъ въ разлукѣ съ
сыномъ. Прислушавшись, онъ услышалъ, что мать его, рыдая, такъ
молитъ Бога: «О вседержитель, уже 18 лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ,
какъ ты сына моего сдѣлалъ для меня невидимымъ, этотъ свѣтъ
моихъ очей ты удалилъ отъ глазъ моихъ. О Боже! пока я жива,

*) Мистическаго содержанія стихи, нараспѣвъ декламируемые дервишами.
Чаще всего можно слышать стихотворенія Дивана-и-Машраба и Хазретъ-Султана
Ясави.

**) Колючее степное растение:—*Astragalus lasiostylus, transcaspensis, bac-
trianus.*

покажи мнѣ эту часть моей печени, мое дитя. Если послѣ этого ты и возьмешь данную тобой душу, я буду совершенно довольна». Такъ плакала мать, не подозревая, что сынъ ея пришелъ. Ша Машрабъ, чтобы дать о себѣ знать на тотъ случай, если ему придется умереть мученической смертью, произнесъ слѣдующую газаль:

Бодрствуя до разсвѣта, пришелъ твой сынъ, въ мученіяхъ рожденный.

Лицо его бѣло и румяно, какъ розанъ, пришелъ твой мученикъ Кербалы.

Гдѣ найти такую милостивую, какъ мать, гдѣ такой избавитель отъ горя, какъ отецъ?

Кто еще такъ страдаетъ душой, какъ они? Сдѣлавшійся странникомъ сынъ твой пришелъ

Если мать довольна, Богъ доволенъ, доволенъ и Мухаммадъ съ своими четырьмя друзьями.

Будь счастлива душа моя, мать моя, пришелъ тотъ сынъ, о которомъ ты молилась.

102.

О Боже! не отвергни эту молитву Машраба!

Глаза въ слезахъ, душа въ горѣ, съ изможденнымъ лицомъ пришелъ твой сынъ.

Мать, услышавъ голосъ сына, вскричала: «о сынъ мой!» и упала безъ чувствъ. Черезъ минуту придя въ себя, она подняла голову и, желая выразить свою любовь къ сыну, произнесла слѣдующіе стихи:

Съ надеждой выращенный, поставленный на ноги сынъ мой пришелъ.

Пришелъ мой сынъ, котораго я считала погибшимъ наравнѣ съ мучениками.

Странникъ, сирота, я твоя мать, помолись за меня.

Его печень сгорѣла, пришелъ мой сынъ, обойдя весь свѣтъ.

Ша Машрабъ въ честь своей матери прочелъ слѣдующіе стихи:

Убиваясь обо мнѣ отъ горя, ты извелась, мать моя.

Ты плакала о томъ, что я ушелъ, а теперь пришло повелѣніе, чтобы я къ тебѣ вернулся.

Сестра Машраба находилась въ это время въ отдѣльной небольшой комнатѣ и, услышавъ, что братъ возвратился, она вышла къ нему, произнося слѣдующіе стихи:

«Что мнѣ дѣлать, душа моя, братъ, я, какъ прахъ, слабая женщина.

Сосавшій со мною одну грудь, печень моя, душа моя, братъ пришелъ».

Ша Машрабъ въ честь сестры прочелъ слѣдующіе стихи:

Ты женщина, твоя душа безсильна, ты моя сестра.

Открывъ свои глаза, посмотри, пришелъ твой братъ

Моя родная, печенька, ровесница, сосавшая со мной одну грудь,

Пришелъ твой братъ съ разслабленными суставами, готовыми распасться.

О, я вздохну, друзья, еще отъ несправедливости неба.

Пришелъ твой братъ, обошедшій весь міръ вокругъ.

Сестра Машраба тоже, пока выходила изъ двери, произнесла слѣдующіе стихи:

О, милый, забудемъ про горе!

Мой станъ согнулся отъ горя, пришелъ мой братъ, измученный страданіями,

Не находившій свиданія съ другомъ, на дорогѣ оставившій свою душу.

На его устахъ все время имя Божіе, братъ мой пришелъ.

103.

Что мнѣ дѣлать, душа моя, братъ мой, я безсильна и всѣми обижена.

Мои кости горятъ, пришла моя горячка.

Еще прочелъ Машрабъ слѣдующіе стихи и мать его поняла его радость:

«О, матушка! я твой сынъ Машрабъ.

Я твой сирота пришелъ, чтобы ты за меня помолилась».

Мать сказала, обращаясь къ сыну: «о обезумѣвшій отъ восторженной любви къ Богу, я не въ состояніи сама по слѣпотѣ найти запоръ, чтобы отворить дверь; просунь сначала въ щель двери полу своей одежды, чтобы я могла приложиться къ ней глазами». Ша Машрабъ просунулъ въ щель полу своего дервишскаго плаща и мать его прикоснулась глазами къ полъ, произнося слѣдующій мундажатъ:

О всевышній Богъ, велико твое Существо, тебѣ принадлежитъ Кибріа*).

Для твоего друга Мустафы и четырехъ его свѣтлыхъ друзей.

*) Кибріа—Величіе Божіе.

Въ особенности ради Абубекра, Умара, Усмана Зинурайна*),
Для царя, владѣтеля созвѣздій, Али Муртазы,
На бѣдственное положеніе моего бѣднаго сына, потерявшего
разсудокъ,

Обрати вниманіе ради Хасана и Хусаина Кербалинскихъ.
Что будетъ, если Ты взглянешь на него очами вниманія,
Ради принятой Тобой молитвы Пророка
Мухаммада, который былъ глава обоихъ міровъ,
Ради ниспосланныхъ ему откровеній, стиховъ корана и мо-
литвъ.

Щедрый, Всесильный, Вседержатель, Вѣчный, Живой.
Исполни мою мольбу ради всѣхъ упомянутыхъ мною заступ-
никовъ.

Въ честь Сафа, Марва, Земъ-Зема и великой Каабы**).
Ради Медины—великаго мѣста міра и ради ближайшихъ спо-
движниковъ пророка, лицезрѣвшихъ его,
Обрадуй мою истерзанную душу, открой мои глаза
Ради 99-ти именъ Твоихъ и ради высшей степени твоей свя-
тости.

Въ это самое время глаза ея открылись и прозрѣли. Машрабъ
прославилъ Бога, сказавъ слѣдующій мунаджатъ:

Мои грѣхи неисчислимы, что мнѣ дѣлать, о Боже!

У меня не достаетъ словъ высказать Тебѣ, что мнѣ дѣлать, о
Боже!

Если я припомню всѣ мои грѣхи, я долженъ куда-нибудь бѣ-
жать.

Если мнѣ удастся достичь твоего покрова, что мнѣ дѣлать, о
Боже!

Ты мой Богъ и Творецъ, Ты милостивый Царь мой.

Что я буду дѣлать, если Ты не простишь мнѣ мои грѣхи.

О, Боже, я согрѣшилъ, я погубилъ свою душу,

Я сдѣлалъ много дурного, что мнѣ дѣлать, о Боже!

Въ минуту конца, о милостивый, пошли мнѣ вѣру.

Что я буду дѣлать, когда Азраиль придетъ взять мою душу.

*) Зинурайнъ—прозвище третьяго эмира Усмана потому, что онъ былъ же-
нать на двухъ дочеряхъ пророка послѣдовательно; переводъ—владыка двухъ свѣтовъ.
Одну дочь звали Зайнабъ, другую Гульсумъ.

**) Сафа и Марва горы, между ними помѣщается Кааба; святиня мусульманъ;
Земель-источникъ около Мекки, въ 55 аршинахъ отъ Каабы Все это предметы по-
клоненія во время паломничества магометанъ.

Когда моя душа выйдетъ, останется мое имущество, только дѣла мои пойдутъ со мной.

Что будетъ тогда со мною, не знаю, что я буду дѣлать, о Боже!

Мое тѣло положить въ гробъ, останутся дѣти.

Люди, положивъ меня въ могилу, возвратятся домой, что я буду дѣлать, о Боже!

Если будетъ повелѣно, придетъ моя душа и я сознаю, что я лежу въ могилѣ.

Если тогда во мнѣ не будетъ вѣры, что я буду дѣлать тогда, о Боже!

Если меня спросятъ: «кто твой Богъ! кто руководившій тобою пророкъ».

Какова твоя вѣра, кто указывалъ тебѣ путь», что я буду дѣлать тогда, о Боже!

Съ гнѣвомъ будутъ стоять они*) и будутъ требовать: «давай отвѣтъ».

Они будутъ бить меня огненными «гурзы», что я буду дѣлать тогда, о Боже!**)

Послѣ прочтенія этого мунаджата мать Машраба сказала: «о Боже! въ честь подвижничества моего сына, ради слезъ, текущихъ изъ его глазъ, дай ясность моимъ глазамъ». Она потеряла глаза полней дервишскаго плаща Машраба и ея глаза сейчасъ же прозрѣли, она вышла и, обойдя три раза кругомъ Машраба***), сказала: «о мой сынъ, ты осчастливилъ меня», и, обращаясь съ молитвой къ Богу, сказала: «о Сущій Богъ! Возьми отъ меня данную тобой на время душу, я Тебѣ ее вручаю» и сказавъ: «о Боже!», дѣйствительно отдала Богу душу.

Благоговѣнно произнеся стихъ корана, обыкновенно читающійся въ моментъ смерти мусульманина, Ша Машрабъ обернулъ

*) Ангелы Мункаръ и Накиръ.

**) Гурзы—холодное оружіе въ видѣ палки съ круглымъ набалдашникомъ.

***) Сарты и киргизы для выраженія нѣжности къ женщинѣ, дѣтямъ, употребляютъ весьма часто выраженіе „айлянай, ургулай“. Это форма перваго лица повелительнаго наклоненія отъ глаголовъ „айлянмакъ, ургульмакъ“, что значитъ кружиться, обходить кругомъ. Это какой-то старинный обычай, можетъ быть пережитокъ язычества. Такъ говорятъ, что родители, разлучаясь съ дѣтьми, давали обѣщаніе при возвращеніи отлучившагося, обойти кругомъ него 3, 5, 10 разъ, что и составляло видъ жертвы (назръ), обѣта. Обходъ Каабы мусульманскими паломниками—тоже обычай древне-арабскій, вѣроятно, тождественъ по своему значенію для вѣрующаго.

тѣло матери своей саваномъ, положилъ въ табуть*) и похоронилъ.
Сестра его въ честь умершей матери прочла слѣдующій «марсіа»:

Охъ! изъ міра ушли всѣ беки и султаны.

Въ черной землѣ исчезли всѣ распавшіяся косички.

105.

Какіе люди Божіи исчезли изъ этого міра, о мусульмане!

Ушли въ черную землю всѣ ханы и хаканы**).

Дорого намъ, братья, это время.

* * *

Вѣтеръ предопредѣленія принесть конецъ лѣту жизни,

Онъ заставилъ покинуть этотъ міръ соловья моей души:

Подулъ на всѣхъ людей и окровавилъ ихъ сердца.

Какихъ людей, о друзья, смерть сдѣлала безпріютными,

Никто не избѣгнетъ руки предопредѣленія, о мусульмане!

* * *

О Боже! для чего ты создалъ этотъ міръ?

Для чего Ты помѣстилъ въ душу любовь къ этому міру?

По какой причинѣ ты сдѣлалъ смерть другомъ челоуѣка,

Изранилъ души всѣхъ остріемъ предопредѣленія?

Врачи не нашли лѣкарства противъ этой смертельной болѣзни.

* * *

Куда я ни взгляну, всѣ умершіе сравнялись съ землей.

Куда я ни посмотрю, всѣ рыдаютъ или вздыхаютъ по винѣ смерти.

Поэтому-то неспокойна душа моя, о братья!

У всѣхъ подобныхъ пери лицомъ, у всѣхъ благоухающихъ,
какъ жасминъ, глаза полны слезъ.

Что можно предпринять противъ смерти, о друзья?

* * *

Изъ этого міра ушелъ такой чѣловѣкъ, какъ Ахмедъ-Мухтаръ.

«Нѣтъ силы противъ смерти», сказалъ Творецъ, наказующій,

Даже противъ 1000 лѣтъ, все-таки, въ концѣ концовъ, умрешь,
о другъ!

*) Табуть—это открытый гробъ, или носилки, изъ досокъ, въ которомъ мусульмане относятъ своихъ покойниковъ на кладбище, погребаятъ же мертвыхъ безъ гроба. Табуть обыкновенно хранятся на кладбищѣ.

**) Ханъ и хаканъ— титулы монгольскихъ и тюркскихъ государей.

Не отдавай свою душу этому міру, все здѣсь тлѣнно, о другъ
Изъ желанія достичь земныхъ благъ много мусульманъ ушло
въ землю.

* * *

Изъ этого міра ушелъ такой «Прекрасный Свидѣтель»*).
Въ этомъ цвѣтникѣ не останется ни розы, ни вѣтвей, ни бу-
тоновъ цвѣтовъ.

Разорвавъ свои воротники, бутоны розы 100 разъ произнесли
«увы и охъ!»

Разставшись съ другомъ, этотъ Машрабъ сталъ опьяненнымъ
безъ вина, безумнымъ.

Что сказать, о мусульмане, осыпался цвѣтникъ.

* * *

106.

Еще Ша Машрабъ прочелъ слѣдующій мухаммась:

Что мнѣ дѣлать, друзья? Я разлучился со своей возлюбленной;
Я разстался съ счастьемъ моей жизни, съ другомъ моей души;
Я разлучился съ только что распустившимся цвѣткомъ.
Я, опьяненный соловей, разстался съ своимъ цвѣтникомъ.
Я разстался съ хаканомъ, сыномъ хакана.

* * *

Увы, я разстался съ стройнымъ станомъ, съ прямой пальмой;
Я разстался съ только что пробивающимися усиками, съ чер-
ными, какъ сумбулъ**), волосами.

И души ихъ всѣхъ, въ концѣ концовъ, почернѣли отъ горя,
какъ земля.

Скрылась подъ черной землей такая воспитанная кокетка.

Въ саду міра я лишился Рустема Дастана***).

* * *

Я примѣрилъ къ ранѣ моего сердца отверстіе моего вѣрота.
Найдя своего друга, я осыпалъ цвѣтами его голову.

*) Одно изъ качествъ Мухаммада. Мусульмане вѣрують, что Мухаммадъ во время страшнаго суда будетъ свидѣтельствовать передъ Богомъ въ пользу своихъ послѣдователей и это свидѣтельство спасетъ ихъ отъ мукъ геенны.

**) Euryangium Sumbul.

***) Богатырь Рустемъ изъ Шахъ нама носитъ прозваніе Дастанъ—извѣстный.

По лицу меня ударило горе, я упалъ на порогъ, а моя возлюбленная все-таки не вышла ко мнѣ.

Если мнѣ удастся пожертвовать за тебя свою душу, я не пожалѣю объ этомъ.

Что мнѣ дѣлать, огорченному бѣдняку, я лишился силъ.

* *
*

Лѣто моей смерти приблизилось, разрушено мѣсто, гдѣ я жилъ.

Теперь молнія моего вздоха вылетѣла и сожгла мое тѣло.

Я готовъ обойти весь міръ, только бы удалось мнѣ найти мою блуждающую пальму.

Найду ли я мою возлюбленную, дождавшись страшнаго суда?

Что за неизлѣчимая болѣзнь, что я совсѣмъ лишился силъ.

* *
*

Сводъ небесный коснулся моего счастья и оно отвергнулось отъ меня.

Мой другъ достигъ часа Зугаль*), но не отдаетъ мнѣ моего счастья.

Не найти мнѣ такой подруги, какъ ты; предопредѣленіе навѣяло на меня тяжесть.

Если мнѣ удастся къ ногамъ твоимъ сложить свою голову, это будетъ счастьемъ для меня въ день страшнаго суда.

Въ этомъ мірѣ мнѣ не найти покоя.

* *
*

Она, подобно цвѣтку, изучила пути шаріата.

Ея обоняніе наполнилось запахомъ фіалокъ, а мой цвѣтокъ — миндаля!

107.

Она, собравшись въ путь, сложила руки, говоря предопредѣленію: «добро пожаловать».

На ея лицо падаетъ лучъ мѣсяца, какъ цвѣтокъ.

Въ рудникѣ драгоценныхъ камней я лишился.

* *
*

*) Употреблено въ смыслѣ счастливаго часа, счастливой планеты. Мусульмане считаютъ главными слѣдующія свѣтила: Шамсъ (солнце), Камаръ (луна), Атто-ругъ, Муштари, Зугаль, Миррыхъ, Зугра.

Никогда въ мірѣ еще не появлялось такой красавицы, какъ ты, производящей восторгъ во всемъ городѣ.

Холодъ моихъ вздоховъ соотвѣтствуетъ пустынѣ моего сущест-
ства.

Никто не спасетъ меня отъ смерти: ни Сыдыкъ (Абубекръ)⁴ ни Іовъ.

Въ разлукѣ душа моя испытываетъ такія же страданія, какъ душа Іакова

Волкъ предопредѣленія разлучилъ меня съ моимъ Ханаанскимъ мѣсяцемъ^{*)}.

* *

Что за страданія выпали на мою долю, о царь мой!

Сколько я не вздыхаю и не охаю, не достигаютъ до тебя мои
вздохи.

Сколько лѣтъ я служилъ тебѣ, мой желанный другъ!

Къ кому я теперь обращаюсь съ своими мольбами, о мой царь
царей!

Я черный прахъ потому, что я разлучился съ своимъ другомъ.

* *

Сгорѣвъ, обратилось въ сажу мое существо, чему же теперь
горѣть?

Запасись терпѣніемъ, о подобная лунѣ, это самое важное умѣніе;
Что бы ни было во время сотворенія духовъ, къ чему думать,
что будетъ что-нибудь иное.

Зачѣмъ люди міра постоянно негодуютъ на небесный сводъ.

Я встрѣтилъ неизлѣчимую болѣзнь и лишился силъ.

* *

Въ этой пустынѣ горя остались сиротами двое дѣтей серны;
Все время изъ горъ страданія слышны ихъ голоса: «о Господи!»
Сидя на вѣтвяхъ горя, я, какъ птица, страдаю и произношу:
«Онь, Онь!»

О Господи! пришли мое раскаяніе, мнѣ опредѣлено произно-
сить зикръ «Богъ, Сущій!»

Я лишился ея, открывшей мнѣ глаза на все доброе, лишился
ея чистой, безгрѣшной

* *

^{*)} Подразумѣвается Іосифъ.

Птица Хумаюнъ*), приблизившись, стала охотиться на воиновъ за вѣру.

Отъ удали ея обоняніе наполнилось хорошимъ запахомъ и она потеряла сознание;

Рука предопредѣленія разорвала ея грудь, она лишилась чувствъ.

Бросившись съ горы гордости, она обратилась въ прахъ.

Я лишился говорившей пріятныя рѣчи, какъ попугай.

108.

Мое сердце, какъ бутонъ розы, лепестокъ за лепесткомъ въ крови;

Сколько бы сотенъ тысячъ разъ ни приходила весна, бутонъ этотъ не можетъ распуститься.

Губы—рубинъ, зубы—жемчугъ, брови—это михрабъ вѣры.

Кто изъ людей запасется терпѣніемъ, тому, въ концѣ концовъ, и трудныя дѣла покажутся легкими.

О, подобная лунѣ! Какъ я могу легко перенести разлуку съ своей душенькой?

* * *

Ишанъ Ша Машрабъ затѣмъ прочелъ еще слѣдующій мухам-гасъ:

О чистая весна моя, мой цвѣтникъ, гдѣ ты?

О свѣтъ моихъ очей, милостивая, покой моей души, гдѣ ты?

О причина моей жизни, моя блуждающая пальма, гдѣ ты?

Единственная въ домѣ спутница моей жизни, милостивая, гдѣ ты?

О мать моя, моя Мекка и Медина, милостивая, гдѣ ты?

* * *

У меня на умѣ искушеніе, стоитъ мнѣ заговорить и меня всѣ считаютъ безумнымъ.

Теперь мнѣ надлежитъ увидѣть «Байтъ-уль-харамъ»**).

*) Хумаюнъ—сказочная птица, она не видима, но если ея тѣнь упадетъ на чью-нибудь голову, то человѣкъ этотъ будетъ царствовать.

**) Байтъ-уль-харамъ—одно изъ названій Каабы. Собственно „Кааба“ обозначаетъ—домъ, имѣющій кубическую форму. Онъ еще называется байтъ-уль-харамъ, что значитъ—запретный домъ, недоступный каждому, входъ въ который запрещенъ каждому человѣку. Та же Кааба въ Коранѣ еще называется „запретной мечетью, древнимъ домомъ“. Основаніе и постройка Каабы произведены Авраамомъ и Исмаиломъ, первымъ имамомъ въ ней былъ Авраамъ, она построена для арабовъ осѣдлыхъ и кочевыхъ, язычникамъ запрещено приближаться къ Каабѣ. (Саблуковъ, приложение I къ переводу Корана стр. 110).

Обойдя пустыни и степи, я долженъ блеять, какъ осиротѣлый
ягненокъ.

Гдѣ я найду тебя, если пройду и горы и доли?

О мать моя, моя Мекка и Медина, милостивая, гдѣ ты?

* *

Въ этомъ мірѣ я не нашелъ покоя, я не имѣлъ отдыха на
одно мгновеніе.

Я безпріютный соловей, сломались мои крылья.

Разлучившись со своей матерью, я сталъ чужимъ въ этомъ
саду.

Я осиротѣлъ, сломались мои крылья.

О мать моя, моя Мекка и Медина, милостивая, гдѣ ты?

* *

Что мнѣ дѣлать, душа моя, мать, пусть Богъ будетъ къ тебѣ
милостивъ!

Да будетъ милостивъ къ тебѣ Творецъ, да учинить тебя въ
раю.

Въ могилѣ пусть не испытаетъ она мученій отъ Мункара и
Накыра.

Сколько дней я искренно не служилъ тебѣ.

О мать моя, моя Мекка и Медина, милостивая, гдѣ ты?

* *

Не осуждайте меня, друзья, моя душа безпокойна.

Кинжалъ этой смерти острѣ алмаза.

109.

Запасшіеся терпѣніемъ, рабы, предводители хорошихъ людей,

Эта смерть намъ наслѣдіе отъ нашего прародителя.

О мать моя, моя Мекка и Медина, милостивая, гдѣ ты?

* *

Я въ отчаяніи, видя руку смерти, друзья!

Я не рассчитываю спастись и прихожу въ отчаяніе.

Что мнѣ дѣлать, я униженный рабъ Милостиваго!

Съ каждымъ днемъ усиливаются мои страданія, я лишился
силъ.

О мать моя, моя Мекка и Медина, милостивая, гдѣ ты?

* *

Нѣтъ человѣка слабѣ меня предъ лицомъ этой смерти,
Нѣтъ человѣка, который болѣе меня смирился бы передъ ней.
Нѣтъ человѣка слабѣ меня въ перенесеніи трудовъ и страданій.

Нѣтъ болѣе осиротѣлаго и безсильнаго, чѣмъ я.
О мать моя, моя Мекка и Медина, милостивая, гдѣ ты?

* * *

Что мнѣ дѣлать? Не къ одному мнѣ, ко всѣмъ приходитъ смерть!
Смерть досталась намъ въ наслѣдіе отъ нашего праотца Адама.
Она положила въ землю тѣла всѣхъ людей.
Не у одного меня, у всего человѣчества смерть уноситъ души.
О мать моя, моя Мекка и Медина, милостивая, гдѣ ты?

* * *

Смерть заставила меня плакать, она заставила лицо мое пожелтѣть, какъ шафранъ.

Не осталось силы въ тѣлѣ, я сдѣлался слабымъ, безсильнымъ.
Подъ тяжелымъ вьюкомъ станъ мой согнулся, какъ лукъ.
Пусть никому въ мірѣ не придется быть такимъ безпріютнымъ, какъ я.

О мать моя, моя Мекка и Медина, милостивая, гдѣ ты?

* * *

О мать, я помолился за тебя, поручилъ тебя Всевышнему.
Пусть Всевышній избавить тебя отъ мученій въ могилѣ
Я пожелтѣлъ, какъ шафранъ, о садъ моей жизни.
Садъ моего покоя вырубленъ, ты обрекла меня на горе.
О мать моя, моя Мекка и Медина, милостивая, гдѣ ты?

IIО.

Я выросъ шутя, меня не приучили къ страданіямъ;
Какъ вѣтеръ, бросающійся во всѣ стороны, я не привыкъ къ до-
вольству.

Я ходилъ безъ размышленія, ни въ одномъ городѣ не жилъ
я долго.

О мать, я не служилъ тебѣ всей душой.
О мать моя, моя Мекка и Медина, милостивая, гдѣ ты?

* * *

Короче, Ша Машрабъ 40 дней читалъ коранъ на могилѣ своей

матери. Потомъ, отдохнувъ одну ночь, исполнилъ «истихаре»^{*)}. Онъ имѣлъ видѣніе, что въ Бухарѣ, въ мадрасса Кукъльдашъ, Мавляви Шарифъ преподаетъ науки слушателямъ, собравшимся къ нему изъ семи бухарскихъ округовъ, и Машрабъ почувствовалъ непреодолимое желаніе увидѣть этого святого. Онъ пришелъ на базаръ и, рыдая, прочелъ нѣсколько газалей.

Я безумный, сгорѣвшій въ огнѣ любви,

Я тлѣлъ, сгорѣвъ и обратившись въ золу.

Если ты не знаешь, мой другъ, то я скажу тебѣ, что я восторженный поклонникъ лицеизрѣнія Бога.

Я самъ повѣшенный, какъ Мансуръ Халладжъ.

Есть ли другой, какъ я, горѣвшій, горѣвшій, превратившійся въ золу и ушедшій изъ міра?

^{*)} Сабдуковъ въ своей книгѣ „Свѣдѣнія о Коранѣ“ на стр. 67 говоритъ объ „истихаре“ слѣдующее: „Замѣчательно одинъ изъ видовъ суевѣрнаго употребленія корана въ мусульманскомъ мірѣ—употребленіе его при молитвѣ „истихаре“. Истихаре استخاره значить въ переводѣ испрашиваніе добра у Бога. Мухаммеданинъ, принимая какое либо дѣло, значительное въ его жизни, посредствомъ Корана пытается узнать объ исходѣ своего предпріятія, которое онъ или исполняетъ, или оставляетъ, смотря по указанію этой книги. Въ одномъ сборникѣ мухаммеданскихъ молитвъ и разсказовъ, уставъ о „истихаре“ изложенъ такъ: „Молитва „истихаре“ состоитъ изъ двухъ рякатовъ. Джаберъ—благословеніе Божіе надъ нимъ—сказываетъ, что пророкъ—благословеніе и миръ ему отъ Бога—научилъ насъ молитвѣ истихаре, также какъ онъ научилъ чтенію суръ Корана. Это достойно благословеній. Если кто принимается за какое либо дѣло, напримѣръ, отправляется въ путь, или останавливается на мѣстѣ; принимается за торгъ, посѣвъ, покупку; вступаетъ въ бракъ или хочетъ развода съ женой, или принимается за другое какое-либо дѣло, и захочетъ узнать, хорошо оно или худо, полезно ли въ семь и будущемъ мірѣ; то онъ можетъ употребить молитву истихаре слѣдующимъ образомъ: совершивъ омовеніе, онъ долженъ сдѣлать двѣ чреды (рякаты) молитвы, или четыре чреды. Въ каждый рякатъ онъ долженъ прочитать одинъ разъ *фатиху*, одинъ разъ *аяту-ль-курси* и десять разъ сію молитву: „Боже, испрашиваю у Тебя добраго успѣха, прибѣгая къ Твоему всевѣдѣнію, прошу доброй судьбы у твоего предопредѣленія; обращаюсь съ молитвой къ тебѣ, ради великой твоей благодати. Ты силенъ, а я безсиленъ; Ты вѣдаешь, а я не вѣдаю, ибо Ты одинъ тайновѣдецъ, Боже, если это дѣло хорошо для меня въ моемъ состояніи и въ моей жизни, какъ ты вѣдаешь, то дай мнѣ силу совершить его, ниспосли мнѣ помощь и благослови меня въ ономъ. А если это дѣло, какъ ты вѣдаешь, злотоврно для меня въ моемъ состояніи и въ моей жизни, то останови для меня успѣхъ онаго дѣла и меня удержи отъ исполненія его, по всемогуществу своему ниспосли мнѣ благо, гдѣ только оно есть“. Послѣ этой молитвы мухаммеданинъ раскрываетъ Коранъ и по словамъ, какія прежде другихъ попадутся ему на глаза, судить о послѣдствіяхъ задуманнаго дѣла: онъ принимается за исполненіе дѣла, когда слова дадутъ благопріятный смыслъ; или оставляетъ его, если находитъ слова не одобрительными.

Есть ли другой, какъ я, много разъ умершій и много разъ воскресшій?

Разорвавъ свою грудь, я буду плакать въ день страшнаго суда.

Въ тотъ день я помѣшаю страшному суду своими криками о лицезрѣніи.

Передъ тѣмъ, какъ взойти на мостъ Сыратъ, люди будутъ плакать.

Я возьму себѣ въ спутники любовь и уйду дальше.

Я соберу всѣхъ влюбленныхъ передъ владыкой души.

Я самъ увижу Бога раньше всѣхъ влюбленныхъ.

Если Богъ будетъ судьей, Мухаммадъ будетъ примирителемъ.

Если Мухаммадъ будетъ свидѣтельствовать, то я самъ увижу Бога.

2-я.

Своими стопами и вздохами я, вѣроятно, сожгу адъ.

Я долженъ сжечь и зданія и садъ райа.

Творецъ создалъ своею силою луну и солнце.

Подложивъ огонь, я долженъ сжечь 7 поясовъ неба.

III.

Собравъ въ день страшнаго суда всѣхъ прежде и послѣ отшедшихъ,

Я сожгу вѣрныхъ и невѣрныхъ въ огнѣ любви.

Я вздохну, воскликну и мои рыданія достигнутъ престола Божія.

Своими рыданіями я сожгу трубу Исафила*).

Люди и духи, дивы и пѣри, всѣ будутъ меня просить.

Курти, Лаухъ, Каламъ, Рафъ-рафъ, все я сожгу**).

Я сожгу Ходжей, Ахуновъ, великихъ, ученыхъ, царей и бѣд-
няковъ.

Бековъ, хановъ, злыхъ и умныхъ я сожгу.

Я сожгу всѣхъ калмыковъ, цыганъ, персовъ, армянъ,

*) Исафилъ—ангелъ, предназначенный Богомъ для возвѣщенія людямъ времени наступленія страшнаго суда. Возвѣститъ онъ объ этомъ звукомъ трубы, которая будетъ слышна по всему міру. Такъ какъ неизвѣстно, когда именно послѣдуетъ повелѣніе Божіе и ангелъ долженъ быть готовъ во всякую минуту затрубить, то онъ и держитъ трубу всегда приложенную къ устамъ своимъ.

**) Курси—подножіе трона Божія. Лаухъ—попиръ, на которомъ лежитъ оригиналъ предвѣчно написаннаго Корана, Калямъ—перо, которымъ написанъ Коранъ, а Рафъ-рафъ—гора въ раю, гдѣ постоянно пребываетъ ангелъ—вѣстникъ Исафилъ.

Маговъ, христіанъ, евреевъ и кипчаковъ, всѣхъ я сожгу.

Что мнѣ до гурій, пока я не увижу лицо Бога.

Я сожгу и пришельцевъ и туземцевъ.

Терпи, Машрабъ, въ концѣ концовъ, ты увидишь своего друга.
Въ то время я сожгу оба міра.

Ша Машрабъ пришелъ въ неописанный экстазъ. Онъ направился по дорогѣ въ Барданъ-куртанъ, а народъ шелъ за нимъ. Ша Машрабъ прочелъ слѣдующій мухаммасъ:

Я долженъ увидѣть Твое лицо,

Я всѣ ночи напролетъ не сплю, думая о разлукѣ съ Тобой.

Я ношу вмѣсто креста на груди твой черный локонъ.

Испытывая желаніе видѣть своего друга, я испыталъ такія же мученія, какъ повѣшанный Мансуръ.

Я страдаю отъ острія твоей жестокости.

* * *

На страницѣ твоего лица я читаю прекрасную книгу;

Черты твоего лица и пушекъ на немъ кажутся мнѣ хранилищемъ мускуса.

Мое тѣло и душа разбиты войскомъ твоего горя.

Твои глаза стали палачомъ, а твои рѣсницы стали ланцетомъ.

Я страстно желаю видѣть твой станъ, подобный райскому дереву Туби*).

* * *

Я увидѣлъ твое лицо, подобное мѣсяцу, и пришелъ въ восторгъ.

Лежа у твоего порога, я произносилъ свои молебны.

Собравъ пыль отъ твоихъ ногъ, я плакалъ надъ ней каждый день.

На этомъ торгу безумія я думалъ только о твоей любви.

112.

Среди людей міра я сталъ твоимъ вѣрнымъ другомъ.

* * *

Изъ моихъ глазъ слезы бѣгутъ, какъ горный потокъ, я много плакалъ.

Отъ этой любви я рыдалъ въ степи и пустынь.

*) Туби—райское дерево съ ароматными цвѣтами. Оно настолько велико и развѣсисто, что въ каждую обитель праведника оно протягиваетъ покрытую цвѣтами вѣтвь свою.

Видя твои губы, подобныя бутону, я всегда плакалъ кровью.
Вспоминая твое лицо, я страдалъ и тайно плакалъ
Больше чѣмъ Ляйли и Узра*) я влюбленъ.

* *
*

Раны любви къ тебѣ покрыли мою грудь.
Книжалъ, подобный стрѣламъ рѣсницъ твоихъ, изранилъ мое
сердце.

Въ мірѣ нѣтъ другого, какъ ты, чистаго существа.

Будь милостива, прости, я превратился въ прахъ на пути любви
къ тебѣ.

Ступилъ Машрабъ на путь, онъ посвятилъ себя добру.

Сказавъ эти слова, Машрабъ взошелъ на Барданъ-курганъ,
взглянулъ во всѣ стороны и остановился по направленію къ Бу-
харѣ; его влекло туда видѣніе Мавляна-и-Шарифа. Дивана оконча-
тельно порѣшилъ итти въ Бухару и сказалъ: «о Сармасть! осѣдлай
и приведи моего осла». Сармасть осѣдлалъ и привелъ животное.
Ша Машрабъ сѣлъ на осла и, произнося мунаджатъ Богу, громко
плакалъ. Всѣ люди сожалѣли, что онъ уходитъ, а дивана взялъ въ
руки си-таръ и, произнося газали, двинулся въ путь, а народъ по-
шелъ за нимъ. Машрабъ прочелъ слѣдующую газаль:

Придя въ міръ, я съ горемъ покинулъ его.

Не отдыхая ни минуты, я тотчасъ же ушелъ.

Не приложившись своимъ чернымъ лицомъ къ святынямъ,
Я ушелъ съ сожалѣніемъ.

О, друзья, не называйте грѣшника Машраба послѣдователемъ
пророка.

Съ 100 сожалѣніями и печалью я надѣлъ трауръ.

ІІЗ.

2-я.

Въ пустынь моей души я поселилъ дикихъ козъ горя.

Стрѣлы твоего кокетства открыли мою душу, какъ тюльпанъ.

Это дорога, по которой могутъ притти ко мнѣ восторженные
поклонники любви.

Мое отечество тамъ, гдѣ цвѣты наслажденія.

Какъ весенній дождь, изъ глазъ твоихъ бѣгутъ слезы на людей,
ищущихъ свиданія.

*) Ляйли и Узра—героини двухъ любовныхъ поэмъ. Ляйли—возлюбленная
Маджнуна, а Узра—Вамика.

Тебѣ я пожертвовалъ Іеменскій рубинъ моего сердца.

Пусть птица твоей милости не разлучается съ птицей моей души.

Я привязалъ ихъ своимъ поясомъ за шею и ноги.

Если въ моей душѣ отъ стрѣлъ твоихъ взоровъ распустятся цвѣты,

Я никогда не взгляну болѣе на цвѣтникъ, полный настара и жасмина*).

Огонь отреченія отъ всего мірскаго мнѣ, пожалуй, даже правится.

Я, какъ саламандра, сдѣлалъ себѣ одежду изъ огня.

О Машрабъ! отъ этихъ рѣчей твоихъ слышенъ ароматъ мученичества.

Ты покрылъ саваномъ любви твое полное крови тѣло.

Короче, Ша Машрабъ, выйдя изъ Намангана и двигаясь безостановочно, достигъ Ходжента, гдѣ въ то время начальникомъ города былъ Акбута-бій. Ша Машрабъ остановился въ одномъ изъ помѣщеній для курильщиковъ опія. но скоро по всему городу распространился слухъ о появленіи одного изъ муридовъ Афакъ-ходжи и весь народъ, отъ мала до велика, пошелъ повидать Машраба. Люди увидѣли передъ собой каляндара, виднаго собой, румянаго, съ большими выразительными глазами, съ сросшимися бровями. Выющіеся волосы его спали до пояса. Видно было, что онъ утопнулъ въ вину любви. На шеѣ его собаки одѣтъ былъ золотой ошейникъ.

Народъ, увидѣвъ Ша Машраба, пришелъ въ изумленіе и скоро самъ Акбута-бій узналъ, что пришелъ въ Ходжентъ Дивана-Машрабъ, называемый каляндаръ, что онъ святой, но не обнаруживаетъ этого, а всякому, кто выражаетъ искреннее къ нему влеченіе, говорить неподходящія рѣчи.

114.

Акбута-бій послалъ своего челоуѣка позвать Ша Машраба. Когда посланный явился къ нему, Ша Машрабъ, аккомпанируя себѣ на си-тарѣ, произносилъ слѣдующую газаль:

Если ты хочешь быть влюбленнымъ, отрекись отъ всего земного.

Бросься въ огонь, когда услышишь эти мои слова.

Куда бы я ни пошелъ, я стою на дорогѣ къ тебѣ.

*) Любимые у туземцевъ цвѣты.

Я доставлю лѣкарство отъ твоей болѣзни, потерпи только.
Прислушайся къ моимъ вздохамъ и стонамъ, не лишай меня твоего расположенія.

Не забывай меня, гдѣ бы ты ни была

Немного испугавшись, Машрабъ не зналъ, куда итти.

Не теряй надежды, иди радостный, веселый.

Машрабъ читалъ этотъ мунаджатъ, когда посланный Акбута-бія вошелъ и сказалъ: «О дивана! Васъ зоветъ къ себѣ Акбута-біи». «А кто такой твой Акбута-біи?», спросилъ Ша Машрабъ «Ну, не говори глупостей», вскричалъ посланный и разбилъ о землю си-таръ Машраба. Сидѣвшіе подлѣ люди были поражены этимъ и быстро разошлись въ стороны. Ша Машрабъ, собравъ и исправивъ свой инструментъ, прочелъ слѣдующую газаль:

На си-таръ я натяну вмѣсто струнъ нити моей души, ссучивъ ихъ.

Звуками си-тара я овладѣю душами злыхъ.

Сыгравъ нѣсколько псесъ, я выберу въ одной изъ нихъ мѣсто для своей души.

Если любовь поведетъ меня по своей улицѣ, я буду играть, идя впереди ея.

Матерью звуковъ называютъ Хусайни и Аджамъ*).

Сыгравъ ихъ, я сыграю еще «парда-и-байятъ».

Быстро буду играть я въ славу Бога байятъ.

Если я замѣчу, что душа моя будетъ въ горѣ, я сыграю «нава».

О Машрабъ, дай чашу, мнѣ надо быть совершенно опьяненнымъ.

Въ одну руку я возьму си-таръ, а въ другую чашу.

115.

Короче, посланный, возвратившись къ Акбута-бію, доложилъ ему, что калиндаръ очень непочтительно отзывался о немъ.

«Я слышалъ раньше, что онъ говоритъ неподходящія рѣчи всѣмъ, обращающимся къ нему съ искреннимъ уваженіемъ», сказалъ Акбута-біи: «значить это вѣрно. Что жъ, пойду самъ повидаться съ нимъ».

Взявъ съ собой жирнаго барана и 9 лепешекъ, которыя онъ положилъ на шелковый халатъ кашгарской матеріи, Акбута біи

*) Въ музыкѣ у нашихъ туземцевъ имѣется до 12 различныхъ основныхъ мотивовъ, очевидно заимствованныхъ изъ Персіи. Къ числу этихъ мотивовъ и относятся приведенные въ стихахъ Машраба Хусайни, Аджамъ, парда-и-байятъ и нава.

поѣхалъ къ Машрабу. Соскочивъ съ лошади, онъ произнесъ привѣтствіе. «О Акбута», сказалъ Машрабъ: «тебѣ и раньше слѣдовало поступить такъ. Теперь ты принесть мнѣ поларки и тѣмъ обязалъ меня пойти къ тебѣ». Машрабъ отдалъ барана и хлѣбъ въ притонъ курильщиковъ опія, а самъ надѣлъ халатъ и пошелъ во дворецъ Акбута-бія. Народъ толпой пошелъ за нимъ. Акбута-бій послалъ впередъ человѣка, чтобы распорядиться разложить на мѣстѣ, гдѣ предполагали посадить Ша Машраба, семь рядовъ шитыхъ золотомъ подушекъ. Придя во дворецъ, Ша Машрабъ взобрался на подушки, легъ и сталъ мочиться. Видя это, Акбута-бій сказалъ: «о господинъ! Мы положили эти подушки, чтобы выразить вамъ наше уваженіе, а вы на нихъ мочитесь».

«На такое уваженіе и слѣдуетъ мочиться», возразилъ Машрабъ: «что же прикажете мнѣ мочиться не на подушки, а на васъ?» «О Акбута, изъ чего созданы были твои предки?» спросилъ Машрабъ. «Изъ праха», отвѣчалъ Акбута бій. «Ну, такъ значить, мочась на землю, ты мочишься на своихъ праотцевъ», сказалъ Ша Машрабъ. Услышавъ эти слова, большое уваженіе почувствовалъ къ Ша Машрабу Акбута-бій.

116.

И выразилъ желаніе сдѣлаться его муридомъ, но Ша Машрабъ не принялъ его въ муриды, а произнесъ слѣдующую газаль:

Благочестивые и постники не удовлетворяютъ требованіямъ толка любви.

Не годятся для него перебирающіе четки и произносящіе имя Божіе.

Кто однажды увидитъ эту владычицу души, этотъ цвѣтокъ,
Тотъ потеряетъ терпѣніе, покой и присутствіе духа.

Если человѣкъ, уподобившись Адгаму, ступитъ на путь бѣдности,

Онъ лишится покоя, милости и милосердія.

Когда почувствуетъ человѣкъ ароматъ великой любви,

Отъ него бѣжить умъ, онъ теряетъ терпѣніе и спокойствіе.

О, благочестивый, если ты увидишь эту жестокою шалунью,

Тебя не спасутъ отъ нея ни благочестіе, ни явныя чудеса.

Свиданіе съ возлюбленной дѣлаетъ человѣка безумнымъ.

И тогда уже нѣтъ для него ни грѣха, ни осужденія.

Этимъ влюбленнымъ людямъ вмѣсто богопочитанія служить радѣніе съ тѣлодвиженіями (зикръ сама).

Знай и не сомнѣвайся, что въ такомъ случаѣ безсильны руки провидѣнія.

Машрабъ, иди, молись Богу и твори добрыя дѣла.

Въ толкѣ любви не нужны ни вода, ни омовенія.—Говоря эти слова, Машрабъ въ ту же ночь покинулъ Ходжентъ и скоро достигъ Ташкента. Читая слѣдующую газаль, онъ вошелъ въ городъ:

Нѣтъ мочи, меня покинуло терпѣніе и сила.

Съ каждымъ днемъ увеличиваются мои испытанія и страданія.

Вдыхая со столами, куда я пойду? Буду биться головой о камни горъ.

На мою долю выпало 1000 несчастій, это постоянные мои признаки.

Во мнѣ не осталось и пылинки сердца, все оно сгорѣло и исчезло.

Лицо мое желто, глаза въ слезахъ, вотъ моя наружность.

Собравъ ходжей и муфтіевъ, простыхъ людей, шейховъ и муридовъ*),

Отъ всѣхъ ихъ я отверну свое лицо; потому что они осуждаютъ мою любовь.

Всѣмъ людямъ, Боже, Ты посылаешь власть, богатство, почете,

А на мою долю выпали только стоны до моего послѣдняго дня!

Это не любовь, а несчастіе, страданія, болѣзнь и вздохи.

Машрабу одни рыданія; съ каждымъ днемъ увеличиваются мои испытанія.

117.

О, красавица, владычица души, неужели ты такъ сладка?

Приди на одно мгновеніе, припадешь ли ты къ моей груди?

Во время лѣта и весны, напившись вина вмѣстѣ съ другомъ,

Обнявшись съ близкимъ тебѣ другомъ, приляжешь ли ненадолго?

Можно ли обойти кругомъ твоихъ косичекъ?

Если я тебѣ буду жаловаться, обратишь ли ты немного вниманія на мои мольбы?

Обнаживъ мечъ кокетства, ты пришла, чтобы погубить меня;

Если ты пришла за моей головой, возвратишься ли ты, гнѣваясь?

*) Ходжа—потомокъ Мухаммада, муфтіи—законовѣдъ, докладчикъ представителю правосудія—казія.

Отдай мнѣ, возлюбленная, огонь твоей жестокости.

Я твой рабъ, купленный за деньги, неужели ты сразу сожжешь меня?

О Машрабъ! избѣгай твоей возлюбленной, она измѣнница.

Оживишь ли ты меня, взглянувъ на меня искоса?

3 - я

Есть ли еще, какъ ты, подобная цвѣтку, владычица души?

Въ какомъ цвѣтникѣ, у какого цвѣтка есть такіе шипы, какъ твои рѣсницы?

Много ушло изъ міра хорошихъ людей, но не было еще подобнаго мнѣ бѣдняка.

Во всемъ народѣ любви только и есть единственная такая красавица, какъ ты.

Улетѣла птица твоего взгляда, твое лицо вырыло въ душѣ моей колодцы, запечатлѣвшись.

Удивительна серна любви, въ ней есть прекрасный, подобный открывающемуся тюльпану, родникъ.

Печать любви продѣлала глаза твоего Машраба.

Душа Машраба такова, что если собаки выберутъ ее себѣ мѣстомъ жительства, то это будетъ для нихъ вполне подходящимъ.

Короче, Ша Машрабъ, произнося эту газаль, вошелъ въ Ташкентъ и увидѣлъ, что одинъ ходжа празднуетъ обрѣзаніе своего сына. Хозяинъ въ одномъ саду разостлалъ 8000 шерстяныхъ ковровъ и 9 рядовъ парчевыхъ подушекъ положилъ, приготовивъ на нихъ удобное мѣсто для ахуновъ и аалымовъ*). Машрабъ пришелъ раньше тѣхъ, для кого было приготовлено мѣсто на подушкахъ.

118.

Онъ, взойдя на возышеніе изъ подушекъ, помочился. Хозяинъ праздника сразу понялъ, что опьяненный юродивый знакомъ съ тайными мистическими науками, просилъ не обращать вниманія на поступокъ Ша Машраба и только приказалъ убрать подушки и подать новыя. Немного времени спустя сталъ собираться народъ—приглашенные на праздникъ. Ша Машрабъ вскочилъ съ мѣста, сошелъ внизъ и сталъ показывать каждому приходящему его мѣсто**).

*) Ахуны—высшія духовныя лица, а аалымы—законовѣды—совѣтники судьи, его докладчики по дѣламъ.

**) Такимъ образомъ, юродивый принялъ на себя обязанность одного изъ близкихъ родственниковъ хозяина, по обычаю встрѣчающаго приглашенныхъ на празд-

Ташкентцы были поражены тѣмъ, что Ша Машрабъ, не зная никого изъ нихъ и не видѣвши ранѣе, сумѣлъ однако различить общественное положеніе каждаго и указалъ каждому изъ пришедшихъ подобающее ему мѣсто. Какъ бы въ отвѣтъ на нелюбовь гостей, Ша Машрабъ, обращаясь къ нимъ, произнесъ слѣдующіе стихи:

Не знаю я, кто въ этомъ городѣ шейхъ, кто мулла,
И это кто, и этотъ кто и тотъ кто*).

Услышавъ эти слова, ташкентцы заговорили между собой о томъ, что календаръ ихъ всѣхъ оскорбилъ, сравнивъ ихъ съ своимъ репіс, но ахундъ и азіямы объяснили, что никакого тутъ оскорбленія нѣтъ, а просто юродивый сказалъ двусмыслицу и слова его выражали, что онъ не знаетъ приглашенныхъ и потому не можетъ опредѣлить: кто этотъ, кто тотъ. Высокопоставленные люди положили 9 лепешекъ на мясо барана, лежавшее сверхъ блюда «палау» и поставили передъ Машрабомъ. Машрабъ, взявъ нѣсколько глотковъ, перелалъ пищу хозяевамъ тоя. Всѣ присутствующіе во главѣ съ ахундомъ попросили Машраба прочесть стихи. Онъ взявъ въ руки си-таръ и прочелъ слѣдующую газаль:

Никому не понять моего разсѣяннаго состоянія,
Стрѣлы моихъ рыданій разорвали небо.
Какъ мнѣ не радоваться сегодня моей бѣдной душой,
Пришла моя душенька и заинтересовалась моимъ состояніемъ.

119.

Отъ горы горя отдѣлился одинъ камень и попалъ мнѣ въ ротъ.

Въ концѣ концовъ, у меня, какъ у Мухаммада, сломались 2 зуба.

О мучительница, приди теперь и слѣлай меня мученикомъ.

Пусть кровь моя бѣгетъ волной въ пустынь Кербалы.

Что ты конный другъ мой, или ты выше небесъ?

никъ и указывающаго мѣста по старшинству и положенію. Понятно, что для того, чтобы не обидѣть кого-нибудь изъ гостей и указать каждому соотвѣтствующее мѣсто, распорядитель праздника долженъ хорошо знать всѣхъ гостей

*) Здѣсь двусмысленность, основанная на созвучіи словъ: سک сыйкимъ, значить, мой репіс, но Машрабъ говорилъ во второмъ стихѣ: „бу сикимъ дуръ, бу сикимъ дуръ, бу сикимъ, что можно принять и въ значеніи „это кто, этотъ кто, тотъ кто“, потому что *бу* значить этотъ, а *киж*—кто. Очевидно, что юродивый имѣлъ въ виду оскорбить гостей, чтобы уронить себя въ ихъ мнѣніи, что было въ его обычай.

На этомъ небосклонѣ я не видѣлъ такой, какъ ты, обладающей глазами, подобными звѣздамъ Чупантъ*).

Приди съ кокетствомъ, съ насмѣшкой, но спроси о моемъ состояніи.

Мои налитые кровью глаза все время пристально глядятъ на дорогу, по которой должна ты притти.

Докопѣ будешь ты кокетничать, моя подруга?

Отъ этого горя покинула Машраба его чистая душа.

2-я.

У меня на душѣ не осталось ни капли терпѣнія, я юродивый Машрабъ.

Я—бабочка Машрабъ, какъ вихрь, кружащаяся около свѣчи твоего лица.

Мое назначеніе—проходить путь бѣдности, отрекшись отъ всего земного.

Я день и ночь пью вино, я сталъ поклонникомъ виноторговли.

Весь народъ смотритъ на меня своими тѣлесными очами и все же сомнѣвается;

Но среди людей я самый ничтожный, Машрабъ.

Я обошелъ кругомъ всѣ пустыни;

Я потерялъ всякое соображеніе о себѣ, всякое сознаніе, бѣдный Машрабъ.

Вступивъ на дорогу восторженнаго веселья, надо оставить путь благочестія.

Я не похожъ лицомъ на луну, опьянѣвшій отъ вина Машрабъ.

3-я.

Вышелъ я на улицу, вижу навстрѣчу мнѣ ѣдетъ верхомъ моя царипа.

Двигается ко мнѣ, какъ бутонъ розы, подобная тюльпану лицомъ,

Подавая людямъ съ своихъ устъ вино любви.

Идетъ моя возлюбленная въ одеждѣ, похожей на цвѣтокъ.

Въ мою душу со всѣхъ сторонъ впиваются стрѣлы ревности.

Мнѣ хочется убить каждаго стрѣлами моихъ рѣсницъ.

Не только друзей, не только чужихъ людей, а всѣхъ людей безъ исключенія.

Отъ ихъ опьянѣнія я чувствую самъ похмелье.

*) Венера.

Не умру ли я отъ этой болѣзни, друзья!

Съ каждымъ дыханіемъ мнѣ 1000 разъ приходитъ желаніе
отдать свою душу.

Нѣсколько дней она не приходила, что ее удерживало?

Идетъ овладѣвшая моею душой, моя сила и терпѣніе.

Рыдая, она во всѣ стороны мечетъ пламя.

Какъ лѣтній дождь, идутъ со вздохами мои рыданія.

Въ рукахъ моей владычицы кровь, какъ пунцовая роза.

Идетъ мое опьянѣніе, чтобы уничтожить силу моихъ амуле-
товъ.

Оскаливъ зубы, наточивъ стрѣлы кокетства,

Идетъ разрывающая мою душу, прицѣлившись мнѣ въ сердце.

Въ рукѣ ея мечъ, на поясѣ—стрѣлы.

Идетъ способная отнять мою душу ранѣ, чѣмъ убьетъ меня.

Желая увидѣть Машраба, она плачетъ.

Теперь надо мнѣ пойти къ ней, мнѣ хочется зажечь огонь.

Когда Машрабъ прочелъ эти стихи, присутствующіе загово-
рили: «надо намъ задать вопросъ этому юродивому, можетъ быть
тогда намъ удастся обнаружить его знанія» и спросили Машраба:
«какіе случаи встрѣчаются при исполненіи установленнаго очище-
нія?») Машрабъ отвѣчалъ: «всего при исполненіи очищенія бываетъ
12 положеній, въ 6 случаяхъ очищеніе обязательно, а въ 6 не нужно».
«У меня тоже есть 1 легкій вопросъ», продолжалъ Машрабъ. Муллы
сказали: «спрашивай». «Что у васъ между ляжками?» спросилъ Маш-
рабъ. Муллы были поражены столь неприличнымъ вопросомъ, но
Ахундъ сказалъ: «въ словахъ этого юродиваго кроется какой нибудь
смыслъ». Муллы затруднились отвѣтить на заданный вопросъ и,
наконецъ, одинъ изъ нихъ всталъ съ мѣста и просилъ Машраба,
чтобы онъ самъ объяснилъ имъ, каковъ долженъ быть отвѣтъ на
заданный имъ вопросъ; «лучше, если мы поймемъ, въ чемъ дѣло»,
сказалъ мулла. Ша Машрабъ сказалъ: «между ногами вашими нахо-
дится пика силы, которая дана вамъ по милости Божіей». «Какая

же въ ней надобность?» спросили муллы. Ша Машрабъ сказалъ:
«подумайте, сколько отъ нея произошло произносящихъ исповѣданіе
ислама, рабовъ Всевышняго, послѣдователей пророка (миръ ему)».

*) *Истинджâ*—очищеніе послѣ исполненія естественныхъ надобностей.

Послѣ этого всѣ присутствующіе рѣшили, что говорившій съ ними каляндарь—святой, скрывающій отъ людей свою святость и стали прикасаться къ его рукамъ и проводить по своимъ глазамъ, какъ при полученіи благословенія. Ша Машрабъ сказалъ: «Слава—несчастье, сдѣлай скорѣе какое-нибудь дѣло, которое могло бы отворотить отъ тебя искреннее влеченіе къ тебѣ этихъ людей. Пусть они закроютъ свои тѣлесные очи и взглянуть на тебя духовными; души всего народа прозрачны, какъ стекло» и, обращаясь къ присутствующимъ, Машрабъ сказалъ: «о люди! моя моча лучше вашего уваженія» и, поднявъ полы своей одежды, приговаривая «чушь, чушь», сталъ мочиться на всѣ стороны кругами. Увидѣвъ это, присутствующіе сказали: «можно ли относиться съ почтеніемъ къ такому курильщику опія» и все уваженіе народа къ Машрабу пропало. Послѣ этого Ша Машрабъ сказалъ: «Слава Богу, однажды помочившись, мнѣ удалось отворотить влеченіе ко мнѣ ташкентскихъ людей» и, произнося «Онъ!», онъ направился въ сторону Туркестана, по дорогѣ произнося слѣдующую газаль:

О мой кумиръ! Въ огнѣ разлуки съ тобой сгорѣла моя грудь.

Если я не вижу тебя одно мгновеніе, темнѣетъ моя вѣра.

Зрачки твоихъ глазъ—безжалостные ко мнѣ невѣрные.

Не взирая на это, стоитъ посмотрѣть въ нихъ христіанину и онъ сдѣлается мусульманиномъ.

Когда ты, моя возлюбленная, расчесавъ свои локоны, взглянешь во всѣ стороны,

На части рвется моя душа, дотолѣ совершенно спокойная.

Если твой станъ во время страшнаго суда увидятъ люди и ангелы,

Они будутъ въ затрудненіи рѣшить: гурія это, или гульманъ*).

122.

Если одна капля соленой воды капнетъ изъ твоихъ глазъ, о Машрабъ,

Знай, что въ минуту жажды, она доставитъ наслажденіе душѣ твоей.

2-я.

Разлученный съ милою увидитъ ли ее въ этой жизни?

*) Гуріи—райскія краєвицы, обѣщанныя мусульманамъ въ награду за праведную жизнь. Гульманы—юные отроки, которые будутъ прислуживать праведникамъ въ раю.

Пожелтѣть ли онъ отъ мученій разлуки, или умереть, не свидясь съ ней?

Загорѣвшись, сгорѣвъ въ мученіяхъ, добиваясь твоего лицезрѣнія и не видя тебя

Приближается ли онъ къ цвѣтку, какъ соловей весной?

За что мнѣ выпало такое несчастіе быть въ разлукѣ съ тобой?

Мои ослѣпшіе отъ слезъ глаза будутъ ли вознаграждены когда-нибудь лицезрѣніемъ тебя?

Я говорю себѣ: забудь ее, а сердце не забываетъ.

Сердце говоритъ мнѣ: нельзя ее забыть.

О, виночерпій, подай мнѣ чашу, я напьюсь до безпамятства.

Если ты не будешь милостивъ, напечлится ли пролитая тобою чаша?

Отъ любви къ тебѣ, о владычица сердецъ, я лишился терпѣнія.

Если я буду вздыхать о тебѣ, перейдешь ли ты на мою сторону, о другъ!

О Машрабъ, тебѣ съ самаго «Созданія духовъ» предопредѣлено быть другомъ.

О друзья, избавится ли моя душа отъ руки этой разлуки?

3-я.

Не будь душа заключена въ оболочкѣ тѣла, ищущій лицезрѣнія непременно лишился бы души.

У кого лицо и глаза огненные, тотъ разстанется съ стрѣлами своихъ рѣсницъ.

Истинные влюбленные не смотрятъ косо на лицо красавицы.

Отрѣшившись отъ рая, они забываютъ привратниковъ рая, гурій и гульмановъ*).

Не пивши воды изъ рѣки Каусаръ, они ощущаютъ на языкѣ сладость.

Какъ благочестивый народъ, опьяненный виномъ, они готовы позабыть про распустившіеся цвѣты.

Кто исключительно думаетъ о счастьи въ другомъ мірѣ, тотъ готовъ сто разъ предаться любви.

Кто самъ подобенъ цвѣтку, осыпавшемуся осенью, тотъ способенъ забыть про всѣ цвѣты.

О, Машрабъ, думай только о той сторонѣ.

Разъ отвѣдавшій вино забудетъ про распустившіеся цвѣты.

*) См. примѣчаніе выше.

4-я.

Какимъ языкомъ могу я достойно прославить Безподобнаго,
Драгоценную жемчужину, заключенную въ раковинѣ всемоу-
щества.

123.

Имъ полны тронъ и земля, подземелье и пространство, находя-
щееся надъ небесами.

Не хорошо произносить его Имя.

Сколько бы ни было за тобой грѣховъ, говори Ему.

Не трудно пролить кровь въ рѣку, она ее унесетъ.

Я скажу хорошее славословіе возлюбленному истины, указы-
вающему правый путь людямъ*),

Лицомъ подобному цвѣтку, прямому и высокому, какъ пальма.

Знай, что его собесѣдники: Сыдыкъ, Умаръ, Усманъ и Али,
Которые остались на пути истины послѣ него.

Если кто найдетъ счастье въ лучахъ ихъ свѣта,

Милость Божія этому справедливому, достигшему познанія,
мудрому.

Ступившіе на эту дорогу исполняютъ повелѣніе Всевышняго.

Въ этой жизни надлежитъ поклоняться упомянутымъ друзьямъ
пророка.

Въ твое ухо влѣнь дорогую серьгу награды изъ жемчуга, о
Машрабъ!

Чтобы ты былъ замѣтенъ въ этомъ мірѣ.

5-я.

Если бы на цвѣтокъ не сходила утренняя прохлада, онъ не
распустился бы.

Если ты незнающій, то не увидишь никакого слѣда любви.

До тѣхъ поръ, пока соловьи цвѣтника не увидятъ цвѣтокъ
твоего лица,

Они порхаютъ туда и сюда, но не поютъ.

Дѣло любви заставило пожелтѣть мое лицо и измучило мою
душу.

Если она не сожжетъ душу, то и печень не окровавится.

Я сказалъ ей: «что мнѣ дѣлать? болѣзнь сожгла меня и убила».

Что это за болѣзнь, противъ которой нельзя найти лѣкарства.

*) Рѣчь идетъ о Мухаммадѣ.

Нечестивецъ тотъ, кто мнитъ себя выше мужей Божіихъ.
Черному камню никогда не обратиться въ яхонтъ или рубинъ
изъ Бадахшана.

О, Машрабъ! Стрѣла разлуки раздѣлила тебя на 1000 частей.
Не горюй, на сколько частей не раздѣлили рубинъ, онъ не обез-
цѣнится совершенно.

6-я.

Я буду жаловаться Ему же, изранившему мое сердце.
Распростершись ницъ, я буду рыдать передъ Богомъ.
Мнѣ причинила ты горе, а соперника моего этимъ обрадовала.
Я возьму въ руки кинжалъ и на части изрѣжу свое сердце.

124.

Изъ-за тебя я перенесъ много несчастія и страданій.
Если ты будешь благосклонна къ моему сопернику, я ославлю
тебя передъ людьми.

Теперь иди, о влюбленный Машрабъ, плачь о себѣ передъ Бо-
гомъ.

Если возлюбленная милостива къ тебѣ,—плачь передъ ней.

Прочитавъ этотъ мунаджатъ, Ша Машрабъ прибылъ въ об-
ласть Туркестана и произнесъ слѣдующій мухаммасъ:

Прежде всего я принесъ (на землю) знакъ Великаго Бога.

Всѣмъ твореніямъ Божіимъ я принесъ знакъ

Я указалъ имъ Вездѣсушаго Творца міра.

Я самъ, рабъ земли, показалъ имъ небо.

Людямъ, гуріямъ, пѣри, всѣмъ людямъ я далъ душу.

* *

Ахмадъ—величайшій посланникъ, послѣдній изъ пророковъ

Онъ пророкъ изъ пророковъ, вѣнецъ главы пророковъ.

Пусть онъ заступится за насъ въ день страшнаго суда, онъ
ясный свѣтъ.

Я указалъ его, могущаго замолить наши грѣхи.

* *

Святой Сыддыкъ, великій собесѣдникъ, другъ въ пещерѣ*).

*) Такъ называютъ мусульмане перваго халифа Абубскра—Сиддыка за то, что онъ, вмѣстѣ съ Мухаммадомъ, передъ окончательнымъ бѣгствомъ въ Медину, скрывался въ пещерѣ горы Харра, близъ Мекки. Послѣдователи Абу-Джагли, са-
маго свирѣпаго противника Мухаммада, въ первые времена его религіозной рефор-

Второй другъ—Умаръ, который распространилъ вѣгу ислама. Чтобы собрать воедино Коранъ, Усманъ пожертвовалъ жизнью. Четвертый другъ—Левъ Божій, ѣздившій верхомъ на Дуль—Дуль*).

Я оповѣстилъ о четырехъ друзьяхъ, сотрудиникахъ пророка.

* *

Отъ Али, которымъ доволенъ Богъ, остались двѣ жемчужины**). Много несправедливостей причинили имъ эти адскіе псы***). Всѣ испытали горе по поводу смерти заступниковъ и первомучениковъ.

Поэтому-то они и стали друзьями вѣрующихъ и проводниками по прямому пути.

Я сообщилъ рассказъ о крови и подвигахъ мучениковъ и борцовъ за вѣру.

* *

мы, рѣшили убить пророка, и нѣсколько разъ уже Муххамадъ былъ на волосокъ отъ смерти. Наконецъ онъ пошелъ въ домъ Абубекра и рѣшился немедленно бѣжать. Скрылись они идюемъ въ пещерѣ горы Харра, въ разстояніи 1 часа отъ Мекки, а дѣти Абубекра должны были приносить имъ туда пищу. „Едва вошли они въ пещеру, какъ услышали шумъ погони“. Даже мужественный Абубекръ задрожалъ теперь отъ страха. „Гонителей нашихъ много“, сказалъ онъ: „а насъ всего двое“. „Нѣтъ“, возразилъ Мухаммадъ: „насъ *трое*: съ нами Богъ!“ И здѣсь мусульманскіе писатели рассказываютъ чудо, дорогое сердцу всѣхъ правовѣрныхъ. Въ то время какъ уже приближались корейшиты, передъ входомъ въ пещеру выросло дерево акація, на его развѣсистыхъ вѣтвяхъ голубица свила гнѣздо и снесла яйца, а паукъ обвилъ дерево своей паутиной. Увидѣвъ эти признаки, показывавшіе, что никто не трогалъ дерева, корейшиты заключили, что никто не входилъ недавно въ пещеру, и потому поворотили назадъ и поиски свои продолжали въ другомъ направленіи. (Жизнь Магомета. В. Ирвига, пер. Антоновича стр. 106)

*) Подъ именемъ „Дуль—Дуль“ извѣстна лошадь, на которой ѣздили и совершалъ свои походы въ войнѣ за вѣру 4-й Халифъ—Али. Въ легендарныхъ сказаніяхъ объ Али отводится видное мѣсто его лошади, обладавшей чудесной силой и быстротой бѣга. Сила ея была такъ велика, что когда она ударяла копытомъ, на камнѣ оставался глубокій слѣдъ въ видѣ впадины. Въ городѣ Уратюбе, Ходжентскаго уѣзда, на горѣ направо отъ вѣзда, выше почтовой станціи есть такая впадина, наполненная пересыхающей чистой водой. Туземныя женщины приходятъ туда съ молитвой о ниспосланіи потомства и опускаютъ въ родникъ мелкія монеты, кольца и другія пожертвованія. Здѣсь, по преданію, лошадь Али ступила копытомъ, а слѣдъ другого копыта показываютъ въ 5 верстахъ, это размѣръ шага знаменитой „Дуль—Дуль“.

**) Сыновья Али—Хасанъ и Хусейнъ.

***) Убийцы Хасана и Хусейна.

Хазретъ Махтуми—Аазамъ*), древнѣйшій изъ святыхъ,
Святой Дагбитскій, имя ему великій ишанъ**).

Хазретъ Ходжа Хидаятъ, кыбла всѣхъ влюбленныхъ***).

Ему поклонились вечеромъ и на восходѣ солнца искренніе его
почитатели и святые.

125.

Въ четвергъ я заставилъ поклониться ему людей и духовъ****).

Разсѣявъ въ мірѣ сѣмена знанія, я разсказалъ понемногу.

Въ восторгъ отъ моего разсказа пришли на небѣ.

Тамъ знали скрытыя Богомъ, какъ клады, тайны.

Но, показавъ путь тариката, они повѣдали намъ тайну.

Я открылъ какъ сильнаго духомъ Иисуса, знающаго невѣдомые
языки*****).

* *
* *

Пусть царь будетъ владыкой Ирана и Турана, воды и суши.

Пусть отъ его справедливости посохшее дерево вновь даетъ
плоды.

Что будетъ, если онъ милостиво и ласково взглянетъ на меня.

Если я услышу какое-либо извѣстіе о моемъ царѣ царей,

По его пути я каплю за каплей пролью свою кровь, какъ дра-
гоценныя камни.

* *
* *

О Боже, для прославленія Тебя я преподалъ разговорный
языкъ.

*) Махтуми Аазамъ представитель ордена Ходжаганъ. О немъ см. преди-
словіе.

**) Ишанъ—наставникъ ищущихъ мистическихъ знаній, иначе называется пиръ,
муршидъ. Ученики ишана называются муридами.

***) Правнукъ Дагбитскаго святого. Называется онъ кыбла всѣхъ влюбленныхъ
для выраженія того, что этотъ учитель суфизма привлекалъ къ себѣ взоры всѣхъ
суфіевъ—какъ „кыбла“—мѣсто поклоненія мусульманъ въ Меккѣ привлекаетъ къ
себѣ ежегодно толпы паломниковъ и къ которой обращаютъ свои взоры мусульмане
всего міра во время пятикратныхъ ежедневныхъ молитвъ.

****) Существуетъ повѣрье, что по четвергамъ вечеромъ всѣ духи совершаютъ
поклоненіе умершимъ святымъ. Въ это же время и мусульмане посѣщаютъ клад-
бища для молитвъ за умершихъ. Это считается весьма душеспасительнымъ и бого-
угоднымъ дѣломъ (савабъ).

*****) Мусульманское преданіе приписываетъ Иисусу Христу, котораго мусульма-
не считаютъ пророкомъ, между прочими качествами—знаніе языковъ всѣхъ наро-
довъ, животныхъ и птицъ.

Я перечислилъ 1001 Твоихъ именъ и Твои свойства.
Сказавъ: «Ты Единъ, у Тебя нѣтъ сотоварищей»,
Я открылъ людямъ тайну любви.
Я объяснилъ имъ и явное и тайное.

* * *

Въ саду любви стань твой строенъ и нѣженъ.
Если я буду думать о твоёмъ наружномъ видѣ, или свойст-
вахъ, это будутъ только праздныя мечты.

Всѣ наши думы о твоёмъ скрытомъ лицѣ привели насъ только
къ познанію того, что Ты безъ конца, вѣченъ,

Что по силѣ въ мірѣ Ты единственный и былъ раньше всего.

Я преподалъ всѣмъ тварямъ въ мірѣ, что онѣ находятся въ
твоей власти.

Отъ горъ Кафъ до горъ Кафъ распространилась вѣсть о Твоей
силѣ*).

На одно зерно пшеницы палъ огонь любви.

Съѣвъ это зерно, человѣкъ позналъ самого себя.

Но онъ за то лишился рая «Мава»**), этотъ Левъ—Самецъ.

Потомъ на радость первому человѣку я создалъ другихъ людей.

Творецъ, установившій безъ столбовъ девять навѣсовъ***).

Боясь Бога, всѣ эти навѣсы вѣчно не знаютъ покоя, находясь
въ движеніи.

*) По мнѣнію мусульманскихъ толковниковъ, не признающихъ шарообразности земли, земля представляетъ площадь круга, заключенную среди зоны воды, которая въ свою очередь окружена горами „Кафъ“. Такимъ образомъ вѣсть о силѣ Бога прошла по всей землѣ отъ горъ Кафъ съ одной ея стороны до такихъ же горъ съ противоположной.

**) По вѣрованію мусульманъ, небесъ, или поясовъ неба восемь.—Четвертое небо, или поясъ носить названіе джанату—льмава, что значитъ—садъ обитанія. Въ Коранѣ о немъ говорится въ гл. 53,¹⁵ и 32,¹⁹. Въ преданіи о восхожденіи Мухаммада на небо (миграджѣ) говорится, что четвертое небо было изъ изумруда. На немъ Мухаммадъ встрѣтилъ Идриса, или Эноха, который поручилъ себя молитвамъ Мухаммада. Между ангелами, которыхъ здѣсь было больше, нежели на прежнемъ (3) небѣ, былъ одинъ во сто дней пути вышиною. (По рассказамъ другихъ его высота доходила до слѣдующаго неба—на пятисотлѣтній путь). На лицѣ его выражалось смущеніе и рѣки слезъ лились изъ глазъ его. Онъ поставленъ плакать о грѣхахъ сыновъ человеческихъ и о бѣдахъ, которыя они навлекаютъ на себя ими. Саблуковъ „Свѣдѣнія о Коранѣ“ стр. 197.

***) Рѣчь идетъ про семь небесъ, тронъ Бога (Аршъ) и подножіе трона (Курси), всего девять, созданныхъ Богомъ на небѣ мѣстъ. Крыши всѣхъ этихъ мѣстъ держатся въ воздухѣ безъ столбовъ.

Луна, солнце и всѣ звѣзды—украшеніе дня и ночи.

Нѣтъ никакихъ сомнѣній въ томъ, что Ты всевѣдущъ, что Ты существуешь и--Единъ.

Пророка я привелъ въ свидѣтели справедливости этого.

Цари и бѣдняки—друзья лежащихъ у Твоего порога нищихъ.

Ты податель помощи грѣшникамъ и униженнымъ.

Нѣкоторыхъ ты посадилъ на тронъ и возвеличилъ, другихъ унизилъ.

Ты знаешь всѣ тайны знанія, твое имя Хабиръ*).

Вотъ почему я Тебя Вездѣсущаго помѣстилъ въ своемъ сердцѣ.

Гавріилъ однажды принёсъ откровеніе, сказавъ о Милостивомъ.

Посредствомъ восхожденія на небо вышелъ (Мухаммадъ) на тайную дорогу Бога.

Онъ сдѣлалъ Мухаммада сотоварищемъ моря двухъ міровъ.

Онъ отправился въ «миграджъ»**) и нашелъ путь къ Богу.

Въ сокровищницу смысла я доставилъ разсыпающаго жемчугъ.

Вотъ почему Богъ назвалъ его заступникомъ за грѣшныхъ.

Его Богъ послалъ, какъ лѣкарство для исцѣленія грѣшниковъ и нечестивыхъ.

Путь вѣры онъ сдѣлалъ открытымъ и чистымъ, онъ показателъ пути.

Неоднократно нисходитъ голосъ въ его благословенныя уши***).

Что Богъ его сдѣлалъ совершеннѣйшимъ изъ пророковъ.

Послѣ этого я немного рассказалъ о пророкѣ

А теперь я хорошенько расскажу объ этомъ посланникѣ Божіемъ.

Всѣ дороги суфійскаго ученія ведутъ къ познанію истины.

По какой изъ нихъ слѣдуетъ итти, даетъ знать Богъ

Я указалъ, къ кому слѣдуетъ присоединиться, какой дорогой итти.

Каждый опьяненъ свѣтомъ Божіимъ и если потечетъ сладость съ расщепы пера****),

*) Одно изъ именъ Божіихъ, буквально значить—сообщающій извѣстія.

**) Миграджъ—ночное путешествіе Мухаммада на небо.

***) Всѣ части тѣла своего пророка мусульмане упоминаютъ съ прилагательнымъ „муборакъ“, благословенный.

****) Упомянутіе о перѣ, которымъ по преданію написанъ былъ на небѣ оригиналъ Корана, переданный затѣмъ Мухаммаду въ формѣ отдѣльныхъ откровеній по разнымъ случаямъ.

Этимъ избавляется отъ сѣтей и ухищреній діавола.

Проводникъ тотъ, кто спасетъ отъ рѣчей нечестивыхъ.

Отъ грази мірской онъ очищаетъ душу своимъ заступническимъ.

Поэтому-то я служилъ двумъ наставникамъ.

127.

О, Боже, не обращай теперь Машраба въ бродячаго отъ двери къ двери.

О, истина, дай мнѣ извѣстіе о томъ, что Тебѣ извѣстно.

Я перепоясалъ душу и сердце свое, чтобы идти по указанному Тобой пути.

Дай мнѣ извѣстіе о садѣ, находящемся на вѣрномъ пути.

Свое прежде красное лицо, на службѣ Тебѣ, я заставилъ пожелтѣть.

Короче, прочтя этотъ мунаджатъ, Машрабъ вступилъ въ Туркестанъ, пришелъ на могилу Хазретъ-Султана*) и сѣлъ верхомъ на гробницу святого. Хазретъ султанъ поднялъ и сбросилъ Машраба, а тотъ сѣлъ вновь и сказалъ: «Терпи, туркъ, потому что я—гость». Жители Туркестана, узнавъ объ этомъ, пришли и увидѣли передъ собой полнаго, краснолицаго календаря съ большими глазами, сросшимися бровями. Волосы у него спутались и спустились по плечамъ. Онъ, видимо, тонулъ въ винъ любви. Люди, увидѣвъ Машраба въ такомъ состояніи, были поражены. Послѣ этого они подходили къ Машрабу, брали его за руку и въ знакъ уваженія потирали своими руками глаза. Всѣ Туркестанскіе жители увѣровали въ святость Машраба. Онъ рѣшилъ, что при такихъ условіяхъ

*) Хазретъ Султанъ-уль-Арифинъ Ходжа Ахмади Яссави, сынъ Ибрагима, былъ послѣдователемъ Ходжа Юсуфа Хамадани, знаменитаго святого, отъ котораго и получилъ посвященіе. Онъ поселился въ гор. Туркестанѣ и здѣсь началъ проповѣдь мистическаго ученія. Онъ написалъ книгу поученій подъ названіемъ „Хикматъ“ (мудрость). Достигнувъ 63 лѣтъ, подражая пророку Мухаммаду, умершему въ этомъ возрастѣ, Хазретъ Султанъ опустился въ подземное помѣщеніе (гору) и тамъ прожилъ въ уединеніи еще 30 лѣтъ. Онъ умеръ 93 лѣтъ отъ роду, поставивъ за всю свою жизнь 99000 шейховъ суфизма. Въ книгѣ Хикматъ говорится, что пророкъ Мухаммадъ въ Мединѣ далъ одному арабу Арсланбабу финикъ и помолвившесъ о продолженіи его жизни, поручилъ ему передать этотъ финикъ Ходжа Ахмаду Яссави, который долженъ былъ родиться черезъ 400 лѣтъ. Когда Ходжа Ахмаду было 4 года, Арсланбабъ вручилъ ему финикъ пророка. Чудеса Ахмадъ-Ходжи всего яснѣе въ его предсказаніяхъ о событіяхъ, которыя онъ предугадывалъ за 100, 200 лѣтъ ранѣе, чѣмъ они совершились. О дѣятельности Хазретъ-султана написано въ книгѣ Нафахатъ уль унсъ (стр. 242) Мавляви Джами.

ему нельзя болѣе оставаться въ Туркестанѣ и потому повернулъ въ Ташкентъ; не входя еще въ городъ, онъ прочелъ слѣдующій мундажатъ:

О друзья, я пропасть отъ подернутыхъ опьяненіемъ глазъ людей.

Свою душу я рѣшилъ пожертвовать красавицѣ, если она придетъ.

Если подруга моя скоро не придетъ, я буду рыдать передъ ней.

Послѣ, въ день страшнаго суда я буду рыдать передъ Богомъ.

Если, видя твое состояніе, душа моя оставитъ тѣло, сжегши напередъ многихъ влюбленныхъ.

Каждый день убивая Машраба, она не смиростивится, даже видя мое состояніе.

128.

Мое больное тѣло сразу зажегъ этотъ улыбающійся бутонъ.

Въ любви къ этой, лицомъ подобной цвѣтку, я соловей—постоянный пѣвецъ этихъ распушенныхъ локоновъ.

Она ни разу не смиростивилась, ни разу не спросила о моемъ состояніи, эта прекраснотица!

Сто разъ обѣщалась и ни разу не исполнила обѣщаній эта, измѣняющая обѣтамъ.

Душа моя, обратившись въ бабочку, сгорѣла на огнѣ любви.

Нѣтъ у меня терпѣнія и силы.

Разговоры о твоёмъ лицѣ наполнили шумомъ весь міръ.

О ты, богата красотой!

Безъ тебя что мнѣ дѣлать въ этомъ мірѣ съ моей душой?

Ты мнѣ необходима.

Нельзя выразить, что будетъ, если она согласится, эта полная луна.

Душу свою я готовъ принести ей въ жертву.

Сколько времени прошло съ тѣхъ поръ, какъ я высказалъ тебѣ свои желанія, Дивана-и-Машрабъ.

Безжалостна она, ни разу не пришла ко мнѣ.

Эта, проявляющая жестокость къ міру.

Скажу я тебѣ о страданіяхъ моего міра, о ты, знающая и мудрая.

Сама подумай объ этомъ.

Въ мірѣ нѣтъ другого, какъ я, увлеченнаго тобой.

Поймите это, друзья!

Видитъ все время мое безуміе этотъ кумиръ, подобный цвѣтку.
Я сумасшедшій, опьяненный.

Дѣло влюбленныхъ труднѣе смерти.

Я уничтоженъ.

Отъ любви къ цвѣтку текутъ кровавыя слезы изъ моихъ глазъ.

Я—опьяненный соловей.

Если на мою голову падетъ сто тысячъ несчастій изъ-за тебя,

Я не откажусь отъ тебя.

129.

Я не могу отказаться, потому что душа моя полна любви къ тебѣ.

Я уничтоженный влюбленный.

Если дивана сгоритъ въ огнѣ любви, въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго.

Не слѣдуетъ осуждать.

Машрабъ пожертвовалъ собою для друга потому, что онъ пожертвовалъ душу свою и сердце ему.

Акбута-бій, узнавъ о приходѣ Ша Машраба въ Ташкентъ, сказалъ: «о визирь! справься, не святой ли Ша Машрабъ? Мое сердце такъ жаждетъ свиданія съ нимъ, какъ бы мнѣ хотѣлось горячаго блюда». Онъ далъ визирю инокходца и приказалъ привезти Ша Машраба къ себѣ. Акбута-бій, вознамѣрившись сдѣлаться муридомъ Ша Машраба, принялся вздыхать. Ша Машрабъ, узнавъ, что Акбута-бій послалъ за нимъ человѣка, рѣшилъ, что и здѣсь ему нельзя оставаться и пошелъ въ сторону Ходжента, произнося слѣдующую газаль:

Опьяненный любовью къ Богу растерялся—я Машрабъ.

Глаза въ слезахъ, душа въ горѣ, сердце разрывается на 100 частей,—я Машрабъ.

Если бы въ моемъ сердцѣ оставалась хотя пылинка мірскаго, я не сгорѣлъ бы въ огнѣ любви.

Для Тебя, отрекшійся отъ обоихъ міровъ,—я безнадежный Машрабъ.

Если я даже и умру, любовь къ Тебѣ не покинетъ моихъ костей.

Въ могилѣ вздыхающій самъ—я бѣднякъ Машрабъ.

Въ тотъ же мигъ, когда я родился отъ матери, я тотчасъ же почувствовалъ любовь къ Тебѣ и вздохнулъ.

Плачущій въ горахъ любви,—самъ я бодрствующій Машрабъ.

Всѣ говорятъ, что Машрабъ заблудившійся, безсильный.

Степень моего духовнаго совершенства Ла-маканъ*), я скита-лецъ Машрабъ.

Мой наставникъ Афакъ-Ходжа далъ мнѣ вина, я опьянѣлъ однажды.

Если меня бѣдняка вздумаютъ повѣсить, я, какъ Мансуръ, готовъ къ этому.

Мой наставникъ Афакъ-Ходжа однажды на меня взглянулъ и дѣло мое окончено.

Я Машрабъ, открыто въ одинъ мигъ обходящій міръ.

Наставникъ подалъ мнѣ чашу съ виномъ, я непремѣнно долженъ ее выпить.

Изъ глазъ непрерывно текутъ кровавыя слезы,—я пьющій кровь Машрабъ.

130.

О, чистые, благочестивые, не браните меня.

Мой языкъ не выговариваетъ молитвъ, я опьяненный виномъ Машрабъ.

Пусть на мою голову падетъ 1000 несчастій—я всетаки буду добиваться свиданія съ нею, о благочестивые.

Если ты захочешь отрубить мнѣ голову, что же я могу подѣлать противъ этого, я, жаждущій лицезрѣнія Машрабъ?

Люди гонятъ меня, бранятъ въ каждомъ городѣ, куда бы я не пришелъ.

Удивительный изгнанникъ, осужденный на побитіе камнями, побитый камнями Машрабъ.

Никому не понять моего униженія среди людей.

Я пожертвовалъ свою душу и сердце, я удивительный хитрецъ Машрабъ.

Со мной, Дивана Машрабомъ, говорите только о любви.

А хитрецъ Машрабъ, избавившійся отъ молитвы и поста.

Короче, въ это время посланный Акбута-біемъ. человекъ съ лошадыю, данной для Машраба, переправившись черезъ Сыръ-Дарью, прибылъ, чтобы везти Машраба къ Акбута-бію, а Хазретъ Ша Машрабъ шелъ уже въ это время по направленію къ Ходженту.

*) Буквально: безмѣстный, независимый отъ мѣста и пространства. Это свойство Бога, но Машрабъ приписываетъ его и себѣ, чтобы показать, что въ отреченіи отъ всего мірскаго онъ достигъ уже высшей степени совершенства—сдѣлался независимымъ отъ мѣста.

Посланный Акбута-бія недалеко отъ Монголь-тау встрѣтилъ 30—40 возчиковъ клади и спросилъ ихъ, откуда они ѣдутъ.

«Мы ѣдемъ изъ Ташкента»,—отвѣчали возчики.—«А знаете ли вы Машраба»,—спросилъ посланный.—«Конечно, знаемъ»,—отвѣчали возчики: «онъ шелъ съ нами и отсталъ, заснувъ на берегу Дарьи». Услышавъ эти слова, посланный Акбута-бія возвратился къ своему господину и, выговоривъ себѣ вознагражденіе за сообщеніе радостнаго извѣстія (суюнчи), сказалъ: «Ша Машрабъ спитъ въ степи, на берегу Дарьи, вамъ слѣдуетъ самому итти къ нему». Акбута-біи согласился, сѣлъ на лошадь и поѣхалъ къ Машрабу. Теперь надо слушать внимательно дальнѣйшее!

131*)

.
.

132.

Послѣ этого Акбута-біи пригласилъ Ша Машраба въ свой дворецъ. Они отправились и, еще не входя въ городъ, Машрабъ произнесъ слѣдующій мунаджатъ:

Моя возлюбленная показала свое лицо жаждущему свиданія
влюбленному,

Уничтоженному горемъ безсильному человѣку.

Тебѣ нужно обладать силой Адгама, если ты хочешь сдѣлаться
ищущимъ истины.

Можетъ ли хоть пылинка помѣститься между вами во время
свиданія?

Посмотри, ясный пророкъ, другъ Божій.

Семилѣтняго Касыма**) и того Богъ не допустилъ стать между
Собой и пророкомъ во время свиданія.

Если ты захочешь увидѣть лицо друга, если захочешь добиться
свиданія,

*) Свиданіе Акбута-бія съ Машрабомъ въ степи не поддается описанію на русскомъ языкѣ и только терпимость нашихъ туземцевъ къ явно неприличнымъ сценамъ позволяетъ имъ наслаждаться чтеніемъ подобныхъ описаній, не испытывая при этомъ чувства брезгливости. Необходимо однако пояснить, что и здѣсь Машрабъ постарался унижить гордаго правителя Акбута-бія, который и безъ того выказалъ Машрабу почтеніе, самъ придя его приглашать. Сдѣлалъ это Машрабъ сознательно, въ силу своего юродства, чтобы скрыть отъ народа свою внутреннюю высоту и святость, какъ это онъ дѣлалъ не разъ.

**) Сынъ Мухаммада, умершій 7 лѣтъ отъ роду.

Надо вполнѣ подчиниться предопредѣленію, надо имѣть терпѣніе для перенесенія несчастій.

Ушелъ изъ этого міра святой наставникъ, святой влюбленный.

Онъ не далъ себя охватить мірскимъ страстямъ.

Если ты хочешь приблизиться къ истинѣ, предайся любви и восторгу,

Сожги дома твоей гордости въ честь свѣта свѣчи ея глазъ.

Если сгорятъ на огнѣ любви неисполненіе молитвъ, пьянство и прочіе молитвъ грѣхи,

Она придетъ тайно въ домъ твоего сердца.

Безсильный Машрабъ самъ говоритъ тебѣ желанія своей души.

Царю надлежитъ милостиво относиться къ бѣднымъ.

Короче, Хазретъ Ша Машрабъ, прочитавъ этотъ мунаджатъ, пришелъ въ Ходжентъ.

Онъ услышалъ крики 30—40 человѣкъ: «о Царь!». Ша Машрабъ посмотрѣлъ и увидѣлъ 30—40 человѣкъ, которые были привязаны къ столбамъ. Онъ сказалъ: «о Акбута! За что ты этихъ людей привязалъ къ столбамъ?». «О господинъ, владыка мой, за много провинностей я такъ наказалъ этихъ людей», отвѣчалъ Акбута-бій.

Ша Машрабъ сказалъ: «если такъ, то какъ ты просилъ меня простить грѣхи моего . . . *), такъ и я теперь намѣренъ попросить тебя простить этихъ людей, исполнишь ли ты мою просьбу?» Акбута-бій выразилъ свое согласіе. Ша Машрабъ попросилъ его и Акбута-бій освободилъ всѣхъ привязанныхъ къ столбамъ людей.

133.

Ученые, высшіе сановники и почетные люди ввели Ша Машраба на вершину портика входа въ урду, а Акбута-бій, стоя внизу, все время смѣялся. Ша Машрабъ спросилъ его, чему онъ смѣется, и Акбута-бій отвѣтилъ: «о господинъ, владыка мой, я не могу забыть этого бѣдняка, освобожденнаго съ привязи и смѣюсь надъ оставленными около него двумя усами». Ша Машрабъ сказалъ:

*) Здѣсь Машрабъ дѣлаетъ ссылку на эту неприличную сцену, которую мы пропустили въ переводѣ выше. Вся та сцена разыграна была Машрабомъ какъ бы въ предвидѣніи того, что онъ увидитъ въ Ходжентѣ привязанныхъ къ столбамъ осужденныхъ. Для того, чтобы получить право ходатайствовать за привязанныхъ къ столбу людей, Машрабъ поставилъ Акбута-бія въ необходимость просить у него, Машраба, освобожденія отъ привязи его и, воспользовавшись этимъ для проявленія своего юродства, приобрѣлъ право просить освобожденія осужденныхъ.

«о, Акбута-бій, я тебя очень полюбилъ; каждый разъ, какъ я сяду, мнѣ приходитъ на мысль, что эти усы похожи на твои и каждый разъ, какъ я ихъ увижу, это все равно, какъ будто бы я увидѣлъ тебя». Всѣ присутствовавшіе расхохотались.

Акбута-бій вскочилъ съ мѣста, подошелъ къ Машрабу и сказалъ: «о господинъ, если бы теперь пришлось умереть, то я не пожалѣлъ бы объ этомъ». Онъ даже заплакалъ при этихъ словахъ. Ша Машрабъ поднялъ руки и совершилъ молитву о благополучіи Акбута-бія. Послѣ этого, Акбута-бій далъ Ша Машрабу осла и шкуру тигра. Ша Машрабъ, выйдя изъ Ходжента, направился въ Мекку, рѣшившись совершить благоговѣйные обходы святынь по дорогѣ въ Мекку, или въ самой Меккѣ.

134.

Онъ достигъ моря, на берегу котораго былъ расположенъ городъ Банда—Суратъ, замѣчательный тѣмъ, что кто бы ни вошелъ въ этотъ городъ, уже не могъ выйти изъ него. На воротахъ его было нарисовано изображеніе одной дѣвушки и каждый человѣкъ, входившій въ городъ, неминуемо влюблялся въ изображенную на воротахъ дѣвушку и уже не могъ удалиться отъ прельстившаго его изображенія. Купцы, приходившіе для торговли, по этой причинѣ торговали внѣ города. Ша Машрабъ по дорогѣ въ Банда-Суратъ произнесъ мунаджатъ. Ша Машрабъ вошелъ въ городъ Банда-Суратъ и вышелъ, направляясь въ Мекку. Сдѣлавъ нѣсколько переходовъ, онъ дошелъ до береговъ моря и замѣтилъ, что на корабль взошли 7—8 тысячъ купцовъ. вмѣстѣ съ тѣмъ Ша Машрабъ увидѣлъ сидящаго на кораблѣ, скрестивъ ноги, удивительнаго каляндара, и тотъ, увидѣвъ Ша Машраба, былъ пораженъ. Кляндаръ, обращаясь къ Машрабу, сказалъ: «я прошелъ все царство Ирана, но ни разу не видѣлъ такого каляндара». Подойдя къ Ша Машрабу, онъ спросилъ: «о каляндаръ, какъ твое имя?» Ша Машрабъ отвѣтилъ: «мое имя Машрабъ». Каляндаръ снова спросилъ: «какой же смыслъ этого слова „Машрабъ“».

135.

«Каждому человѣку, который пожелаетъ меня имѣть своимъ спутникомъ, я буду оказывать помощь, какъ попутчику; «опустившись въ каждый котелъ, я закипаю»*), вотъ почему я называлъ себя

*) Пословица, означающая, что Машрабъ доброжелателенъ и привѣтливъ ко всѣмъ, со всякимъ готовъ водить компанію.

Машрабомъ Ша Машрабъ, въ свою очередь, спросилъ имя калян-дара и тотъ отвѣтилъ, что его имя Пансалъ-Мань*) и Ша Машрабъ прочелъ слѣдующій стихъ:

Сказалъ діаволъ одинъ разъ: «я»—и за это на его шею опустилось проклятіе.

Каково же положеніе человѣка, имя котораго пятьсотъ разъ «я».

Короче, Ша Машрабъ прочиталъ этотъ стихъ и, не ходя въ Мекку, возвратился. Шедшіе съ Машрабомъ муриды выражали свое неудовольствіе на то, что имъ приходится возвращаться назадъ и говорили: «неужели мы, придя изъ Яркенда и Кашгара, намѣреваясь совершить обходы въ Меккѣ, принуждены будемъ вернуться». «Вы отправляете насъ назаль ни съ чѣмъ», укоряли они Машраба. Хазретъ Ша Машрабъ прочелъ тогда слѣдующую газаль:

Я отрекся отъ этого тѣла, созданнаго изъ праха отъ блуждающаго духа**).

Если подлѣ меня нѣтъ душеньки моей—не надо мнѣ и души. Безъ друзей, безъ вина, зачѣмъ итти въ Мекку.

Я отрекся отъ этого стараго дома, оставшагося отъ Авраама.

Мнѣ не нужны ни адъ, ни старый рай.

Если мнѣ не суждено свидѣться съ тобой, я не дорожу обоими мірами.

Я ступилъ ногой на ступени Арша,

Я получилъ извѣстіе о Безмѣстномъ, что мнѣ за дѣло до этого свѣта.

Этотъ міръ подобенъ пылинкѣ въ солнечномъ лучѣ.

Если это не будетъ ясно для всѣхъ, къ чему мнѣ тогда скрытыя тайны?

Все существующее, кромѣ Бога, не имѣетъ значенія, о Машрабъ!

Если роза не попадетъ въ мои руки, мнѣ не нужны и ея шипы.

2-й мунаджатъ.

Любовь, это алхимическое золото, развѣ міръ не мастерская, гдѣ оно добывается?

*) Буквально 500 «я», или, въ другомъ смыслѣ, пятьсотъ сѣмянъ человѣка (абиманы—человѣческое сѣмя).

**) Блуждающій духъ.

Людамъ Божиимъ это извѣстно, развѣ любовь не самая драгоценная изъ рудъ?

136.

Душа моя—это гора Туръ*) любви, поэтому на нее упалъ лучъ свѣта отъ лица Бога.

Этотъ свѣтъ видѣнъ повсюду, развѣ это не свѣточъ міра?

Украшеніе своей эпохи—Ахматъ, лучшій изъ людей Мухаммадъ,

Онъ—глава міра и вѣры, развѣ не извѣстны его тайны?

Существо съ великимъ именемъ, прекрасный наружностью, краснорѣчивый

Превратникъ рая, развѣ онъ не садовникъ эдема?

Исусъ, воспитавшій духъ, отрекшійся отъ всего мірскаго,

Живущій въ небѣ календаръ, развѣ это не лучшее мѣсто для него?

Іоаннъ все время плакалъ, Адамъ забылся**).

Іону поглотила рыба, развѣ это не испытаніе?

На неопалимой купинѣ показался огонь Моисею***).

Послышался голосъ: «Я Богъ твой», развѣ поэтому Моисей не чтецъ тайнъ?

Во время восхода солнца поетъ соловей, разсѣянный, какъ вѣтви сумбуля****).

Увидѣвъ его, роза побагровѣла (распустилась).

Желанія влюбленного сосредоточены на владычицѣ души, а желанія благочестиваго на мимбарѣ.

Паломникъ ищетъ Мекку, развѣ Истина не безмѣстна?

Мои душа и сердце испытываютъ похмелье, мнѣ подали красного вина.

Подаетъ мнѣ каждую минуту стаканъ, развѣ это не трактирщикъ?

Дверь его жилища высока, безкорыстно открылъ онъ вѣру ислама.

Не вѣнецъ ли онъ главы святыхъ, не владѣлецъ ли онъ счастливаго созвѣздія?

Пришелъ Машрабъ, чтобы поклониться имамамъ.

*) У мусульманъ гора Синай извѣстна подъ именемъ Туръ.

**) Упоминаніе о сѣжденномъ Адамомъ въ раю, несмотря на запрещеніе, зернѣ ишеницы.

***) По мнѣнію мусульманскихъ толковниковъ, горѣвшее и не сгорѣвшее дерево послужило Моисею только путеводнымъ въ пустынь знакомъ.

****) Сумбуль *Eryangium sumbul kauffmannia*.

Развѣ окрестности страны Чини-Мачинъ не самое лучшее для меня мѣсто?*)).

2-я газаль.

Зачѣмъ мнѣ великое паломничество, у меня и въ Кашгарѣ есть мѣсто для поклоненія.

Тамъ просвѣтившій мои очи, пыль его порога—сюрьма для моихъ глазъ.

Обративъ въ вѣникъ свои рѣсницы, я поливаю его могилу изъ чаши глазъ моихъ водою.

Я могу украсить ее подобно раю «Адынъ»**).

Съ самаго дня сотворенія духовъ мнѣ опредѣлено вкушать только страданія и несчастія.

У меня есть убѣжище отъ злобы міра въ цвѣтникѣ спокойствія.

Я надѣюсь, что и мнѣ ты дашь поѣсть хотъ изъ чашки, служащей для корма собакъ.

Я прошу этого, какъ благочестивый жаждетъ воды изъ райской рѣки Каусаръ.

Увидя меня, какъ дивы***), бѣгутъ шейхи ислама,

*) Чини-Мачинъ—Китай, страна язычниковъ вовсе не подходитъ для паломничества.

**) Такъ называется райская обитель [садъ эдема], расположенная на третьемъ небѣ. Въ описаніи ночного восхожденія Мухаммада на небо этотъ рай называется такъ: „Подойдя къ третьему небу, Гавріиль просилъ отворить врата его. Опять размѣнялись тѣми же вопросами и отвѣтами; отворились врата и они вошли. Это небо устроено было изъ драгоценныхъ камней, которыхъ блескъ былъ ослѣпительнъ для глазъ смертнаго. На этомъ небѣ они встрѣтили Іосифа, сына Іакова, надѣленнаго чудной красотой. Число ангеловъ здѣсь было больше, нежели на прежнемъ небѣ. Тутъ сидѣлъ ангелъ столь чрезвычайной величины, что разстояніе между его глазами составляло пространство, проходимое въ 70000 дней. Подъ его пачальствомъ находился сонмъ ангеловъ въ числѣ ста тысячъ. Передъ нимъ была раскрыта огромная книга, въ которой онъ непрестанно то писалъ, то зачеркивалъ. На вопросъ Мухаммада: „кто этотъ ангелъ?“, Гавріиль отвѣчалъ: „это Израиль, ангелъ смерти; онъ непрестанно вписываетъ въ эту книгу имена тѣхъ, кто долженъ родиться, и вычеркиваетъ имена тѣхъ, кто уже прожилъ назначенное ему время, а потому они, какъ только стирается ихъ имя, умираютъ“. Свѣдѣнія о коранѣ. Саблукъ стр. 197.

***) Дивъ, по вѣрованію мусульманъ, животное, похожее на человѣка, только съ хвостомъ. Оно можетъ летать и ходить. По желанію оно можетъ быть видимымъ и невидимымъ. Раньше дивы воевали съ людьми. Такъ Дивъ Сафидъ воевалъ съ богатыремъ Рустамомъ, Дивъ Афрухъ воевалъ съ персидскимъ шахомъ Баграми-гуръ, Дакнатъ-и-нарри дивъ воевалъ съ Амиромъ Хамза (дядя пророка). Въ наши времена дивы уже не живутъ среди людей, а поселились въ пустыхъ безлюдныхъ мѣстахъ. Гыась-уль-Лугатъ 184.

Потому что на моей шеѣ повязанъ амулетъ изъ локоновъ моей подруги.

137.

Источникъ мечты о винѣ твоихъ губъ потекъ въ сторону моего сердца.

Сколько ни смачиваетъ онъ прахъ моего лица, онъ все остается пылью.

Если вѣтеръ предопредѣленія въ день страшнаго суда опрокинетъ пальму твоего стана,

Я буду какъ тѣнь стоять позади тебя съ своими вѣчно плачущими глазами.

Если ты мою шею привяжешь къ цѣпи твоей собаки,

Если ты меня будешь влечить у ногъ твоихъ, это для меня счастье, этого мнѣ нисколько не стыдно.

Окончивъ эту газаль, Машрабъ обратился къ своимъ спутникамъ: «о спутники, посмотрите между двумя моими пальцами»). Слуги его взглянули и съ восторгомъ ясно увидѣли передъ собой Мекку. Ша Машрабъ по поводу священной Мекки сказалъ слѣдующую газаль:

Я вдругъ взглянулъ и она мнѣ показалась.

За это видѣніе я готовъ пожертвовать міръ и вѣру.

Возлюбленная сказала: «не вѣрю я твоей любви».

Я ранилъ свое сердце кинжаломъ разлуки.

Послѣ того, какъ я увидѣлъ сидящую на тронѣ царь-птицу,

Я затрепеталъ, какъ птица моей души, живущая въ городѣ моего тѣла.

Я, какъ Фархадъ, трудился въ горахъ горя.

Топоръ предопредѣленія упалъ на мою голову и я свалился на землю.

Я, безнадежный Машрабъ, шелъ по пути къ Нему, ожидая свиданія съ Нимъ.

Увидѣвъ желанную Каабу, я возвратился.

Поклонившись послѣ этого съ своими спутниками священной Каабѣ, Хазретъ Ша Машрабъ съ восторгомъ направился въ сторону

*) Мусульмане вѣрятъ, что святые люди обладаютъ даромъ показывать людямъ видѣнія, для чего и заставляютъ смотрѣть между двумя раздвинутыми въ видѣ вилки пальцами. Можетъ быть когда-нибудь наблюдались подобные случаи сильнаго внушенія, дѣйствовавшаго на легко поддающуюся гипнотизму душу сильно вѣрующего.

Индустана. Онъ понялъ, что Ходжа Падша Сахыбъ-уль-Кыранъ пришелъ въ Индустанъ. Ша Машрабъ связалъ свои руки за спину, одинъ конецъ веревки замоталъ себѣ на шею, а другой привязалъ къ шеѣ собаки и пошелъ по направленію къ Ходжа Падша Сахыбъ-уль-Кырану. По дорогѣ Машрабъ произнесъ слѣдующій мунаджатъ:

138.

О мой кумиръ, ты горишь, какъ цвѣтокъ
Открылось ли твое лицо послѣ выпитаго тобою вина?
Лицо твое, полная луна, мечетъ молніи.
Добро пожаловать! Дай мнѣ отвѣтъ: душа ты, или душенка?
О Боже, Боже! Царь ли Ты моей чистой души?
Или Ты пѣри подвижная, вошедшая въ бутылку моей души*).

Лицо твое свѣтло, пушокъ на лицѣ твоємъ—амбра, губы твои
сладость сахара.

Твои родинки—открывшіяся фисташки, а глаза твои свѣжія
миндалины.

На окружности твоего лица находятся привлекательныя родинки и пушокъ.

Ты пришла ко мнѣ съ такой красотой, добро пожаловать.

Роза ли ты, соловей, сумбуль, или райханъ**).

Розы ли твои щеки или листья жасмина?

Черная родинка и пушокъ напоминаютъ сѣмя райхана на площадкѣ цвѣтника.

Сребротѣлая, розово-одѣтая, прекрасное существо, кокетливый станъ,

Человѣкъ ты, или пѣри съ такимъ кокетствомъ,

Гурія ли ты, или гульманъ райты, или привратникъ рая?

Лицо твое—роза, глаза твои—нарциссъ, на лицѣ пушокъ, какъ райханъ, губы, какъ бутонъ розы.

Смотря на твое лицо, о полная луна, я потерялъ сознание.

Станъ твой подобенъ райскому дереву, а подбородокъ—винной ягодѣ.

Твои локоны, родинки и пушокъ удивительно дополняютъ другъ друга.

Царь ли ты Индустана, пославшій войско въ Египетъ?

*) Существуетъ повѣрье, что простонародные знахари (дуа-ханы) обладаютъ силой заманивать пѣри въ бутылки по своему желанію.

**) *Ohimum basilicum*, малина и мята; бѣлая и перечная.

Бѣлоснѣжная складка на твоей шейкѣ подобна чистому рубину.
Къ твоему лицу, подобному лунѣ, очень хорошо пристали родинки твои, подобныя зернамъ, или цвѣточкамъ.

Мое сердце изранено твоими родинками и пушкомъ твоего лица.

Доколѣ, жестокіе глаза, будете вы палить меня огнемъ?

Ты жжешь, ты убиваешь, развѣ ты несчастіе міра?

Пальма и роза разостлали свои листья въ видѣ ковровой дорожки для тебя*).

Тогда только ты пошла въ цвѣтникъ, о кумиръ, о цвѣтокъ безъ шиповъ.

139.

Украшенія твоего головного убора—сумбуль, твоя шапочка на головѣ—бутонъ, лицо твое—роза.

Розанъ, собравъ твои мысли, повторилъ ихъ виночерпію.

Твой станъ удивительно красивъ, развѣ ты распустившійся бутонъ?

Твои локоны распустились и спутались, а сердце мое отъ горя покрылось морщинами.

Видя меня безумнаго въ мученіяхъ, собрались духи изъ страны Китая.

Охорашиваясь, выходитъ изъ дома красавица, станомъ подобная пальмѣ.

Какъ мнѣ не пожертвовать для тебя душой, ты моя душа, моя вѣра!

Весело улыбаясь, ты берешь у меня душу, ты распускающійся бутонъ.

Слова твои—сладкій сиропъ, уста твои—медъ и сахаръ.

Твой станъ напоминаетъ сахарный тростникъ, съ головы до ногъ ты несравненна.

Я спою тебѣ пѣсню, послушай!

Я твой соловей, ты моя роза въ цвѣтникѣ дня сотворенія духовъ.

Твой Машрабъ вспыхнулъ, развѣ ты сожигающій огонь?

Тебя я увидѣлъ, всѣхъ людей позабылъ.

Отъ сладостей міра отучилъ я свою душу.

Въ тотъ мигъ я отдалъ тебѣ и сердце и душу,

*) При приѣмѣ высокопоставленныхъ гостей принято по пути разстилать цвѣтныя матеріи, или ковры и эта дорожка называется „паяндозъ“.

Для тебя я пожертвовалъ вѣчнымъ раемъ.
Свидясь съ тобою, люди пили вино съ твоихъ губъ.
Разлучившись съ тобою, я выпилъ кровь, какъ воду.
Что за счастливый день, о наслажденіе души,
Когда я встрѣтился съ такою, какъ ты, милостью Творца.
Я думалъ день и ночь,
Позабылъ я, что нѣтъ мѣста мнѣ въ твоемъ сердцѣ.
Я горюю о тебѣ и все время занятъ мыслью о тебѣ.
Ища жизни, я проглотилъ ядъ мечтаній о тебѣ.
Согласишься ли ты, или не согласишься? Въ разлукѣ съ тобою
Разыскивая тебя, я стгноилъ свои кости.
Нѣтъ другой, кромѣ тебя, у меня на душѣ и на языкѣ.
Я замолчалъ, вспомнивъ о клятвѣ.
Когда не представилось возможности видѣть тебя,
Я обманывалъ свое сердце, мечтая о тебѣ

140.

Я загорѣлся, какъ дрова, на огнѣ любви къ тебѣ.
Какая боль могла остаться у меня послѣ того, какъ я проглотилъ рубинъ.
Драгоценный камень и въ темнотѣ не утратилъ своего блеска.
Я себя, какъ золу, смѣшалъ съ прахомъ.
Для Машраба твоя любовь это то же, что вѣчность.
Твоею любовью я, какъ день, освѣтилъ ночной мракъ.

2-я.

Я обезумѣлъ, увидѣвъ твое лицо.
Я потерялъ и разумъ и присутствіе духа.
Я буду терпѣть твою жестокость и умру на пути къ тебѣ
Я сталъ искателемъ, не находя ея.
Мнѣ не приходитъ на память вода Каусара,
Я опьянѣлъ отъ рубиновыхъ губокъ твоихъ.
Во снѣ я видѣлъ свѣчу твоей красоты,
А самъ я сгорѣлъ, обратившись въ бабочку.
Я закрылъ свои глаза и не смотрю ни на кого, кромѣ тебя,
Я отрекся отъ всего, сталъ пропойцей.
Мое существо наполнилось виномъ любви къ тебѣ.
Я сталъ и виночерпіемъ и посудиною, въ которую онъ нали-
ваетъ вино.
Я уничтожился, обратившись въ прахъ.

Раньше бывший цѣлымъ зерномъ я раздѣлился на тысячу частей.

Огонь твоего лица уничтожилъ мое тѣло,
Моя душа слилась съ твоей душой, я самъ сталъ возлюбленной.
Отъ невѣрныхъ глазъ твоихъ по стрѣлѣ
Впилося въ каждую точку моего сердца, я пропалъ.
«Она тебя не оставитъ», сказали мнѣ и я воспрянулъ духомъ.
Я обрадовался, но скоро опять уничтожился.
Налей Машрабу вина, пусть оно льется въ кубокъ
Я обратился въ капище идоловъ среди мечети.

Мухаммасъ.

Человѣкъ, искавшій бѣдность, нашелъ царское богатство.
Онъ отрекся отъ міра, зато увидѣлъ возлюбленную.

141.

Люди, умѣющіе цѣнить людей, узнавъ объ этомъ, увидѣли жемчужину.

Среди этихъ жемчужинъ они нашли одну безцѣнную.

Онъ видѣлъ лицомъ подобную цвѣтку, прищуrivшую глаза,
опьяненную.

* *
*

Сухайлинецъ тотъ, кто знаетъ науку астрономіи*),
Если его знаніе будетъ такъ ясно, какъ знаніе Аллама**).
Это не ученый, если онъ не получилъ хоть искры любовнаго
огня.

«Спѣшите», сказалъ Мавляви-Руми***).

Онъ увидѣлъ султана мистическаго ученія Али.

Онъ ходитъ, какъ мулъ, ему вездѣ дорога.

Проси, какъ мужъ; тебѣ слѣдуетъ, прогянувъ ему руку, стать
его муридомъ.

*) Сухайль—звѣзда, дающая, по повѣрью, цвѣтъ рубину. Сухайли—прозвище Шейхъ Ахмада Амири, сдѣлавшаго переводъ басенъ Бедпая, извѣстныхъ на арабскомъ яз. подъ именемъ Калила-ва-Димна. Переводъ подъ заглавіемъ Ливари-сухайли (говорящія животныя) начатъ былъ въ 894 г. хиджры, оконченъ въ 905 году. (Таарихъ-и-Дивлетъ Шаги, 21 стр.).

**) Аллама и тафтазани прозвище автора книги Шархъ-и-агхаидъ, жившаго во времена Тимура (1332—1405) и бывшаго мударрисомъ. Настоящее его имя Мулла Саадиддинъ.

***) Мавляви и Руми, родомъ изъ Балха, былъ мударрисомъ въ Константинополь, авторъ книги Маснави-и-Шарифъ.

Дервишъ тотъ, кто исчезаетъ вмѣстѣ съ преходящимъ міромъ.
 Вошелъ въ огонь Нимврода Авраамъ по той причинѣ,
 Что онъ ночью увидѣлъ смѣлость бабочки.
 Видѣли его со всѣхъ сторонъ видѣвшіе свѣтъ,
 Онъ видѣлъ зеркало души и блескъ лица.
 Называютъ «хаджи» того, кто, будучи опьяненъ, увидѣлъ друга.
 Онъ увидѣлъ этого друга въ углу дома желаній.
 Я съ хозяиномъ дома видѣлъ это зданіе.
 Ея станъ и походка меня сдѣлали «притчей во языцѣхъ».
 Мечта о ея походкѣ замѣнила для меня мысль о страшномъ
 судѣ.

Не осуждайте моего безумія, о здравомыслящіе!
 Если вы увидите меня на висѣлицѣ, какъ Мансура, не осуждайте меня.

Еще въ то время, когда душа не получила оболочки, онъ увидѣлъ душеньку.

Каковы были желанія, знайте, о сыны Адамовы.

Когда посылали въ міръ Иисуса и Марію,

Моисея, Хызра и всѣхъ ангеловъ,

По степямъ и пустынямъ, во всемъ мірѣ распространился прекрасный ароматъ.

Когда чесали волосы, утренняя звѣзда видѣла гребень.

На моей груди написаны всѣ сказанныя слова.

Надо быть одноцвѣтнымъ, какъ голубой куполъ.

142.

Пока не выпьешь вино одиночества, желаніе сильно.

Не одинъ Машрабъ, блуждающій всю свою жизньъ.

Онъ сказалъ этотъ мухаммасъ и увидѣлъ своего сожителя.

Разсказъ о мираджѣ) святого (милость Божія и миръ ему).*

Я Единому произнесъ много славословій, одинъ другъ— Богъ.

Онъ владыка міра, одно изъ именъ Его—Гнѣвный. Онъ покровитель міра.

Среди 18.000 міровъ онъ одинъ Единый; о Его существованіи достовѣрно извѣстно.

*) Помѣщенный здѣсь пересказъ событія въ стихахъ весьма во многомъ отличается отъ полныхъ описаній миграджа Яхья-ибнъ-Салямъ и Мухаммада-ибнъ-Абдаллахъ, приведеннаго въ книгѣ Г. С. Саблукова „Свѣдѣнія о Коранѣ“ стр. 190. Помѣщенное здѣсь описаніе производитъ впечатлѣніе грубыхъ басенъ, обращающихся среди простого народа, вродѣ „Завѣщанія пророка“ и т. п.

Не всѣ народы подчиняются Его единству. Онъ—земля и небо.
У него 1001 имя и имена эти извѣстны людямъ міра; Онъ останется и тогда, когда міръ исчезнетъ.

Знай, что у него 99 свойствъ, одно изъ нихъ, что Онъ—Богъ.
Онъ создалъ небо висящимъ безъ опоръ въ воздухѣ и солнце и луну.

Онъ землю безъ веревокъ связалъ поясами. Онъ великая вода.
Онъ создалъ невѣрныхъ обреченными въ адъ. Онъ—всесильный, живой.

А мусульманъ сотворилъ ищущими рая, 1000 душъ Ему въ жертву.

Онъ показалъ свѣтъ Моисею на горѣ Синай. Онъ милостивый, милосердный.

Онъ показалъ милость и блескъ свѣта. Это посохъ и бѣлое пятно на рукѣ*).

Я произнесилъ много славословій пророку о единствѣ Божіемъ. Этому священному существу.

Ангелы протирали свои глаза пылью оттиснутаго слѣда его ноги. И этотъ прахъ былъ для нихъ сюрьюмоу.

143.

Онъ проѣхалъ верхомъ по 9 небесамъ, этотъ царь царей.

Его имя упоминается въ Тауратѣ, въ Забурѣ**).

И въ ясномъ Фурканѣ (Коранѣ).

Въ ночь восхожденія на небо (миграджъ) кто былъ его скороходомъ?

Это Гавріилъ, сохраняющій тайны.

Онъ сѣлъ на *Борака****) и поѣхалъ съ земли на небо.

Онъ другъ Божій.

При восхожденіи на небо встрѣтился человѣкъ, державшій кубокъ и чашу.

Это была вода вѣчности.

Когда прибыли на 2-е небо, Гавріилъ сказалъ:

Теперь я не могу итти дальше.

*) Въ знакъ милости Богъ вручилъ Моисею чудотворный посохъ, а на рукѣ Моисея остался отпечатокъ луча свѣта, исходившаго отъ Бога (байта). Пятно это враги пророка принимали за слѣды проказы.

**) Книги Моисея и псалмы Давида.

***) Аль-Боракъ (молнія) имя лошади, на которой, по преданію, Мухаммадъ совершилъ свое ночное путешествіе на небо и которую Ангелъ Гавріилъ по повелѣнію Божію доставилъ для этой поѣздки Мухаммаду.

Это напитокъ Истины тебѣ, о душа Мухаммада.
Подошелъ Михаилъ и взялъ поводья.
Онъ—милость Божія.
Онъ держалъ еще чашу съ чѣмъ-то свѣтлымъ и яснымъ.
Это отъ Истины тебѣ напитокъ.
Это вода вѣчности.
Достигнувъ третьяго неба, спросилъ его смущенный Михаилъ
Теперь мнѣ дальше итти нельзя, о Ходжа міра!
Близко Великій тронъ.
Держалъ кубокъ и чашу напитка подающій воду.
Одинъ неизвѣстный другъ
Взялъ въ руки и посмотрѣлъ этотъ Ходжа неба.
Пей, это лѣкарство.
Пришелъ еще Исафилъ*) и взялъ поводья.
Тысячу разъ онъ былъ радъ.
Еще принесъ чашу напитка любви, успокаивающаго душу.
Это была вода скоропреходящаго.
Достигнувъ четвертаго неба, Мухаммадъ сказалъ:
Я безпріютный, нищій.

144.

Пусть придетъ Исафилъ, владыка трубы.
Этотъ духъ, не обладающій вѣчностью,
Еще держалъ чашу, полную краснаго вина,
Этотъ ароматъ любви.
Ты мгновенно овладѣлъ знаніемъ.
Это вода ясная, прозрачная.
На четвертомъ небѣ встрѣтился Іисусъ.
Они вступили въ бесѣду.
Мухаммадъ желалъ облобызать его ноги.
Онъ—наставникъ молитвъ.
Послѣ того, какъ они прошли, встрѣтилъ ихъ ангелъ сада.
Онъ былъ очень страшенъ.
У него было 70 рукъ и 7 головъ.
Онъ—боль и страданіе.
Азраиль сталъ его спутникомъ и пошелъ съ нимъ**)

*) Вѣстникъ приближенія страшнаго суда, по звуку его трубы мертвые востанутъ изъ гробовъ.

**) Азраиль—ангелъ смерти, онъ находится на 3-мъ небѣ и непрестанно вписываетъ въ книгу имена тѣхъ, кто долженъ родиться и вычеркиваетъ имена тѣхъ, кто уже прожилъ назначенное ему время, а потому они, какъ только стирается ихъ имя,—умираютъ. (Сабл. стр. 197).

На пятое небо.

Если теперь мнѣ нѣтъ позволенія итти дальше, что я буду дѣлать?

Это воздушный тронъ.

Пошли дальше и приблизились къ занавѣси Рафъ-Рафъ.

(Послышался ея голосъ): приди и сядь на меня верхомъ.

Онъ сѣлъ и занавѣсь поднялась съ нимъ на воздухъ.

Это предразсвѣтный вѣтерокъ.

Прибывъ на седьмое небо, Мухаммадъ сказалъ:

Это странное мѣсто надежды.

Онъ пришелъ и увидѣлъ, что свѣтъ сталъ передъ нимъ.

Это былъ свѣтъ ясный.

Передъ нимъ его встрѣтилъ страшный левъ.

Его глаза налиты кровью.

Отъ его страшнаго вида дрожать земля и небо.

Это былъ левъ Божій.

Собираясь броситься на Мухаммада, онъ открылъ пасть.

Этотъ другъ Божій.

Снявъ съ пальца кольцо, Мухаммадъ бросилъ его въ пасть льва, это навѣрно была милостыня.

145.

Послышался голосъ: миръ вамъ, о другъ мой!

Милость тебѣ награда.

Возлюбленный и возлюбленная открыли другъ другу тайны.

Это мѣсто въ воздухъ.

Ему подали хлѣбъ съ изюмомъ и молочную рисовую кашу.

Спутникъ сказалъ мнѣ.

Сейчасъ же изъ-за занавѣси показалась рука и на ней кольцо.

Это великая тайна.

Изъ-за занавѣси послышался голосъ: подайте въ подарокъ моему другу одежду съ головы до ногъ

И бѣлую чалму.

Подали одежду на прекрасной бѣлой подкладкѣ.

Это сказанное на небѣ слово.

Пришелъ Хазретъ, этотъ священный царь.

Онъ—вѣнецъ надежды.

Попрошавшись, онъ направился назадъ отъ Истины.

Этотъ Ходжа міра.

Еще не успѣла простыть его постель и полотенце было еще сырое.

Онъ достигшій высокой степени пророчества.

Одѣвъ эту одежду, онъ вышелъ на молитву во время восхода солнца.

Обладатель вѣчнаго потомства.

Онъ разсказалъ обстоятельства своего ночного путешествія на небо и люди были поражены.

Онъ разсказалъ о мечети Акса*).

Всѣ сподвижники, собравшись, плакали.

Онъ мѣсяцъ молитвы.

Всѣ люди потеряли присутствіе духа

И лишились сознанія.

Всѣ рыдали, ахали и вздыхали.

Груди всѣхъ ихъ были изранены.

Неправда, сказалъ одинъ человѣкъ, отступникъ**),

Это черное лицо***).

Онъ подвергся проклятію, подобно Абу-Джаглю.

Это несомнѣнный невѣрный.

Онъ не повѣрилъ пророку, этому царю міра, эта хитрая собака.

146.

Онъ сказалъ: Мухаммадъ разсказалъ это невѣрно. Это явная ошибка съ его стороны.

*) Мечеть Акса это тоже, что بیت (Байтъ-уль-маамуръ), „домъ посѣщенія“, или „домъ поклоненія“, на седьмомъ небѣ, прямо надъ Каабой. Во время миграджа Мухаммадъ молился въ ней, при чемъ занималъ мѣсто имама.

**) По болѣе достовѣрнымъ мусульманскимъ источникамъ, усумнился въ справедливости разсказа Мухаммада о его ночномъ путешествіи на небо Абу-джаглю, извѣстный противникъ Мухаммада, а отступниками или „Хавариджъ“ мусульмане называютъ сторонниковъ Язида, овладѣвшаго халифатомъ послѣ Али. Язидъ послѣ смерти Али отправился въ Сирію и тамъ принялъ на себя главенство надъ всѣми послѣдователями ислама, провозгласивъ себя халифомъ. Всѣ ему присягнули, только жители гор. Куфы не согласились и рѣшили пригласить изъ Медины сына Али-Хусейна. Тотъ съ 40 родственниками отправился въ Куфу, но тамъ нашелся предатель, который и сообщилъ Язиду о намѣреніи Хусейна. Язидъ написалъ начальнику Куфы, что онъ долженъ прислать ему голову Хусейна, если самъ хочетъ остаться на мѣстѣ. Недоходя Куфы, на мѣстности Кербала, начальникъ Куфы встрѣтилъ Хусейна съ войскомъ и предложилъ ему присягнуть Язиду. чего Хусейнъ не исполнилъ, за что и былъ убитъ. Голову Хусейна отправили Язиду. Второй сынъ Али-Хасанъ умеръ отъ отравы, данной ему женой. Смерть Хасана и Хусейна и пререканія изъ-за имамата послужили поводомъ къ расколу въ исламѣ, раздѣлившимся на двѣ секты—шіитовъ и суннитовъ.

***) Подъ словами „черное лицо“ подразумѣвается грѣшникъ. Только лица праведниковъ во время страшнаго суда будутъ свѣтлы.

Онъ пришелъ послѣ этого домой, видить—жена его сѣть муку. Сказала она мужу:

Поди на рѣку и принеси воды скорѣе, а то котель кипить ключемъ.

Онъ отправился на берегъ рѣки и увидѣлъ еврея.

Онъ почерпнулъ воды въ сосудъ изъ *тыквы-горлянки* *).

Поставивъ сосудъ на берегъ, онъ самъ погрузился въ воду рѣки, потому что было жарко.

Приблизился къ нему еще одинъ невѣрный на верблюдѣ, перевозчикъ тяжестей, говоря: я тебя возьму.

Посмотрѣлъ онъ на себя и видить, что выглядить онъ бѣднякомъ уничтоженнымъ, ни на что не похожимъ.

Взялъ его этотъ верблюдоватый и обратилъ въ женщину на 10 лѣтъ. Пять человекъ дѣтей онъ имѣлъ отъ этой жены.

Наконецъ она пришла на берегъ той же рѣки купаться, это черное лицо.

Она снова погрузилась въ воду, окунулась трижды и вышла эта хитрая невѣрная.

И тогда онъ, снова обратившись въ самого себя, увидѣлъ все въ томъ же положеніи, какъ было. Онъ—утонувшій въ грѣхахъ.

Онъ взялъ сосудъ изъ тыквы съ водой и пошелъ домой. Онъ вошелъ въ домъ.

Поставилъ сосудъ и увидѣлъ жену попрежнему сѣющею муку.

Сказалъ онъ женѣ: закуй въ цѣпи мои руки, я утопаю въ грѣхахъ.

Я не повѣрилъ истинѣ, а теперь для меня все стало ясно. Это безстыдство, это срамъ!

Еврей пошелъ къ пророку и раскаялся. Сто разъ плакалъ передъ нимъ.

Я сталъ твоимъ послѣдователемъ, о Ходжа хакановъ, Богъ мнѣ свидѣтель!

Я вернулъся съ прежняго пути, о владыка міра, это мѣсто вѣчное.

Я влюбленный, ты возлюбленная, о Ходжа Султановъ. Я раскаялся.

Ты Ляйли, я Маджнунъ, о Ходжа міра, это милость, исполненіе обѣщанія.

*) *Lagenaria vulgaris Seringe.*

Сказали Абубекръ, Умаръ, Хазретъ Усманъ: будьте милостивы, о души.

Я пришелъ къ вашему порогу и сталъ мусульманиномъ. Этотъ человѣкъ безъ головы и ногъ.

И потомокъ Мухаммада, извѣстный міру Машрабъ. И тотъ вашъ подданный.

Короче, Хазретъ Ша Машрабъ достигъ Индустана и пришелъ къ Ходжа Падшамъ Сахыбъ-Кырану, палъ къ благословеннымъ ногамъ его и въ теченіе трехъ лѣтъ подавалъ воду для омовенія Хазрету Падша. Однажды Хазретъ Ша Машрабъ пришелъ въ мечеть, гдѣ совершали пятничное богослуженіе и увидѣлъ, что имамъ, войдя на мимбаръ, говорилъ наставленіе прихожанамъ о томъ, что все сдѣланное ими изъ того, что дозволено, зачтется имъ въ награду, а за все, что они сдѣлаютъ изъ запрещеннаго религіей, они понесутъ наказаніе. Услышавъ это, Ша Машрабъ прочелъ слѣдующій стихъ:

Если ты поднимешь покрывало, можетъ быть, я хотѣлъ бы увидѣть твое лицо.

Если ты блеснешь лучами твоей красоты, то я желалъ бы упиться твоей прелестью.

Люди, смотря на кыблу, произносятъ: Великій Владыка.

Принимая тебя за постъ и молитву, я желалъ бы поклониться тебѣ въ землю*).

Сказавъ эти слова, Ша Машрабъ ударилъ имама набалдашникомъ своего посоха и самъ, взойдя на мимбаръ, принялся поучать народъ. Рѣчь его была такъ увлекательна, что всѣ прихожане пришли въ восторженное состояніе, какъ бы опьянѣли. Ша Машрабъ наконецъ произнесъ слѣдующій стихъ:

Я пришелъ и буду спорить до тѣхъ поръ, пока не водворю здѣсь любовь.

Пока весь народъ не сдѣлается безумнымъ, пьянымъ, восторженнымъ.

Каждое мгновеніе я произношу слова его, опьянѣвшій я пришелъ къ его порогу.

*) Здѣсь, очевидно, Машрабъ выражаетъ протестъ противъ чисто формальнаго отношенія мусульманскихъ законниковъ къ вопросамъ религіи, что совершенно не согласуется съ возвышенными взглядами на вѣру и отношеніе къ Богу послѣдователей суфійскаго ученія, отрицающихъ важность и спасительность для человѣка исполненія по наружности религіозныхъ обрядовъ, когда обрядовая сторона ставится на первое мѣсто и человѣкъ не проникаетъ восторженнымъ стремленіемъ къ Богу

Не удивительно, если, увидѣвъ его лицо, я совершу преступленіе и возмущеніе.

Отъ любви души моей я не отрекюсь, потому что я вижу въ любви исполненіе моихъ желаній.

Каждый мигъ, какъ соловей, я буду подбирать все лучшія и лучшія слова.

Сегодня я въ восторгѣ отъ него и готовъ совершить преступленіе и возмущеніе.

Если ему угоднѣе будетъ моя любовь, я готовъ пожертвовать для него своей головой.

Открыли дверь виноторговли; меня приглашаютъ туда.

Мнѣ дають пить изъ чаши любви, и я становлюсь восторженнымъ, упоеннымъ.

Если я расскажу о томъ, какъ горитъ моя печень, я зажгу весь міръ.

Если бы весь міръ представлялъ изъ себя море, то все равно я открылъ бы все море въ рѣчахъ своихъ.

Машрабъ, ты пришелъ изъ моря, изъ волнъ морскихъ.

Прочитавъ этотъ мунаджатъ, Ша Машрабъ пошелъ къ Ходжа-падшамъ Сахыбъ-Кырану. Тотъ соизволилъ по царски похвалить Машраба: «о, Машрабъ, ты поступилъ, какъ Рустемъ^{*)}». «О Ходжа Падшамъ», сказалъ Ша Машрабъ: «я вашъ рабъ, я готовъ вамъ пожертвовать собой. Если бы у меня былъ такой наставникъ, какъ вы, то я, если Богъ Всевышній позволить, не боялся бы страшнаго суда», и онъ прочелъ слѣдующую газаль:

Я готовъ для тебя пожертвовать собой, о владычица души, открой свое лицо!

Если ты желаешь взять мою душу, то безъ размышленія обнажай свое оружіе.

Когда я пожелалъ обладать твоимъ станомъ и лицомъ—сердце мое облилось кровью.

Покажись мнѣ, о цвѣтокъ пальмы, хотя бы для того, чтобы пить эту кровь.

Твой станъ и два локона твоихъ сравниваютъ съ душой.

Какъ $\text{ع}^{\text{و}}\text{ا}$ открой родинку на твоёмъ лицѣ^{**)}.

^{*)} Рустемъ, одинъ изъ героевъ персидской эпической поэмы Шахъ намэ фир-дауси, отличался непомерной силой и храбростью.

^{**)} Приведенныя буквы вмѣстѣ составляютъ слово $\text{ع}^{\text{و}}\text{ا}$ душа, о которомъ говорится въ предыдущемъ стихѣ.

Ничего нѣтъ удивительнаго, если въ одномъ и томъ же году родится два праздничныхъ мѣсяца Рамазанъ.

Открой родившіяся въ одинъ мѣсяць двѣ молодыя луны твои*).

Я спросилъ свое сердце, довольно ли оно,—«какъ отъ вина, довольно», отвѣтило оно.

Какъ вино для моего сердца, открой ты свои рубиновыя губки.

Короче, о появленіи Ша Машраба въ Индустанѣ освѣдомился Абуль-Газы ханъ. Узнавъ, что изъ области Ферганы пришелъ удивительный каляндаръ съ огненнымъ дыханіемъ, скрывающій свою святость подъ личиною юродства, Абуль-газы ханъ послалъ за нимъ своего человѣка. Посланный, придя къ Машрабу, сказалъ: «о Машрабъ! тебя зоветъ царь». Услышавъ эти слова, Машрабъ тотчасъ спросилъ: «А кто такой названный тобою Абуль-Газы?» Объ этихъ словахъ Машраба посланный, возвратившись, доложилъ Абуль-Газы хану. Тотъ разсердился и сказалъ: «о, ученые и царедворцы, я потомокъ Тимура; какъ слѣдуетъ наказать человѣка, не исполняющаго приказанія владыки ислама?» Ученые отвѣтили, что такой человѣкъ долженъ быть казненъ черезъ растоптаніе слонами. Царь приказалъ собраться всему народу и, когда сошлись всѣ люди, привели Ша Машраба. Хазретъ Ходжа Падша съ царскимъ величіемъ сказалъ: «Машрабъ—мой левъ и никакой слонъ не сравнится съ нимъ въ силѣ». У Абуль-Газы былъ слонъ по прозвищу Махмуди и царь приказалъ его привести. Семь-восемь индусовъ съ желѣзными крючьями въ рукахъ привели слона и онъ уже собирався уничтожить Машраба, какъ вдругъ Машрабъ, произнесъ «Богъ великъ!», ударилъ слона ногой въ конецъ хобота и слонъ тотчасъ же убѣжалъ безъ оглядки и больше не подходилъ къ Машрабу. Ша Машрабъ захромалъ на ту ногу, которою ударилъ слона и произнесъ слѣдующую газаль:

Когда я ударилъ (слона) ногой, у меня сломался суставъ.

Въ Индустанѣ я—хромой Тимуръ въ своихъ владѣніяхъ.

150.

Послѣ этого царь, видя такое состояніе Машраба, пригласилъ его въ свой дворецъ, приказалъ подать ему семь блюдъ, наполненныхъ золотыми монетами и сказалъ: «о, господинъ, царь мой, я

*) Подъ словомъ „хиляль“—только-что появившіяся послѣ новолунія мѣсяць—подразумѣваются въ данномъ случаѣ брови красавицы.

виноватъ передъ вами, я не распозналъ вашей святости» и плакалъ сто тысячъ разъ, произнося извиненія. Ша Машрабъ произнесъ слѣдующіе стихи:

Ряди несравненнаго кумира я сдѣлался безпріютнымъ влюбленнымъ, скитающимся отъ двери къ двери.

Придя къ двери своей возлюбленной, громко рыдая,

Вздыхая съ вечера до утра, я сдѣлался безсознательнымъ словесемъ.

Возмѣтившійся въ день сотворенія духовъ съ душой въ тѣлѣ.

Во время признанія Бога словами «о, Боже!» я сталъ Давидомъ псалмопѣвцемъ.

Кто ты? милостивый ли ко мнѣ мѣсяцъ, или ты царь неба?

Я, поставившій землю и небо, я—звѣзда и луна.

Я влюбленный, знающій слова и умѣющій читать Хидая*).

Я прославляющійся въ дѣлѣ любви извѣстный Машрабъ.

Прочитавъ, эту газаль, Ша Машрабъ толкнулъ ногой поднесенное ему золото и рассыпалъ его. У Абуль-Газы былъ одинъ врагъ «сіяхъ-пушъ**), который постоянно съ нимъ воевалъ. У самого же Абуль-Газы былъ сынъ, прославленный богатырь. Каждый разъ, какъ онъ вступалъ въ бой, онъ не прекращалъ битвы до тѣхъ поръ, пока у него не истощались всѣ стрѣлы, а сердце царя обливалось кровью, пока сынъ его не возвращался съ поля

*) Буквально „аль-хидая“ значить проводникъ. Такое заглавіе носятъ многія арабскія сочиненія по философіи и богословію. Наиболѣе популярное сочиненіе подъ заглавіемъ „Хидая“ (руководство къ частностямъ) написано шейхомъ Бурханъ-Эддинъ-Али, родившимся въ Маргеланѣ, Ферганской области, въ 530 г. хиджры (1152 г. по Р. Х.) и умершимъ въ 591 г. хиджры. Хидая представляетъ экстрактъ изъ множества наиболѣе одобряемыхъ сочиненій первыхъ авторовъ, писавшихъ о мусульманскомъ правѣ, при чемъ экстрактъ этотъ изложенъ въ видѣ правильного трактата, хотя порядокъ отличается нѣкоторою отрывочностью. Книга переведена послѣдовательно съ арабскаго на персидскій и англійскій языки, а съ послѣдняго переводъ сдѣланъ на русскій въ 1893 г. подъ ред. Н. И. Гродекова. Хидая въ русск. перев. стр. 25.

**) Буквально значить: черный плащъ. Такъ называютъ всѣ жители Индіи, Персіи и Туркестана памирскихъ горцевъ, прибавляя еще къ этому слову „кафиръ“, такъ какъ люди эти вовсе ни во что не вѣруютъ. Ни одинъ пророкъ не просвѣтилъ ихъ и даже языческой религіи у нихъ, по мнѣнію мусульманъ, нѣтъ. Есть преданіе что Али, приведя въ мусульманство жителей Рошана и Шугнана, встрѣтился и съ „сіяхъ пушами“, но не обратилъ ихъ въ исламъ, а только своимъ мечемъ ранилъ одного изъ нихъ и предрекъ ему, что онъ умретъ, когда заживетъ его рана. Чтобы не умереть, раненый не даетъ заживать ранѣ и живетъ доселѣ. Сарты вѣрятъ, что и всѣ сіяхъ-пуши живутъ 200 и болѣе лѣтъ.

сраженія. Абуль-Газы привелъ этого сына своего къ Машрабу и сказалъ: «каждый разъ, какъ этотъ юноша принимаетъ участіе въ войнѣ за вѣру, я страшно за него беспокоюсь, пока не увижу его возвратившимся благополучно; я у вашей милости прошу для него вашей спасительной молитвы». «Если такъ, то прикажите принести бумагу, перо и чернильницу», отвѣчалъ Ша Машрабъ.

151.

Принесли письменный приборъ и Ша Машрабъ написалъ на клочкѣ бумаги трижды слово «Машрабъ». Царь взялъ въ руки бумагу, посмотрѣлъ и, не найдя въ надписи какого-либо стиха корана, или преданія о случаѣ изъ жизни пророка, сказалъ, обращаясь къ Машрабу: «о, господинъ, царь мой, я просилъ васъ помолиться о сохраненіи жизни моего сына, а вы только трижды написали здѣсь ваше имя». «О неискренній, о невѣрующій», воскликнулъ Машрабъ: «прикажите принести сюда курицу». Принесли курицу и, по приказанію Машраба, бумажку, съ трижды написаннымъ именемъ его, привязали на шею курицѣ. Трижды пускали въ курицу стрѣлы, но никакого вреда ей не причинили: стрѣлы попадали въ курицу, но тотчасъ же падали на землю, нисколько не ранивъ курицу. Увидѣвъ ясно это чудо, снова поднесли Машрабу семь блюдъ, наполненныхъ золотомъ, а кромѣ того, собрали музыкантовъ и привели разодѣтаго плясуна—индуса. Они думали этимъ доставить удовольствіе Машрабу и разсчитывали, что онъ, оставшись доволенъ, обнаружитъ еще свою святость. Плясунъ подошелъ къ Машрабу и тотъ замѣтилъ, что на плечахъ и щиколоткахъ плясуна привязаны бубенчики. По поводу красоты плясуна, Ша Машрабъ произнесъ слѣдующіе стихи:

О, бутонъ твоихъ рубиновыхъ губокъ обнаруживаетъ красоту въ разныхъ видахъ.

О, чистое молодое фруктовое дерево, украшеніе сада, полного распустившихся цвѣтовъ.

Ты мнѣ очень понравился, о, сладкорѣчивый владыка души.

Ты смѣешься «ха! ха! ха!», что можетъ быть удивительнѣе этого; что предъ этимъ и страшный судъ?

О, сколько бы не причинялъ мнѣ мученій мой кумиръ, душа моя испытываетъ только наслажденіе.

* * *

Что это за родинка, появившаяся въ углу губъ.

Глаза ея горять, чтобы взять мою душу.

152.

Индусъ-плясунъ занялъ мѣсто Соломона.

Онъ, какъ Іосифъ, сынъ Іакова, спустился въ темницу.

О, сколько бы не причинялъ мнѣ мученій мой кумиръ, душа моя испытываетъ только наслажденіе.

* * *

На страницѣ твоего лица написанъ хать-и-абджадъ*).

Улыбнись мнѣ, пусть это будетъ хорошо или дурно.

Твоя походка изящна и красива.

О, сколько бы не причинилъ мнѣ мученій мой кумиръ, душа моя испытываетъ только наслажденіе.

* * *

О, бутонъ! твоя беззаботность выше всякаго описанія.

Слухъ о твоей красотѣ прошелъ по всему міру.

По цвѣтнику твоего лица начертаны узоры изъ тюльпановъ.

Устраивающій предопредѣленіе тебя создалъ красавицей.

О, сколько бы не причинялъ мнѣ мученій мой кумиръ, душа моя испытываетъ только наслажденіе

Произнеся этотъ мунаджатъ, Ша Машрабъ направился въ Бухару, куда и пришелъ. Въ одномъ мѣстѣ онъ увидѣлъ входъ въ домъ и спросилъ своего спутника, что это за дверь. «О, господинъ, нашъ царь, это домъ Хазрета Накшбанда**»), отвѣчалъ спутникъ и Ша Машрабъ произнесъ слѣдующій мунаджатъ:

*) Слова сирійскія, означаютъ въ переводѣ на арабскій: „виновность Адама стала несомнѣнна“. Есть преданіе, что нѣкто Марамиръ впервые изобрѣлъ искусство письма и слова, входящія въ составъ „абджада“ слова—имена его 8-ми сыновей. Отвлеченно, называютъ и Бога Марамыри—Хақыки, потому что онъ написалъ на лицѣ человѣка для его украшенія, какъ слова абджада, брови, рѣсницы, глаза, ротъ и пр., безъ чего человѣкъ былъ бы безобразенъ. Тутъ и говорится про украшенія, данныя Богомъ лицу красавицы, взглянувъ на которое съ вождельніемъ, человѣкъ становится грѣшникомъ. Вѣдь, у мусульманъ запрещается чужому человѣку смотрѣть на женщину, кромѣ родственницъ его (Гыясъ-уль-лугатъ 11).

**) Накшбандъ, наставникъ Амира Тимура, собственно его имя Мухаммадъ сынъ Мухаммада-бухари, а прозвище Багауддинъ. Накшбандомъ его звали потому, что все, что дѣлается на свѣтѣ, какъ говорятъ, вырѣзано было въ его душѣ, какъ надписи на золотой печати и находясь въ Бухарѣ, онъ зналъ все, что дѣлалось въ то время въ другихъ, самыхъ отдаленныхъ городахъ. Посвященіе получилъ отъ святаго Миръ Саидъ Куляля, извѣстнаго святаго. Существуетъ много преданій о чудесахъ Багауддина Накшбанда, воскрешеніе мертвыхъ, прекращеніе мановеніемъ руки

Бухару можно называть Бухарой.

Весну можно назвать зимой.

Если бъ не было въ Бухарѣ Багауддина,

То Бухару можно бы назвать Фарангистаномъ, или мѣстомъ пребыванія невѣрныхъ.

153.

Ша Машрабъ вошелъ въ домъ для поклоненія и только ко времени намаза хуфтанъ*) вышелъ отъ Багауддина и вошелъ въ Бухару. Онъ сказалъ своему спутнику: «о, Пирмасть, приготовь келью и спи въ ней эту ночь, а я пойду въ мечеть благочестивыхъ». Въ Бухарѣ былъ кварталъ Барсу и тамъ была мечеть. Ша Машрабъ подошелъ къ мечети какъ разъ въ то время, когда только что кончили молитву хуфтанъ и прихожане выходили изъ мечети. Суфи уже запиралъ двери мечети. «О, суфи, не запирай дверей», сказалъ Машрабъ: «я путникъ, а пророкъ Божій сказалъ: путникъ все равно, что слѣпецъ, я хочу на эту ночь пріютиться въ мечети».

Суфи, видя передъ собой удивительнаго каляндара, вручилъ Ша Машрабу ключи отъ мечети и тотъ вошелъ въ нее. Здѣсь онъ увидѣлъ, что по полу разостланы подстилки для молитвы, онъ вбилъ колъ въ михрабъ и привязалъ своего осла въ срединѣ мих-

154.

раба, а самъ легъ у мимбара. На разсвѣтѣ суфи вошелъ въ мечеть и услышалъ въ мечети громкій ревъ осла. Суфи удивился; онъ зажегъ свѣтильникъ и увидѣлъ привязаннаго въ михрабѣ бѣлаго осла. Суфи вскричалъ: «о, Боже! какой-то врагъ привязалъ осла къ михрабу!» и, взявъ свой посохъ, ударилъ имъ осла, который убѣжалъ. Суфи, замѣтивъ, что оселъ въ недоузdkѣ и былъ привязанъ на цѣпи, вывелъ его изъ мечети и привязалъ его къ абрикосовому дереву. Снова войдя въ мечеть, суфи увидѣлъ передъ собой каляндара страшной наружности, румянаго лицомъ, со сросшимися бровями надъ большими глазами, волосы его въ беспорядкѣ прядями спускались до пояса. Каляндаръ лежалъ въ одномъ изъ угловъ мечети. «О, каляндаръ, встань, что ты за человѣкъ», сказалъ суфи: «встань, пришло время молитвы». Трижды снѣ просилъ ле-

пожара, требованіе отъ Каабы золота для продовольствія бѣдныхъ въ Меккѣ и т. п. Багауддинъ—основатель суфійскаго ордена Накшбандія—хуфія. Могила его въ Бухарѣ; умеръ онъ въ 792 г. хиджры. Могила находится въ мѣстности Касри Арифонъ, близъ Бухары.

*) Хуфтанъ послѣдняя вечерняя молитва мусульманъ, около 9 ч вечера.

жавшаго поднять голову, но Машрабъ все лежалъ, не поднимая головы. Суфи разсердился и ударилъ его 5—6 разъ своимъ посохомъ, но Машрабъ все-таки не поднималъ головы. Наконецъ, суфи сказалъ: «что ты за каляндаръ, пришло время исполнить одну изъ обязанностей религіи», но Машрабъ все-таки не подавалъ голоса. Тогда Суфи вскричалъ: «ради Бога, подними голову!» и Машрабъ тогда поднималъ голову. Суфи увидѣлъ передъ собою опьянѣвшаго влюбленнаго, изъ глазъ его ручьемъ текли слезы... Суфи сказалъ: «о, каляндаръ, мнѣ по душѣ, что ты плачешь, но зачѣмъ ты привязалъ твоего осла въ михрабъ?» «Вы, сами, двухкопеечные калоши ваши, чтобы не унесъ ихъ воръ, не ставите позади себя,

155.

а молитесь, поставивъ ихъ передъ собою; я этого осла купилъ за 3 рубля, развѣ моего осла тоже не можетъ украсть воръ?» «Ну, а если оселъ мой пришелъ къ михрабу, то это онъ сдѣлалъ, какъ скотъ, по незнанію». Суфи такъ разговаривалъ съ Ша Машрабомъ, но въ это время въ мечеть вошелъ имамъ и, такъ какъ прихожане уже были готовы, то стали читать суннатъ*) молитвы бамдадъ. По окончаніи, суфи сталъ повторять такбиръ (Аллаху акбаръ!), а имамъ погрузился въ чтеніе корана. Ша Машрабъ во время молитвы отошелъ въ уголъ мечети, завернулся въ свой плащъ и присѣлъ на корточкахъ. Имамъ читалъ первую главу корана «фатиха» и когда онъ дошелъ до стиха 5-го «веди насъ прямымъ путемъ», Ша Машрабъ вдругъ закрывалъ: «джо! джо!**)», потому что имамъ въ это время думалъ о находившемся у него дома теленкѣ, какъ бы онъ не высосалъ корову, если онъ слабо привязанъ. Имамъ, окончивъ намазъ, прочиталъ всю главу Ясинъ (36), взялъ въ руку свой посохъ и сказалъ: «о, каляндаръ, развѣ ты не боишься Бога, что, вмѣсто исполненія намаза, сидишь на корточкахъ въ углу мечети». «Я потому и сижу скорчившись, что я боюсь Бога», отвѣчалъ Машрабъ: «лучше не молиться совсѣмъ, чѣмъ молиться такъ, какъ ты молился. Вѣдь, во время молитвы ты все время думалъ, не высосалъ ли твой теленокъ корову». Имамъ устыдился и разсердился, онъ тотчасъ же послалъ къ Мавляна-Шарифу***) и суфи, придя къ нему,

*) Первая утренняя молитва „бамдадъ“, какъ и прочія, дѣлится на 2 отдѣла: *суннатъ* и *фарзъ*. Первая часть исполняется по преданію отъ Мухаммада (суннатъ) вторая же составляетъ личную религіозную обязанность каждого мусульманина (фарзъ).

**) Такъ сарты зовутъ телятъ, когда хотятъ ихъ собрать къ себѣ.

***) Профессоръ мадраса Кукальдашъ въ Бухарѣ.

сказалъ: «о, господинъ! какой-то каляндаръ пришелъ въ мечеть, привязалъ своего осла въ михрабъ, а самъ, гдѣ лежитъ, тамъ и исполняетъ свои естественныя нужды». Мавляна-Шарифъ приказалъ: не причиняя никакихъ непріятностей каляндару, привести его къ нему. Всѣ ученики Мавляна-Шарифа, придя въ мечеть, замѣтили,

156.

что Машрабъ испражнился на томъ мѣстѣ, гдѣ самъ лежитъ и, обратившись къ нему, сказали: «о, каляндаръ! что ты сдѣлалъ?» «Я хорошо сдѣлалъ», отвѣчалъ Машрабъ и спросилъ муллъ: «какъ вы называете этотъ домъ?» «Мы зовемъ этотъ домъ домомъ Всевышняго Бога», отвѣчали муллы. «О, заблуждающіеся, вы сами грѣшники, потому что, не спрашивая позволенія хозяина, вы испражняетесь на землѣ, принадлежащей человѣку на правѣ полной собственности», сказалъ Машрабъ*). Муллы сказали: «вставай, тебя зоветъ Мавляна-Шарифъ». Ша Машрабъ спросилъ: «а гдѣ Мавляна?» «Онъ находится въ мадраса Кукальданигъ, гдѣ онъ теперь читаетъ лекцію ученикамъ, пришедшимъ къ нему изъ семи уѣздовъ Бухары». «Если такъ, то ведите меня къ ахуну, я долженъ подчиниться рѣшенію, которое онъ постановитъ согласно шаріата». Ша Машрабъ всталъ съ мѣста и когда муллы посмотрѣли, они не нашли подъ нимъ ни твердыхъ, ни жидкихъ испражнений. Ша Машрабъ сказалъ: «о, друзья, у меня есть до васъ просьба: найдите мнѣ моего осла, я сяду на него и поѣду верхомъ». Муллы привели Машрабу его осла и Ша Машрабъ прочелъ слѣдующую газаль:

Со времени сотворенія духовъ до конца міра душа моя не избавится отъ любви.

Мое сердце изранено страданіями моей души.

Я думаю только о свиданіи съ тобой, но боюсь, что не найду тебя.

Хотя, можетъ быть, и добьюсь свиданія по молитвѣ совершеннаго наставника.

О, мой кумиръ, услышь мою мольбу непременно, сердце мое и печень изжарились.

Мои соперники радуются, видя жестокость ко мнѣ моей возлюбленной.

О, мой кумиръ, безъ тебя мнѣ трудно жить въ этомъ мірѣ.

*) Въ этомъ мѣстѣ, повидимому, пропускъ, такъ какъ Машрабъ не объяснилъ до конца своей мысли, почему же онъ правъ, избравъ для исполненія естественныхъ потребностей мечеть.

Приди, Маджнунъ, откажемся отъ остальной нашей жизни.

Моя душа разстроена, нѣтъ человѣка, которому я могъ бы по-
вѣдать мою тайну.

Кости мои, произнося возгласы опьяненія, рыдаютъ отъ вздо-
ховъ моего сердца.

157.

Сегодня моя возлюбленная сказала мнѣ: «ты увидишь друга
въ послѣдній день».

Поэтому-то я и отказался отъ остальной моей жизни.

О, Боже! ради Мустафы не ввергни меня въ огонь любви

Избавится ли душа моя отъ страданій этой любви?

Если я выйду въ день страшнаго суда, рыдая о твоей любви,

Сгорятъ отъ рыданій Машраба и мусульмане и невѣрные.

Ша Машрабъ, сѣвъ на осла задомъ напередъ, отправился къ
Мавляна-Шарифу и по дорогѣ произнесъ слѣдующій мунаджатъ:

Приди, о владычица души, я подробно расскажу тебѣ о моей
разлукѣ съ тобой.

Можетъ быть, мнѣ удется возбудить въ душѣ твоей милость
и дружбу.

Я отрекся отъ всего мнѣ дорогаго и только о тебѣ одной думаю.

Этого, кромѣ тебя, никто не знаетъ, но ты сама была причиной
нашей разлуки.

Я не промѣняю ни на тронъ Соломона, ни на чашу Джам-
шида*),

Взятую мной въ руки деревянную чашку нищеты.

Клянусь Богомъ, что для меня не существуетъ никого, кромѣ
тебя.

Исполненіе обѣщаній своихъ ты оставила для другихъ, а мнѣ
причиняешь только огорченія.

*) У мифическаго царя Джамшида, отличавшагося колоссальнымъ богатствомъ, по преданію, была драгоцѣнная чаша, которая, будучи наполнена виномъ, не пустѣла, сколько бы изъ нея не пили. Когда виномъ обносили гостей отъ правой руки къ лѣвой, то стоило только начать угощеніе въ обратномъ порядкѣ и чаша теряла свое чудесное свойство, она опорожнялась, какъ и всякая другая. По другому преданію, чаша была сдѣлана для Джамшида ученымъ Ариста-талисъ (должно быть Аристотель) и отличалась тѣмъ чудеснымъ свойствомъ, что, глядя въ чашу, Джамшидъ могъ ясно видѣть, что въ данное время дѣлается въ другихъ, весьма отдаленныхъ отъ него государствахъ и потому, благодаря чашѣ, былъ застрахованъ отъ всякихъ неожиданнхъ нападеній враговъ.

О, благочестивый, твои наставленія ты обрати сегодня къ миру.

Я не видѣлъ во всемъ мірѣ другого человѣка, который какъ ты, такъ явно, на глазахъ у всѣхъ исполнялъ бы религіозныя обрядности.

О, каменно-сердная владычица души, не причиняй мнѣ огорченій, не будь ко мнѣ жестокой.

О, возлюбленная, у кого ты научилась такъ измѣнять своимъ обѣщаніямъ?

Я много согрѣшилъ, о Владыка, но теперь я пришелъ къ Твоему порогу.

Въ мои уши проникъ голосъ, что простилъ Онъ всѣ мои грѣхи.

Приди, Машрабъ, хотя ты не исполнялъ обрядовъ, но не страшись своихъ грѣховъ.

Если проститъ Саттаръ*), то онъ проститъ всѣ твои безчисленныя прегрѣшенія.

Прочтя этотъ мунаджатъ, Машрабъ двигался дальше, какъ вдругъ одинъ изъ муллъ подошелъ къ нему и ударилъ его кулакомъ. «О, курильщикъ опія, каляндаръ», сказалъ мулла при этомъ: «ты поступаешь противъ шаріата, садясь на осла задомъ напередъ». «За мной идетъ столько муллъ, я счелъ нужнымъ сѣсть на осла задомъ напередъ, чтобы не быть къ нимъ невѣжливымъ», отвѣчалъ Машрабъ.

158.

Услышавъ эту рѣчь, муллы сказали: «этотъ каляндаръ изъ числа друзей нашихъ. Если мы приведемъ его къ ахуну, онъ намъ слова не дастъ сказать» и они высказали Машрабу свое восхищеніе. Привели Ша Машраба въ мадраса. Здѣсь онъ увидѣлъ 500—600 муллъ, которые сидѣли передъ ахуномъ и слушали лекцію. Произнесъ привѣтствіе, Машрабъ подошелъ и сѣлъ рядомъ съ ахуномъ и прочелъ слѣдующую газаль:

Во время сотворенія духовъ сказавшій «Я Богъ!» создалъ меня, я—любовь, сохраняющая свѣтъ Божій.

Въ кубкѣ моей любви всегда есть вино изъ крови Мансура.

Ночь, горя, освѣщаетъ дымъ свѣтильника моихъ вздоховъ.

Солнце послѣдняго дня укорить звѣзда моей любви.

Я не надѣюсь на свое невѣріе, не уповаю на исламъ,

*) Саттаръ, одно изъ прекрасныхъ именъ Божіихъ, буквально означаетъ покрывающій (отъ грѣховъ).

Я не различаю Каабы отъ идольскаго капища, потому что я идолопоклонникъ любви*).

Въ степи—я вздохъ Маджнуна, въ морѣ—я слеза Фархада

Нѣтъ другого такого юродиваго, какъ я; я—влюбленный въ моря и суши.

Я посыпаю солью свои раны, мои вздохи сопровождаются искрами.

У меня въ распоряженіи только товары горя и страданій, я торговецъ любви.

Я пророкъ несбыточныхъ желаній, я юродивый Машрабъ.

Послѣдній день моей любви сдѣлается заступникомъ за всѣхъ, подверженныхъ безумію.

Послѣ этого муллы возмутились, какъ смѣлъ Машрабъ счесть себя выше ихъ учителя Мавляна Шарифа и сѣсть рядомъ съ нимъ. Они разсердились на Машраба, но Мавляна-Шарифъ тайными очами увидѣлъ, что Машрабъ тайный святой, скрывающій подъ личиною юродства свою святость. Высоко-безкорыстный сказалъ: «не приставайте къ нему, онъ знающій истинный путь мистическаго ученія». Муллы сказали: «о, господинъ, этотъ каляндаръ привязалъ осла къ михрабу». Ахунъ, чтобы доставить удовольствіе мулламъ, спросилъ: «о, дивана! что они говорятъ?» «Они сами поставили осла къ михрабу вмѣсто имама; о, это вѣрно», сказалъ Машрабъ: «они свои

159.

пріобрѣтенныя за 2 копейки калоши, чтобы кто-нибудь ихъ не унесъ,—не ставятъ позади себя, а поставивъ передъ собой, молятся; а я купилъ своего осла за 3 рубля, развѣ его тоже не можетъ кто-нибудь увести?» Ахунъ, услышавъ эти слова, пришелъ въ восторгъ и сказалъ: «о, каляндаръ! вотъ область Бухара, добро пожаловать!» Затѣмъ онъ спросилъ: «о, каляндаръ! кѣмъ ты былъ раньше?» «Осломъ», отвѣчалъ Машрабъ. «А потомъ кѣмъ ты сталъ», спросилъ Ахунъ. «Я сталъ конемъ», отвѣтилъ Машрабъ. «А потомъ кѣмъ ты сдѣлался», спросилъ Мавляна-Шарифъ. «А потомъ я сталъ верблюдомъ», отвѣтилъ Машрабъ. Мавляна-Шарифъ сказалъ: «о, люди! о народъ Бухары! знайте, что этотъ каляндаръ пришелъ отъ Ходжа Падшамъ, извинитесь передъ нимъ». Всѣ, вставъ съ мѣста,

*) Этими подобными выраженіями Машрабъ хочетъ пояснить, что его восторженное стремленіе къ Богу не укладывается ни въ какія рамки извѣстныхъ религій и потому онъ совершенно свободенъ отъ религіозной нетерпимости, свойственной мусульманамъ.

принесли извиненія. Послѣ этого Ша Машрабъ прочелъ слѣдующій мухаммасть:

Мадраса*) Кукальдашъ для меня мѣсто развлечения.

Это великое мѣсто для меня—мѣсто уединенія.

Мои вздохи и раскаяніе служатъ для сохраненія моего благополучія.

Нить твоей любви—милость для меня,

Она—мой постъ, моя молитва, мое государство.

* *

Бирюзовый сводъ неба имѣетъ голубой цвѣтъ.

И до скончанія вѣка цвѣтъ его не измѣнится, потому что онъ исполнилъ повелѣнія Владыки міра.

А Абу-Лагабъ**) не исполнилъ приказанія и потому сдѣлался жителемъ ада.

По своему невѣжеству каждый глупецъ не можетъ достать изъ моря жемчужину.

Ахъ! что со мной будетъ въ день страшнаго суда!

* *

Родомъ изъ арабовъ Саидъ, указывающій путь людямъ.

Не повѣрили этому руководителю по истинному пути только подобные скотамъ.

Каждый, кто его позналъ, готовъ пожертвовать ему свою душу.

Безъ тебя по ночамъ мнѣ приходится только охать и вздыхать.

160.

Обрушившіяся на мою голову бѣды—это для меня счастье.

* *

*) Мадраса Кукальдашъ въ Бухарѣ (есть такое и въ старомъ Ташкентѣ) построена нѣкимъ Куль-баба, названо такъ потому, что строитель былъ молочный братъ хана (Кукальдашъ). Кука въ Бухарѣ называютъ кормилицу (инага), *дишъ* прибавляется для обозначенія общаго дѣйствія (кормленія), какъ юлдашъ—спутникъ, карындашъ—родственникъ.

**) Абу-Лагабъ, или „отецъ пламени“, или „пылкій“—прозваніе дяди Мухаммада; настоящее имя ему Абду-ль-Узза. Онъ былъ жестокимъ врагомъ своему племяннику (Коранъ III). Вся глава III-я посвящена перечисленію грозящихъ Абу-Лагабу наказаній: „Да погибнуть руки у Абу-Лагаба, да погибнетъ онъ! Ему не принесетъ пользы имущество его и что приобрѣлъ онъ, непременно будетъ горѣть онъ въ пламенѣющемъ огнѣ, а его жена будетъ носить дрова для него. На шеѣ у нея будетъ вервь изъ пальмовыхъ волоконъ“.

Онъ былъ царь—птица верхняго неба Ходжа Хидаятъ.
Онъ былъ покровителемъ бѣдныхъ и больныхъ,
Для бѣдныхъ вдовъ онъ былъ наслажденіемъ души.
Онъ былъ сѣнью милости надъ головами людей всего міра.
Ушелъ этотъ изящный, станомъ напоминавшій пальму, онъ
оказывалъ мнѣ милость.

* *

Хазретъ Афакъ-Ходжа былъ моимъ наставникомъ,
Онъ не уподобилъ мое дѣло восходу солнца, и дѣло мое оста-
лось не выясненнымъ.

Я не могъ побороть моихъ страстей и потому не достигъ
исполненія моихъ желаній.

Я тебѣ говорю: «уничтожься, забудь свои желанія, Машрабъ!»
Этотъ, прибывшій на конѣ, царь—мой руководитель.

* *

Я каляндаръ, ищущій красоту моей возлюбленной.

Я—каляндаръ, отрекшійся отъ міра, ищущій.

Если бы отъ Бога пришло мнѣ повелѣніе: «подними голову
изъ могилы!»,

Я обернулъ бы свой саванъ вокругъ шеи, ищущій каляндаръ.

Отъ головы до ногъ я весь—токъ огня.

Я—каляндаръ на каждомъ мѣстѣ, разводящій по костру.

Уйдетъ Машрабъ изъ этого міра, оросивъ свой саванъ своею
кровью.

Я—каляндаръ, желающій окрасить своей кровью гор. Балхъ.

Окончивъ стихи, Ша Машрабъ сказалъ: «господинъ мой, я
желалъ поклониться вамъ, но узналъ, что здѣсь есть «благочести-
вые» и потому разрѣшите мнѣ удалиться, я имѣю намѣреніе уйти
отсюда»*)

*) Отмѣтивъ кавычками слово „благочестивые“, переводчикъ имѣлъ въ виду
обратить вниманіе читателя на ироническій смыслъ, придаваемый авторомъ этому
слову. Неоднократно въ стихахъ и рѣчахъ Машраба встрѣчается слово „захидъ“,
которое слѣдовало бы перевести словомъ „благочестивый“, между тѣмъ какъ по
смыслу Машрабъ этимъ терминомъ имѣлъ въ виду обозначить религіозныхъ форма-
листовъ, ханжей, фанатиковъ точнаго исполненія обрядностей (таатъ), въ ущербъ
сущности религіи, что какъ разъ противоположно религіознымъ взглядамъ Машраба,
постоянно проповѣдывавшаго, что главная цѣль—это достиженіе религіознаго экста-
за, какъ средства приближенія къ Богу, „свиданія съ красавицей“, какъ образно
представляетъ это понятіе авторъ въ своихъ газаляхъ.

У насъ нѣтъ другого дѣла, кромѣ любви.

Мы не носимъ другой тяжести, кромѣ вьюка осужденія.

Продавъ душу, мы покупаемъ за нее страданія, но за то на нашемъ торгу нѣтъ страданій для души.

Мавляна-Шарифъ сказалъ: «очень было бы хорошо, если бы вы у насъ погостили еще 5—6 дней». «Въ такомъ случаѣ разрѣшите мнѣ слушать ваши лекціи», отвѣчалъ Машрабъ и произнесъ слѣдующую газаль:

161.

Мать абджада, моей любви, стала здѣсь моимъ учителемъ,

Здѣсь ноль на моемъ «Лаухъ» показался мнѣ единицей.

Здѣсь различаютъ брамина, язычника и христіанина.

Волна моря смысла вспѣнилась, какъ во время потопа.

Сюда достигли искры изъ моря пламени.

Какъ молнія, проходитъ жизнь черезъ зданіе этого тѣла,

Я, Машрабъ, ничего не знаю о томъ, какъ я сотворенъ.

Сказавъ эти слова, Ша Машрабъ подъ руководствомъ Мавляна-Шарифа принялся за ученіе «Мушкатъ-и-шарифъ»^{*)}.

Ежедневно, прочитавъ одинъ листъ изъ «Мушката», Ша Машрабъ входилъ въ свою келью и здѣсь, разрѣзавъ выученный листъ ножницами на мелкія части, клалъ ихъ въ трубку кальяна и курилъ, глотая дымъ. Муллы, замѣтивъ это, доложили Мавляна-Шарифу и онъ сказалъ Машрабу: «о, Машрабъ, зачѣмъ вы изученный вами урокъ вмѣсто того, чтобы повторять его, кладете въ кальянъ и сжигаете?» «Кое-что изъ прочитаннаго не удерживается въ моей памяти», отвѣчалъ Машрабъ: «и вотъ чтобы написанное на бумагѣ не улетучивалось, я все и проглатываю въ видѣ дыма, запечатлѣваю въ своей душѣ».

«Разрѣшите мнѣ изложить стихами содержаніе корана», продолжалъ Машрабъ. «Никто изъ людей до сихъ поръ не могъ изложить стихами содержаніе корана», отвѣчалъ Мавляна-Шарифъ: «Если вы сдѣлаете это, то это будетъ неуваженіе къ корану и вы въ этомъ будете виноваты». «Ну, я думалъ, что вы умный человекъ, а вы, оказывается, тоже сухой благочестивый», возразилъ Машрабъ. Послѣ этого Ша Машрабъ вышелъ на Ригистанъ^{**)} Бухары.

^{*)} Мушкатъ—заглавіе книги, посвященной преданіямъ о рѣчахъ, сказанныхъ при жизни Мухаммадомъ. Въ 1019 году хиджры написалъ Мавляви Абдуль-хаккъ, сынъ Сайфиддина изъ Дели; авторъ по происхожденію—уроженецъ Бухары. Онъ собственно перевелъ съ арабскаго преданія и изложилъ правила зякета, рузы и хаджа.

^{**)} Центральная площадь въ Бухарѣ.

На Ригистанѣ Машраба остановилъ какой-то каляндаръ и спросилъ о его имени*). Ша Машрабъ сказалъ:

«Меня зовутъ Машрабъ». «А какое значеніе имѣетъ слово
162.

Машрабъ», спросилъ каляндаръ. «Каждому, кто будетъ моимъ спутникомъ, я всегда готовъ оказать всякую помощь, я въ каждомъ котлѣ вскипаю, вотъ почему я назвался Машрабомъ», отвѣчалъ Машрабъ.

«А ваше имя?» въ свою очередь спросилъ Машрабъ каляндара. «Мое имя—Панжадъ-маны», отвѣчалъ каляндаръ.

«Діаволь однажды сказалъ: «я» и за это ярмо проклятія опустилось на его шею, а ты носишь на себѣ 500 «я», поэтому слѣдуетъ избѣгать тебя», сказалъ Машрабъ и пошелъ дальше. Идя такъ, Машрабъ достигъ городского квартала, гдѣ жили «агача**). Онъ вошелъ въ одинъ изъ постоялыхъ дворовъ и увидѣлъ танецъ «агача». «Вотъ каковъ долженъ быть страшный судъ», подумалъ Машрабъ: «хоть бы до самаго страшнаго суда такъ танцевать» и, приказавъ «агача» продолжать танецъ, самъ произнесъ слѣдующій мунаджатъ Творцу міра: «о, Боже! ко всѣмъ ты милостивъ, только меня Ты обрекъ на нескончаемыя страданія» и затѣмъ прочелъ слѣдующій мунаджатъ:

Съ лаской приди ко мнѣ, я готовъ пожертвовать тебѣ мою душу.

Совсѣмъ сгорѣло мое сердце, ахъ, что мнѣ дѣлать? я уничтоженъ.

Я молю, о мой кумиръ, чтобы этотъ день для меня былъ послѣднимъ днемъ.

Всѣмъ ты оказываешь милость, только на мою долю выпали эти нескончаемыя страданія.

Въ душѣ моей вспыхнула любовь, у кого мнѣ просить спасительной молитвы?

Всякій достигнетъ исполненія желаній, если изберегъ себѣ наставника, указывающаго истинный путь.

Скончался одинокій заброшенный Маджнунъ, а Ляйли въ горѣ и не знала объ этомъ.

*) Далѣе слѣдуетъ почти дословно повтореніе сцены на берегу моря, при встрѣчѣ съ Пансадъ-Маны.

**) Подъ именемъ „агача“ извѣстны бѣдныя женщины, по преимуществу переселившіяся изъ Кашгара, занимающіяся продажей въ разность по домамъ дешевыхъ женскихъ украшеній и косметиковъ.

Тоска овладѣла ея сердцемъ, она сторѣла въ страданіяхъ.

Безъ времени подулъ осенній вѣтеръ, онъ ударилъ въ мою жизнь, что мнѣ дѣлать?

Раскаявшись, я не устыдился Тебя, о, Боже Великій!

Нетерпѣливый въ любви Машрабъ, разспрашивая всѣхъ, нашелъ, наконецъ, наставника.

Положилъ голову къ его порогу и понялъ все.

Короче, Ша Машрабъ читалъ этотъ мунаджатъ, а въ это время въ народѣ между жителями Бухары распространился слухъ о его появленіи.

163.

Абдулла-ханъ*), узнавъ, что въ Бухару пришелъ одинъ каляндаръ съ пламеннымъ дыханіемъ, пожелалъ его видѣть и послалъ за нимъ челоуѣка, чтобы пригласить его къ себѣ. Ша Машрабъ по дорогѣ во дворецъ прочелъ слѣдующій мунаджатъ:

Музыка аргунунъ**) играетъ: изъ устъ владычицы души слышится пріятный голосъ.

Когда поймешь вкусъ въ любви, приходитъ на умъ произнесеніе именъ Божіихъ и повтореніе ихъ про себя.

Если ты будешь искать корень любви,—оставь, брось сначала все мірское.

Надѣнь плащъ нишаго и ходи отъ двери къ двери.

Кому, о друзья, расскажу я о страданіяхъ, испытываемыхъ мною въ разлукѣ?

Если я не буду рыдать о состояніи, въ которомъ нахожусь, кто подастъ мнѣ лѣкарство отъ моихъ страданій?

Отъ моихъ вздоховъ въ послѣдній день сгоритъ все, даже семь ярусовъ ада.

Послѣ этого вздохи мои сожгутъ Аршъ и все, что находится выше его.

*) Абдулла ханъ, сынъ Искандаръ хана (940 хиджры род.). Достигнувъ 38 лѣтъ, вступилъ на престолъ Бухары. Царствовалъ 28 лѣтъ. Овладѣлъ Ферганой и частью Персіи. Этотъ эмиръ осуществилъ 1001 благотворительное дѣло—построилъ въ стѣняхъ постоянные дворы, вырылъ колодцы, построилъ мадраса и проч. Жилъ всего 66 лѣтъ. Умеръ въ понедѣльникъ 2 раджаба 1006 г. хиджры (Мунтахабъ-уль теварихъ).

**) Древній музыкальный инструментъ, впервые сдѣланный по преданію Платономъ изъ тыквы горлянки. Онъ срѣзалъ половину тыквы вдоль, покрылъ отверстіе кожей и натянулъ струны изъ кишекъ. Теперь такого инструмента у музыкантовъ не существуетъ, но идея устройства во многихъ инструментахъ (мандолина) заимствована. (Гыясъ-уль-лугатъ стр. 20).

О, тварь, полная грѣховъ, встань на восходѣ солнца и плачь.

Въ честь твоихъ слезъ ежедневно тысячу разъ послышится
голосъ Бога.

Я, Машрабъ, мессія послѣдователей пророка, полюбилъ бѣдн-
ковъ.

Бѣдность я поставилъ цѣлью своихъ желаній и достигъ истины
и чистоты.

Короче, Амиръ Абдулла-ханъ, выйдя навстрѣчу Машрабу, ввелъ
его въ свой дворецъ и указалъ ему мѣсто на два человѣка ниже
себя. Постлали рядами парчу и Ша Машрабъ, взобравшись на по-
душки, легъ и помочился. Всѣ присутствующіе удивились, а ханъ
сказалъ своему визирю: «спроси его, зачѣмъ онъ такъ поступаетъ».
«Господинъ Машрабъ», сказалъ визирь: «эту подушку мы положили,
чтобы выразить вамъ свое уваженіе, а вы на нее помочились». «На
такой почетъ и надо мочиться: что же лучше было бы, если бы,
вмѣсто подушки, помочился на тебя, вѣдь, и тебя и меня Богъ
создалъ изъ праха и потому, если вмѣсто того, чтобы помочиться

164.

на землю, запачкалась моей мочей твоя старая тряпка, то это ни-
чуть не важно», отвѣтилъ Машрабъ. Въ эту минуту Абдулла-ханъ
былъ пораженъ и скорѣе велѣлъ поднести Машрабу семь блю-
довъ, наполненныхъ золотомъ. По поводу золота Машрабъ прочелъ слѣ-
дующую газаль:

Отъ факела разлуки съ тобой я, какъ огонь, поднимаю голову.

Какъ алмазъ, я уничтожилъ сводъ неба.

Предо мною сводъ неба не крѣче сухой травы.

Какъ китъ, я опустился на дно морское.

Я потерялъ въ то время сознаніе, я ушелъ изъ этого низкаго
міра.

Отъ вѣчнаго рая до Курси я все обошелъ и осмотрѣлъ.

Я пришелъ къ подножію Курси и увидѣлъ, что въ раю нахо-
дятся гуріи.

Я не сталъ говорить съ гуріями, а заговорилъ съ ангелами.

Я опустился на дно морское и увидѣлъ невѣсть во время
цвѣтенія цвѣтовъ.

Я обратился въ опьянѣвшаго соловья и обошелъ кругомъ садъ,
наполненный распустившимися цвѣтами.

Юродивый Машрабъ, я обезумѣлъ отъ чаръ моего друга.

Собравъ этотъ низкій міръ, я щелкнулъ отъ себя ногтемъ.

Окончивъ эти стихи, Машрабъ, произнеся «Богъ Великъ!», толкнулъ ногой поднесенное ему золото и оно разсыпалось по землѣ. Ша Машрабъ послѣ этого, произнеся «Онъ», направился далѣе, но Абдулла-ханъ со словами «о, господинъ, о царь мой» упалъ ему въ ноги. «Развѣ я несчастный, что вы не приняли моего подарка», сказалъ онъ Машрабу.

«Развѣ вамъ неизвѣстно, что я поднесъ вамъ это золото изъ казны, доставшейся мнѣ по наслѣдству отъ Амира Тимура, справедливо мнѣ принадлежащей», и Абдулла-ханъ заплакалъ. Тогда Машрабъ сказалъ: «о, Абдулла-ханъ! я считалъ себя каляндаромъ, ногой оттолкнувшимъ все мірское, но самъ себѣ я не вѣрилъ и просилъ Бога, чтобы Онъ доставилъ мнѣ возможность, далъ силу оттолкнуть поганое богатство въ томъ случаѣ, когда оно будетъ поднесено мнѣ справедливымъ государемъ».

165.

«Слава Богу, случилось, что такой какъ, ты, справедливый государь приготовилъ мерзость, называемую богатствомъ, и велѣлъ мнѣ подать, а я нашелъ въ себѣ силу оттолкнуть его», сказалъ Машрабъ. Тогда Абдулла-ханъ приказалъ принести два золотыхъ пояса и подалъ Машрабу. Ша Машрабъ заткнулъ одинъ конецъ перваго золотого пояса за свой поясъ, а другой конецъ бросилъ тащиться по землѣ. Другой золотой поясъ онъ разорвалъ по срединѣ, на-вернулъ на ноги и, пройдя по грязи, пошелъ по направленію къ Балху и по дорогѣ произносилъ слѣдующій мунаджатъ:

И я тюльпанъ Мединской степи.

На моей душѣ есть царапина желанія побывать въ Мединѣ.

У меня никогда не было желанія любоваться цвѣтами или по-пасть въ рай.

Съ меня довольно и пѣнія Мединскаго пѣтуха*).

Мы называемъ кругосвѣтнымъ путешественникомъ

Того, кто вступилъ на путь къ Мединѣ.

Райское дерево Туби**), которое вершиной своей касается Арша, Не больше какъ вѣтка на деревьяхъ Медины.

*) Вѣря, что на небесахъ есть пѣтухъ, постоянно возглашающій славу Богу, мусульмане придаютъ мистическое значеніе и пѣнію земныхъ пѣтуховъ, считая, что имъ дано будить вѣрующихъ къ молитвѣ рано утромъ. Утреннее пѣніе пѣтуховъ на землѣ, вѣрятъ мусульмане, совпадаетъ съ пѣніемъ небеснаго пѣтуха.

**) Дерево Туби растетъ въ раю и распространяетъ ароматъ. Вѣтви дерева расположены такъ, что концы ихъ входятъ внутрь каждой изъ райскихъ обителей, гдѣ будутъ блаженствовать вѣрующіе.

Для птицъ моей души нѣтъ насѣста,
Кромѣ достигающей неба зубцовъ Мединской стѣны.
Въ морѣ повелѣній Божиихъ нѣтъ перламутровой раковины,
Нѣтъ чистѣйшей жемчужины, какъ единственная Медина.
Она—халва, приготовленная изъ леденца, она—доставленный
изъ Египта финикъ.

Четками для ангеловъ служатъ косточки финиковъ Медины.
Кто изъ людей въ мірѣ видѣлъ еще подобный Мединѣ городъ?
Всѣ, кто видѣлъ Медину, стали ея сынами.

Иди къ Мединѣ на головѣ*), чтобы найти вѣру.

Всѣ, отъ мала—до велика, посѣщаютъ Медину ради вѣры.

Взгляни на букву *ر*, входящую въ составъ слова «Медина»,
какова она.

Собственно слово это должно было означать вѣру, только съ
прибавленіемъ *о* и *ر* оно стало Мединой**).

И водой рѣки Каусаръ не интересуются жаждущіе душой.

Если кто изъ нихъ выпилъ одну чашку воды отъ Мединскаго
водоноса,

166.

Пусть земля Медины сдѣлается мѣстомъ успокоенія для такого
человѣка.

Кромѣ вершины Арша и Медины, нѣтъ другихъ одинаково
спасительныхъ мѣстъ.

Пѣсни птицъ происходятъ отъ того, что онѣ опьянѣли, на-
пившись воды Земъ-Зема***).

*) Изъ уваженія къ священному мѣсту.

**) Слова „динъ“—вѣра и „Медина“ различаются только буквами *о* и *р*, кото-
рыхъ въ словѣ „динъ“ нѣтъ.

***) Земъ-земъ—источникъ вблизи Каабы, на базарѣ въ Меккѣ. Преданіе го-
воритъ, что Авраамъ, по требованію Сарры, изгналъ Агаръ съ младенцемъ—Исма-
иломъ и женщина съ ребенкомъ очутилась въ степи, гдѣ въ то время никто не
жилъ. День былъ жаркій; жажда томила; мать принялась искать воды и бѣжала
между горами Сафо и Марва, а ребенка положила на то мѣсто, гдѣ теперь источ-
никъ. Шесть разъ проходила Агаръ въ поискахъ воды мимо своего мальчика и
каждый разъ останавливалась, чтобы взглянуть, что съ нимъ. Наконецъ, въ 7-й
разъ Агаръ увидѣла около сына нѣсколько вороновъ. Мальчикъ плакалъ и билъ
ножками въ землю. Мать бросилась къ сыну и замѣтила, что изъ того мѣста, куда
онъ ударялъ ножками, выступила вода. Агаръ тотчасъ огородила новый источникъ
валикомъ земли, чтобы вода не растеклась и не пропала; она въ это время при-
говаривала: земъ, земъ, что значить—остановись.—(Гылясь-уль-луга-тъ ст. 197. Ра-
уззату-Сафо ст. 38).

До конца міра будутъ кружиться въ мистическомъ танцѣ бѣлыя кельи Медины.

Нечего говорить о богатствахъ Медины, достаточно сказать только, что пыль съ ея дорогъ

По цѣнѣ равна двумъ мірамъ, эта пыль съ дорогъ Медины.

Хазретъ Хызръ изъ чаши милости получилъ только одну каплю;

Онъ увидѣлъ только покрытыя зеленью мѣста Медины,

А верхъ ея мечети свѣтится, какъ сотня факеловъ.

Этотъ виднѣющійся надъ Мединной бирюзовый куполъ.

Всѣ страны свѣта сосредоточили свои взоры на его подножіи,

Покрытымъ покровомъ Медины, великаго Магди*).

Если они и лежатъ въ прахѣ, какъ заключенные,

Испившіе изъ чаши Медины, опьянѣвшіе, влюбленные,

Но у нихъ есть надежда на послѣдній день,

Когда они, поднявъ головы, возстанутъ изъ раскаленныхъ камней Медины.

Когда Ша Машрабъ окончилъ чтеніе этого мунаджата, восторгъ Абдулла-хана достигъ высшаго предѣла: онъ приказалъ тотчасъ же подать халатъ изъ шелковой матеріи кашгарскаго издѣлія, надѣлъ его на Машраба и сказалъ: «о, конюхи! приведите вороного аргмака, осѣдланнаго золотымъ сѣдломъ, и посадите на него Машраба». Привели коня и посадили на него Машраба. Абдулла-ханъ сказалъ тогда: «о, музыканты! играйте шадіана**») и они заиграли. Абдулла-ханъ самъ проводилъ Ша Машраба до Ригистана, гдѣ гу-

*) Мухаммадъ сказалъ: „къ концу міра вѣра моя придетъ въ упадокъ; люди отступятъ отъ истинной вѣры и впадутъ въ нечестіе. Тогда изъ моего потомства, изъ рода Фатимы, произойдетъ человѣкъ, которому при рожденіи нарекутъ имя Магди (указывающій правый путь). Этотъ человѣкъ направитъ заблудшихъ на истинный путь и сразится съ Даджалемъ (у насъ антихристъ). Самъ онъ не въ состояніи будетъ справиться съ Даджалемъ и будетъ молить Бога о помощи. Иисусъ Христосъ сойдетъ съ неба и убьетъ Даджала“. Таковъ—Магди, по преданію суннитовъ (Шархи Мавляви Абдуль-Хаккъ). У шиитовъ—другое преданіе. Они говорятъ, что въ 258 году хиджры, 23 мѣсяца Рамазана, жена Имама Аскара (внукъ Мухаммада) родила мальчика—его назвали Магди. Этотъ мальчикъ однажды наклонился къ источнику, упалъ въ него и исчезъ. Шииты вѣрятъ, что этотъ мальчикъ долженъ при концѣ міра сразиться съ Даджалемъ и побѣдить его. Поэтому шииты каждый день ставятъ около источника осѣдланную для Магди лошадь и, наклонившись къ источнику, гдѣ пропалъ мальчикъ, призываютъ „*Кумъ-я-Магди!*“, что значитъ „*вставай Магди!*“. Источникъ находится въ мѣстности Сырра-Манрахо, въ Персіи (Книга Мальхазульасбабъ ст. 92).

**) Шадіана—игра на музыкальныхъ инструментахъ (карнай, сурна, нагара) съ цѣлью объявить о какомъ-либо радостномъ событіи, напр., взятіе ханомъ какого нибудь города, восшествіе на престолъ и т. п. Это своего рода почетный встрѣчный

ляли въ это время бухарскіе саиды, ходжи и простонародье. Аргамакъ Ша Машраба шёлъ, играя, какъ птица. Самъ Ша Машрабъ пришёлъ въ очень хорошее настроеніе и произнесъ слѣдующій мунаджатъ:

167.

Пришёлъ рабъ Машрабъ, опьянѣвшій, беззаботный;
Свѣча веселаго собранія пришла въ виноторговлю, беззаботная;
Пришло мѣсто удовольствія, пришёлъ наставникъ продавца

вина,

Пришёлъ кипятящій корчаги съ виномъ въ подвалъ, гдѣ хранятся корчаги съ виномъ, беззаботный.

Я—рана, поражающая печень, ея вьюкъ—для меня сонъ.

Я въ игорномъ домѣ и въ виноторговлѣ—беззаботный;

Я—свѣча виночерпія, я—остатокъ вина на днѣ стакана,

Я турокъ, лицомъ похожій на калмыка, душенька, беззаботный;

Я сильно опьянѣвшій, жаждущій любви дервинъ съ достоинствами султана.

Отрекшійся отъ своей души, отрекшійся, беззаботный

Пришёлъ огонь маговъ, пришли ихъ цимбалы*).

Души рыдали, когда пришёлъ беззаботный Машрабъ.

Когда Ша Машрабъ окончилъ этотъ мунаджатъ, къ нему подошёлъ нищій бѣднякъ и, обратившись къ нему со словами «о, господинъ мой, о царь», произнесъ привѣтствіе. «О, бѣднякъ, поди сюда!» сказалъ Ша Машрабъ, и нищій подошёлъ къ нему ближе.— «Если мой поясъ упадетъ на землю», сказалъ Машрабъ: «твое счастье. Если бы я вздумалъ отдать тебѣ драгоценный поясъ своими руками, міръ, пожалуй, скажетъ, что Машрабъ руками коснулся богатства, держалъ его въ своихъ рукахъ, а пусть лучше поясъ мой упадетъ на землю, ты возьми его съ земли и будь благодаренъ землѣ». Машрабъ проѣхалъ еще 2 шага и поясъ его упалъ на землю съ

маршъ, или гимнъ. Теперь, когда для Туркестана прошли времена ханскихъ побѣдъ, „шадіана“ можно услышать съ городской стѣны при посѣщеніи города кѣмъ-либо изъ высшихъ начальствующихъ лицъ, а также на зарѣ въ день годовыхъ мусульманскихъ праздниковъ. Музыка возъбщаетъ въ эти дни время, когда мусульмане должны собираться въ соборныя мечети (Джамы) на утреннюю праздничную молитву. Большія трубы (карнай), въ шутку называемыя іерихонскими, ревутъ неистово, а „сурнай“ (гобой) и нагара (барабанъ) исполняютъ веселый мотивъ. Это—шадіана.

*) Въ текстѣ „чани“ кашгарскій и китайскій музыкальный инструментъ—ящикъ съ натянутыми на немъ металлическими струнами, по которымъ бьютъ молоточками. По звуку онъ напоминаетъ не то цитру, не то цимбалы.

его бедеръ. Ша Машрабъ слѣзъ съ аргамака и позвалъ своего слугу Сармаста.—«Что угодно царь?»--спросилъ слуга. Ша Машрабъ сказалъ: «принеси большой топоръ*) и этимъ топоромъ руби по ногамъ этой лошади». Присутствовавшіе бухарцы стали просить Машраба не губить такого хорошаго аргамака, стоящаго двѣсти тиллей**).—«Я только отъ дворца до Ригистана проѣхалъ на этой лошади»,—отвѣчалъ Машрабъ: «и за это время успѣлъ уже поза-

168.

быть Всевышняго Бога. Вотъ мнѣ и хочется воспрепятствовать тому, чтобы какой-нибудь другой рабъ могъ тоже, сѣвъ на эту лошадь, позабыть Всевышняго Бога. Поэтому-то я и приказалъ убить аргамака». Всѣ бухарцы, отъ мала— до велика, громко зарыдали, услышавъ эти слова, а Абдулла-ханъ послѣ этихъ словъ пришелъ къ Машрабу и выразилъ желаніе стать его муридомъ.—«Я не вправѣ сдѣлать тебя моимъ муридомъ, но будь мнѣ братомъ до послѣдняго дня», возразилъ Машрабъ. Абдулла-ханъ поднесъ Машрабу тысячу денегъ. Машрабъ взялъ себѣ одинъ диргемъ***) и засунулъ его подъ околышъ своей шапки, а остальные деньги потратилъ на дѣла благотворительности на пути Божіемъ. Ша Машрабъ пришелъ въ сильный экстазъ и изъ его устъ вылетѣло нехорошее слово. Слышавшіе его рѣчь ученые сочли его богоотступникомъ и, собравшись, порѣшили сжечь Машраба. Собрали дрова для того, чтобы сжечь его, и Машрабъ, взоидя на костеръ, произнесъ слѣдующій мухаммась:

Въ любви къ тебѣ не сгоритъ никто, прежде чѣмъ сдѣлается юродивымъ.

Никто не сгоритъ на твоей свѣчѣ, пока не обратится въ бабочку.

Пока человѣкъ не станетъ мужественнымъ, нечего ему пускаться въ этотъ путь.

Пока не приметъ осужденія на свою голову, пока не сдѣлается общимъ посмѣшищемъ.

Никто не пожелаетъ имѣть перламутровую раковину, если въ ней не содержится жемчужины.

* *

*) Въ текстѣ „пай-тиша“ поперечный топоръ туземныхъ плотниковъ на длинной рукояткѣ, которымъ можно тесать бревно, не нагибаясь.

**) Золотая монета стоимостью 3 р. 80 к.

***) Тенга и диргемъ—серебряная монета около 20 коп. нѣжною.

Безъ тебя, о возлюбленная, мнѣ не нужны оба міра;

Безъ тебя мнѣ не нужны ни тронъ, ни счастье Соломона.

Если бы, выпивъ воду Земъ-Зема, я могъ въ долготѣи сравниться съ Хызромъ, то и тогда мнѣ не нужна эта вода.

Помолись, чтобы я умеръ, безъ тебя мнѣ не нужна и эта жизнь.

Никто не въ состояніи отречься отъ души и тѣла, пока не станетъ отверженнымъ.

* *

169.

Твой Аршъ сгоритъ отъ моихъ вздоховъ, когда настанетъ страшный судъ.

Люди и ангелы задрожать и, рыдая, будутъ громко раскаиваться.

Изъ меня мой огонь выйдетъ искрами и никого не останется въ живыхъ.

Гуріи и гульманы твоего рая спросятъ: «чего это признаки?»

Не останется ни ангеловъ, ни ада—все сгоритъ.

* *

На мою голову пала любовь къ тебѣ—и я постоянно плачу. Сказавъ: «таково предопредѣленіе Божіе», я туго препоясалъ свои бедра.

Я узналъ отъ людей, что дѣло влюбленного тяжело;

Передъ огнемъ любви, о друзья, я испарапалъ свое сердце.

Не смилостивится надо мной моя возлюбленная, пока я не начну рыдать.

* *

Если хочешь быть влюбленнымъ, день и ночь жертвуй своей душой.

Скрывай въ своемъ тѣлѣ страданія любви и разлуки.

Увѣруй непремѣнно въ локоны язычницы.

Разлуку, страданія, стремленіе къ возлюбленной слѣлай постоянными своими гостями.

Къ твоей душѣ не привьется душа, пока не найдется душенька.

* *

Только ступивъ на путь любви, человѣкъ совершенно теряетъ стыдъ.

Пока онъ, какъ Адамъ, не оттолкнетъ ногой все мірское,
Пока онъ, свидѣвшись съ тобой, не лишитъ себя жизни
И, подчинившись предопредѣленію, не будетъ сгорать въ каждомъ огнѣ,

Не сдѣлавшись нищимъ, онъ не найдетъ свою возлюбленную.

* * *

Пей вино весной, упивайся скоропреходящимъ наслажденіемъ.
Виночерпій! подавай стаканъ, время собранія коротко.

Благочестивый говоритъ: «о, друзья, дорожите четками и исполненіемъ обрядностей».

А Машрабу дорого только то, что ежедневно его преслѣдуютъ несчастья.

Не увидишь лица возлюбленной, пока не сдѣлаешься притчей во языцѣхъ.

Сказавъ эти слова, Машрабъ, кружась, вышелъ изъ огня и ни одна нитка его дервишскаго плаща не сгорѣла. Бухарскіе законовѣды, видя это, были поражены.

170.

«Вы не поняли моихъ словъ и поэтому рѣшили, что я невѣрный»,—сказалъ Машрабъ. Улемы сказали: «о, господинъ, мы раскрываемся». И весь народъ пришелъ въ восторгъ, всѣ люди поняли, что Машрабъ, несомнѣнно, святой, только скрывающій свою святость. Весь народъ проникся искреннимъ къ нему уваженіемъ и Машрабъ, произнесъ «Суцій», направился къ кварталу Джуйбаръ и по дорогѣ произнесъ слѣдующій мунаджатъ:

Я хотѣлъ бы подружиться съ этой владычицей души, съ этой горной розой.

Если будетъ время пить вино, мнѣ хотѣлось бы выпить съ ней хоть одну каплю.

Рай гурій, гильмановъ, всѣ райскія зданія и навѣсы

Я продалъ бы за мелкую мѣдную монету, если бы нашелся покупатель.

Ляйли—это весь міръ, ея брови—это мракъ ночи.

Смотря на ея подобное мѣсяцу лицо, я желалъ бы опьянѣть и уйти.

Если благочестивый и осудитъ влюбленнаго на пути любви,

Я хотѣлъ бы одной стрѣлой ранить и свалить такого благочестиваго.

Адъ залитьъ слезами Машраба.

Мнѣ хотѣлось бы огнемъ твоей любви высунуть адъ.

Окончивъ этотъ мунаджать, Ша Машрабъ достигъ мадраса Кушбеги и замѣтилъ учителя, рассказывавшаго слушателямъ о мученіяхъ, испытываемыхъ человѣкомъ въ могилѣ. Ша Машрабъ сказалъ, обратившись къ учителю: «о, муллы, къ чему вы запугиваете такъ народъ? Развѣ не найдется семь подобныхъ мнѣ каляндарей съ открытымъ характеромъ, чтобы, загородивъ своимъ тѣломъ семь воротъ ада, стоять и никого туда не пускать?» Муллы, услышавъ эти слова, вскричали: «развѣ ты достигъ уже такой высокой степени святости?» и стали бить Машраба палками. «О, заблуждающіеся», сказалъ Машрабъ: «скажите вашему ахуну, что я хочу съ нимъ поговорить», а пока ахунъ вышелъ, Ша Машрабъ, намѣреваясь совершить одно изъ своихъ чудесъ, досталъ изъ-за

171.

пазухи глиняную чашку, влилъ въ нее пригоршню воды и, усѣвшись, сталъ растирать въ чашкѣ съ водой «пашу»*), а муллы, войдя въ это время къ своему ахуну, сказали ему: «о, господинъ! одинъ каляндаръ произносилъ слова, обнаруживающія его невѣріе, мы его стали бить палками, а онъ намъ сказалъ, что ему надо поговорить съ вами, требовалъ, чтобы мы васъ къ нему вызвали». Ахунъ вышелъ и увидѣлъ каляндара, растирающаго въ чашкѣ настойку наши**), и сказалъ ему: «о, каляндаръ, брось это испражненіе Фараона, не пачкай своихъ рукъ». Машрабъ сказалъ: «о, мулла! ты сталъ кяфиромъ». Ахундъ, обращаясь къ своимъ ученикамъ, сказалъ по-персидски: «бейте этого бѣдняка», а Ша Машрабъ спросилъ Ахунда: «чей ты послѣдователь?»—«Я послѣдователь Мухаммада», отвѣчалъ Ахундъ.—«Если ты послѣдователь Мухаммада, то развѣ пророкъ (миръ ему) носилъ шелковый халатъ? Пророкъ (миръ ему) всю жизнь прожилъ, не одѣвая ничего, кромѣ шерстяной одежды. Если ты послѣдователь Мухаммада, почему же ты въ точности не

*) Наппа (гашишъ)—масса, имѣющая одуряющія свойства, которую курятъ вмѣстѣ съ табакомъ изъ чилима (кальянъ). Для приготовленія наши берутъ часть цвѣтка бангъ—конопли (*Cannabini sativa*) и мелкіе листочки, окружающіе цвѣтокъ, и толкутъ ихъ въ ступкѣ съ небольшою примѣсью коноплянаго масла. (См. Каталогъ Турк. Отд. политехнической выставки 1872 г. въ Москвѣ стр. 22 № 1451).

**) Въ текстѣ „сабъ-абъ“, зеленая вода—принятый у индусовъ опьяняющій напитокъ, получающійся отъ раствора въ водѣ небольшого количества наши, простой народъ считаетъ нашу испражненіемъ Фараона египетскаго, преслѣдовавшаго Моисея.

слѣдуешь его примѣру: надѣтый на тебя халатъ—поганый». «Почему поганый?»—спросилъ Ахундъ.—«Потому, что въ надѣтомъ тобою халатѣ есть шелкъ*), онъ—поганый». «О, каляндаръ!» возразилъ Ахундъ: «хотя въ моемъ халатѣ и есть шелкъ, но, вѣдь, утокъ его изъ хлопка».—«И я тоже къ намѣ прибавилъ семь ложекъ воды», сказала Машрабъ:—«значить, смѣсь черезъ то стала дозволенной». Послѣ этого всѣ муллы во главѣ со своимъ Ахундомъ пали къ ногамъ Машраба, а онъ, придя въ состояніе восторга, произнесъ слѣдующій мунаджатъ:

Огня моихъ мученій не выдержалъ бы ни братъ, ни другъ.
Пожалуй, не выдержитъ отецъ, мать, сестра.

172.

Если бы хоть одна пылинка моихъ мученій повліяла бы на небо,

Высѣкши огонь, и свѣтлый кругъ**) не выдержалъ бы.

Если бы открытъ здѣсь жемчужины моихъ словъ,

Когда маклеръ опредѣлитъ ихъ цѣну, всѣ покупатели отступятся.

Если, отрекшись отъ своей души, я съ искренними намѣреніями выйду на путь истины,

То и каляндаръ не сможетъ быть мнѣ спутникомъ.

Если въ день суда мнѣ дадутъ въ руки листъ***)

И если я прочту его содержаніе, всѣ, собравшіеся на страшный судъ, не выдержатъ.

Если мои грѣхи положить на вѣсы дѣлъ человѣческихъ,

Увидѣвъ ихъ, не выдержатъ ни правовѣрные, ни неvěрные.

Если я въ качествѣ проповѣдника произнесу проповѣдь собравшемуся въ мечети народу,

То, услышавъ мою проповѣдь, и мечеть и мимбаръ не выдержатъ.

*) Носить шелковыя одежды воспрещено кораномъ, но мусульманскіе законники, не желая отказать себѣ въ удовольствіи пофрантить, давно уже объяснили, что запрещеніе это относится лишь до чисто шелковыхъ матерій и потому полушелковыя матеріи (адрысъ, бикасабъ, бинарасъ, атласъ и др.) въ большемъ ходу даже у мусульманскихъ фанатиковъ. Только наиболѣе убѣжденные послѣдователи суфизма не носятъ шелка, а одѣваются въ „малля тунъ“, халаты изъ туземнаго хлопка.

**) Небо, освѣщенное солнцемъ или звѣздами.

***) Очевидно, листъ изъ „нама-и-амаль“—книга, въ которую записываются всѣ дѣла людей и которая подлежитъ разсмотрѣнію на страшномъ судѣ, чтобы по свѣдѣніямъ этой книги возможно было отдѣлить праведниковъ отъ грѣшниковъ.

Краснорѣчиво сказалъ Машрабъ этотъ отвѣтъ.

Если кто-либо хорошо его продекламируетъ, и побѣдитель не выдержитъ

2-й.

Душа не въ состояніи переносить пламя свѣта твоего лица.

Сама вѣра не перенесетъ жестокости твоихъ невѣрныхъ глазъ.

Если кто вздумаетъ описать прелести твоихъ рубиновыхъ губокъ,

Не выдержитъ ни описывающій, ни само письмо.

Если подобная жасмину подруга моя станетъ кокетничать,

Ни умный, ни глупый, взглянувъ на нее, не выдержатъ.

Если бы изъ поглощенного мною міра другъ проглотилъ бы хоть одну каплю,

Не выдержалъ бы, будь онъ Дарій нашего времени, или Вамикъ*) міра.

Если она со своими прелестями пройдетъ мимо,

Никто не выдержитъ: ни гурін, ни пѣри, ни люди.

На пути Мухаммада по небу, во время *миграджа*, захромалъ Гавріиль**).

И съ помощью «рафъ-рафъ»***) пророкъ не выдержалъ бы.

173.

Окончивъ этотъ мунаджатъ, Ша Машрабъ направился въ кварталъ Ходжа Джуйбаръ и увидѣлъ, что у дверей одного ходжи народъ собрался и стоитъ толпой. Подойдя къ людямъ, Ша Машрабъ спросилъ, что за причина сборища. Люди отвѣтили, что одинъ ходжа зарылъ въ землю своего раба и жестоко наказываетъ.—«А послушаетъ ли меня ходжа, если я попрошу, чтобы онъ простилъ вину раба»,—спросилъ Машрабъ.—«Можетъ быть, если вы попросите за него, то и освободите его отъ мученій»,—отвѣчали собравшіеся. Ша Машрабъ подошелъ къ ходжѣ и сказалъ: «о, ходжа, что за преступленіе совершилъ этотъ рабъ, что вы такъ жестоко наказываете

*) Вамикъ—герой поэтического романа, любовникъ Узры, здѣсь имѣетъ то же значеніе, какъ Маджнунъ по отношенію къ Лейли и т. п. Вамикъ былъ любовникомъ Узры, а Узра была дѣвушка, непригодная къ дѣторожденію (душиза), вслѣдствіе неправильнаго строенія дѣтородныхъ частей. (Гыясъ-уль-лугатъ 382, 484).

**) Выраженіе „захромалъ“—образное, оно обозначаетъ, что дальше Гавріилу не дозволено было сопровождать Мухаммада на высшее небо.

***) Рафъ-рафъ нѣчто вродѣ ковра самолета, на которомъ въ концѣ своего путешествія по небу (миграджъ) Мухаммадъ приблизился къ престолу Божію.

его?» «Онъ совершилъ важное преступленіе», отвѣчалъ ходжа: «онъ уморилъ моего аргамака, стоившаго двѣсти тиллей, окормивъ его куринымъ пометомъ, поэтому я его такъ и наказываю».—«А у васъ, ходжа, есть отецъ?» спросилъ Ша Машрабъ. «Мой отецъ уже умеръ», отвѣчалъ ходжа.—«Чье же онъ съѣлъ испражненіе, что умеръ»,—спросилъ Машрабъ: «вѣдь аргамакъ вапъ, стоившій 200 тиллей, околѣлъ отъ того, что съѣлъ куриный пометъ». Послѣ этого Ша Машрабъ произнесъ слѣдующій мухаммась:

174.

Пусть не сохнутъ твои губы отъ недостатка упованія на море милосердія Божія.

Если ты куда-нибудь идешь, о почтенный, не оставляй своихъ желаній.

Ты идешь на службу къ лучшимъ людямъ—будь же теперь вѣжливъ.

Я боюсь, чтобы ты не уподобился Абу-джаглю и Абу Лахабу*).

Ты—сайдъ, ты—ходжа, но никогда не гордись своимъ происхожденіемъ.

* *

Иди, оцѣнивъ достоинства и недостатки этого дряхлаго міра.

Себя ты уподобь дорожной пыли и совершенно отрекись отъ всего мірскаго.

Ты—сайдъ, ты—ходжа, но никогда не гордись своимъ происхожденіемъ.

* *

Я потомокъ святого, учившаго не вступать на путь близкихъ къ сомнѣнію.

Пока глаза твои видятъ, ищи указателя прямого пути.

Гордость, это—тяжесть, не клади себѣ на шею этого ярма проклятія.

Отъ головы своей всегда удаляй этотъ сонъ, наводящій невѣдѣніе.

Ты—сайдъ, ты—ходжа, но никогда не гордись своимъ происхожденіемъ.

* *

*) Враги Мухаммада—изъ его родственниковъ, сомнѣвавшіеся въ его пророческомъ дарѣ и посланничествѣ.

Въ тысячѣ страданій послѣдняго дня заключается тысяча мученій для моей головы.

Ищи и добивайся указаній прямого пути—на дорогѣ всегда встрѣчаются сотни ужасовъ.

И послѣ того, какъ ты умрешь, тебѣ предстоитъ еще много новостей.

Поэтому, когда я думаю о страшномъ судѣ, печень моя тысячу разъ обливается кровью.

Ты—саидъ, ты—ходжа, но никогда не гордись своимъ происхожденіемъ.

* * *

Если ты пойдешь по пути, указываемому тебѣ страстями, ты упокоишься армянину.

Если ты подробно изслѣдуешь самого себя, то окажется, что ты самъ—врагъ себѣ.

Если голова твоя достигнетъ даже восьмого неба, ты будешь царемъ, не больше зерна проса (тарыкъ)*).

Если ты оглянешься на свое происхожденіе, то ты не больше какъ капля человѣческаго сѣмени.

Ты—саидъ, ты—ходжа, но никогда не гордись своимъ происхожденіемъ.

* * *

Гордость,—это свойство дьявола, не ходи по этому пути, о, непослушный!

У тебя борода уже посѣдѣла, какъ грива осла, а ты до сихъ поръ беззаботенъ.

Друзья уже ушли—не гордись своей наружностью, о, неповинующийся!

Запасись путевыми припасами, чтобы итти на страшный судъ, это необходимо, знай это.

Ты—саидъ, ты—ходжа, но не гордись никогда своимъ происхожденіемъ.

* * *

175.

Идя по пути страстей, не подвергай самъ себя огню.

Не грусти, придавая значеніе дня этому прошедшему дню.

*) *Panicum miliaceum*.

Ты пришелъ въ міръ траура и потому никогда не разставайся съ горемъ.

Не оставайся здѣсь долго: этотъ старый дворъ не вѣченъ.

Ты—саидъ, ты—ходжа, но никогда не гордись своимъ происхожденіемъ.

* * *

Приди, Машрабъ, говори короче; лучшіе люди уже ушли.

Ты тоже когда-нибудь уйдешь—весь міръ уже ушелъ въ слезахъ.

Лучшіе люди перешли въ тотъ міръ съ знаніемъ самихъ себя.

Когда они уходили изъ этого міра, бывшаго для нихъ тюрьмою, печень ихъ обливалась кровью.

Ты—саидъ, ты—ходжа, но не гордись никогда своимъ происхожденіемъ.

* * *

2.

Много страданій изъ-за тебя перенесъ я, о, небо, сотворенное нечеловѣческими руками.

Все время я прожилъ въ траурѣ; никогда я не видѣлъ радости изъ твоихъ рукъ.

Все мое имущество, все мірское уничтожено твоими руками.

Всѣ народы процвѣтають съ твоей помощью, только одинъ я не получилъ отъ тебя никакой помощи.

Куда бы я ни пошелъ—я буду жаловаться, я буду жаловаться на твою несправедливость.

* * *

Я—соловей въ саду, полномъ распустившихся цвѣтовъ, но у меня нѣтъ ни перьевъ, ни крыльевъ, ни гнѣзда.

Какъ сова, я живу въ развалинахъ, но опредѣленнаго мѣста жительства у меня нѣтъ.

Я нахожусь далеко отъ святаго, надъ головой моей нѣтъ крова.

Всѣ народы процвѣтають съ твоей помощью, только я одинъ не получилъ отъ тебя никакой помощи.

Куда бы я ни пошелъ, я буду жаловаться, я буду жаловаться на твою несправедливость.

* * *

Сила моей души разсталась съ блуждающимъ духомъ.

Мой собесѣдникъ, сочувствующій мнѣ и поддерживающій мою душу, покинулъ меня.

Оставили меня милостивцы, по своей близости ко мнѣ подобныя близости бѣлка моего глаза къ зрачку.

Всѣ народы процвѣтаютъ съ твоей помощью, только я одинъ не получаю отъ тебя никакой помощи.

Куда бы я ни пошелъ—буду жаловаться, буду жаловаться на твою несправедливость.

* * *

Пусть въ этомъ мірѣ никто не испытываетъ душевнаго разстройства.

Пусть не будетъ въ степи съ блуждающимъ взоромъ, огорченный.

Пусть никто не выглядитъ мрачнымъ на глазахъ людей.

Всѣ народы процвѣтаютъ съ твоей помощью, только я одинъ не получаю отъ тебя никакой помощи.

176.

Куда бы я ни пошелъ—я буду жаловаться, буду жаловаться на твою несправедливость.

* * *

О, Боже! доставишь ли ты мнѣ солнце исполненія моихъ желаній?

Въ часъ моего блаженства для моего благополучія доставишь ли Ты мнѣ счастливую звѣзду?

О, Боже! допусти этого бѣдняка, Машраба, ступить на путь высшаго совершенства!

Всѣ народы процвѣтаютъ съ твоей помощью, только я одинъ не получаю отъ тебя никакой помощи.

Куда бы я ни пошелъ—я буду жаловаться, буду жаловаться на твою несправедливость.

* * *

Когда Машрабъ окончилъ эти стихи, ходжа очень устыдился и молча пошелъ къ своей матери. Мать спросила его: «о, сынъ мой! что случилось съ тобой, что лицо твое пожелтѣло, какъ шафранъ?» «О, мать», отвѣчалъ ходжа: «ко мнѣ пришелъ одинъ қаландаръ, страшный видомъ, краснолицый, съ большими глазами, съ сросшимися бровями, волосы его кудрями спадаютъ до пояса. Я наказывалъ

своего раба въ то время, когда онъ подошелъ и спросить меня: о, ходжа! какое преступленіе совершилъ твой рабъ, что ты такъ жестоко его наказываешь? Я отвѣчалъ, что этотъ рабъ окормилъ куринымъ пометомъ моего аргамака, купленного мною за двѣсти тиллей и уморилъ его, поэтому я такъ его наказываю. Тогда каляндаръ спросилъ меня: а твой отецъ, ходжа, живъ, или умеръ? Умеръ, отвѣчалъ я. Чье же испражненіе съѣлъ твой отецъ, что умеръ, спросилъ каляндаръ меня. Эти слова такъ поразили меня, что я пришелъ къ тебѣ, мать моя». — «Я слышала», сказала мать: «что пришелъ нѣкто Ша Машрабъ, святой, скрывающій отъ людей свою святость подъ личной юродства и что онъ всѣмъ, кто искренно почитаетъ его, говоритъ неподходящія рѣчи. О, сынъ мой, отецъ твой былъ очень набоженъ, онъ въ точности исполнялъ всѣ молитвы, почему же ты отъ него отстаешь? Скорѣе иди, пади къ его

177.

ногамъ и чтобы онъ ни говорилъ, будь это даже несообразныя рѣчи, не измѣняй твоему искреннему къ нему влеченію, держись крѣпко за его полы». Ходжа, придя къ Машрабу, упалъ къ его ногамъ. Ша Машрабъ говорилъ очень много неподходящихъ рѣчей, но ходжа продолжалъ относиться къ нему съ искреннимъ уваженіемъ. Наконецъ, Ша Машрабъ сказалъ: «о, ходжа, ты послушалъ свою мать и не измѣнилъ своему влеченію ко мнѣ. Теперь найди какое-нибудь уединенное мѣсто». Они оба съ ходжей вошли въ уединенное мѣсто и тамъ Ша Машрабъ сказалъ: «о, ходжа! отдай мнѣ платье, надѣтое на тебѣ». Ходжа тотчасъ же снялъ съ себя верхнее платье и отдалъ Машрабу, но Машрабъ потребовалъ рубаху и штаны и ходжа отдалъ и ихъ. Тогда Ша Машрабъ сказалъ: «о, ходжа! встань, возмись крѣпко обѣими руками за хвостъ моего осла, зажмурь свои глаза и, пока я не прикажу тебѣ открыть глаза, не открывай ихъ». Послѣ этого, Машрабъ вывелъ ходжу на улицу и видѣвшіе это бухарцы стали смѣяться надъ ходжей, а, глядя на Машраба, плакали отъ умиленія. Тогда Ша Машрабъ произнесъ слѣдующій мустаазатъ:

Хотѣлось бы мнѣ повидаться съ тобой, но мнѣ мѣшаетъ дума и горе. Съ давняго времени

Я испытываю боль и страданія отъ разлуки съ тобой, отъ стремленія къ тебѣ. Сердце мое обливается кровью.

Въ моемъ сердцѣ отчаяніе—осужденіе и страданіе никогда меня не покидаютъ.

Можетъ быть, я скоро умру.
Иногда я, какъ Маджнунъ, брожу въ степи любви.
Я теряю терпѣніе.

178.

Иногда я, какъ Ляйли, обладаю цвѣтникомъ красоты и кокетства.

И въ моей душѣ прекрасный цвѣтникъ.

Иногда я одѣваю на голову вѣнецъ и становлюсь царемъ.

Это счастье зависитъ отъ свиданія съ тобой.

Удивительно, что я самъ бѣднякъ, а уподобляюсь царямъ.

Никогда въ этомъ не было сомнѣнія.

У «благочестивыхъ» есть исполненіе религиозныхъ обрядностей, а у меня только стыдъ предъ привратникомъ рая.

Я увидѣлъ свой кумиръ, подобную Ляйли, и сейчасъ же отдалъ ей душу,

Чтобы полетѣть отлѣтаться.

Въ моемъ юродствѣ есть слѣды состоянія Маджнуна;

Тяжелы страданія любви.

Однажды ночью я вздумалъ пойти къ тебѣ, мой кумиръ.

Мнѣ другъ сказалъ: «будь остороженъ».

Что дѣлать, сказалъ онъ, подлѣ меня твой соперникъ.

Если онъ узнаетъ—будетъ плохо.

Повѣрь, слово мое одно, двухъ не бываетъ*).

Сушій, вѣчный Богъ,

Удивительно, что для людей у меня есть два языка,

Это скрытая тайна.

*) Не могу удержаться по этому поводу, чтобы не вспомнить о печати покойнаго генеральнаго консула въ Кашгарѣ Н. Ф. Петровскаго, извѣстнаго ориенталиста, не мало потрудившагося надъ изученіемъ Туркестана. У любителей изученія востока есть обычай заказывать себѣ печати съ текстомъ на одномъ изъ восточныхъ языковъ. Обыкновенно это какое-нибудь изреченіе, почему-либо понравившееся хозяину печати, иногда служащее ему своего рода девизомъ. Разъ получаю изъ Кашгара письмо отъ Н. Ф. Петровскаго, запечатанное сургучной печатью съ какой-то восточной надписью. Заинтересовался, что за девизъ выбралъ себѣ почтенный ученый. Долго не могъ понять, наконецъ, разобралъ. Легенда печати была: „Шалтай-балтай никирекъ, ики-та микита сузымышъ юкъ“ Шалтай-балтай—ничего не значить, никирекъ употреблено въ неподходящемъ смыслѣ—„ничего, не надо“, какъ говорятъ русскіе, начинающіе учиться по-туркиенски. Икита—два, микита—рифма п, наконецъ, сузымышъ юкъ, всего выходитъ по смыслу: „двухъ словъ у меня не бываетъ“, это, какъ въ указанномъ стихѣ Маишраба: „Повѣрь, слово мое одно, двухъ не бываетъ“. Интересно, сохранилась ли оригинальная печать, она заслуживаетъ помѣщенія въ музеѣ.

Добиться свиданія съ тобой, этотъ влюбленный Машрабъ
Всегда старается.

Зная, гдѣ ты, бѣгу, день и ночь стремлюсь къ тебѣ.

Сердце мое обливается кровью...

Когда Ша Машрабъ прочелъ этотъ мустаазать, всѣ присутствовавшіе простые и ученые бухарцы громко зарыдали. Между тѣмъ Ша Машрабъ, оглянувшись, замѣтилъ, что (голый) ходжа крѣпко держитъ за хвостъ осла, а самъ рыдаетъ. Тогда Хазретъ Ша Машрабъ слѣзъ съ осла и обратился къ ходжѣ съ слѣдующими словами: «о, ходжа, отъ тебя произойдетъ потомокъ, назови его Абуль-

179.

Файзы-ханъ». (Въ родѣ ходжей «Джуйбари»*) былъ раньше одинъ человекъ по имени Абуль-Файзы-ханъ). Хазретъ Ша Машрабъ, прочитавъ слѣдующій мустаазать, направился въ Мекку.

Я сгораю отъ любви къ тебѣ, но, впавъ въ безуміе, я не сознаю этого.

О, владычица души, полевая роза!

Ты сначала заставляешь меня истечь кровью, потомъ поишь меня ядомъ, а затѣмъ уже взглянешь одинъ разъ.

О, жестокая кровопійца!

Зачѣмъ раньше ты давала обѣщаніе моему сердцу.

У всякаго есть Богъ!

Если безъ тебя я и тысячу лѣтъ буду бродить въ этомъ мірѣ, Это мнѣ не покажется и за одинъ день.

Покажись, пусть я увижу тебя, я не могу больше терпѣть въ этомъ мірѣ,

Я обреченъ тебѣ.

Если изъ глазъ Машраба потечетъ кровь,

Онъ все будетъ продолжать славить Бога.

2-я.

Я—влюбленный, не выносящій терпѣливо огня разлуки съ тобой.

Я—влюбленный, подобный пыли, приставшей къ копытамъ лошади, на которой ты ѣдишь.

*) Ходжи Джуйбарн—потомки Мухаммада изъ мѣстности Джуйбаръ, въ Бухарѣ. Они происходятъ отъ имама Хусейна. Абуль-Файзы ханъ—одинъ изъ эмировъ бухарскихъ. Персидскій шахъ Надыръ-шахъ около 200 л. тому назадъ отнялъ у него Бухару. (Кн. Дурра-и-Надыра).

Если я не увижу твоихъ родинокъ и бровей, я не вынесу этого, о, мой кумиръ!

Знай, я—влюбленный сердцемъ, сгорающій въ обоихъ мірахъ Иисусъ, взойдя на небо, не видѣлъ лица возлюбленной.

Сгорѣвъ отъ любви къ тебѣ, клянусь, я твой другъ до гроба.

Не называй меня безпріютнымъ Манджнуномъ за то, что я все время буду разыскивать Ляйли, считая ее кумиромъ

Я—безпріютный нищій, разыскивающій хозяина.

Рахимбаба, отыскивая между Ганзой и Наманганомъ,

Не нашель указывающаго истинный путь, я—ищущій указателя праваго пути.

Взгляни на положеніе Зулейки, она вся поглощена Юсуфомъ.

Въ обоихъ мірахъ только тебя одну ищу я.

Каждый вздохъ, исходившій изъ устъ моихъ, выходилъ съ помощью Афакъ-Ходжи.

Если бы не онъ, я былъ бы посохшимъ деревомъ въ степи или въ горахъ.

180.

Святой, знающій тайны, мой ходжа нарекъ мнѣ имя Машрабъ. Я прославился отъ Кашгара до Яркенда.

3-я.

Пойми эти слова, о, возлюбленная, я—влюбленный, жаждущій, желающій.

Ни въ одномъ сердцѣ, кромѣ моего, не заключена черная печень, я—не находящій въ мірѣ лѣкарства.

Лучше было бы, если бы я не видѣлъ твоего лица, я не былъ бы такъ поглощенъ тобою.

Сдѣлай милость, посмотри на мое положеніе; я—влюбленный, потерявшій терпѣніе.

Дай мнѣ выпить каплю вина, а потомъ хоть возьми мою душу

Я готовъ лучше умереть, чѣмъ жить въ этомъ мірѣ безъ тебя

Я хочу одинъ войти въ предѣлы твоего ада.

Я ходилъ, возвращался, смотрѣлъ и въ мірѣ я полонъ грѣховъ.

Подними покрывало, о, мой кумиръ, я расскажу тебѣ желанія моей души.

Передъ всѣми пророками я—первый, просящій помощи.

Ты влюбленный спутникъ мой, не бойся ужасовъ этого міра.

Если онъ мнѣ поможетъ, я самъ найду исцѣленіе отъ своихъ грѣховъ.

Мое сердце, вспыхнувъ, сгорѣло; не будь жестокой, не причиняй мнѣ мученій.

Отъ моихъ вздоховъ сгоритъ тотъ міръ—я сильный, пылающій жаромъ огонь.

Адскій огонь оставилъ рану любви на моей душѣ.

Но мнѣ нипочемъ огонь ада: я—самъ сильный, пылающій огонь.

Если въ грудь мою вонзится твой кинжалъ, отъ моихъ вздоховъ загорится Аршъ.

Окрашивающей свою душу собственной кровью, я—садъ, полный тюльпановъ.

4 - я

Я—соловей, пріятно распѣвающий въ саду;

Для обладающей плавной походкой возлюбленной, я—безпріютный влюбленный.

Подхожу къ твоему порогу, о, кумиръ, вздыхая и рыдая,

Я соловей, рыдающій, прекрасно поющій съ утра до вечера.

Въ день суда произойдетъ смятеніе въ душѣ, заключенной въ тѣлѣ.

Ялли, Ялли, Ялла, Ялла, я—Давидъ-музыкантъ*).

О, моя луна, милостивая ли ты, или ты царь небесъ?

Я—звѣзда и луна, обходящая небо и землю.

181.

Я искренно говорю тебѣ, что свѣча твоей красоты зажгла мою душу.

Я обжегъ себѣ крылья и хвостъ; я и рыдаю и бренчу на музыкальномъ инструментѣ.

Будучи Хозроемъ Хозроевъ, будучи славнымъ Рустемомъ**),

Ставъ богатыремъ Барзу***) и Хамзой****), ломающимъ сабли враговъ,

Я—влюбленный, познавшій тайное, я—наставникъ, читающій Хидая.

Я—извѣстный Машрабъ, прославившійся своими стихами.

*) Слова Ялли, Ялла не имѣютъ значенія, это—общеупотребительный призывъ къ пѣснямъ, вродѣ: „Ай-люли, люли“.

**) Рустемъ—герой поэмы Шахъ-наме Фирдауси.

***) Барзу—сынъ Зорѣба, внукъ Рустема, царь Афросіабъ, не сообщивъ Рустему о родствѣ, заставилъ Барзу сражаться съ дѣдомъ. (Тоже Шахъ-наме).

****) Хамза—племянникъ Мухаммада, сынъ Абдумуталиба, богатырь, убитъ въ сраженіи при Оходѣ, вѣкизмъ Вахши.

Короче, Ша Машрабъ, читая эту газаль, достигъ Кубадіана*). гдѣ въ то время находился Хазретъ-Ишанъ Суфи Аллаяръ**). Суфи Аллаяръ, освѣдомившись, что въ городъ прибылъ его спутникъ, очень обрадовался и вышелъ навстрѣчу къ Машрабъ. Они совершили рукопожатіе***), но Машрабъ, взявъ за руку Суфи Аллаяра, сказалъ: «Ты ли это—воръ Аллаяръ! Знаешь ли ты, что былъ на свѣтѣ святой Хузури****), который выдумалъ льстить Мункару и Накиру*****), а ты хочешь польстить мосту Сыратъ*****), пойдѣмъ, я тебя проведу по этому мосту». Хазретъ-Ишанъ Суфи Аллаяръ сказалъ: «о, Машрабъ, наклонись и посмотри назадъ между ногъ своихъ». Ша Машрабъ взглянулъ и увидѣлъ открытыя врата семи адовъ. Увидя адъ, Ша Машрабъ сказалъ: «о, Суфи! такъ ты боишься, увидѣвъ эти ады? Если ты нашелъ Самого, что для тебя адъ? Будь спокоенъ и надѣйся на свое высокое положеніе». Сказавъ эти слова, Ша Машрабъ прочелъ слѣдующій мунаджатъ:

Для Божьяго человѣка семь адовъ все равно, что цвѣтникъ,
Поддающій руку, указывающій путь, есть мужъ, знающій тай-
ныя науки.

182.

Если можешь, не причиняй страданій даже муравью.
Богъ не назоветъ своимъ рабомъ человѣка, способнаго огорчить
душу.

Пока ты живъ, во время проливай слезы изъ глазъ.
Если въ душѣ твоей не будетъ страданія, ни къ чему 1000
твоихъ обрядностей.

Не будь въ мірѣ притворяющимся благочестивымъ, о мужъ,
бѣднякъ!

Если кто ушелъ изъ этого міра, будучи жаднымъ, то тѣло его—
погано.

*) Кабадіанъ—городъ въ Гиссарскомъ бекствѣ, Бухарскаго ханства.

**) Суфи Аллаяръ—уроженецъ Катта-Кургана, самъ—узбекъ, учился въ Бухарѣ, принадлежалъ къ суфійскому ордену Накшбандія. Написалъ книги Маслакъ-уль-Муттакинъ (Указаніе прямого пути) и Суббатъ-уль-аджезинъ (укрѣпленіе слабыхъ).

***) Рукопожатіе, по мнѣнію мусульманъ,—прививка дружбы (какъ прищепокъ прилагаютъ къ дереву). Саламъ—одно изъ именъ Божіихъ, рукопожатіе съ упоминаніемъ слова „миръ“ утверждаетъ дружбу призваніемъ имени Божія.

****) Хузури—прозвище одного персидскаго поэта.

*****) Ангелы могилы, допрашивающіе умершаго о вѣрѣ послѣ погребенія.

*****) Мостъ, ведущій въ рай.

Не будь ученымъ, признающимъ только себя, а ученымъ, знающимъ другихъ.

Указующій тебѣ путь во время страшнаго суда есть Ахметъ-Мухтаръ.

Раба твоего, созданнаго для величія, никто не унижить.

Если ты созданъ для того, чтобы переносить униженіе, то куда бы ты ни пошелъ, ты будешь униженъ.

О, Машрабъ, порогъ Бога не мѣсто для отчаянія.

Всевышній Богъ тебя сохранить.

Окончивъ этотъ мунаджатъ, Ша Машрабъ произнесъ еще слѣдующій мухаммась:

О, виночерпій, дай ради Бога мнѣ одну чашу.

Не сиди задумавшись, встань, дай мнѣ очистить мое обояніе пріятнымъ ароматомъ.

Мое существо разрушено, здоровый прежде, я сдѣлался безумнымъ.

Тогда Моисей увидѣлъ свѣтъ Божій и въ его сердцѣ остался слѣдъ этого свѣта.

Не достигнувъ состоянія независимости отъ мѣста, (Ла Маканъ) не найдетъ душа удовлетворенія.

* *
*

Вздохну я съ болью и сгорить твое послѣднее судилище,
Если я зарыдаю, то пересохнутъ истоки твоего Каусара*) и самъ онъ сгорить.

О, небо! бѣги подъ покровъ, иначе все ты сгоришь.

О, Гавріилъ, сожмись, иначе сгорятъ твои крылья.

Ты не испытываешь мученій, ты—ангелъ, ты далекъ отъ любви.

* *
*

Моя грудь разорвалась, когда я узналъ, что Мухаммадъ сирота.

Я узналъ, что оказывать милость сиротамъ, это наиболѣе душевспасительное дѣло.

О, сущій Богъ, Богъ всѣхъ міровъ, твоя милость для всѣхъ одинакова.

Я узналъ, что изъ множества Твоихъ именъ одно—Великій.

Мое дѣло грѣшнѣе, а Твое—прощать.

* *
*

*) Райская рѣка.

О, Вездѣсущій, я взываю къ Тебѣ, огонь наполнилъ мое сердце.
Я день и ночь вспоминаю Твой іооі имя.

183.

Я обрадую свою горюющую душу, обѣщавъ показать твое лицо.
О чистая луна, я вспоминаю тебя, называя цвѣтникомъ.

Какъ родникъ, не переставая, текутъ изъ глазъ моихъ слезы
въ разлукѣ съ тобою.

Ты сама—любимое мѣсто моей души, о, луна, обманывающая
душу.

Я расскажу тебѣ про страданія моей души, о милостивый
врачъ!

О, душенька, ты—соловей въ цвѣтникѣ сада красоты.

Дай мнѣ лѣкарство изъ твоей милости.

Соловей отъ горя умеръ, остались тамъ однѣ вороны.

* *
*

О, сильный, милостивый, щедрый, Владыка міра.

Окажи милость моему болѣзненному состоянію, о, вѣчный
царь!

Моя жизнь вся прошла въ грѣхахъ, мѣсяцы и годы.

Согнулся мой станъ подъ гнетомъ горя, какъ буква «дагъ» »

Обрати ухо твое къ страданіямъ этого Машраба.

2.

Бродить Маджнунъ въ степяхъ, вздыхая и охая.

Такъ всякій, закованный въ цѣпи любви, зоветъ Ляйли.

Услышавъ о мученіяхъ семи адовъ, не испугается моя душа.

Если изъ устъ моихъ вырвется пламя души моей, то разру-
шится весь адъ.

Всѣ обитатели ада, собравшись, просятъ Бога: «возьми этого
человѣка».

Потому что мы совершенно не въ силахъ дальше терпѣть жаръ
огня этого влюбленного.

Приди, о (возлюбленная), владычица души, если хочешь взять
мою душу, я отдамъ тебѣ ее.

Обвей мученіемъ мою голову, свяжи и мои руки.

Приди, о Машрабъ, надѣйся на вѣчнаго Бога.

Если Богъ окажетъ тебѣ милость, ты одинъ пойдешь къ твоей
возлюбленной.

3.

Мою кровь, вѣроятно, прольетъ живущій въ Балхѣ Махмудъ-ханъ.

Если такъ предопредѣлено, какъ же я ему не отдамъ свою душу?

Тысячу кратъ слава Богу, я уподобился Мансуру.

О, почернѣютъ на страшномъ судѣ лица убившихъ Мансура.

184.

Ступившій на путь этой любви долженъ пожертвовать своей душой.

Если не отдастъ душу въ этомъ мірѣ, то сказанныя имъ слова ложны.

О, влюбленный, взгляни на Фархада—онъ умеръ для Ширинъ.

Сгорѣвъ въ огнѣ любви, онъ въ концѣ концовъ исчезъ.

Этотъ влюбленный Маджнунъ сталъ плѣнникомъ Ляйли.

Онъ поселился въ пустынѣ, изъ очей его текутъ слезы.

Такъ и Зулейка, увидѣвъ Юсифа, потеряла самообладаніе.

А онъ сдѣлался посмѣшищемъ всѣхъ.

Посмотри на Захра и Таира, они сдѣлались извѣстными всѣмъ*).

Покинувъ эту жизнь, они умерли на пути любви.

Сгорѣли на огнѣ любви Вамикъ и Узра**).

Но во время страшнаго суда они наследуютъ рай безъ труда.

Взгляни, о безумный Машрабъ, на этихъ влюбленныхъ мужей.

Когда пробилъ часъ предопредѣленія, они промѣняли душу на чашу.

Короче, Ша Машрабъ сказалъ: «о, мой Суфи, взгляни между моихъ рукъ». Когда Хазретъ Суфи Аллаяръ взглянулъ между рукъ Машраба, онъ увидѣлъ ангеловъ; нѣкоторые изъ нихъ стояли,

*) Героиня и герой романа. Въ старое время былъ одинъ царь въ Аравіи. И у него и у его визиря не было дѣтей. Они оба пришли къ астрологу просить его молить о ниспосланіи имъ потомства. Тотъ разломилъ яблоко, далъ каждому по половинкѣ и велѣлъ съѣсть, и сказалъ, что послѣ этого у царя родится дочь Захра, а у визиря сынъ Таиръ, что они будутъ любить другъ друга, но царь убьетъ Таира. Родились дѣти, выросъ Таиръ, сталъ сватать Захру, но царь не отдавалъ, а, разсѣдившись на пастойчивость Таира въ сватовствѣ, приказалъ его казнить. Передъ казнью Таиръ отпросился для молитвы и просилъ Бога не допустить казни, а дать ему умереть спокойно, такъ случилось. Захра, придя на могилу влюбленнаго, просила Бога отнять и у нея жизнь, просьба ея была исполнена и влюбленныхъ похоронили въ одной могилѣ.

**) Герой и героиня любовнаго романа; имена приводятся въ примѣръ сильной привязанности.

сложивъ руки для молитвы, въ положеніи «кыамъ»; другіе дѣлали «руку», одни преклонились на землю въ положеніи «суджудъ», а другіе находились въ положеніи «атты—хійять»*)).

Нѣкоторые изъ ангеловъ молились, произнося мунаджаты и каждый изъ нихъ по-своему славилъ Бога. Хазретъ Ша Машрабъ спросилъ: «о, Суфи, видѣлъ ли ты этихъ ангеловъ, которые не ѣдятъ ни днемъ, ни ночью, а заняты исключительно исполненіемъ религіозныхъ обрядовъ и богочитаніемъ? Всѣ они просятъ Всевышняго Бога, чтобы Богъ наградилъ райскимъ блаженствомъ всѣхъ послѣдователей Мухаммада. Если такіе ангелы о тебѣ помолятся, то ты можешь быть совершенно покоенъ за свою кратковременную жизнь».

185.

Самъ Машрабъ, произнося «Сушій», направился къ городу Балху и нѣсколько каляндарей пошли вмѣстѣ съ нимъ. Ша Машрабъ вмѣстѣ съ спутниками своими шѣлъ слѣдующій талкынъ:

Чтобы уничтожить мою душу, удивительное несчастье этотъ жестокой кровопійца.

О, сладкая, мой кумиръ, подобная лунѣ, похожая на гурій.

О, царица красоты!

Она дѣлаетъ восторженнаго стремящимся и безумнымъ.

Бѣдное сердце.

На мою голову опустилось множество кинжаловъ ея жестокости.

Этой злой кокетки.

Если ты будешь искать бѣдняка, чтобы дать ему зякетъ съ твоей красоты**),

Не найдется въ мірѣ

Другого такого, какъ я, несчастнаго, плачущаго, бѣдняка,

Одержимаго любовью къ тебѣ.

Я, какъ бабочка, полетѣлъ къ свѣчѣ твоей красоты,

Чтобы умереть, но

Глаза мои тебя не увидѣли, ты не подняла своего покрывала и не показала даже пылинки блеска твоей красоты.—

*) Положеніе молящагося стоя—кыамъ, наклонившагося, придерживая руками колѣни, полупоклонъ—руку, земной поклонъ—суджудъ и, наконецъ, положеніе, ставъ на колѣни и опустившись затѣмъ на пятки сидѣніемъ, называется „атта-хійять“.—

**) Очистительная милостыня $\frac{1}{40}$, указывается кораномъ въ числѣ главныхъ (пяти) обязанностей вѣрующаго.

О, владычица души, обманщица!—

Мой станъ согнулся, подчинившись двумъ бровямъ твоимъ,

А ты приняла это за поклонъ.

На мѣстѣ твоего лица видны два лука;

Это—радуги.

Люди говорятъ про твое лицо и локоны.

Что они близки другъ другу.

Удивительно, что такъ близко другъ съ другомъ уживаются индусъ и китаецъ*).

Когда ни взглянешь на нихъ,

Съ лука твоихъ бровей ты постоянно мечешь стрѣлы твоихъ рѣсницъ,

А моя грудь служить тебѣ мишенью.

Владыка предопредѣленія создалъ домъ моего тѣла

Готовымъ принимать эти стрѣлы.—

186.

Когда блещетъ на небѣ молнія и слышатся раскаты грома, это не гроза.

Нѣтъ, на небѣ постоянно

Слышится шумъ отъ сильныхъ мопхъ вздоховъ

На этомъ кружащемся сводѣ.—

О, предразсвѣтный вѣтерокъ, вставай скорѣе, лети,

Доставь моей душенькѣ извѣстіе

О болѣзни моей души; передай мой привѣтъ и мои желанія

Больше и больше

Если кто спроситъ, кто меня сдѣлалъ безумнымъ,

Я отвѣчу такими словами:

«Одна шалуныя, станомъ напоминающая пэри, въ золотой одеждѣ,

Съ сладкими устами».

Нѣтъ ничего удивительнаго, если я съ горя въ разлукѣ съ тобой пожертвую жизнью.

Машрабъ, который опьяненъ,

Что удивительнаго въ томъ, если соловей пожертвуетъ своей душой

*) Въ поэтическихъ произведеніяхъ принято для усиленія впечатлѣнія разницы между бѣлымъ лицомъ и черными глазами, или бровями, уподоблять ихъ разнымъ народностямъ, различающимся по цвѣту кожи, какъ напр., негръ и арабъ, арабъ и аджамъ, т. е. чужеземецъ и т. п. Въ данномъ случаѣ примѣръ подобранъ довольно неудачно, такъ какъ смуглый индусъ мало разнится отъ желтолицаго китайца.

Въ то время, когда онъ видитъ цвѣтникъ, полный цвѣтовъ.

Сказавъ эти слова, Ша Машрабъ сѣлъ на осла задомъ напередъ и въ Балхъ проѣзжалъ по улицамъ, гдѣ живетъ аристократія и по улицамъ, населеннымъ простымъ народомъ. Рыдая, взявъ въ руки ситаръ, онъ произнесъ слѣдующій мустаазать:

О, подобная мѣсяцу, лицомъ похожая на жасминъ, возлюбленная,
Мое сердце отъ тебя въ восторгѣ,

Твоя жестокость и несправедливость хороши, но ты обманщица,

Извѣстная влюбленнымъ.

Серебряное у тебя тѣло, лицо, какъ тюльпанъ, локоны, какъ жасминъ.

Станъ твой, какъ пальма.

Ты равна царю царей міра, ты успокаивающая душу.

Это небо, измѣняющее свой цвѣтъ, цвѣтомъ подобное фіалкѣ.

Обманывающая и приносящая страданія.

Смотрить на насъ это лицо, чтобы мучить насъ сколько бы его ни просили перестать.

Когда повернется, обращаетъ насъ вверхъ ногами.

187.

Если изъ моего сердца нечаянно вылетитъ искра,

Весь міръ сгоритъ.

Но передъ огнемъ твоей любви мое сердце безсильно, тѣло мое тоже ничего не можетъ сдѣлать.

О чистый, правитель творецъ, единый, Святой, Сушій,

Ты знаешь мои тайны.

Спаливъ меня разлукой съ тобой, ты обратилъ въ золу мою душу и сердце.

Бѣдный этотъ Машрабъ.

Вдругъ тебя съ твоими мечтами подняли къ небу.

О, владычица души, прекрасная!

Короче, Хазретъ Ша Машрабъ, читая этотъ мустаазать, въѣхалъ въ Балхъ и ѣздилъ по улицамъ. Увидѣлъ онъ одного узбека продававшего тигровую шкуру. Ша Машрабъ схватилъ этого узбека за поводья его лошади и сказалъ: «о, узбекъ, продай мнѣ эту тигровую шкуру, я изъ нея сошью себѣ шубу». Узбекъ, разсердившись, сказалъ: «о, калындаръ, кто ты и тебѣ ли покупать такую шкуру?» Онъ ударилъ свою лошадь нагайкой и поѣхалъ дальше. Не успѣлъ онъ сдѣлать и двухъ шаговъ, какъ свалился черезъ голову вмѣстѣ

съ лошадыю. Тогда онъ всталъ съ мѣста и преподнесъ Ша Машрабу въ даръ тигровую шкуру и, бросившись къ ногамъ его, просилъ прощенія.

Ша Машрабъ разорвалъ на-двое тигровую шкуру, половину ея натянулъ себѣ на спину, а другой половиной покрылъ своего осла. Такъ, сидя на ослѣ задомъ напередъ, ѣхалъ и Балханскіе жители увидѣли передъ собой

188.

Страннаго каландара, краснолицаго, съ большими глазами, сросшимися бровями, волосы его прядями спускались до пояса, ѣдетъ на ослѣ, сидя задомъ напередъ. Изъ среды муллъ вышелъ одинъ, подошелъ къ Хазрету Ша Машрабу, привѣтствовалъ его и спросилъ: «о, каландаръ, какъ ваше имя?» Хазретъ Ша Машрабъ отвѣчалъ: «мое имя—Худай (Богъ)». Муллы, услышавъ эти слова, вскричали: «схватите этого каландара, онъ сталъ невѣрнымъ кяфиромъ, онъ выдаетъ себя за Бога, его надо убить». Ша Машрабъ быстро соскочилъ съ осла, убѣжалъ прямо во дворецъ Махмудъ-хана и увидѣлъ, что ханъ въ это время угощаетъ 700—800 человѣкъ. Пройдя между собравшимися, Машрабъ залѣзъ подъ тронъ Махмудъ-хана и легъ тамъ. Махмудъ-ханъ, увидя это, удивился. Махмудъ-ханъ не успѣлъ еще спросить ни слова у Ша Машраба, какъ 30—40 муллъ, гнавшихся за Машрабомъ, воѣжали. «Что случилось?» спросилъ у муллъ Махмудъ-ханъ. Муллы отвѣчали: «этотъ каландаръ ѣхалъ, сидя на ослѣ задомъ напередъ и, когда мы спросили его имя, онъ отвѣтилъ, что имя его Худай, его надо убить».

189.

Махмудъ-ханъ спросилъ Машраба: «о, каландаръ, что они говорятъ?»—Ша Машрабъ отвѣтилъ: «о, Махмудъ-ханъ, что я сѣлъ на осла задомъ напередъ,—это правда, но имя мое—отецъ и мать моя нарекли Худай-бирды*)». Муллы спросили мое имя и только что я успѣлъ произнести первое слово Худай и не успѣлъ догово-

*) Такое имя дѣйствительно часто встрѣчается у туземцевъ Туркестана, но Машрабъ носитъ имя Рахимбаба, а здѣсь назвался чужимъ именемъ только для того, чтобы, подражая Мансуру-Халладжу, ввести всѣхъ въ заблужденіе и вызвать у окружающихъ негодованіе. Мансуръ-Халладжъ былъ повѣшенъ за то, что произнесъ „ан-аль-хакъ“—я—истина, при чемъ его обвинили, что онъ называетъ себя Богомъ (Истина одно изъ именъ Вожиныхъ). Машрабъ же придумалъ такое имя, въ составъ котораго входило слово Худай, что значитъ Богъ. Худай-бирды значитъ Богъ даль, богоданный (у насъ Богданъ).

рить «бирды», они, какъ собаки, погнались за мной, а я, какъ кошка, убѣжалъ сюда». Множество присутствовавшихъ, услышавъ эти слова, удивились и, расхохотавшись, стали смѣяться. Муллы остались пристыжены. Махмудъ-ханъ, услышавъ эти слова Ша Машраба, остался доволенъ и сказалъ: «о, муллы, я прошу васъ простить провинность этого каляндара» и муллы согласились простить. Ша Машрабъ, обратившись къ Махмудъ-хану, сказалъ: «о, Махмудъ! ты—мой убійца». Махмудъ-ханъ удивился, а Ша Машрабъ, взявъ въ руки си-таръ, чтобы открыть себя и сдѣлать извѣстнымъ, прочелъ слѣдующую газаль:

Отъ любви къ тебѣ, о, владычица души, я сталъ удивительнымъ безумцемъ!

Въ этомъ мірѣ я сдѣлался посмѣшищемъ людей.

Ты на царскомъ тронѣ—царь царей пери.

Смилостивись ко мнѣ, я у твоей двери сталъ нищимъ.

190.

Я спрашивалъ у всѣхъ, какъ мнѣ свидѣться съ владычицей души.

Мнѣ отвѣчали пословицей: «ищущій найдетъ», но я, не находя, уничтожился.

О, возлюбленная, твой кинжалъ разрѣзалъ сердце мое на сто частей.—

Не видя твоего подобнаго розѣ лица, я сдѣлался мученикомъ Кербала*).

Наклонивъ свой станъ, подобный буквѣ «алифъ»¹, моя возлюбленная подала мнѣ чашу вина.

Выпивъ этого вина, я сразу сдѣлался удивительнымъ опьяненнымъ.

О, Господь, не подвергай никого такимъ мученіямъ, какія переноситъ Машрабъ.

Молитесь, о друзья, я нуждаюсь въ молитвахъ.

Произнеси эти слова, еще чтобы рассказать про себя, Ша Машрабъ прочелъ слѣдующую газаль:

О, владычица души, приди, открой свое лицо, я готовъ пожертвовать тебѣ свою душу.

Въ разлукѣ съ тобой, уничтожившись, сгорѣли мои кости.

Что мнѣ дѣлать, друзья, я въ ужасѣ отъ этихъ мученій.

*) Хусейнъ, сынъ Алія (4-го Халифа) убитъ въ Кербала изъ-за религіозныхъ распрей.

Душа моя, выходя изъ тѣла, уже подошла къ горлу; нѣтъ теперь мнѣ милости.

Есть ли въ мірѣ еще человѣкъ, уничтожившійся отъ разлуки.

Безъ лѣкарства встрѣчаюсь я съ болѣзною,—безъ сомнѣнія я умру теперь.

Какъ я могу терпѣть, о, владычица души, быть безъ тебя въ этомъ мірѣ.

Если изъ груди моей вылетитъ одинъ вздохъ, то и небо не устоитъ теперь.—

191.

Моя милостивая, владычица души, ушла, спаливъ мое сердце.

Я не добьюсь обладанія своей возлюбленной; рыдай же теперь душа моя.

О, Машрабъ, не убивайся о томъ, что ты разстался съ другомъ.

У насъ есть преданіе отъ пророка: «проходить все хорошее и дурное».

Сказавъ эти слова, Хазретъ Ша Машрабъ, прочелъ еще слѣдующій мунаджатъ:

Съ моего языка не сходятъ слова: «нѣтъ Бога, кромѣ Аллаха!»

Языкъ моей сокровенной души также все время славить Бога.

Обрати твой взоръ на раны моей души ради силы «Бисмилля»*).

И въ честь главы «Тага»**), о, Боже! Руку мою возьми, о посланникъ Божій.

Исповѣдуйте вѣру въ Радующаго и Наказывающаго Бога!

Еще.

Услышавъ о тебѣ, покинуть рай Адамъ.

Слова твои даютъ понятіе о великомъ страшномъ судѣ.

Всякій получитъ поддержку отъ твоего заступничества.

Ороси всѣхъ каплями дождя твоей милости.

Возьми руку мою, о, посланникъ Божій!

*) Мусульмане приписываютъ особое мистическое значеніе, особую силу произнесенію своихъ молитвъ, главъ корана, именъ божіихъ, даже буквъ, составляющихъ символъ вѣроученія. Здѣсь Машрабъ желаетъ воспользоваться силою словъ „Бисмилля“, что значитъ „во имя Бога“. Этими словами (собственно во имя Бога милостиваго, милосерднаго) благочестивый мусульманинъ начинаетъ чтеніе каждой главы корана, эти же слова произносятся передъ началомъ каждого дѣйствія, при нѣтиемъ пищи и т. д.

**) 20-я глава корана носитъ названіе та-га, такъ какъ вмѣсто названія въ текстѣ передъ ней стоятъ буквы т г.

Исповѣдуйте вѣру въ Радующаго и Наказующаго Бога.

Еще.

За твои достоинства мы узнали слово Божіе «Ар-рахманъ»*).
Читають ангелы на Аршѣ алямаль-куранъ**).

Близки твоему заступничеству рабы, исповѣдующіе вѣру.

Когда увидятъ твое лицо, тебѣ поклонятся и Каусаръ и Ризванъ.

Возьми мою руку, о, посланникъ Божій!

Исповѣдуйте вѣру въ Радующаго и Наказующаго Бога!

Еще.

192.

Надѣялся на тебя грѣшный человѣкъ,—

На устахъ его раскаяніе, онъ очистилъ свою душу.

Больнымъ душамъ ясно твое заступничество;

Кто не признаетъ твоей вѣры, тотъ—«кяфиръ»***).

Возьми мою руку, о, посланникъ Божій!

Исповѣдуйте вѣру въ Радующаго и Наказующаго Бога.

Еще.

Разлука съ тобой огорчила Ноя,— онъ одѣлся въ трауръ.

Моисей, искавшій свѣтъ твой, приблизился къ тебѣ.

Имя твое послужило лѣкарствомъ отъ болѣзни друга Божія
(Авраама).

На пути твоёмъ овладѣлъ Іовъ силою молитвы****).

Возьми мою руку, о, посланникъ Божій!

Исповѣдуйте вѣру въ Радующаго и Наказующаго Бога.

Еще.

Отъ бесѣды съ тобой грудь Сыддыка*****) наполнилась чистымъ
жемчугомъ.

*) Ар-рахманъ значитъ „милосердный“, одно изъ свойствъ Божіихъ, 55-я гл. корана.

**) Такъ читается 1-й стихъ гл. 55-й (Милостивый) корана: онъ научилъ корану.

***) Кяфиръ въ переводѣ—закрывающій. Такъ называютъ всѣхъ, кто не исповѣдуетъ Ислама и какъ бы закрываетъ истинную вѣру. По-русски обыкновенно переводятъ кяфиръ словомъ невѣрный.

****) Силѣ молитвы мусульмане придаютъ особое значеніе.

*****) Сыддыкъ—прозвище перваго халифа Абубекра.

Увидѣвъ тебя, всѣхъ идоловъ уничтожилъ Умаръ;

Поспѣли на службу тебѣ Усманъ и Хайдаръ.

Не подвергай стыду еще въ колыбели разбитое сердце Машраба.

Возьми мою руку, о, посланникъ Божій!

Исповѣдуйте вѣру въ Радующаго и Наказующаго Бога.

Сказавъ эти слова, Ша Машрабъ прочелъ еще слѣдующую газаль:

Мой кумиръ покажетъ свое лицо преданному влюбленному,

Уничтоженному горемъ Маджнуну, лишенному всего.

Если ты хочешь приблизиться къ Богу, тебѣ необходима ревность Адама.

Развѣ можетъ помѣститься пылинка между мной и кумиромъ моимъ во время свиданія?

Если сгорятъ на огнѣ раскаянія всѣ грѣхи твои противъ религіи и нравственности,

Окажетъ милость мой кумиръ преданному влюбленному.

193.

Итакъ, когда Хазретъ Ша Машрабъ прочелъ эти стихи, Махмудъ-ханъ упалъ къ его ногамъ и воскликнулъ: «о, господинъ, царь мой, я слышалъ, что Машрабъ, сокровенный святой, появился и проходитъ въ Мекку, я рѣшился, когда увижу этого каландара, подать ему воду для омовенія. Развѣ я въ состояніи тронуть хоть одинъ волосокъ вашъ?» Хазретъ Ша Машрабъ сказалъ: «о, Махмудъ, ты ошибаешься: еще во время «Калу-бала»*) мнѣ было предопредѣлено, что смерть моя произойдетъ отъ тебя, что тебѣ предстоитъ сдѣлать меня мученикомъ. Я завѣщаю тебѣ: положи мое тѣло на возвышенномъ мѣстѣ, чтобы всякій, кто издала, проходя, увидитъ мою могилу, помолился за меня». Махмудъ ханъ снова выразилъ удивленіе и сказалъ: «о, господинъ, царь мой, могу ли я дотронуться хоть до одного вашего волоса?» Вмѣстѣ съ тѣмъ, Махмудъ-ханъ поставилъ передъ Машрабомъ принесенное кушанье. Ша Машрабъ не сталъ ѣсть, а поставилъ передъ своей собакой, но и та ѣсть не стала, а, отойдя, легла въ сторонѣ. Послѣ этого Махмудъ-ханъ сказалъ: «о, господинъ, царь мой, почему вы не кушаете моего угощенія?» «Твое кушанье и собака моя не ѣсть, какъ же я стану ѣсть»,

194.

—отвѣчалъ Ша Машрабъ. «О, господинъ, царь мой», сказалъ Мах-

*) См. примѣчаніе выше; день признанія Бога ангелами.

мудъ-ханъ: «если собака ваша не ѣстъ, позвольте, я съѣмъ самъ» и съ этими словами Махмудъ-ханъ взялъ кушанье себѣ.

На другой день снова Махмудъ-Ханъ пригласилъ къ себѣ Ша Машраба. Хазретъ Ша Машрабъ сказалъ царю: «о, Махмудъ-ханъ, отдай мнѣ свой земной тронъ, это будетъ хорошо, я сяду на него». «Съ удовольствіемъ»,—отвѣчалъ царь, сошелъ съ трона и, уступивъ Машрабу свой дворецъ, удалился. Хазретъ Ша Машрабъ вошелъ въ пріемную хана, взобрался на тронъ и исполнилъ естественную надобность на положенныя въ нѣсколько рядовъ парчевыя подушки. Послѣ этого Хазретъ Ша Машрабъ сказалъ: «возьми тронъ твой о, Махмудъ-ханъ». Въ это время вошелъ визирь и увидѣлъ, что весь тронъ покрытъ испражненіями. Визирь разорвать на себѣ одежду и сказалъ: «о, царь, какому неизвѣстно откуда пришедшему курильщику опія, каляндару, оказываете вы уваженіе; вѣдь послѣ этого изъ рода въ родъ перейдетъ преданіе о томъ, какъ пришедшій изъ Ферганы каляндаръ испражнился на тронъ Махмудъ-хана. Если вы мнѣ не вѣрите, то пойдите сами, посмотрите». Махмудъ-ханъ сѣлъ на лошадь и сопровождаемый нукерами пріѣхалъ во дворецъ. Увидѣвъ, что весь тронъ испачканъ испражненіемъ, Махмудъ-ханъ сказалъ: «о, Машрабъ, что вы сдѣлали?» «Я хорошо сдѣлалъ», отвѣчалъ Хазретъ Ша Машрабъ:

195.

«Что изъ того, что я испражнился на твой тронъ, вѣдь ты испражняешься же на народъ»*). Махмудъ-ханъ разгнѣвался и позвалъ палача. Сейчасъ же явился палачъ и сказалъ: «о, господинъ, нашъ царь, кого прикажете казнить, чьей жизни чаша переполнилась?» «Возьмите Машраба и повѣсьте на висѣлицѣ»,—сказалъ царь. Въ тотъ же мигъ палачи схватили Машраба и связали ему руки. «О, царь, Махмудъ-ханъ»,—сказалъ Ша Машрабъ: «ты тоже черезъ три дня покинешь этотъ міръ». Когда палачи повели Ша Машраба на висѣлицу, весь народъ съ рыданіями и плачемъ пошелъ за нимъ. Обращаясь къ душѣ своей, Ша Машрабъ сказалъ: «о, душа моя, развѣ боится челоуѣкъ, идущій на свиданіе съ своей возлюбленной?» Укрѣпивъ этими словами душу свою, идя по дорогѣ, Ша Машрабъ прочелъ, рыдая, слѣдующую газаль:

*) Здѣсь опять упоминаніе о томъ, что все люди созданы изъ праха. Слѣдовательно, исполненіе естественныхъ надобностей на землю оскорбляетъ всѣхъ людей. Такъ, выше уже неоднократно Машрабъ объяснялъ свои дѣйствія, искусственно скрывающія его святость.

Выпивъ чашу любви, я обратился въ сахаръ преданій.
Я—книга предопредѣленій, открывшая силу Божію.

196.

О, палачъ, продѣнь мою шею въ веревочную петлю!
Люди не знаютъ цѣны мнѣ, а я—драгоценный камень изъ этой копн.

Я хотѣлъ добиться полученія драгоценнаго камня восторга; все, что было у меня и чего не было, я пожертвовалъ для этого.

Этотъ Махмудъ-ханъ сталъ моимъ убійцей, а я—Каусаръ изъ рая*).

Отъ сильной любви тѣло мое одѣлось въ трауръ.

Ты сгоришь, Гавріилъ, уходи, потому что я—пророкъ любви.

Я ступилъ на путь любви и сгорѣли подошвы моихъ ногъ.

Не осуждайте меня, я—одинъ изъ этихъ сгорѣвшихъ.

Подобно Іисусу—я холостъ; подобно Моисею я—другъ свѣта Божія.

Я—мечъ, данный Мухаммадомъ въ руки Алія.

Въ моей душѣ потопъ, которому позавидовалъ бы самъ Ной.

Я—уголь, сгорѣвшій отъ искры адскаго огня.

Слова этого Машраба всегда означаютъ «кромя Бога».

Я—буква, находящаяся между Ля и Илля**).

Сказавъ эти слова, Ша Машрабъ произнесъ слѣдующую газаль:

197.

Приди, о, душа моя, сегодня, будь мужественна; мы вступаемъ на желанный путь.

Я не знаю, что за испытаніе предстоитъ мнѣ сегодня.

Если у человѣка въ глазахъ нѣтъ слезъ,—не интересуйся его жизнью.

Жизнь такого человѣка прошла безъ пользы, онъ не принятъ Богомъ благосклонно.

Спроси о страданіяхъ у людей, съ самаго сотворенія міра усвоившихъ наслажденіе.

Разумѣется, счастливъ тотъ, кто пилъ райскій напитокъ.

У всякаго, кто не вѣруетъ въ предопредѣленіе, безъ сомнѣнія нѣтъ вовсе вѣры.

*) Райская рѣка.

**) Это синонимъ уничтоженія, потому что между Ля и Илля въ фразѣ „Нѣтъ Бога, кромя Бога“ нѣтъ никакой буквы.

Не вѣрующій въ слово «предопредѣленіе» принадлежитъ къ числу отверженныхъ.

Машрабъ направляется къ твоему порогу, не лишай его надежды. Что за польза теперь отъ раскаянія: мой убійца Махмудъ въ Бахѣ.

2.

Несчастіе пришло ко мнѣ въ сопровожденіи ужаса.

Душа кричитъ «оставь», ударъ меча приблизился.

Ко мнѣ подошелъ палачъ, въ рукѣ его стальная сабля.

Меня уничтожилъ, приблизился обладающій острымъ мечомъ.

Если я уйду съ этими слѣдами ранъ, съ этимъ неудовольствіемъ, высказаннымъ моей душой,

Съ стремленіемъ къ моему кумиру, съ нестерпимой болью мученіе пришло.

198.

Я счастливъ буду умереть, если только хоть разъ мнѣ удастся ее увидѣть до тѣхъ поръ, пока я отдамъ душу.

Какое большое несчастье, которое пришло съ жестокостью.

Пришелъ конецъ болѣзни, они оба стали спутниками.

Несчастье и горе, соединившись вмѣстѣ, пришли ко мнѣ.

О, другъ Машрабъ, чего ты испугался и плачешь?

Всѣмъ влюбленнымъ всегда надлежитъ быть искренними и быть довольными всѣмъ, что съ ними будетъ.

Такъ говорилъ Ша Машрабъ, пока подходилъ къ висѣлицѣ, а подойдя къ ней, онъ сталъ*); кружась, обходить висѣлицу кругомъ, и прочелъ еще слѣдующую газаль:

Пусть плачетъ передъ другомъ каждый, у кого есть горе.

Пусть не хранитъ онъ у себя на душѣ раскаянія, пусть его изольетъ передъ другомъ.

Безпріютные соловьи со столами.

Постоянно плачутъ въ цвѣтушихъ садахъ.

Какъ Мансуръ Халладжъ, испившій чистый райскій напитокъ,

Кружась, я буду плакать въ этотъ мигъ передъ висѣлицей

Если бы каждый человѣкъ выпилъ хоть каплю этого напитка,

Онъ принесъ бы «Крѣпкому»**) свою жалобу на страшномъ судѣ.

*) Выраженіе радости и уваженія. Мусульмане совершаютъ обходы Каабы, своей религіозной святыни.

**) Одно изъ 99-ти прекрасныхъ именъ Божіихъ.

О, юродивый Машрабъ, не открывай своей тайны притворно благочестивымъ.

199.

Говори, говори, плачь ты передъ истинно-влюбленнымъ.

Далѣе, обращаясь къ палачамъ, Ша Машрабъ сказалъ: «подождите немного, мнѣ хочется на этомъ мѣстѣ прочесть два ракаата*) молитвы» и, быстро совершивъ омовеніе, прочелъ два ракаата намаза «шукуръ-вузу»**) и потомъ потихонько про себя произнесъ слѣдующую газаль:

Крѣпче подтяни свой поясъ, о, юродивый Машрабъ!

Наступилъ твой послѣдній часъ, переполнилась чаша твоей жизни.

Видѣлъ ли ты мужей, на пути любви положившихъ свою душу?

Ко всѣмъ несчастіямъ они относились, какъ влюбленные, не обращая вниманія.

Тотъ, кто знаетъ напередъ, когда къ нему придетъ смерть, это не влюбленный, друзья!

Никому неизвѣстенъ часъ смерти,—влюбленные все время находятся въ опьянѣніи.

О, юродивый Машрабъ, ступи мужественно на путь

И не страшись, подойдя подъ висѣлицу.

Окончивъ стихи, Ша Машрабъ сказалъ палачамъ: «о, палачи, вы намѣреваетесь воткнуть мнѣ мечъ, воткните же одинъ разъ, а не два». Ходжамъ Сахибъ-Кыранъ всегда предсказывалъ мнѣ, что я буду мученикомъ, онъ милостиво такъ говорилъ.

200.

Я тогда сказалъ ему: «о, господинъ, царь мой, если я долженъ умереть мученической смертью, то я надѣюсь получить отъ васъ ножъ любви». Сахибъ-Кыранъ тогда же далъ мнѣ свой ножъ. Я зашилъ этотъ ножъ между крышкой и подкладкой моего плаща и такъ носилъ его. Распорозъ свой плащъ, Ша Машрабъ досталъ ножикъ, съ почтеніемъ провелъ имъ по своимъ глазамъ и сказалъ: «Увы! Ходжамъ Сахибъ-Кыранъ, царь мой, говаривалъ: мой убійца въ Каратагъ, а ты примешь кончину въ Балхъ, отъ руки Махмудъ-хана». Послѣ этого въ честь своего наставника (Афакъ-ходжи) Ша Машрабъ прочелъ слѣдующую газаль:

*) Мусульманское молитвословіе дѣлится на части, называемыя „ракаатами“.

**) Особый видъ молитвы послѣ омовенія.

С т и х и:

О жизнь, я уничтожень горемъ, что мнѣ дѣлать?
Я потерялъ зерно жемчуга и, не находя его,—умеръ.

О, желающіе! Вамъ необходимо плакать и рыдать.

Я разлучился съ наставникомъ, нашедшимъ себѣ мѣсто на Аршѣ.

Я, убогій, буду плакать, пока не настанетъ и не пройдетъ день страшнаго суда.

Я разлучился съ милостивымъ повелителемъ своимъ, что мнѣ дѣлать?

201.

Прошелъ я съ горы на гору, прошелъ степи и пустыни и не нашелъ искомаго.

Я ожидалъ свиданія съ своимъ наставникомъ, что мнѣ дѣлать?
Увы, о Вседержитель, я не увидѣлъ этой луны.

Я разлучился съ потомкомъ пророка Сахибъ-Кыраномъ, что мнѣ дѣлать?

Трауръ по моему Сахибъ-Кырану жжетъ мое тѣло.

Я привелъ въ свидѣтели желтизну моего лица и слезы моихъ глазъ, что мнѣ дѣлать?

Въ честь его я читалъ коранъ отъ начала до конца и постоянно молился.

Я привелъ въ свидѣтели главы корана Ясинъ и Табаракъ*), что мнѣ дѣлать?

Вашъ дѣдушка Мухаммадъ плакалъ о горѣ своихъ послѣдователей.

О, муриды, вотъ почему рыданія для васъ составляютъ непремѣнную религіозную обязанность.

О, Машрабъ, въ день страшнаго суда ты, рыдая, разорви свой воротникъ.

Я разлучился съ Афакъ-Ходжей, какъ Ибни-Хашимъ разлучился съ Курейшитами**).

Сказавъ эти слова, Ша Машрабъ вдругъ, прыгнувъ, повисъ на висѣлицѣ, далъ свой ножъ въ руки палачу, а самъ прочелъ до самаго конца слѣдующую газаль:

Приди, мое тѣло, изрань себя ножомъ мученичества,

*) Ясинъ—гл. 36-я. Табаракъ—гл.—67-я.

** Подразумѣвается Мухаммадъ.

Стань мученикомъ Кербалы, какъ сынъ Алія Хусайнъ.

202.

Войдя въ это несчастное тѣло, душа моя не знала покоя.

Теперь по волѣ Бога наступилъ послѣдній часъ, будь довольна, душа моя.

О тѣло, освободи душу мою отъ тяжести страданій и отъ бренности этого міра.

Ищи только свиданія съ Богомъ, не обращай вниманія ни на что другое.

На пути Божіемъ скорѣй ударь меня мечомъ, о, палачъ!

Я помолюсь и за тебя, чтобы и ты, подобно мнѣ, сдѣлался Божіимъ человѣкомъ.

Удивительно прекрасная, благословенная смерть, какъ хорошо, что ты опустила на мою голову.

На пути Божіемъ не то что одной, а тысячью душъ слѣдуетъ пожертвовать.

Приди, о берушій душу*), не задерживай нимало мою смерть.

Я пожертвовалъ своей душой, а ты исполни повелѣніе Божіе.

Этотъ Машрабъ, добиваясь мученичества большаго, чѣмъ возможно въ этомъ мірѣ,

Когда настанетъ страшный судъ, принесетъ Богу свою жалобу.

Короче, Хазретъ Ша Машрабъ, когда прочелъ эту газаль, самъ приказалъ палачамъ подойти и казнить его. Палачъ, подойдя, ударилъ Хазретъ Ша Машраба ножомъ въ горло и Машрабъ отдалъ Богу душу.

203.

Послѣ этого, всѣ жители Балха, отъ мала до велика, одѣлись въ трауръ и стали плакать и рыдать о Машрабѣ.

Хазретъ Ша Машрабъ лежалъ прекрасный, какъ двухнедѣльный мѣсяцъ. Царь Махмудъ-ханъ, черезъ нѣсколько времени придя въ себя, сказалъ: «о, визири, гдѣ Ша Машрабъ?» «О, царь», отвѣчали визири: «вы только что приказали его казнить и его увели палачи». Царь Махмудъ-ханъ, въ отчаяніи хлопнувъ себя по колѣнамъ, вскричалъ: «увы, мнѣ! о, несправедливые, такъ-то вы служите мнѣ и желаете мнѣ добра. Небось, когда приходится казнить какого-нибудь вора, вы за него просите меня, почему же вы не просили меня за такого святого, скрывающаго свою святость, чтобы я про-

*) Ангель Израиль.

стиль его? Развѣ я не мигнулъ глазами, когда шутя говорилъ о его казни?» Махмудъ-ханъ, разгнѣвавшись, потребовалъ лошадь, сѣлъ на нее и быстро поѣхалъ на мѣсто казни, но здѣсь онъ узналъ, что Ша Машрабъ перешелъ уже въ лучший міръ. Махмудъ-ханъ, обращаясь къ палачамъ, сказалъ: «о, злодѣи, развѣ не мигнулъ я глазами, желая показать, что это только шутка, когда приказывалъ вамъ казнить Машраба?»

«Мы не знали, что вы мигаете глазами»,—отвѣчали палачи:

204.

«мы—не надѣвали петли на шею Машраба, а онъ самъ вдругъ, подпрыгнувъ, повисъ на висѣлицѣ и еще у него самого былъ ножъ, онъ далъ его намъ и приказалъ ударить его этимъ ножомъ. Мы этимъ ножомъ только разъ его ударили, а вторичнаго удара не наносили». Послѣ этого царь Махмудъ-ханъ въ отчаяніи вздыхалъ и охалъ, что такого тайнаго святого, не зная ему цѣны, нечаянно погубилъ. Онъ плакалъ, какъ дождевое облако лѣтомъ и приказалъ похоронить благословенное тѣло Хазретъ Ша Машраба. Исполнилось три дня по смерти Хазретъ Ша Машраба, а на четвертый день, когда Махмудъ-ханъ лежалъ у себя дома и спалъ, ему послышался голосъ извнѣ: «возмездіе неустранимо, о, Махмудъ, бѣги!» Не успѣлъ еще Махмудъ-ханъ выбѣжать за дверь, какъ потолокъ зданія, гдѣ онъ находился, обрушился и Махмудъ-ханъ погибъ.

На седьмой день по кончинѣ Машраба въ гор. Балхъ пришло девять каляндарей, распѣвая талкынѣ. Визири Махмудъ-хана, услышавъ о приходѣ этихъ каляндарей, вышли къ нимъ навстрѣчу и спросили, откуда они пришли. Каляндари отвѣчали, что они идутъ

205.

изъ Мекки, а въ настоящее время идутъ изъ Герата. Визири сказали: «о, каляндари! намъ всевышній Богъ послалъ птицу шункаръ*), онъ былъ тайный святой, а мы не знали объ этомъ. Царь намъ приказалъ его казнить, а потомъ и самъ Махмудъ-ханъ тоже умеръ». Каляндаръ сказалъ: «пророкъ Божій говорилъ: лжецы не принадлежатъ къ числу моихъ послѣдователей. Ты лжешь, мы видѣли своими глазами Машраба въ пустынѣ Гератской, у него на спинѣ саванъ, за нимъ слѣдуетъ собака и они вмѣстѣ идутъ въ Мекку». Визирь, сѣвъ на лошадь, поѣхалъ къ могилѣ Ша Машраба, открылъ ее и увидѣлъ, что со стороны кыблы одна дверь своить открытая,

*) Рѣдкая бѣлая птица, сильнѣе орла.

а внутри нѣтъ ни тѣла, ни савана, ничего нѣтъ. Визирь, зарыдавъ, снова закрылъ могилу и, читая «такбиръ», возвратился. Въ ту-же ночь визирь этотъ видѣлъ во снѣ, что Ша Машрабъ сказалъ ему: «о, визирь Махмудъ-хана, я возвратился изъ Мекки, совершивъ поклоненіе и пророкъ Божій назначилъ мнѣ лежать въ мѣстности «Ишканмишъ»*), перенесите мою гробницу въ это мѣсто». Визирь пошелъ утромъ, открылъ гробницу и посмотрѣлъ внутрь; оказалось, что благословенное тѣло Хазретъ Ша Машраба лежитъ въ могилѣ. Послѣ этого визири перенесли гробницу Ша Машраба въ Ишканмишъ и тамъ вновь погребли Ша Машраба, такъ что могила его находится въ Ишканмишѣ.

Богъ знаетъ лучше!

Книга окончена съ соизволенія Божія, слава Богу, который есть и начало и конецъ.

Всякаго прочитавшаго книгу я прошу помолиться за меня, потому что я грѣшный рабъ. Совершилось съ соизволенія вѣчно бодравующаго Бога.

Эта книга окончена въ среду.

К О Н Е Ц Ъ.

Въ заключеніе позволю себѣ пояснить, что разсмотрѣніе многихъ стиховъ жизнеописанія Дивана-и-Машраба на персидскомъ и тюркскомъ нарѣчій приводитъ читателя къ убѣжденію въ коллективной работѣ надъ этимъ сборникомъ многихъ авторовъ, въ разное время. Одни сборники полнѣе, другіе сокращеннѣе, но всѣ версіи жизнеописанія разнятся только въ числѣ стиховъ и ихъ обработкѣ. Главная мысль,—смыслъ личности Машраба, какъ протестанта противъ слѣпого поклоненія ритуалу и схоластикѣ, удержана во всѣхъ сборникахъ.

Вездѣ Машрабъ напоминаетъ нашихъ юродивыхъ, отрекшихся отъ всего мірскаго, забывшихъ вслѣдствіе этого страхъ передъ людьми, сдѣлавшимися истинно свободными и свободомыслящими.

Рѣзкій контрастъ между смѣлыми рѣчами Машраба и низкопоклонствомъ муллъ—законовѣдовъ объясняетъ широкую популярность Машраба въ средѣ простого народа.

Н. С. Лыкошихъ.

Ходжентъ.
31 декабря 1910 г.

**) Урочище близъ Балха.